VENEVITINOV, M.A. Russkie v Gollandii.
Velikoe posol'stro 1697 - 1698 g. 1897.

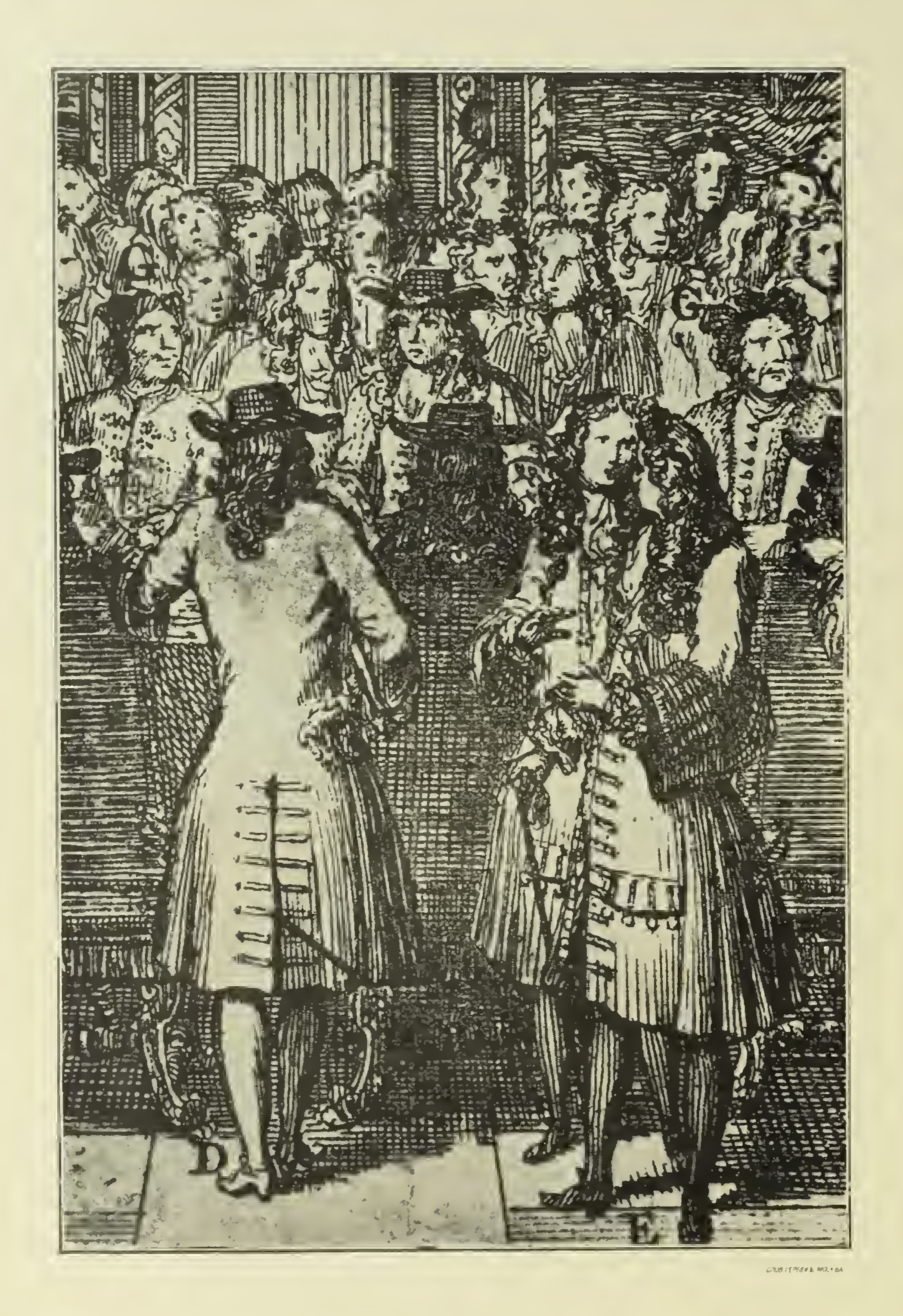
М. А. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

РУССКІЕ ВЪ ГОЛЛАНДІИ

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО 1697—1698 Г.

МОСКВА.
Типографія и Словолитня О. О. Гербека.
1897.

1.



ГААГА

Русскіе послы на аудіенціи.

М. А. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

РУССКІЕ ВЪ ГОЛЛАНДІИ

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО 1697—1698 Г.

МОСКВА.
Типографія и Словолитня О. О. Гербека.
1897.

Дозволено Цензурою. Москва, Августа 4 дня 1895 года.

Въ 1890 г. въ Амстердамѣ мы имѣли случай пріобрѣсти у Фредерика Мюллеръ и К⁰ небольшую брошюрку, заинтересовавшую насъ своимъ заглавіемъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ посѣщенію Голландіи Петромъ Великимъ. Въ послѣдствіи мы убѣдились въ значеніи нашей покупки, указанной Каталогомъ Russica въ числѣ рѣдкостей Императорской Публичной Библіотеки въ С:Петербургѣ и, какъ оказалось по справкамъ, не обратившей на себя достаточнаго вниманія русскихъ историковъ и біографовъ перваго русскаго императора.

Въ видахъ ближайшаго ознакомленія русской исторической науки съ нашимъ пріобрѣтеніемъ, мы занялись переводомъ Рѣчи Меермана о первомъ путешествіи Петра Великаго, преимущественно въ Голландію съ французскаго на русскій языкъ, съ цѣлью помѣстить нашъ трудъ въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ. Но простой переводъ не удовлетворилъ нашего вниманія къ этой интересной книжкѣ: мы нашли нужнымъ провѣрить сообщаемые ея авторомъ факты по даннымъ русской литературы о Петрѣ Великомъ и преимущественно по документамъ великаго посольства 1697—1698 гг., напечатаннымъ въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Относящіеся къ нашей задачѣ VIII и IX томы этого сборника документовъ Посольскаго Приказа, изданные по Высочайшему повелѣнію Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, вышли въ свѣтъ въ 1867 и 1868 годахъ, то есть чрезъ десять лѣтъ послѣ единственнаго капитальнаго сочиненія, посвященнаго Устряловымъ подробной исторіи Петра Великаго. Сравнивъ разсказъ Устрялова о великомъ посольствѣ съ его статейными списками и расходными книгами, мы нашли, что авторъ Исторіи Царствованія Петра Великаго далеко не вполнѣ изчерпалъ любопытное содержаніе названныхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался въ подлинныхъ рукописяхъ.

Послуживъ къ расширенію предѣловъ нашей первоначальной задачи, взаимное сличеніе русскихъ и голландскихъ источниковъ

по исторіи пребыванія Русскаго посольства въ Голландіи вовлекло насъ въ дальнѣйшія розысканія о нашемъ предметѣ и побудило насъ придать нашему труду характеръ юбилейнаго напоминанія о событіяхъ, случившихся ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ. Послѣднее соображеніе тѣмъ болѣе опредѣлило конечную цѣль нашей задачи, что сообщаемые нами факты пріобрѣтаютъ значеніе яркой иллюстраціи тѣхъ результатовъ, которыхъ достигло развитіе Россіи въ теченіе двухъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ описываемой эпохи. Юбилейное значеніе нашего труда поможетъ намъ найти въ глазахъ читателей хотя нѣкоторое оправданіе въ возможныхъ ошибкахъ и въ недостаточной полнотѣ матеріала. Эти недостатки неизбѣжно сопряжены со всякимъ, пріуроченнымъ къ извѣстному сроку и спѣшнымъ, трудомъ.

Счастливая случайность, позволившая намъ ознакомиться въ подлинномъ голландскомъ текстѣ съ нѣкоторыми любопытными изданіями, относящимися къ занимающему насъ предмету, дала намъ возможность приложить къ нашей книгѣ нѣсколько изображеній лицъ, мѣстностей и событій, которыми русская историческая литература о посѣщеніи Петромъ Великимъ Голландіи воспользовалась съ недостаточною полнотою или же не вполнѣ точно.

Рѣдкость нѣкоторыхъ нашихъ печатныхъ источниковъ заставила насъ искать ихъ въ библіотекахъ Императорской Академіи Наукъ, Императорской Публичной и въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Мы съ благодарностью называемъ эти учрежденія, разрѣшившія намъ ближайшій доступъ къ своимъ богатымъ собраніямъ книгъ и рисунковъ. Намъ особенно пріятно помянуть покойнаго Барона Ѳ. А. Бюлера и выразить нашу глубокую признательность А. Ѳ. Бычкову, Л. Н. Майкову, А. А. Кунику, Вл. В. Стасову, К. Ф. Феттерлейну, В. П. Ламбину и П. А. Соколовскому. Любезному содѣйствію С. В. Ярцева обязаны мы нѣкоторыми справками изъ книгъ Академической и Публичной Библіотекъ, а фотографу С.-Петербургской Судебной Палаты А. Н. Малевинскому прекрасными фотографіями съ старинныхъ гравюръ, воспроизведенныхъ подъ №№ 6—9. Фирма Шереръ и Набгольцъ сняла для насъ съ подлинной гравюры увеличенную фотографическую копію, послужившую для рисунка № 1, который далъ намъ возможность получить неизвѣстное до сихъ поръ изображеніе Пр. Б. Возницына.

М. Веневитиновъ.

Москва, 20 Ноября 1896 г.

ЛИТЕРАТУРА ПРЕДМЕТА

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, ч. I, С.-Пб., 1890.

Архивъ русскій, изд. П. И. Бартеньева (см. Толстой).

Горный журналъ, 1844 г. (см. Чистяковъ).

Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. Н. Новикова (см. Шереметевъ).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (см. Шмурло).

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (см. Д. Прозоровскій).

Московскій Вѣстникъ 1846 г., изд. М. П. Погодина (см. Записная Книжка).

Отечественныя Записки 1846 г. (см. К—въ).

Русская Старина, изд. М. И. Семевскаго (см. Горбуновъ).

Чтенія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (см. Ключевскій).

Памятники Дипломатическихъ Сношеній древней Россіи съ державами иностранными, изд. II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, т. VIII и IX, С.-Пб., 1867 и 1868[1]).

Полное Собраніе Законовъ.

Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ, изданіе Археографической Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. IV, С.-Пб., 1893.

Путеводитель по Дашковскому Собранію изображеній русскихъ дѣятелей, изданіе Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Москва, 1882.

Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 годъ, изданіе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Москва, ч. I, 1894 г. и ч. II, 1896 г.

Брикнеръ, Исторія Петра Великаго, изд. А. С. Суворина, С.-Пб., 1882 г.

Воиновъ, А., Похвальное слово императору Петру Великому, Москва, 1807.

Голицынъ, князь Н. Н., Родъ князей Голицыныхъ, т. I, С.-Пб., 1892.

Горбуновъ, И. Ѳ., Журналъ, како шествіе было его величества государя Петра Великаго (Русская Старина, 1879 г., т. XXV).

Елагинъ, Исторія Русскаго флота въ періодъ Азовскій, С.-Пб., 1864 г.

Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы и т. д., на иждивеніе П. Б. издано въ С.-Пбургѣ, 1788.

Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы и т. д. (Московскій Вѣстникъ, издав. Погодинымъ, 1846, ч. VI).

К—въ, кн. Бл., Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 1698 гг. (Отечественныя Записки 1846 г., № VIII).

Ключевскій, В. О., Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему (Чтенія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1884 г. и отдѣльно).

Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в., С.-Пб., 1888.

Милюковъ, П., Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, С.-Пб., 1896 г.

Минцловъ (см. далѣе въ спискѣ иноязычныхъ сочиненій).

Пекарскій, Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ I, С.-Пб., 1862.

Прозоровскій, Д., Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія (Записки Имп. Р. Археологическаго Общества, т. XII, С.-Пб., 1865).

Ровинскій, Д. А., Матеріалы для Русской Иконографіи.

Ровинскій, Д. А., Подробный Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ, С.-Пб., 1887.

---

[1]) Ссылки на IX томъ этого изданія приводятся нами подъ заглавіемъ Расходныхъ книгъ посольства.

Соловьевъ, С. М., Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изданіе Товарищества, «Общественная Польза».

Соловьевъ, С. М., Публичныя чтенія о Петрѣ Великовъ (Сочиненія С. М. Соловьева, С.-Пб., 1882).

Толстой П. А., стольникъ, Путешествіе (по Европѣ) 1697—1699 г. (Русскій Архивъ, 1888 г.).

Устряловъ, Исторія царствованія Петра Великаго, т. I—III, С.-Пб., 1858 г.

Чистяковъ, Обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи съ половины XVII в. по 1844 г. (Горный журналъ, 1844, № II).

Шереметевъ, гр. Б. П., Путешествіе.... въ Европейскія государства, въ Краковъ, въ Вѣну, въ Венецію, въ Римъ и на Малтійскій островъ, Москва, 1773.

Шереметевъ, Б. П., Статейный списокъ посольства въ Краковъ, Венецію, Римъ и Мальту въ 7205 (1697 г.), (Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. Н. Новиковымъ, изданіе II, ч. V, М. 1788).

Шмурло, Петръ Великій въ русской литературѣ, С.-Пб., 1889 г. (Оттискъ изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Шодуаръ, баронъ де, Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ, переводъ В. А., С.-Пб., 1838.

Штелинъ, Собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, Москва, 1801.

Ausführlicher Bericht von alle dem was bey Einholung und Aufnehmung der Moscowitischen Gross-Gesandschafft vorgegangen, welche die itzt regierende czarische Majestät Peter Alexiewitz an Seine churfürstliche Durchlaut zu Brandenburg Frederik den Dritten abgeschiecket, geschehen zu Königsberg in Preussen, 1697 (Вышло одновременно въ двухъ изданіяхъ, in fol. и in 4°).

Barbier, Ant. Alex., Dictionnaire des ouvrages anonymes, Paris, 1874.

Bergengrün, D-r A., Die grosse Moskovitische Ambassade von 1697 in Livland, Riga, 1892.

Beschryving van het Prachtig vuurwerk, 't geen door ordre der Ed. Magistraat van de Stad Amsterdam op den 29sten Augustus 1697, ter eere van het Groot Muskovisch Gesantschap aangesteeken is.—Description de l'Admirable Feu d'Artifice que les Seigneurs de la Régence d'Amsterdam ont fait tirer à l'honneur de la Grande Ambassade de Moscovie, le 29 d'Aoust 1697.

Beschrijving van het Watervermaak, door order der Ed. Magistraat van de Stad Amsterdam, ter eere van het Groot Muskovisch Gezantschap, aangesteld op den eersten September 1697.

Biographie Universelle, Michaud, Paris et Leipzig.

Biographie (Nouvelle Générale), publiée par Firmin Didot frères, Paris, 1860.

Brückner, Kulturhistorische Studien. I, Die Russen im Auslande im XVII Jahrhundert. II, Die Ausländer in Russland im XVII Jahrhundert, Riga, 1878.

Brunet, J. Ch., Manuel du libraire. Paris, 1862.

Burnet, Gilb., History of his own time (1660—1713), London, 1734.

Catalogue de la section des Russica, S.-Pbourg, 1873 (Изданіе Императорской Публичной Библіотеки).

Fontenelle, Eloge du Czar Pierre I (Histoire de l'Académie des Sciences, année 1725, Amsterdam, chez Pierre Mortier, 1732).

Gebhard, J. F. junior, Het Leven van M-r Nicolaas Corneliszoon Witsen, Utrecht, 1881—1882.

Havart, Henry, Histoire de la peinture hollandaise (Bibliothéque de l'enseignement des beaux arts, Paris, maison Quantin).

Histoire de l'Academie des Sciences (см. Fontenelle).

Histoire de Guillaume III, roi de la Grande Bretagne, Amsterdam 1703; nouvelle édition augmentée, Amsterdam, 1721.

Histoire de Pierre I, surnommé le Grand (см. Mauvillon).

Klopman, Baron, Peters des Grossen Anwesenheit in Kurland in 1697 (Arbeiten der Kurländischen Gesellschafft für Litteratur und Kunst).

Kok, I., Vaterlandsch Woordenboek, Amsterdam, 1785—1799.

Lamberty, Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siécle. A la Haye, 1724.

Le Clerque, Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne, Paris, 1784.

S-t Martin, Vivien de, Géographie universelle. Paris, 1887.

(Mauvillon) Histoire de Pierre I, surnommé le Grand, Amsterdam, 1742.

Meerman, Comte Jean, Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand, principalement en Hollande, Paris, 1812.

Meyer's Conversations—Lexicon.

Mintzloff, Петръ Великій въ Иностранной Литературѣ (Изданіе Императорской Публичной Библіотеки), С.-Пб., 1872.
Moréri, Le Grand Dictionnaire Historique ou le mélange curieux de l'Histoire sacrée et prophane, 18-me édition, à Amsterdam, à Leyde, à la Haye, à Utrecht, 1740.
Motley, John, The history of the life of Peter I, Emperor of Russia, London, 1749.
Nestesuranoi, Baron Iwan Iwanowitsch (Rousset), Mémoires du regne de Pierre le Grand. Первое изданіе вышло въ Гаагѣ и Амстердамѣ въ 1725—1726. До 1740 года изданіе повторялось нѣсколько разъ и было переведено на другіе европейскіе языки.
Pierer, Universal-Lexicon, 3-te Ausgabe, Altenburg, 1845.
Posselt, Moritz, Der General und Admiral Franz Lefort, sein Leben und seine Zeit. Frankfurt am Main, 1866.
Riemer, Jacob de, Beschryving van 's Graven-Hage etc. Томъ I, въ двухъ частяхъ, напечатанъ въ Дельфтѣ въ 1730 г., томъ II—въ Гаагѣ въ 1739.
Rousset (его псевдонимъ см. подъ именемъ Nestesuranoi).
Scheltema, Jacobus, Peter de Groote, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam in 1697 en 1717, Amsterdam, 1814.
Scheltema, Jacobus, Rusland en de Nederlanden, beschouwd in derselver wederkeerige betrekkingen, Amsterdam, 1817—1819.
Scheltema, J., Anecdotes historiques sur Pierre le Grand et sur ses voyages en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717. Traduit par N. P. Mailman, Lausanne, 1842.
Staehlin, Jac., Anecdotes originales de Pierre le Grand, Strassbourg, 1787.
Verenet, George, Pierre le Grand en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717, Utrecht, 1865.
Wagenaar, Amsterdam in zyne opkomst etc., Amsterdam, 1760—1767.
Wagenaar, Vaterlandsche Historie, vervattende de Geschiedenissen der nu vereenigde Nederlanden, Amsterdam, 1795.
Witsen, Nicolaas, Aeloude en hedendagsche Scheepsbouw en Bestier, Amsterdam, 1671.
Witsen, Nicolaes, Noord en Ost Tartarye etc., 2 тома, Amsterdam, 1692; второе изданіе, менѣе рѣдкое, 1705.
Zedler, Grosses Universal-Lexicon. Band XIV, Leipzig und Halle, 1739.

РУССКІЙ ВЕЛЬМОЖА.

Русскіе въ Голландіи.

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО 1697—1698 гг.

Необычные для предшественниковъ Петра Великаго поводы, заставившіе его временно покинуть предѣлы отечества и отправиться за границу за сѣменами Европейскаго просвѣщенія, имѣли послѣдствіемъ два путешествія этого царя, изъ которыхъ въ первомъ, предпринятомъ въ 1697 году, особенно наглядно и ярко, помимо реформаторскаго значенія задачъ этого государя, отразилось различіе въ условіяхъ бытовой жизни между древней до-Петровской Русью и уже просвѣщенными нравами Западной Европы. Русская историческая наука въ своихъ описаніяхъ преобразовательныхъ подвиговъ великаго государя обращала преимущественное вниманіе на изслѣдованіе личныхъ задачъ и трудовъ Петра въ этомъ направленіи и, занимаясь его пребываніемъ за границей, дѣлала личность самого царя, такъ сказать, центромъ своихъ наблюденій. Такимъ характеромъ отличаются страницы, посвященныя путешествіямъ Петра, въ трудахъ Устрялова, Соловьева, Брикнера и другихъ ученыхъ, останавливающихся на выясненіи того взаимнаго впечатлѣнія, которое произвели Петръ на Европу и Европа на Петра. Но, при всей несомнѣнной важности такой задачи для историковъ, личность самого Петра Великаго нельзя вполнѣ считать всецѣлымъ воплощеніемъ, безусловнымъ представителемъ той древне-русской культуры, того Московскаго быта, непосредственное столкновеніе съ которыми такъ удивило и поразило нашихъ западныхъ сосѣдей при близкомъ знакомствѣ не только съ самимъ царемъ, но и со всѣми спутниками его путешествія. Не забудемъ, что Петръ, еще съ самаго дѣтства, еще не выѣзжая изъ Россіи, подпалъ вліянію жителей Нѣмецкой слободы и другихъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ искать счастія въ нашемъ отечествѣ, что онъ уже успѣлъ, такъ сказать, платонически оцѣнить блага Европейской образованности по тѣмъ образчикамъ и представителямъ ея, съ которыми онъ сталкивался въ своихъ забавахъ съ потѣшными, въ своихъ катаніяхъ на лодкѣ по Переяславскому озеру, въ своихъ Кожуховскихъ,

Архангельскомъ и первомъ Азовскомъ походахъ. При всей природной грубости и оригинальности, которая производила на утонченныхъ жителей Германіи, Голландіи, Франціи и Англіи, впечатлѣніе какого-то дикаря, русскій царь все таки былъ еще сравнительно менѣе удивительною рѣдкостію, менѣе страшнымъ чудовищемъ, чѣмъ лица его свиты, лишь по государеву приказу, иногда на склонѣ лѣтъ, вдругъ дѣлавшіеся невольными поклонниками Европы.

Большинство современныхъ иностранныхъ свидѣтельствъ о Петрѣ Великомъ страдаетъ тѣмъ-же недостаткомъ, который мы находимъ въ трудахъ вышепоименованныхъ русскихъ историковъ. Выходящая изъ предѣловъ сравненія личность Петра до того подѣйствовала на воображеніе Западной Европы, что ея писатели также сдѣлали его главнымъ объэктомъ своихъ разсказовъ въ сочиненіяхъ и мемуарахъ, касающихся его двукратнаго пребыванія за границею. Личныя задачи великаго реформатора Россіи и глубина его затѣй поглотили чуть-ли не все вниманіе историковъ и не оставили достаточно мѣста для выясненія болѣе мелкихъ подробностей, знаменующихъ собою встрѣчу двухъ цивилизацій въ лицѣ ихъ представителей, менѣе выдающихся по своему общественному положенію, но за то рѣзче выдѣляющихъ культурныя различія въ области быта, нравовъ и міросозерцанія. Вообще, до самого послѣдняго времени, русская историческая наука болѣе занималась разъясненіемъ вопроса о томъ, что именно сдѣлалъ Петръ Великій лично для Россіи, чѣмъ задавала себѣ задачу, какъ, чѣмъ и въ чемъ отразилась его реформа на народной жизни Россіи, на нравахъ, бытѣ, складѣ, стремленіяхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ силахъ различныхъ слоевъ нашего государства. Славянофильская доктрина, правда, отчасти коснулась этой области, но болѣе перомъ теоретика, философа-систематика, чѣмъ орудіемъ ученаго аналитика, который не довольствуется поверхностными умозаключеніями, а доходитъ до истины путемъ безпристрастнаго изученія самыхъ мельчайшихъ фактовъ, независимо отъ тѣхъ выводовъ, которыхъ желало-бы достигнуть нѣсколько одностороннее, предвзятое направленіе мысли.

Тѣмъ болѣе должны мы цѣнить такіе историческіе источники, которые даютъ намъ возможность выполнить указанный пробѣлъ и заставляютъ насъ остановиться на подробностяхъ, опредѣляющихъ внутренній характеръ двухъ культуръ, когда эти культуры взаимно сталкиваются и производятъ другъ на друга первое впечатлѣніе. А сужденіе по первому впечатлѣнію иногда, какъ извѣстно, вліяетъ, и очень сильно вліяетъ на дальнѣйшія сношенія и на плоды знакомства съ новыми лицами,

новыми условіями и задачами жизни, особенно когда эти условія и задачи представляютъ рѣзкія отличія съ тѣмъ, что господствуетъ у себя дома.

Выше изложенныя общія основанія примѣняются въ особенности къ подробностямъ перваго заграничнаго путешествія Петра Великаго, когда онъ оставался, такъ сказать, въ тѣни своего собственнаго посольства, принимая въ немъ участіе въ качествѣ десятника, то есть начальника надъ частью отправлявшихся въ науку солдатъ Преображенскаго полка. Собственно говоря, посѣтивъ въ 1697 и 1698 годахъ Германію, Голландію и Англію, Петръ съиградъ грандіозную комедію, подъ невидимкою incognito освободивъ себя отъ царственныхъ обязанностей и возложивъ на своихъ представителей всю докуку оффиціальныхъ сношеній съ иностранными государствами и дворами. Но, комедія эта была разъиграна далеко не послѣдовательно и, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, Петръ бросалъ свой псевдонимъ Петра Михайлова и вступалъ въ роль государя Россіи всегда, когда это казалось ему нужнымъ, несмотря на все смущеніе, которое такія произвольныя выходки самодержавнаго царя вызывали въ строго опредѣленныхъ церемоніалахъ, тщательно оберегавшихъ достоинство русскихъ пословъ и обезпечивавшихъ характеръ почвы въ ихъ сношеніяхъ съ иностранными государствами и дворами. Однако такія выходки, самый произволъ Петра въ соблюденіи принятыхъ имъ на себя положенія и обязанностей, являются бытовою чертою Московскихъ нравовъ того времени и рисуютъ намъ эти нравы яркими, неподдѣльными красками.

Петръ I былъ первымъ русскимъ царемъ, рѣшившимся временно, для своихъ особенныхъ цѣлей, покинуть предѣлы государства. Первые Романовы не ѣздили за границу, но все таки не отказывались отъ Европейскаго вліянія, выписывая иностранцевъ къ себѣ на службу. Дипломатическія сношенія съ Европейскими государствами установились у насъ еще въ эпоху Іоанновъ, даже раньше, особенно развились при Іоаннѣ Грозномъ и уже въ XVI вѣкѣ сдѣлались явленіемъ обычнымъ, постояннымъ, вызвавшимъ существованіе спеціальнаго учрежденія, называвшагося Посольскимъ Приказомъ [1]). Дѣятельность этого Приказа, отражавшая въ себѣ древне-русскую культуру и весь Московскій государственный складъ и строй, съ теченіемъ времени выработала характерныя традиціи и рутину, коренившіяся еще въ дипломатическихъ преданіяхъ XV и XVI вѣковъ. Эти традиціи и рутина выразились и въ подробностяхъ великаго

---

[1]) Въ 1556 году существовавшая уже тогда Посольская Изба была переименована въ Посольскій Приказъ (Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в., С.-Пб. 1888 г., стр. 62).

русскаго посольства, отправленнаго въ 1697 году «въ окрестныя государства, къ Цесарю, къ Аглинскому, да къ Дацкому королямъ, къ Папѣ Римскому, къ Голландскимъ Статамъ и къ курфистру Бранденбурскому и въ Венецію». Петръ Великій въ то время еще не успѣлъ установить новыхъ формъ сношеній съ иностранными державами, которыя выработалъ уже въ послѣдствіи, и отправилъ своихъ первыхъ пословъ за границу согласно преданіямъ и практикѣ, унаслѣдованнымъ отъ своихъ предшественниковъ на русскомъ престолѣ. Такимъ образомъ самая форма первыхъ дипломатическихъ сношеній Петра Великаго съ Западною Европою отвѣчала еще обычаямъ прежней Руси и вполнѣ выражала собою условія Московскаго быта; а всѣ подробности посольства, касающіяся участія въ немъ самого царя и его личной дѣятельности, указываютъ лишь на попытки реформатора Руси стряхнуть съ себя иго исконной рутины и его пылкія, хотя не всегда удачныя, стремленія въ поискахъ за новыми формами. Это обстоятельство тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить, что оно служитъ оправданіемъ той задачи, которую мы предприняли въ настоящемъ трудѣ, желая нарисовать картину не столько пребыванія самого Петра Великаго въ Голландіи, сколько перваго непосредственнаго столкновенія двухъ міровъ, русскаго и западноевропейскаго.

Для исполненія такой задачи мы рѣшились воспользоваться двумя любопытными матеріалами. Первый заключается въ статейныхъ спискахъ Посольскаго Приказа, сохранившихъ для насъ оффиціальныя русскія данныя о посольствѣ 1697—1698 годовъ и напечатанныхъ въ VIII томѣ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней России съ державами иностранными, изданномъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ 1867 году въ Петербургѣ [1]. Этотъ документъ, которымъ мы будемъ преимущественно пользоваться помимо необходимыхъ ссылокъ на другіе источники, является почти что ежедневною, полною и точною записью всѣхъ дѣйствій и всѣхъ актовъ посольства. Форма статейныхъ списковъ, ихъ содержаніе, самый языкъ, которымъ они писаны, вполнѣ и всецѣло отражаютъ въ себѣ исконныя рутинныя преданія Посольскаго Приказа и являются яркимъ образцомъ бытовыхъ склада и нравовъ до-Петровской Руси. Они послужатъ намъ яркимъ фономъ картины, которую мы дополнимъ обратной стороною медали, впечатлѣніями съ противоположной стороны, именно малоиз-

---

[1]) Устряловъ пользуется статейнымъ спискомъ отрывочно, приводя на него ссылки и выписывая изъ него отдѣльныя мѣста. Но нъ полномъ и послѣдонательномъ изложеніи этотъ дневникъ посольства не встрѣчается у историковъ Петра Великаго. Трудъ Устрялова вышелъ въ свѣтъ еще до изданія тома VIII Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній.

вѣстной брошюрой, случайно пріобрѣтенной нами въ Амстердамѣ. Брошюра эта, хотя и помѣщена въ Каталогѣ Russica Императорской Публичной Библіотеки, но не послужила трудамъ ни Устрялова, ни Соловьева и только Брикнеръ (Исторія Петра Великаго, стр. 214) всего однажды ссылается на нее въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, впрочемъ какъ на матеріалъ, которымъ онъ, повидимому, не воспользовался.

«Рѣчь по поводу перваго путешествія Петра Великаго, преимущественно въ Голландіи, соч. Ж. Меермана (Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand principalement en Hollande, par Mr. J. de Meerman, comte de l'Empire et senateur, à Paris, 1812)» — вотъ заглавіе этой небольшой книжки въ 79 страницъ въ малую осьмушку. Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію этого сочиненія, намъ надо сказать нѣсколько словъ о его авторѣ.

Глава I.

МЕЕРМАНЪ И ЕГО БРОШЮРА О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Въ числѣ почетныхъ и образованныхъ Голландскихъ семействъ существовала въ городѣ Гаагѣ фамилія Меермановъ (Meerman)[1]. У одного изъ членовъ этой фамиліи, барона Герарда (1722 † 1771), извѣстнаго математика и юриста, родился въ 1753 году сынъ Жанъ. Благодаря положенію, профессіи и средствамъ отца, между прочимъ владѣвшаго отличною библіотекою, мальчикъ получилъ съ раннихъ лѣтъ прекрасное воспитаніе, а унаслѣдованныя имъ способности были такъ блестящи, что уже на одиннадцатомъ году отъ рожденія онъ заявилъ себя переводомъ комедіи Мольера «Насильственный бракъ» (Le mariage forcé), напечатаннымъ въ 1764 г. въ Роттердамѣ. Раннее появленіе литературныхъ вкусовъ въ молодомъ Меерманѣ наложило отпечатокъ на всю дальнѣйшую его дѣятельность; онъ сдѣлался писателемъ въ области исторіи, путешествій и поэзіи. Два главные центра Голландіи, Амстердамъ и Гаага, издавна отличались пристрастіемъ ихъ жителей къ культурѣ и языку ихъ ближайшихъ сосѣдей. На этомъ основаніи Амстердамъ всегда тяготѣлъ къ Германіи и нѣмецкій языкъ господствуетъ въ этомъ городѣ преимущественно передъ другими иностранными. Въ Гаагѣ же наоборотъ соотвѣтственную роль играютъ французская культура и языкъ, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что сочиненія Жана Меермана писаны, какъ мы увидимъ далѣе, частью по голландски и частью по французски. Оба эти языка были ему одинаково удобны въ числѣ нѣсколькихъ остальныхъ, которые онъ зналъ кромѣ того. Но прежде, чѣмъ выступить на поприщѣ писателя, Меерманъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ на усовершенствованіе своихъ познаній въ университетахъ. Съ этою цѣлью онъ не ограничился пребываніемъ въ Лейденѣ, знаменитомъ университетѣ Голландіи, но посѣтилъ кромѣ того Германію, гдѣ начиная съ 15-лѣтняго возраста слушалъ профессоровъ

---

[1]) Вѣроятно къ той же фамиліи принадлежалъ и Гильомъ Меерманъ, уроженецъ Дельфта, морякъ и писатель, жившій въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. (Michaud, Biographie universelle, томъ 27).

Лейпцига и Геттингена. Получивъ въ 1774 году въ Лейпцигѣ дипломъ доктора правъ и вернувшись въ 1792 г. на родину, Мееманъ засталъ тамъ сильное умственное движенiе, возбужденное идеями революцiи и военными успѣхами французской республики. Но, принадлежа по рожденiю и по убѣжденiямъ къ партiи аристократовъ, онъ поспѣшилъ выразить свои политическiе взгляды въ брошюрѣ, въ которой громилъ республиканскiя учрежденiя и формы правленiя. Брошюра эта явилась критикою того порядка вещей, который только что передъ тѣмъ установился во Францiи, и была вызвана первыми послѣдствiями военныхъ успѣховъ республики. Побѣдоносныя французскiя войска какъ разъ скоро затѣмъ вступили въ Голландiю и авторъ брошюры, во избѣжанiе вѣроятныхъ непрiятностей, предпочелъ покинуть отечество. Во всей Западной и Южной Европѣ кипѣла въ это время война и Мееманъ рѣшился отправиться въ страны Сѣвера, еще наслаждавшiяся благами мира. Между 1797 и 1800 годами онъ посѣтилъ Англiю, Данiю, Швецiю, Норвегiю, Финляндiю и Россiю. Съ Францiей, Германiей и Италiей онъ имѣлъ также случай близко познакомиться, побывавъ въ этихъ странахъ еще до открытiя военныхъ дѣйствiй. Плодомъ его университетскихъ занятiй и его путешествiй явился цѣлый рядъ сочиненiй на голландскомъ и французскомъ языкахъ. Мееманъ началъ печатать свои произведенiя съ 1784 года. Первымъ изъ нихъ, особенно значительнымъ, была исторiя Вильгельма Голландскаго въ пяти томахъ, вышедшая въ Гаагѣ въ 1783—1785 годахъ. Затѣмъ, въ 1787—1794 гг. появилась книга въ шести частяхъ, посвященная изложенiю взаимныхъ международныхъ сношенiй Великобританiи, Ирландiи, Австрiи, Пруссiи и Сицилiи. Путевыя впечатлѣнiя изъ Скандинавiи и Россiи вошли въ составъ «Путешествiя по Сѣверной и Сѣверо-Восточной Европѣ», написаннаго на голландскомъ языкѣ въ шести томахъ, напечатанныхъ въ 1805—1806 годахъ. Къ 1812 году относится интересующая насъ брошюра о путешествiи Петра Великаго въ Голландiю. Изъ поэтическихъ произведенiй Меемана, употреблявшаго въ голландскихъ стихахъ исключительно гекзаметръ, упомянемъ о Месiадѣ Клопштока, переведенной на голландскiй языкъ (Гаага, 1803—1815 г., четыре тома) и о поэмѣ «Монмартръ», первоначально написанной по голландски и затѣмъ переведенной прозою на французскiй языкъ. Поэма эта, изданная въ четвертку и напечатанная въ 1812 году въ Парижѣ, полна самой низкой лести по адресу Наполеона I.

Несмотря на свой аристократическiй патрiотизмъ и на рѣзкость, съ которою Мееманъ встрѣтилъ установленiе республиканскаго образа правленiя во Францiи, нельзя признать за нимъ послѣдовательности и

стойкости въ политическихъ убѣжденіяхъ. Недостатокъ этотъ объясняется его тщеславнымъ желаніемъ играть роль въ судьбѣ своего отечества, мирясь со всѣми ея превратностями. Онъ всегда страдалъ слабостью домогаться политическаго значенія, не разбирая для этого средствъ и, если до извѣстной степени достигъ цѣли своего тщеславія, то нельзя признать, чтобы этотъ успѣхъ былъ особенно почетенъ, такъ какъ ему приходилось нерѣдко жертвовать своими убѣжденіями. Несмотря на свой отказъ служить Батавской республикѣ, онъ однако принялъ должность въ администраціи Голландіи по установленіи въ ней Наполеономъ королевской власти и на границѣ государства, созданнаго произволомъ Французовъ, участвовалъ въ оффиціальной встрѣчѣ короля Людовика Бонапарта. Новый король пожаловалъ Меермана званіемъ камергера и должностію директора наукъ и искусствъ. По присоединеніи Голландіи къ Франціи этотъ ловкій писатель, но далеко не стойкій патріотъ, былъ возведенъ въ графское достоинство французской имперіи и попалъ въ число шести депутатовъ отъ Голландіи, засѣдавшихъ, въ качествѣ сенаторовъ, въ императорскомъ парламентѣ въ Парижѣ. Съ этихъ поръ онъ утратилъ послѣдніе слѣды своей юношеской самостоятельности, независимости убѣжденій и даже собственнаго достоинства, что наглядно доказывается содержаніемъ его поэмы «Монмартръ». Меерманъ умеръ въ Гаагѣ въ 1815 г. Его сочиненія несомнѣнно болѣе, чѣмъ его политическая карьера, заслужили вниманіе нѣкоего Ватера (Te Water), который написалъ біографію Меермана, уже въ 1816 г. появившуюся на голландскомъ языкѣ въ Лейденѣ. Мы не знакомы съ этою біографіею, но свѣдѣнія объ авторѣ интересующей насъ Рѣчи про Петра Великаго, которыя мы заимствуемъ изъ французскихъ источниковъ [1], свидѣтельствуютъ, что сами соотечественники Наполеона и Людовика Бонапартовъ не особенно высоко цѣнятъ политическую покладливость и шаткій патріотизмъ голландскаго аристократа, съумѣвшаго примириться со службою покорителямъ своей родины и даже достичь на ней титула графа.

Французскій текстъ «Рѣчи о первомъ путешествіи Петра Великаго, преимущественно въ Голландію», появился въ печати, какъ мы сказали выше, всего одинъ разъ въ Парижѣ въ 1812 г. [2] и, по свидѣтельству

---

[1]) Michaud, Biographie Universelle, Paris et Leipzig, томъ 27; Nouvelle Biographie Générale, publiée par Firmin Didot frères, Paris, 1860, томъ 35.

[2]) Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand, principalement en Hollande, par Mr. J. de Meerman, comte de l'Empire et senateur. A Paris chez Debure, père et fils, libraires de la Bibliothèque Imperiale, rue Serpente, 1812. Напечатано въ типографіи P. Didot l'aîné. 79 страницъ въ малую осьмушку. На стр. 80 (безъ помѣты) указаны двѣ неважныя опечатки.

только что упомянутыхъ біографическихъ словарей, не былъ переведенъ на другіе языки [1]). Однако, первоначально рѣчь эта была сказана по голландски, какъ о томъ говоритъ самъ Мeерманъ въ предисловіи къ своему сочиненію, предисловіи, которое мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь полностію, въ объясненіе поводовъ и способовъ составленія разбираемой брошюры и съ цѣлію опредѣлить источники, которыми авторъ воспользовался для своего труда.

«Эта рѣчь была произнесена въ началѣ прошлаго (т. е. 1811 года) по голландски въ двухъ обществахъ словестности (deux Sociétés littéraires), въ Гаагѣ и въ Лейденѣ. Я тогда-же бы напечаталъ ее, если-бы мнѣ, съ одной стороны, не помѣшала моя тяжкая болѣзнь и послѣдовавшій затѣмъ мой отъѣздъ въ Парижъ и если-бы, съ другой стороны, я не руководствовался желаніемъ дополнить мой трудъ новыми изслѣдованіями, даже включить въ него разсказъ и о второмъ путешествіи, совершенномъ спустя нѣсколько лѣтъ Петромъ Великимъ какъ въ Голландію, такъ и въ другія страны Европы. Но, узнавъ съ тѣхъ поръ отъ Г. Схельтемы, мироваго судьи въ Саардамѣ и очень извѣстнаго автора нѣсколькихъ сочиненій по голландской исторіи и литературѣ, что имъ собрано значительное количество матеріаловъ по общему намъ съ нимъ предмету изслѣдованій и что онъ надѣется обнародовать на двухъ языкахъ результаты своихъ розысканій, я почелъ излишнимъ увеличивать первоначальный объемъ моего сообщенія, а равно и откладывать до другаго времени его изданіе. Помимо главнѣйшихъ печатныхъ источниковъ по исторіи Россіи и кромѣ лучшихъ біографій Петра, которыя я имѣлъ подъ руками, я воспользовался для описанія этого перваго путешествія царя такими данными, почерпнутыми мною въ архивахъ Генеральныхъ Штатовъ (les régistres des Etats Généraux), которыя не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ оффиціальной достовѣрности (qui ne souffrent aucune contradiction). Я готовъ съ величайшимъ удовольствіемъ сообщить Г-ну Схельтема все, что по моему мнѣнію можетъ послужить цѣлямъ его задачи, задуманной болѣе широко, чѣмъ моя. Во всякомъ случаѣ его сочиненіе должно значительно выиграть въ своихъ достоинствахъ, благодаря пребыванію автора въ Саардамѣ, той самой деревнѣ, въ которой Петръ изучалъ искусство кораблестроенія. Тамъ, на мѣстѣ, легко собрать массу фактовъ, ускользнувшихъ отъ моего вниманія и исправить

---

[1]) Въ изданномъ Императорской Публичной Библіотекой каталогѣ Петръ Великій въ Иностранной Литературѣ, С.-Пб. 1872 г., ч. I, на стр. 237, встрѣчаемъ подъ № 10 слѣдующій отзывъ о брошюрѣ Меермана: «Голландскій подлинникъ никогда не былъ напечатанъ. Это серьозный трудъ, основанный авторомъ на документахъ архивовъ Генеральныхъ Штатовъ».

случайные промахи, возможные для меня вслѣдствіе не вполнѣ авторитетныхъ свидѣтельствъ тѣхъ писателей (de rectifier les erreurs dans lesquelles des écrivains mal instruits ont pu m'entrainer), къ которымъ я прибѣгалъ за разъясненіемъ нѣкоторыхъ данныхъ, почерпнутыхъ въ моемъ главномъ архивномъ матеріалѣ [1])».

Два главныхъ факта, устанавливаемыхъ предисловіемъ Меермана, именно, съ одной стороны, указаніе на государственные архивы Голландіи, какъ на источникъ его историческихъ свидѣтельствъ, а съ другой опредѣленіе отношенія его брошюры къ трудамъ Схельтемы,—служатъ вѣскимъ оправданіемъ того вниманія, которое заставило насъ остановиться на Рѣчи о первомъ путешествіи Петра Великаго. Документы названныхъ архивовъ изображаютъ намъ это путешествіе съ той точки зрѣнія, которая недостаточно затронута и вовсе не исчерпана историками Петра, именно со стороны впечатлѣнія, которое появленіе русскаго посольства въ Западной Европѣ должно было произвести на страны, рѣзко отличавшіяся своимъ культурнымъ, не останавливавшимся въ своемъ развитіи, складомъ отъ рутинной неподвижности пріемовъ Московской дипломатіи и Московскихъ нравовъ. Вся брошюра Меермана ярко рисуетъ намъ это впечатлѣніе. Содержаніе ея посвящено между прочимъ изложенію тѣхъ предварительныхъ мѣръ, которыми Голландцы должны были встрѣтить появленіе въ своей средѣ какихъ-то неизвѣстныхъ имъ дотолѣ полудикарей Востока. Взаимныя сношенія всѣхъ прочихъ дворовъ и государствъ Западной Европы уже выработали издавна международную дипломатическую практику и не могли усложнять новыми подробностями кодексъ церемоніяловъ и оффиціальныхъ условій встрѣчи, провода пословъ и т. п. Но, Русскіе являлись народомъ, которому имена Гуго Гроція, Пуффендорфа [2]) и другихъ свѣтилъ международнаго права едва-ли могли быть знакомы, а новизна почвы, обусловливающей взаимныя отношенія, вызывала въ головахъ голландскихъ государственныхъ людей особыя усилія для рѣшенія необычайныхъ задачъ дипломатическаго этикета. Трудность положенія еще болѣе усугублялась извѣстіемъ, что Петръ принимаетъ участіе въ своемъ собственномъ посольствѣ въ какомъ-то неясномъ и неопредѣленномъ качествѣ лица, неоффиціально принадлежавшаго къ составу посольской свиты. Такое новое, неукладывавшееся въ традиціонныя рамки условій incognito, положеніе совершенно смущало руководителей политики Генеральныхъ Штатовъ и они бы не знали вовсе,

---

[1]) Meerman, Discours, Préface, стр. 1—2.

[2]) Сочиненія этихъ ученыхъ были переведены на русскій языкъ лишь въ началѣ XVIII вѣка (Пекарскій, Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ I, СПб. 1862, т. I, стр. 211, 213, 325, 326; т. II, стр. 437).

что имъ слѣдуетъ дѣлать, какъ поступать въ подобномъ непредвидѣнномъ случаѣ, если-бы они не нашли исхода изъ своего тяжелаго положенія въ опытѣ сосѣднихъ государствъ, чрезъ которыя слѣдовало русское посольство по пути въ Голландію. Рига, Митава, Кенигсбергъ, Данцигъ, Берлинъ, гдѣ Петръ и его послы имѣли случай останавливаться, дали возможность голландцамъ отчасти разобраться въ своихъ затрудненіяхъ и для пріема необычныхъ гостей воспользоваться примѣромъ Швеціи, Курляндіи и Бранденбурга. Мы приходимъ къ такому заключенію на основаніи того вниманія, съ которымъ Меерманъ останавливается на подробностяхъ посѣщенія русскимъ посольствомъ Риги, Митавы и Кенигсберга, особенно Риги, перваго города внѣ предѣловъ Руси. Первоначальные шаги посольства за границею должны были опредѣлить характеръ отношеній къ нему иностранныхъ державъ. Но эти-то первые шаги какъ разъ вызвали значительное недоразумѣніе между Русскими и шведскимъ губернаторомъ Риги. Впрочемъ, подробности объ этомъ недоразумѣніи Голландцы узнали уже впослѣдстіи, по возвращеніи Русскихъ въ Москву. Помимо дипломатическихъ и этикетныхъ задачъ, прибытіе русскаго посольства въ Голландію возбуждало вопросы экономическіе и финансовые. Нужно было опредѣлить срокъ пребыванія посольства въ предѣлахъ Нидерландовъ и, въ зависимости отъ этого срока, установить смѣту расходовъ, вызываемыхъ обязанностями гостепріимства, наконецъ, обезпечить необходимыя для того средства. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ со стороны Генеральныхъ Штатовъ оказалось крайне усложненнымъ вслѣдствіе смѣшенія гласныхъ, оффиціальныхъ поводовъ посольства съ негласными, личными цѣлями, преслѣдовавшимися царемъ. Собственно говоря, всѣ оффиціальныя задачи русскихъ пословъ были исчерпаны ими въ теченіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ пребыванія въ предѣлахъ Голландіи, но царю оказалось мало этого срока для выполненія своихъ личныхъ видовъ по изученію кораблестроенія, по найму мастеровъ, окончанію закупокъ и заказовъ для потребностей созидаемаго флота, и русское посольство выѣхало обратно изъ Нидерландовъ лишь десять мѣсяцевъ спустя послѣ своего прибытія туда. Такимъ образомъ Русскіе пробыли въ Голландіи почти цѣлый годъ и этимъ временемъ Петръ воспользовался, чтобы провести около трехъ мѣсяцевъ въ Англіи, куда отправился неоффиціально, оставивъ свое посольство въ Амстердамѣ. Голландцы, пораженные такою безцеремонностію, не знали какъ отдѣлаться отъ Русскихъ и нетерпѣливо ждали все болѣе и болѣе отдаляемаго срока ихъ окончательнаго отъѣзда.

Хотя бóльшая часть издержекъ, обусловленныхъ отправленіемъ по-

сольства изъ Россіи, падала на счетъ Посольскаго Приказа, но нѣкоторые знаки вниманія, обязательно падавшіе на гостепріимство голландскаго правительства, вызывали необходимость расходовъ, ложившихся непредвидѣннымъ бременемъ на бюджетъ Штатовъ. Международные обычаи установили правило, по которому посольства пользовались въ странахъ, куда они посылались, даровыми проѣздами, помѣщеніями и содержаніемъ. Расходы на эти предметы расли у Голландцевъ по мѣрѣ отдаленія срока отъѣзда Русскаго посольства, а въ зависимости отъ этого увеличивались и затрудненія въ опредѣленіи точной на нихъ смѣты. Въ этомъ отношеніи крайне любопытныя данныя представляетъ собою брошюра Меермана, рисуя очень наглядно, какъ одно непредвидѣнное обстоятельство вслѣдъ за другимъ заставляло Голландцевъ все болѣе и болѣе тратиться на потребности Русскаго посольства и затѣмъ прибѣгать заднимъ числомъ къ постепенному покрытію авансовъ путемъ зачисленія ихъ въ государственный бюджетъ. Въ конечномъ результатѣ всѣхъ этихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій и мѣропріятій мы видимъ крайне оригинальное явленіе, именно обложеніе нѣкоторыхъ провинцій Голландіи новыми непредвидѣнными налогами. Едва ли историки Петра Великаго, выслѣживающіе малѣйшія указанія на работы царя на Остиндской верфи, на подробности его житья бытья въ Саардамѣ, на его разговоры и кутежи съ матросами и шкиперами, опредѣляющіе вліяніе реформъ преобразователя Россіи на будущія судьбы его государства, едва-ли они могли подозрѣвать то экономическое значеніе для государственнаго бюджета Нидерландовъ, которымъ отразилось пребываніе Русскаго посольства въ Голландіи съ августа 1697 по іюнь 1698 года.

Этому-то значенію и рѣшенію вопроса о томъ, во что́ обошлось Голландіи ея гостепріимство въ отношеніи Петра Великаго, преимущественно и посвящена Рѣчь Меермана и это именно обстоятельство и оправдываетъ тотъ интересъ, который заставилъ насъ остановить вниманіе русской исторической науки на этой любопытной и мало извѣстной книжечкѣ. Обратимся теперь къ уясненію того отношенія, которое по словамъ предисловія Меермана его брошюра имѣетъ къ трудамъ Схельтемы.

Мы не будемъ повторять здѣсь Устрялова, который въ своей Исторіи Петра Великаго [1]) приводитъ краткія свѣдѣнія изъ жизнеописанія Схельтемы и сообщаетъ библіографію его трудовъ. Не лишнимъ однако считаемъ мимоходомъ отмѣтить, какъ бытовую черту, свидѣтельствующую о заслугахъ судебной реформы 1864 года для чистоты русскаго языка,

[1]) Т. III, примѣчаніе 3 на стр. 397—398.

что Устряловъ называетъ Схельтему мирнымъ (sic вмѣсто мироваго) судьею города Саардама. Мы уже знаемъ изъ брошюры Меермана, что авторъ ея отказался отъ мысли подробно описать оба пребыванія Петра Великаго въ Голландіи и добровольно предоставилъ извѣстность на этомъ поприщѣ своему современнику и земляку. Дѣйствительно, труды Схельтемы во многомъ затмили собою всѣхъ остальныхъ соперниковъ его по этому предмету. Сочиненія Схельтемы сдѣлались главнымъ матеріаломъ большинства русскихъ историковъ, которые частью, преимущественно и безъ провѣрки, пользуются Схельтемою, какъ напримѣръ Соловьевъ [1], или-же подвергаютъ сообщенія этого мироваго судьи самой поверхностной критикѣ, не восходя къ подробному изслѣдованію его первоисточниковъ. «Для насъ», говоритъ Устряловъ, «самое важное изъ сочиненій Схельтемы—Peter de Groote (1814, 2 vol-s). Второе изданіе, значительно дополненное, подъ заглавіемъ Rusland en de Nederlanden и т. д., 4 vol-s. Французскій переводъ съ перваго неполнаго изданія озаглавленъ Anécdotes Historiques и т. д. Извлеченія изъ перваго изданія на нѣмецкомъ языкѣ въ Архенгольцовой Minerva (1816, II) и на русскомъ въ Духѣ Журналовъ (ч. XI и XII) и Сынѣ Отечества (ч. 82). Авторъ нашелъ (?) нѣсколько современныхъ документовъ въ Амстердамскомъ архивѣ, болѣе-же всего пользовался рукописнымъ дневникомъ Іоанна Номена и записною книжкою Корнелія Кальфа, сверхъ того узналъ много любопытнаго по преданію отъ старожиловъ; но излишнее пристрастіе къ своему, къ голландскому и сильная довѣрчивость къ позднѣйшимъ компиляторамъ вовлекли его во многія ошибки» [2].

Въ приведенной выпискѣ насъ поражаетъ полное умолчаніе Устрялова о Меерманѣ, котораго Схельтема, какъ увидимъ далѣе, прямо называетъ въ числѣ своихъ первоисточниковъ. Очень вѣроятно, что русскій историкъ смѣшалъ въ своемъ неясномъ сознаніи обоихъ писателей. Приписывая Схельтемѣ архивныя розысканія въ Амстердамѣ, а равно намекая вѣроятно на Меермана въ числѣ позднѣйшихъ компиляторовъ, Устряловъ только доказываетъ, что онъ не читалъ подлинной «Рѣчи о первомъ путешествіи Петра Великаго», которая осталась ему неизвѣстною, чѣмъ и оправдывается пропускъ ея заглавія среди списка матеріаловъ по «Исторіи Петра Великаго» [3].

---

1) Исторія Россіи, т. XIV.

2) Исторія Петра Великаго, (т. III, стр. 398). Ср. тамъ-же сходственный отзывъ Устрялова о Схельтемѣ во введеніи къ т. I (стр. XLVII).

3) Оцѣнивая труды Схельтемы о Петрѣ Великомъ, каталогъ Russica также приписываетъ этому автору, подобно Устрялову, часть заслугъ, падающихъ на долю Меермана, имя котораго проходится полнымъ мол-

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ наша обязанность выяснить ту пользу, которую Схельтема извлекъ изъ Меермана, и привести подробныя указанія на случаи заимствованія первымъ писателемъ данныхъ, сообщаемыхъ вторымъ. Эта обязанность облегчится предварительнымъ, весьма краткимъ, библіографическимъ спискомъ труда о Петрѣ Саардамскаго мироваго судьи, труда, который появился въ печати три раза подъ слѣдующими подлинными заглавіями:

I. Яковъ Схельтема. Петръ Великій, Императоръ Россійскій, въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717. Амстердамъ, 1814, 2 тома. (Mr. Jacobus Scheltema. Peter de Groote, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam in 1697 en 1717. Te Amsterdam, bij Hendrik Gartman, 1814).

II. Россія и Голландія, изображенныя въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ г. Яковомъ Схельтемою. Амстердамъ, 1817—1819, 4 тома. (Rusland en de Nederlanden, beschouwd in derselver wederkeerige betrekkingen door Mr. Jacobus Scheltema. Te Amsterdam, bij Hendrik Gartman, 1817—1819).

III. Историческіе анекдоты о Петрѣ Великомъ и о его пребываніи въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг., сочиненіе Я. Схельтемы, переведено Н. П. Мельманомъ. Лозанна, 1842. (Anécdotes Historiques sur Pierre le Grand et sur ses voyages en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717, par J. Scheltema, traduit par N. P. Mailman[1]). Lausanne, Imprimerie et Librairie de Marc Ducloux éditeur, 1842).

Такъ какъ французскій переводъ воспроизводитъ цѣликомъ лишь первое изданіе труда Схельтемы, то мы преимущественно имѣемъ въ виду тѣ два изданія, которыя появились на голландскомъ языкѣ. Главное содержаніе первой книги («Петръ Великій» и т. д.) заключается въ под-

---

чаніемъ въ числѣ источниковъ Схельтемы. Вотъ, что говорится въ этомъ каталогѣ по поводу книги Rusland en de Nederlanden: «Очень почтенное сочиненіе, основанное на подлинныхъ документахъ, съ которыми авторъ имѣлъ случай познакомиться въ архивахъ Саардама и, въ послѣдствіи, Гааги. Цѣлью своего труда онъ поставилъ выяснить причины постояннаго расположенія Петра Великаго къ Голландцамъ и сообщить свѣдѣнія о пребываніи этого царя на Саардамскихъ и Амстердамскихъ верфяхъ. Распространивъ впослѣдствіи предѣлы своей задачи, Схельтема, во второмъ изданіи своей книги, изложилъ полную исторію взаимныхъ сношеній Россіи съ Голландіей съ воцаренія Романовыхъ до смерти Петра Великаго. Этотъ ученый авторъ подвергся упреку въ преувеличеніи національной гордости. «Голландія сдѣлалась колыбелью славы Петра Великаго и его родины»: въ этихъ словахъ, которыми Схельтема оканчиваетъ свое сочиненіе, нельзя не признать нѣкоторой предвзятости мысли, но этотъ небольшой недостатокъ нисколько не лишаетъ трудъ этого автора его несомнѣнныхъ историческихъ достоинствъ» (Петръ Великій въ иностранной литературѣ, стр. 238—239 подъ № 14).

[1]) Устряловъ (Исторія Петра Великаго, т. III, примѣчаніе 3, стр. 398) называетъ переводчика Мюльманъ (Muilman). Но это явная опечатка.

робностяхъ перваго путешествія царя, которымъ въ значительной степени послужили матеріалы, собранные Мeерманомъ въ оффиціальныхъ архивахъ. Схельтема неоднократно ссылается на своего предшественника, называетъ его книгу въ подсрочныхъ примѣчаніяхъ и вполнѣ довѣряетъ его показаніямъ. Совершенно тѣмъ-же характеромъ отличается французскій текстъ «Анекдотовъ о Петрѣ Великомъ».

Во второмъ голландскомъ изданіи своей книги Саардамскій мировой судья обратилъ гораздо болѣе, чѣмъ въ первомъ, вниманія на вторичное посѣщеніе Петромъ Голландіи. Центръ тяжести перенесенъ на 1717 годъ, какъ на эпоху, менѣе извѣстную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе интересную по новизнѣ матеріаловъ. По этому подробности перваго пребыванія царя отошли, такъ сказать, уже на второй планъ и, хотя Схельтема продолжаетъ пользоваться тѣми-же свидѣтельствами Меермана, но не считаетъ нужнымъ всякій разъ упоминать о немъ и уже гораздо рѣже помѣщаетъ ссылки на него въ своихъ примѣчаніяхъ [1]).

---

[1]) Слѣдующая таблица, въ которой цифрами обозначены страницы брошюры Меермана и трехъ изданій Схельтемы, объяснитъ, чѣмъ второй авторъ обязанъ первому, и укажетъ всѣ случаи подстрочныхъ ссылокъ французскаго изданія Схельтемы, гдѣ первыя цифры соотвѣтствуютъ страницамъ, а вторыя, послѣ запятой, — примѣчаніямъ.

МЕЕРМАНЪ.	СХЕЛЬТЕМА.		
Discours etc.	Peter de Grote. томъ I.	Rusland en de Nederlanden. томъ II.	Anécdotes.
7—9			27,1. 48,2.
15	93	134	76,1.
16	89	130	73,1.
18—19	92,94		77,1.
26	96		78,1. 79,1.
27—28	97,123	140	97,1. 98,1.
30	122,132		104,2.
33	132	169	105,1.
35—38	171		134,1.
39—43	174		149,2.
43—45	189		149,2.
45—48	192		152,1.
49	193		153,1.
50 и далѣе	194	256	153,2.
51	141	193	111,2.
53	220	289	173,1.
57	161	218	127,2.
65—67	133		106,1.
67	201		159,1.
68—69	185		146,1.
69	152		120,2.
72	207	272	164,2.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о печатныхъ источникахъ, которыми, помимо рукописныхъ матеріаловъ изъ голландскихъ архивовъ, Мееманъ пользовался при составленіи своей Рѣчи о Путешествіи Петра. Мы должны при этомъ обратить вниманіе на тогдашнюю скудость русскихъ историческихъ сочиненій о Петрѣ, на полное отсутствіе ихъ переводовъ на иностранные языки и на не научный характеръ, въ современномъ намъ смыслѣ, тѣхъ книгъ объ этомъ царѣ, которыя появлялись въ XVIII вѣкѣ за границей и посвящены біографическимъ о немъ свѣдѣніямъ. Не забудемъ, что до появленія труда Устрялова у насъ самихъ не было сносной исторіи Петра Великаго. Не зная русскаго языка, Мееманъ по неволѣ долженъ былъ ограничиться иностранными сочиненіями, а живя въ Голландіи, пользовался преимущественно тѣми книгами, которыя были изданы въ этой странѣ, то есть въ типографіяхъ Амстердама, Лейдена, Утрехта, Гааги и т. д. Эти мѣстныя, типографскія и библіотечныя, условія отразились на числѣ, объемѣ и характерѣ его печатныхъ источниковъ, прослѣдить которые потребовало отъ насъ нѣкотораго труда, такъ какъ авторъ Рѣчи о Путешествіи Петра Великаго имѣетъ дурную привычку въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а равно и въ текстѣ своей брошюры, ссылаться только на названіе книги или даже на одно имя ея сочинителя и нигдѣ не указываетъ ни томовъ, ни страницъ. Кромѣ двухъ случаевъ, онъ даже не приводитъ годовъ изданія. Для выясненія всѣхъ этихъ загадочныхъ подробностей мы неоднократно должны были прибѣгать къ помощи Библіографіи Брюне [1]) и къ Словарю Анонимовъ Барбье [2]).

Главнѣйшія біографическія о Петрѣ свѣдѣнія Мееманъ почерпнулъ по всей вѣроятности, хотя объ этомъ прямо и точно не упоминается, изъ: 1) Похвальнаго слова Петру Великому, произнесеннаго знаменитымъ Фонтенелемъ въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ 14 Ноября (новаго стиля) 1725 г., 2) Изъ анонимной исторіи Петра Великаго, появившейся въ 1742 году и 3) изъ Историческаго Словаря Морери.

На первое сочиненіе Мееманъ ссылается на стр. 9 своей брошюры, въ концѣ описанія юности Петра, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о происхожденіи Потѣшнаго войска. Въ подстрочной къ этому мѣсту выноскѣ встрѣчается ссылка на Исторію Академіи Наукъ съ годомъ 1725. Ни Фонтенеля, ни его рѣчи тутъ не упоминается. Имя автора рѣчи разоблачено въ Словарѣ Барбье [3]). Это Похвальное (безъименное) Слово Фонтенеля

---

[1]) J. Ch. Brunet, Manuel du Libraire, Paris, 1862.

[2]) Dictionnaire des ouvrages anonymes, par Ant. Alex. Barbier, Paris, 1874.

[3]) Barbier, Dictionnaire, томъ II, часть I, стр. 84.

помѣщено въ Исторіи Французской Академіи Наукъ подъ 1725 годомъ и напечатано въ Амстердамскомъ изданіи въ 1732 году [1]). Этотъ сборникъ рѣчей, произнесенныхъ французскими академиками въ засѣданіяхъ отъ 1692 до 1754 года, составляетъ Голландскую перепечатку первоначальнаго Парижскаго изданія. Начало рѣчи о Петрѣ слѣдующимъ образомъ оправдываетъ поводъ ея произнесенія въ честь иностраннаго государя: «Не было примѣра, чтобы Академія прославляла какого либо Государя, прославляя въ лицѣ Его, есть ли можно такъ сказать, одного изъ своихъ членовъ;—и сіе самое возлагаетъ на меня долгъ предувѣдомить, что я изображать буду покойнаго Государя не иначе, какъ Академика, но Академика—Монарха, положившаго основаніе наукамъ и художествамъ въ обширныхъ странахъ Своего владычества; и есть ли буду изображать Его, какъ Героя и Завоевателя, то единственно потому, что воинское искусство есть одно изъ тѣхъ, коимъ онъ научилъ своихъ подданныхъ» [2]). Петръ Великій, какъ извѣстно, при своемъ посѣщеніи Парижа въ 1717 году былъ выбранъ членомъ тамошней Академіи Наукъ, которая въ 1725 году оказала ему такимъ образомъ посмертный почетъ похвальною рѣчью Фонтенеля.

Исторія Петра Великаго, вышедшая въ 1742 году, безъ имени автора, въ Амстердамѣ [3]), принадлежитъ перу Мовильона, какъ это оказывается изъ Словаря Анонимовъ Барбье [4]). Къ тексту исторіи приложены документы подъ заглавіемъ Свидѣтельства (Preuves), помѣщенныя въ III томѣ

---

[1]) Histoire de l'Académie royale des sciences, édition d'Amsterdam, 1732, chez Pierre Mortier (année 1725, pages 141—172, Éloge du Czar Pierre I). Русскій переводъ рѣчи Фонтенеля подъ заглавіемъ: Похвальное слово Императору Петру Великому, принадлежащій перу А. Воинова, вышелъ въ Москвѣ въ 1807 г. и напечатанъ въ Университетской типографіи in 8°. (Шмурло, Петръ Великій въ русской литературѣ, С.-Пб. 1889 г., стр. 39, прим. 2).

[2]) Comme il est sans exemple que l'Académie ait fait l'éloge d'un Souverain, en faisant, si on ose le dire, celui d'un de ses membres, nous sommes obligés d'avertir que nous ne regarderons le feu Czar qu'en qualité d'Académicien, mais d'Académicien Roy et Empereur, qui a établi les sciences et les arts dans les vastes états de sa domination; et quand nous le regarderons comme un guerrier et comme conquérant, ce ne sera que parce que l'art de la guerre est un de ceux dont il a donné l'intelligence à ses sujets (Histoire de l'Académie des Sciences, 1725, page 141. Переводъ Воинова, стр. 5—6).

[3]) Histoire de Pierre I surnommé le Grand, Amsterdam et Leipzig, MDCCXLII; вышло въ двухъ изданіяхъ, in 4° въ одномъ томѣ и in 12° въ трехъ томахъ.

[4]) E. Mauvillon (Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes, т. II, стр. 730; Петръ Великій въ иностранной литературѣ, стр. 51, № 17). Элеазаръ Мовильонъ, переводчикъ, грамматикъ, историкъ, родился 1712 г. въ Провансѣ, умеръ въ Лейпцигѣ въ 1779 г. Удалившись въ юности въ Германію, онъ давалъ тамъ уроки французскаго языка, познакомился съ Фридрихомъ Августомъ, курфюрстомъ Саксонскимъ и королемъ Польскимъ, который предоставилъ ему мѣсто своего секретаря. Затѣмъ онъ преподавалъ французскій языкъ въ Брауншвейгскомъ Каролинумѣ и наконецъ переселился въ Лейпцигъ, гдѣ занялся переводами и историческими сочиненіями. Переведя съ иностранныхъ языковъ нѣсколько беллетристическихъ произведеній и написавъ нѣсколько книгъ о Германіи и руководствъ къ изученію французскаго языка, Мовильонъ принялся за исторію. Въ этой области онъ посвятилъ свои труды жизнеописаніямъ принца Евгенія Саксонскаго, королей Фридриха Вильгельма I Прусскаго и Густава Адольфа

изданія въ 12-ую долю, которымъ мы пользовались. Названіе этого сочиненія два раза приводится въ брошюрѣ Меермана: на стр. 17, гдѣ описываются рижскія приключенія русскаго посольства на основаніи выдержекъ изъ донесенія Дальберга Карлу XII, и на стр. 58, въ разсказѣ о первомъ пріѣздѣ Петра Великаго въ Амстердамъ и Саардамъ. Въ третій разъ намъ самимъ пришлось воспользоваться книгой Мовильона въ приложеніи III къ настоящей статьѣ, гдѣ мы выписываемъ оттуда текстъ сомнительнаго привѣтствія, произнесеннаго будто бы Петромъ Англійскому королю Вильгельму III въ городѣ Утрехтѣ.

Историческій словарь (Le Grand Dictionnaire Historique, ou le mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane), составленный Морери и впервые изданный въ 1674 году въ Ліонѣ, до самого XIX столѣтія составлялъ обычную и главную справочную книгу для свѣдѣній по всеобщей исторіи. Онъ неоднократно дополнялся, передѣлывался и издавался во Франціи (въ Парижѣ, въ Ліонѣ), въ Швейцаріи (въ Базелѣ), въ Голландіи (въ Амстердамѣ, Утрехтѣ, Лейденѣ и Гаагѣ) и дополнялся приложеніями (suppléments). Всѣ эти многочисленныя изданія выходили въ форматѣ in folio и составляли отъ 4 до 10 томовъ. Послѣднее, счетомъ двадцатое, изданіе 1759 года вышло въ Парижѣ. Мы имѣли случай просмотрѣть нѣсколько изданій этого словаря и только въ восемнадцатомъ, помѣченнымъ 1740 годомъ и появившемся, какъ сказано на сорочкѣ книги, одновременно въ вышепоименованныхъ четырехъ голландскихъ городахъ, мы нашли то свѣдѣніе

Шведскаго и подробностямъ Семилѣтней войны въ предѣлахъ Богеміи. Всѣхъ французскихъ историческихъ сочиненій Мовильона считается десять. Къ ихъ числу относится Исторія Петра I. Анонимъ ея автора разоблаченъ еще въ 1769 г. во французской газетѣ La France Littéraire (Michaud, Biographie universelle, т. XXVII). Устряловъ (Исторія Петра Великаго, т. I, Введеніе, стр. XLIX), ссылаясь на сочиненіе Англичанина Мотлея о Петрѣ (The History of the Life of Peter I, Emperor of Russia, by John Motley, London, 1739, 5 vol-s), собранное изъ печатныхъ оффиціальныхъ источниковъ, увѣряетъ, что «его передѣлалъ французъ Мовильонъ (Histoire de Pierre I, surnomé le Grand, Amsterdam 1752 (sic), 3 vol-s), дополнилъ извлеченіями изъ Корбова дневника, присовокупилъ нѣсколько плохихъ рисунковъ медалей и выдалъ за свой трудъ, съ пышнымъ посвященіемъ графу Брюлю». Здѣсь явно ошибается Устряловъ, обвиняя Мовильона въ плагіатѣ той книги, которая вышла въ свѣтъ послѣ изданія его собственнаго труда о Петрѣ. Въ обозначеніи года изданія анонимной Histoire de Pierre I мы довѣряемъ во всякомъ случаѣ болѣе словарю Барбье (1742), чѣмъ Устрялову (1752). Хронологическія указанія словаря Барбье съ другой стороны вполнѣ подтверждаются библіографическими свѣдѣніями, сообщаемыми каталогомъ Russica. По этому каталогу книга Мотлея вышла въ Лондонѣ и Дублинѣ первымъ изданіемъ въ 1739 г., а вторымъ въ Лондонѣ въ 1740; анонимное же сочиненіе, приписываемое Мовильону, отнесено въ своихъ обоихъ изданіяхъ исключительно къ 1742 году. Послѣдній годъ значится и на томъ экземплярѣ, принадлежащемъ библіотекѣ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, которымъ мы пользовались для выписки подлинной рѣчи Петра Великаго, помѣщенной въ приложеніяхъ къ настоящему нашему труду. Слова Устрялова о передѣлкѣ Мотлея Мовильономъ объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что оба автора пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, именно Записками Руссе (Mémoires de Rousset), скрывшаго свое имя подъ подложнымъ псевдонимомъ: Baron Iwan Iwanowitsch Nestesouranoi (Петръ Великій въ иностранной литературѣ, стр. 47, № 14 и стр. 51, № 17).

о числѣ судовъ Воронежскаго флота, на которое ссылается Меерманъ на стр. 11 своей брошюры [1]). Въ другихъ, предъидущихъ изданіяхъ это указаніе не встрѣчается. Второй разъ, на словарь Морери Меерманъ указываетъ, какъ на свой источникъ, на стр. 60 въ упоминаніи о деревянной купальнѣ, которую Петръ сработалъ въ Амстердамѣ.

Кромѣ этихъ трехъ главнѣйшихъ своихъ печатныхъ источниковъ, Меерманъ пользуется и другими сочиненіями, имѣющими отношеніе къ пребыванію Петра въ Голландіи.

На страницахъ 57, 61 и 71 въ текстѣ брошюры Меермана упоминается имя Леклерка, автора физической, моральной, гражданской и политической Исторіи древней Россіи, вышедшей въ Парижѣ въ 1784 году [2]) и послужившей поводомъ русскому историку Болтину написать свое извѣстное опроверженіе на Леклерка.

Приводя (на стр. 67—68) знаменитый отвѣтъ Петра бургомистру Витцену по поводу просьбы Амстердамскихъ Евреевъ о разрѣшеніи имъ доступа въ Россію, Меерманъ пользуется Анекдотами Штелина [3]). Мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, что изложеніе этого анекдота вѣроятно переведено авторомъ брошюры съ первоначальнаго нѣмецкаго подлинника, изданнаго въ Лейпцигѣ въ 1785 году, такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ французскому тексту Страсбургскаго изданія.

Для характеристики личности Петра, авторъ Рѣчи о путешествіи этого царя въ Голландію ссылается (стр. 74 и 79) на строгій отзывъ Салисбургскаго епископа Бёрнета, въ его Исторіи Своего Времени, появившейся въ Лондонѣ въ 1734 году [4]). Устряловъ [5]) называетъ этотъ отзывъ пристрастнымъ и несправедливымъ и обѣщалъ опровергнуть его, но не сдержалъ обѣщанія за неокончаніемъ своего труда.

Въ доказательство своего предположенія о двукратномъ свиданіи Петра съ Вильгельмомъ III въ Утрехтѣ и въ Гаагѣ, Меерманъ ссылается на нѣкоторыя «современныя записки» (les mémoires de ce temps [6]), но не называетъ ихъ авторовъ и тѣмъ ставитъ насъ въ большое затрудненіе, которое мы предоставляемъ рѣшить спеціалистамъ по біографіи царя,

---

[1]) Moréri, Le grand dictionnaire historique, 18 édition, 1740, à Amsterdam, à Leyde, à la Haye, à Utrecht, (vol. VII, page 216).

[2]) Le Clerque, Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne, Paris, 1784, in 4°, три тома. Меерманъ имѣетъ въ виду третій томъ этого сочиненія и преимущественно страницу 156.

[3]) Jac. Staehlin, Anecdotes originales de Pierre le Grand, Strassbourg, 1787, in 8°. (Анекдотъ подъ № 8 на стр. 26).

[4]) Gilb. Burnet, History of his own time (1660—1713), London 1734, 2 тома in fol.

[5]) Исторія Петра Великаго, томъ III, стр. 400, примѣч. 6.

[6]) Meerman, Discours, стр. 69.

такъ какъ въ нашемъ трудѣ мы имѣемъ въ виду не столько его собственную личность, сколько дѣйствія и приключенія его посольства въ Голландской республикѣ.

Наконецъ, Меерманъ не ограничивается литературою о Петрѣ, появившеюся въ печати на французскомъ, англійскомъ и вѣроятно на нѣмецкомъ языкахъ, но черпаетъ свои свѣдѣнія и въ мѣстныхъ голландскихъ сочиненіяхъ. Изъ этихъ послѣднихъ онъ называетъ два, малоизвѣстныя въ Россіи, именно труды Амстердамскаго историка Вагенара и Бельгійскій Лексиконъ Кока. Первому Меерманъ, на стр. 63 своей брошюры, дѣлаетъ упрекъ въ умолчаніи объ имени Саардама въ разсказѣ о посѣщеніи Петромъ Голландіи, которое Вагенаръ изложилъ недостаточно подробно въ своей Отечественной Исторіи Нидерландовъ [1].

Подробности встрѣчи Петра Великаго въ Саардамѣ съ голландскимъ рыбакомъ, бывавшимъ въ Москвѣ, заимствованы Меерманомъ (стр. 58), согласно его подстрочному примѣчанію, изъ иллюстрированнаго труда, въ теченіи 14 лѣтъ (1785—1799) выходившаго въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ Отечественнаго Словаря и подъ именемъ Бельгійскаго ученаго Кока [2]. Книга эта составляетъ повидимому библіографическую рѣдкость, такъ какъ Брюне посвящаетъ ей слѣдующія строки: «Этотъ историческій и топографическій словарь Нидерландскихъ провинцій очень мало извѣстенъ (à peine connu) во Франціи. Цѣна его была 132 флорина, а безъ картинъ 93 флорина 50 центовъ. Полный экземпляръ былъ проданъ у Меермана за 39 флориновъ 50 центовъ. Авторъ Словаря умеръ въ 1788 году и, начиная съ девятнадцатаго, послѣдующіе томы составлены другимъ лицомъ» [3].

Познакомившись съ рукописными и печатными источниками «Рѣчи о первомъ путешествіи Петра Великаго въ Голландію», мы можемъ приступить къ изложенію ея содержанія [4].

---

1) Wagenaar (или Wagenaer), Vaterlandsche Historie, vervattende de Geschiedenissen der nu vereenigde Nederlanden, Amsterdam, 1795. Вагенаръ состоялъ въ должности городскаго историка Амстердама и издалъ въ трехъ томахъ иллюстрированное описаніе этого города, на которое Устряловъ ссылается въ своемъ описаніи Саардамскаго домика Петра Великаго (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 399, примѣчаніе 5).

2) J. Kok, Vaterlandsch Woordenboek, Amsterdam 1785—1796, 35 vol-s in 8°, fig; ibid. 1797—1799, 3 vol-s in 8°, fig.

3) Brunet, Manuel du Libraire, tome III, Paris 1862 (при имени: Кокъ).

4) Труды Схельтемы, основанные отчасти на брошюрѣ Меермана, послужили источникомъ для позднѣйшей компиляціи Верене (Pierre le Grand en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717. Ouvrage puisé à des sources authentiques et dédié (en 1863) à S. M. la Reine Mère par George Verenet, ancien agrégé de la faculté des Lettres à l'Université d'Utrecht. Utrecht, librairie de J. G. Broese, éditeur, 1865). Мы не останавливаемся на этой книгѣ потому, что ея авторъ, кромѣ извѣстныхъ уже источниковъ, внесъ въ свой трудъ лишь собственныя нападки на Вольтера и ошибочныя предположенія, въ родѣ

Глава II

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ МЕЕРМАНА О НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА.

«Петру Первому, Императору Россіи», такъ начинается брошюра Меермана, «никакъ нельзя отказать въ славѣ принадлежать къ числу знаменитыхъ государей, которыхъ XVII вѣкъ на своемъ исходѣ завѣщалъ послѣдующему столѣтію. Преобразователь пребывавшаго въ варварствѣ народа, создатель его флота и его торговли, основатель С.-Петербурга, онъ, если мнѣ позволено такъ выразиться, пересадилъ свой народъ изъ пустынь Азіи въ плодоносныя нивы и въ среду Европейской цивилизаціи. Его высокія качества по достоинству были всегда предметомъ удивленія всѣхъ тѣхъ, кто съумѣлъ его узнать и кто могъ оцѣнить его дальновидныя цѣли. Но, если обратить вниманіе на средства, которыми этотъ неотесанный алмазъ достигъ полировки, то изъ нихъ самымъ поразительнымъ и дѣйствительнымъ является его первое путешествіе, предпринятое въ 1697 году, въ возрастѣ 25 лѣтъ, когда онъ поѣхалъ въ Голландію, Англію и Австрію, покинувъ едва только что утвержденный престолъ свой и замѣнивъ на нѣсколько мѣсяцевъ скипетръ монарха топоромъ судостроителя, причемъ Саардамскія верфи ничуть не мѣшали ему подписывать приговоры, отъ которыхъ зависѣли судьбы цѣлыхъ народовъ».

«Это, до сихъ поръ недостаточно извѣстное въ своихъ подробностяхъ, путешествіе царя показалось мнѣ заслуживающимъ болѣе тщательнаго изученія. По обилію данныхъ, представившихся моему изслѣдованію, я себѣ не позволю останавливаться, хотя-бы это и слѣдовало, на развитіи причинъ, вызвавшихъ такое необычное предпріятіе. Однако я считаю необходимымъ возстановить въ памяти читателей слѣдующіе факты».

«*Александръ* (sic) Михайловичъ, отецъ Петра Великаго, оставилъ послѣ себя двухъ сыновей и трехъ дочерей отъ перваго брака; кромѣ того онъ имѣлъ еще дѣтей отъ второй жены, Наталіи Нарышкиной, на кото-

---

того, что баронъ Нестесураной принадлежалъ къ составу царскихъ спутниковъ. (Петръ Великій въ иностранной литературѣ, стр. 240, № 16).

рой женился въ концѣ своей жизни, именно государя, составляющаго предметъ нашего разсказа, и его сестру. Өеодоръ, какъ старшій сынъ, наслѣдовалъ престолъ послѣ отца и, если-бы ему суждено было болѣе прожить, онъ по всей вѣроятности приступилъ-бы ко многимъ изъ тѣхъ реформъ, выполненіе которыхъ провидѣніе повидимому всецѣло назначило его единокровному брату. Многіе иностранцы еще Өеодоромъ были призваны на службу въ его государство и онъ первый возъимѣлъ мысль организовать войско, составленное частію изъ Нѣмцевъ. Почувствовавъ въ 1682 году приближеніе смерти, Өеодоръ устранилъ своего наслѣдника Ивана отъ престола (sic) въ виду препятствій, заключавшихся въ тѣлесныхъ и умственныхъ недостаткахъ послѣдняго, и назначилъ будущимъ *Императоромъ* (sic) малолѣтняго Петра, которому хотя и было тогда всего десять лѣтъ отъ роду, но который уже проявлялъ несомнѣнные признаки ранняго развитія и геніальнаго ума».

«Съ этого самаго времени началась и бурная юность царя, который въ своей сестрѣ Софіи встрѣтилъ врага, тѣмъ болѣе опаснаго и непримиримаго, что ея полъ и нѣжныя родственныя отношенія не могли, казалось бы, возбуждать съ его стороны страха. Поддерживаемая стрѣльцами, этими янычарами Россіи, она провозгласила Ивана соправителемъ совмѣстно съ его младшимъ братомъ и, опираясь на слабость раздѣленной власти, стремилась обезпечить себѣ полноту верховнаго руководительства ею. Отъ молодаго царя удалили всѣхъ лицъ, близкихъ къ его матери, къ нему стали допускать лишь тѣхъ, кто былъ способенъ растлить его умъ и сердце и сдѣлать его рабомъ разврата и недостойныхъ наслажденій. Многія черты послѣдующей жизни царя носятъ явные слѣды безнравственнаго воспитанія. Но, несмотря на все это, сила его души и его природная жизненность (activité) пробили себѣ исходъ изъ этихъ препятствій. Онъ скоро пристрастился почти исключительно къ военнымъ упражненіямъ, обычнымъ въ другихъ Европейскихъ государствахъ, къ сооруженію небольшихъ судовъ и къ искусству ими управлять. На прудѣ одного загороднаго дворца онъ нашелъ голландскую шлюпку, которая послужила ему первою забавою; онъ поручилъ Голландцамъ построить ему нѣсколько судовъ въ Москвѣ, а затѣмъ на Переяславскомъ озерѣ четыре вооруженныхъ корабля, которые иногда давали ему поводъ къ воспроизведенію морскихъ битвъ. Наконецъ, ко всему этому прибавимъ, что два лѣта сряду онъ отправлялся на англійскія и голландскія торговыя суда, стоявшія въ Архангельскѣ, и плавалъ на нихъ, удаляясь на нѣкоторое разстояніе отъ гавани съ цѣлью изучать правила судоходства».

«Семнадцати лѣтъ отъ роду, вопреки противодѣйствію его коварной

сестры Софіи, онъ женился на Евдокіи *Лапухиной* (sic); въ скоромъ времени она родила ему сына, но затѣмъ черезъ нѣсколько времени была отвергнута своимъ мужемъ. Со времени этого брака его сестра, дойдя до послѣднихъ предѣловъ ненависти, затѣяла заговоръ, имѣвшій гнусною цѣлью посягнуть на жизнь царя, его жены и всѣхъ Нарышкиныхъ. Онъ однако избѣжалъ опасности, удалившись въ Троицкій монастырь, находящійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Найдя поддержку въ стекавшихся къ нему отовсюду приверженцахъ, онъ восторжествовалъ надъ мятежемъ, подвергъ зачинщиковъ наказанію и подвергъ Софію заключенію на будущее время въ Дѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ. Отъ этого событія до его путешествія протекло восемь лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ царствовалъ единолично, а имя Ивана, умершаго лишь въ 1696 году, въ продолженіи этихъ лѣтъ уже не встрѣчается въ правительственныхъ документахъ (dans les annales du gouvernement)» [1]).

«Въ это время ближайшимъ наперстникомъ царя сдѣлался Лефортъ, Женевецъ родомъ, еще въ царствованіе Өеодора перешедшій изъ Голландской службы въ Русскую. Вскорѣ по смерти своего брата Петръ полюбилъ военныя занятія, которымъ сталъ обучаться подъ руководствомъ названнаго иностранца; кромѣ того онъ былъ обязанъ Лефорту многими личными услугами, оказанными среди опасностей мятежа. Умъ и отмѣнныя достоинства Лефорта вполнѣ оправдали предоставленныя ему отличія. Лефортъ поддерживалъ въ Петрѣ стремленіе усовершенствовать свои скудныя познанія о европейскихъ учрежденіяхъ и въ особенности о нравахъ Голландіи, съ цѣлью поднять у Русскихъ уровень образованія и когда нибудь покорить дерзкихъ стрѣльцовъ посредствомъ милиціи, которую царь набиралъ себѣ изъ Нѣмцевъ. Отрядъ въ 50 человѣкъ послужилъ первымъ ядромъ будущему войску, которому въ послѣдствіи пришлось такъ усилить власть царя. Лефортъ принялъ на себя начальство надъ этимъ отрядомъ, въ которомъ самъ Петръ удовольствовался должностію барабанщика. Петръ запретилъ своему капитану напоминать себѣ о принадлежавшемъ ему царскомъ достоинствѣ; онъ добровольно подчинился всѣмъ, самымъ строгимъ, требованіямъ воинской дисциплины; въ теченіи всего времени, пока продолжалась эта затѣя, онъ довольствовался жалованіемъ простаго барабанщика и спалъ въ особой, отведенной барабанщикамъ за ротою, палаткѣ. Въ довершеніе всего онъ отказывался отъ производства въ унтеръ-офицеры до той поры, пока сами офицеры не признали его права на это повышеніе и такимъ-же образомъ подвигался

---

[1]) Это не вѣрно. До смерти Іоанна всѣ акты издавались именемъ обоихъ царей.

постепенно до полученія главнаго начальства надъ отрядомъ, который ежедневно увеличивался въ своей численности [1]. Кромѣ Лефорта, дружбу царя въ это-же самое время съумѣлъ пріобрѣсти своими остроумными шутками молодой Мензиковъ (*Menzikoff*, sic), который первоначально продавалъ пирожки по улицамъ Москвы, а затѣмъ, войдя въ составъ царскаго отряда, съ поразительной быстротой достигъ до высшихъ степеней вліянія и власти».

«Въ скоромъ времени Петръ направилъ все свое вниманіе на покореніе Азова, который предстояло отнять у Татаръ, чтобы остановить Турокъ въ распространеніи предѣловъ ихъ могущества. Для обезпеченія успѣха Петръ выпросилъ и добылъ себѣ инженеровъ изъ Голландіи и изъ другихъ государствъ. Но, за неимѣніемъ хотя бы нѣсколькихъ судовъ, полное торжество было немыслимо. Какъ должны были всѣ удивляться при видѣ государя, который всего за пять лѣтъ тому назадъ едва имѣлъ понятіе объ основныхъ правилахъ судостроенія и который учредилъ верфь, сдѣлавшуюся мѣстомъ созданія перваго, увидѣннаго Россіею флота! Лефортъ, назначенный Великимъ Адмираломъ, успѣлъ съ помощію Венеціи собрать нѣсколько военныхъ кораблей, 33 галеры, два галеаса и 4 брандера [2] и съ этою силою въ Мартѣ 1696 года явился къ Черкасску на Дону, гдѣ къ нему присоединилось еще нѣсколько Казацкихъ судовъ. Турецкіе корабли потеряли возможность доставлять осажденнымъ продовольствіе и въ Іюнѣ мѣсяцѣ важная Азовская крѣпость принуждена была сдаться на капитуляцію. Такая блестящая побѣда побудила монарха стремиться къ развитію своего флота и къ увеличенію числа морскихъ гаваней. Въ началѣ 1697 года его войско, понесшее при покореніи Азова большія потери, было доведено до 77,000 человѣкъ и назначено для удержанія и распространенія новопріобрѣтенныхъ предѣловъ государства. Войско это состояло изъ людей, обученныхъ и одѣтыхъ большею частію по Нѣмецкому образцу. Но, среди всѣхъ этихъ приготовленій одна главная мысль стала все болѣе и болѣе привлекать вниманіе царя: сознавая, что эта мысль всего болѣе можетъ содѣйствовать созданію грозной морской силы въ Россіи, Петръ не могъ уже сдерживать своего намѣренія, которое заключалось въ личномъ посѣщеніи тѣхъ странъ, гдѣ судостроеніе достигло совершенства, и въ самомъ тщательномъ и подробномъ ознакомленіи съ этимъ дѣломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ виды царя входило также внимательное

[1]) Histoire de l'Académie des Sciences 1725. (Примѣчаніе Меермана).

[2]) Въ Историческомъ Словарѣ Морери составъ флота указанъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: 40 военныхъ кораблей, 25 галеръ и болѣе 200 бригантиновъ. (Примѣчаніе Меермана).

изученіе за границей различныхъ отраслей государственнаго управленія въ тѣхъ подробностяхъ, которыя могли показаться достопримѣчательными и удобными для примѣненія въ его собственной странѣ».

«Какъ только вопросъ о путешествіи царя былъ окончательно рѣшенъ, онъ объявилъ о немъ своимъ боярамъ и назначилъ многихъ знатныхъ молодыхъ людей въ свою свиту. Однако, лишь только намѣреніе Петра стало извѣстнымъ, какъ тотчасъ-же возбудило неудовольствіе въ большинствѣ его подданныхъ. Противъ него возстало, во первыхъ, безсмысленное чванство, присущее всѣмъ варварскимъ или полуварварскимъ народамъ, заставляющее ихъ считать себя обладателями всѣхъ познаній, нужныхъ человѣку и удовлетворяющихъ всѣ его потребности; во вторыхъ, страхъ, вызванный въ попахъ опасностью въ виду религіозныхъ нововведеній, могущихъ такимъ путемъ проникнуть въ Россію. Доходило до того, что стали даже приводить, въ качествѣ неопровержимаго довода, мѣста изъ Священнаго Писанія, запрещающія избранному народу позволять себѣ какія-бы то ни было сношенія съ язычниками. Дѣло впрочемъ не ограничилось борьбою въ области убѣжденій. Петровскія реформы, какъ уже состоявшіяся, такъ и еще болѣе тѣ, которыхъ можно было ожидать вслѣдствіе его путешествія, возбудили противъ него новый заговоръ, причемъ его старшая, все еще заключенная въ Московскій монастырь, сестра не остановилась передъ искушеніемъ вторично принять на себя главное руководство мятежемъ. Благодаря случайному открытію заговора, Петръ благополучно спасся отъ опасности и постарался на будущее время обезпечить себя отъ подобныхъ случайностей посредствомъ наказанія виновныхъ и усиленія надзора за поведеніемъ Софіи».

«Но, такъ какъ иностранныя войска продолжали возбуждать зависть въ стрѣльцахъ, то царь выдѣлилъ изъ послѣднихъ отрядъ въ 10—12 тысячъ человѣкъ и послалъ его въ Польшу для содѣйствія избранію въ короли Августа Саксонскаго вмѣсто его соперника Принца де Конти. Однимъ словомъ, на время своего отсутствія онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры для сохраненія въ государствѣ порядка и спокойствія. Главнѣйшею изъ этихъ мѣръ была передача начальства надъ столицей генералу Гордону, поставленному во главѣ многочисленнаго гарнизона, набраннаго изъ Нѣмцевъ» [1]).

Мы нарочно привели цѣликомъ подлинное начало изъ рѣчи Меермана, чтобы, во первыхъ, указать на характеръ его познаній въ Русской исторіи, а во вторыхъ, чтобы избѣжать краткаго историческаго вступле-

[1]) Meerman, Discours, стр. 3—14.

нія въ описаніе русскаго посольства. Всѣ событія, предшествовавшія 1697 году, достаточно извѣстны русскимъ читателямъ и въ общемъ Меерманъ довольно вѣрно ихъ излагаетъ, чтобы мы нашли нужнымъ его поправлять или дополнять. Что-же касается до извращенія нѣкоторыхъ русскихъ именъ, какъ напримѣръ *Александръ* (вмѣсто: Алексѣй) Михайловичъ, *Мензиковъ* (вмѣсто: Меншиковъ), *Возтицетинъ* и *Воронцинъ* (вмѣсто: Возницынъ), то эти особенности подлинника являются тѣмъ болѣе характерными для образованнаго иностранца, который самъ, спустя болѣе, чѣмъ цѣлое столѣтіе послѣ описываемыхъ имъ событій, еще не пріучился къ звукамъ русскаго языка, такъ поражавшаго его предковъ.

Глава III.

СНАРЯЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО ПОСОЛЬСТВА.

Обратимся теперь къ русскимъ источникамъ и посмотримъ, какъ снаряжено было великое посольство.

6-го декабря 1696 (7205) года состоялся государевъ указъ объ отправленіи генералъ-адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генералъ-коммиссара Ѳеодора Алексѣевича Головина и думнаго дьяка Прокопія Богдановича Возницына послами къ окрестнымъ государствамъ христіанскимъ, въ Вѣну, Англію, Данію, Голландію, Бранденбургъ, Римъ и Венецію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Посольскому Приказу было повелѣно изготовить наказъ, т. е. инструкцію для посольства [1]). Прежде, чѣмъ приступить къ выполненію царскаго повелѣнія, Посольскій Приказъ задалъ себѣ задачею собрать и приготовить всѣ необходимые для такой работы матеріалы и составилъ имъ цѣлую подробную вѣдомость [2]). Въ этой вѣдомости упоминаются всевозможные предметы, какъ то выписки о титулахъ Московскихъ и иностранныхъ государей, статейные списки прежнихъ посольствъ, могущіе служить образцами, различныя договорныя статьи, выписки изъ прежнихъ трактатовъ, потребныя количества бумаги, чернилъ, камки, шелку, сукна для обертки грамотъ, разчеты бумаги и ящиковъ, воску, свѣчей, пергамена, ножницъ, тисковъ къ печатямъ и т. д. Вся приготовительная работа, павшая на обязанность канцелярій не только Посольскаго, но и другихъ Приказовъ, назначеніе пословъ, ихъ свиты, изготовленіе грамотъ къ иностраннымъ государствамъ и проѣзжихъ, наказа посольству, составленіе смѣты потребныхъ расходовъ и выдача необходимыхъ денегъ, однимъ словомъ всѣ предварительныя организаціонныя дѣйствія заняли около $2^1/_2$ мѣсяцевъ времени. Въ концѣ Февраля 1697 года все уже было готово, наказъ состоялся 25-го Февраля и въ самыхъ первыхъ числахъ Марта посольство могло уже двинуться въ путь.

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 505—506.

[2]) Тамъ-же, стр. 508—512.

Всѣ мѣры по снаряженію посольства, всѣ формальности не только въ титулахъ иностранныхъ государей, но даже въ способѣ прописки ихъ въ грамотахъ, гдѣ слѣдуетъ киноварными, а гдѣ золотыми буквами, соблюденіе условій этикетнаго слога и стиля въ подлежащихъ документахъ, всѣ эти мѣры и формальности были строго соображены съ подлежащими образцами и примѣрами прежнихъ лѣтъ и прежнихъ посольскихъ посылокъ. Отступленія были допущены лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, преимущественно въ опредѣленіи размѣровъ жалованья самимъ посламъ и ихъ свитѣ. Главное содержаніе наказа посольству, весь духъ входившихъ въ него инструкцій прямо вытекалъ изъ всей Московской дипломатической рутины не только XVII, но даже и XVI вѣка. Снабжая пословъ наказомъ, Посольскій Приказъ кромѣ того далъ имъ въ пособіе, въ видѣ руководства для справокъ, тридцать три переплетенныхъ книги, содержащія въ себѣ полныя копіи статейныхъ списковъ цѣлаго ряда прежнихъ посольствъ, начиная съ посольства къ папѣ римскому въ 1580—1581 годахъ. Относительно спеціально занимающей насъ Голландіи, въ книгахъ этихъ были подробно перечислены и изложены дипломатическія сношенія съ Нидерландами, имѣвшія мѣсто въ 1646, 1662, 1665, 1676 и 1687 годахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Русскіе уже были извѣстны въ Голландіи [1], но посольству 1697 года придавало особое значеніе участіе въ немъ самого царя и это-то обстоятельство грозило перевернуть вверхъ дномъ всѣ, установившіяся на почвѣ рутины и традиціи, соображенія и требованія международнаго этикета. Самый-же наказъ посольству, вполнѣ игнорируя личность участвовавшаго въ немъ царя, въ своихъ подробностяхъ ничѣмъ не отличался отъ традиціонныхъ формъ и установившагося въ Москвѣ кодекса международныхъ приличій и любезностей.

Поименовавъ пословъ и государства, къ которымъ они посылаются, и указавъ на заблаговременное извѣщеніе Новгородскаго и Псковскаго воеводъ объ оказаніи ими содѣйствія къ прослѣдованію посольства до Шведской границы (въ нынѣшней Лифляндіи), а равно и на приказаніе воеводамъ предупредить Рижскаго губернатора о встрѣчѣ пословъ, наказъ выражаетъ надежду, что представителями Швеціи все будетъ исполнено согласно условіямъ международнаго права. Надежда эта выражается слѣдующими словами: «И онъ бы Рижскій генералъ или гу-

---

[1]) Начало дипломатическихъ сношеній Россіи съ Голландіей относится къ 1615 году, ко времени Михаила Θеодоровича. (Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г., изданіе Коммиссіи печатанія Государстненныхъ Грамотъ и Договоровъ, ч. I, Москва, 1894, стр. 173 и далѣе; ср. также Соловьева, Исторія Россіи, въ подлежащихъ мѣстахъ томовъ IX и X).

бернаторъ по должности вѣчнаго миру договору, велѣли ихъ принять, и дворы, и пристава, и кормъ, и подводы дать[1]) и отпустить изъ Риги чрезъ Курляндію къ Цесарскому Величеству Римскому не задержавъ». Затѣмъ, наказъ указываетъ на снабженіе пословъ проѣзжей грамотою «для свободнаго проѣзду разными государствы, и на выдачу имъ для раздачи и въ поминки (т. е. для подарковъ), собольихъ мѣховъ, цѣнностію въ 70,000 руб. и, кромѣ того, 15,000 золотыхъ червонныхъ на корабельные наймы и на иные посольскіе расходы». Затѣмъ перечисляется составъ посольства и принадлежащія къ нему лица. Мѣры, долженствующія соблюдаться при приближеніи къ новому государству, указываются слѣдующими словами: «Да какъ они великіе и полномочные послы.... къ пограничному городу пріѣдутъ и имъ послать того города къ державцу или кому будетъ приказано, дворянина да подъячаго и толмача, и велѣть имъ сказать, что отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича (слѣдуетъ въ подлинникѣ царскій титулъ) посланы они (къ такому-то государю, въ данномъ случаѣ къ Римскому Императору) о ихъ государскихъ общихъ дѣлехъ, которыя настоятъ въ ихъ государской братской дружбѣ и любви; и онъ бы, державецъ, великихъ и полномочныхъ пословъ принялъ, и пристава, и кормъ, и провожатыхъ, и подводы давъ, отпустилъ ко Государю своему». Изъ этихъ словъ вытекаетъ то заключеніе, что передвиженіе и содержаніе посольства должно было ложиться на счетъ той страны, въ которую послы направлялись. Это правило соблюдалось въ тогдашнихъ международныхъ сношеніяхъ. Русскіе, съ своей стороны, всегда содержали на свой счетъ пріѣзжавшія въ Москву иностранныя посольства[2]). По пріѣздѣ въ резиденцію иностраннаго государя, послы должны были поручать приставленному къ нимъ приставу сообщить о своемъ прибытіи «думнымъ людямъ, коимъ надлежатъ посольскія дѣла», чтобы тотъ Государь «съ грамотою велѣлъ имъ быть у себя вскорѣ». По полученіи отвѣта чрезъ пристава, послы должны были тѣмъ-же путемъ извѣстить мѣстныхъ думныхъ людей, что они «на посольствѣ быть готовы», но желаютъ быть принятыми отдѣльно и подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при ихъ пріемѣ не было никакихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ отъ другихъ государей. На аудіенцію слѣдовало ѣхать «убрався по посольскому обычаю», а царскую грамоту везти дворя-

---

[1]) Такъ какъ Русское посольство не было аккредитовано къ Шведскому королю, а только проѣзжало чрезъ его владѣнія, то Шведскія власти въ Ригѣ, какъ увидимъ далѣе, не сочли себя въ правѣ вполнѣ удовлетворить эти ожиданія.

[2]) Устряловъ, Исторія Петра Великаго (т. III, примѣчаніе 2, в, стр. 391).

нину или подъячему. Войдя въ залу и немного повременивъ, младшій посолъ беретъ грамоту у подъячаго и передаетъ ее старшему послу, который лично подноситъ ее иностранному государю, но предварительно привѣтствуетъ его краткою рѣчью. Рѣчь эта состоитъ изъ перечисленія титуловъ обоихъ государей и поздравленія отъ имени Русскаго царя, который «велѣлъ поздравить и про свое Царское Величество сказать». Рѣчь посла оканчивается «по обычаю рядовымъ поклономъ», т. е. отнюдь не въ ноги, что являлось бы недостаточнымъ соблюденіемъ царскаго достоинства. Вотъ тутъ-то, послѣ поклона, начиналась для Московскихъ дипломатовъ самая критическая, самая щекотливая минута, отъ исхода которой зависѣло все дальнѣйшее поведеніе посла и вся судьба переговоровъ. Въ отвѣтъ на поздравленіе посла иностранный хозяинъ былъ обязанъ встать, снять шляпу и спросить о здоровьи Московскаго царя, на что посолъ, опять произнося полный царскій титулъ, долженъ былъ отвѣчать, что его повелитель, «какъ мы поѣхали отъ брата Вашего.... въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ добромъ здравіи пребываетъ». Но если-бы иностранецъ не всталъ, не снялъ шляпы и про царское здоровье спросилъ сидя или не самъ, а чрезъ ближняго человѣка, то тогда послу слѣдовало сдѣлать такому невѣжѣ формальный выговоръ со ссылкою на прежніе примѣры и обычаи, на старыя формы дипломатическихъ сношеній и закончить выговоръ слѣдующими словами: «а нынѣ Ваше Величество чините мимо древнихъ обычаевъ и не по исконной своей дружбѣ и любви и взаимнаго воздаянія, въ чемъ его государской братской дружбѣ и любви чинится умаленіе и противность отъ Вашего Величества». Лишь по исполненіи всѣхъ этихъ тонкостей этикета и лишь въ томъ случаѣ, если иностранный монархъ перемѣнитъ свое обращеніе вслѣдствіе замѣчанія посла, послѣдній имѣлъ право вручить «любительную грамоту» своего государя. Если за тѣмъ послы будутъ позваны «къ рукѣ», то имъ «итти къ рукѣ», т. е. цѣловать руку мѣстнаго владыки.

По окончаніи всѣхъ этихъ этикетныхъ обрядностей, послы должны были приступить, опять съ рѣчами и съ полнымъ перечисленіемъ царскаго титула, къ передачѣ оффиціальныхъ поминковъ безъ цѣны, по росписи (то есть по инвентарю, но безъ указанія стоимости), а затѣмъ къ подношенію даровъ и отъ своего имени. «А послѣ подношенія посольскихъ даровъ, говорить посламъ рѣчь о дѣлахъ, примѣняясь къ прежнимъ дѣламъ, съ которыхъ даны имъ, посламъ, изъ Посольскаго Приказу списки, и чтобы тѣхъ дѣлъ указалъ его Величество у нихъ выслушать своимъ министрамъ». По отпускѣ пословъ на ихъ «подворье»

со столомъ, послы должны бить челомъ за «такое жалованье» и сдѣлать подарокъ изъ своихъ пожитковъ тому, кто принесетъ къ нимъ кушанье. Если-бы вмѣсто присылки «жалованья», иностранный государь пригласилъ послѣ аудіенціи пословъ къ себѣ обѣдать, то они должны непремѣнно предъявить то-же условіе, которое было связано съ ихъ первымъ пріемомъ, именно, чтобы за обѣдомъ не было никого изъ другихъ чужестранныхъ дипломатовъ.

Поведеніе за обѣдомъ въ присутствіи иностраннаго государя также вызывало цѣлую регламентацію пиршественныхъ приличій. Послы обязывались подробно отмѣчать въ своихъ записяхъ, каковъ будетъ ихъ пріѣздъ къ главѣ государства, какихъ и съ кѣмъ именно пришлютъ за ними лошадей или кареты, кто и какого чина встрѣтитъ ихъ, какое имъ «у стола будетъ почитаніе», что съ ними будутъ говорить и самъ ихъ высокій хозяинъ, и его ближніе люди. На обращаемыя къ нимъ слова послы обязаны отвѣчать остерегательно, чтобы отвѣты ихъ служили къ «повышенію» царскаго имени и чести. Иностранный владѣтель долженъ лично провозглашать здоровье Московскаго государя, а послы при этомъ выходить изъ за стола, собственноручно принимать заздравную чашу и стоя выпивать ее. Если-же хозяинъ не соблюдетъ полной вѣжливости и пришлетъ заздравную чашу чрезъ своего «чашника», то посолъ долженъ свою чашу послать въ обмѣнъ, выйти изъ за стола, поблагодарить (челомъ ударить) и опять сѣсть къ столу на свое мѣсто. Если же такія присылки чашъ случатся уже по окончаніи оффиціальныхъ тостовъ или послѣ обѣда, то послы должны отдарить, «чѣмъ пригоже изъ своихъ пожитковъ», то лицо, которое по порученію высокаго хозяина передастъ имъ его угощеніе. Характерное и, въ связи съ нравами того времени, вѣроятно не лишнее правило имѣетъ въ виду лицъ посольской свиты: «А дворяномъ и переводчикомъ и подъячимъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, и не упивались, и словъ непригожихъ между собою не говорили».

На второй или третій день послѣ оффиціальнаго обѣда послы должны были лично явиться къ своему хозяину съ изъявленіемъ признательности за хлѣбосольство, «бить челомъ на жалованье» [1]. Затѣмъ, въ тотъ-же день благодарственнаго посѣщенія, они должны были начать переговоры съ мѣстными дипломатами или, выражаясь слогомъ статейныхъ списковъ, «быть у думныхъ людей въ отвѣтѣ». Тонкости эти-

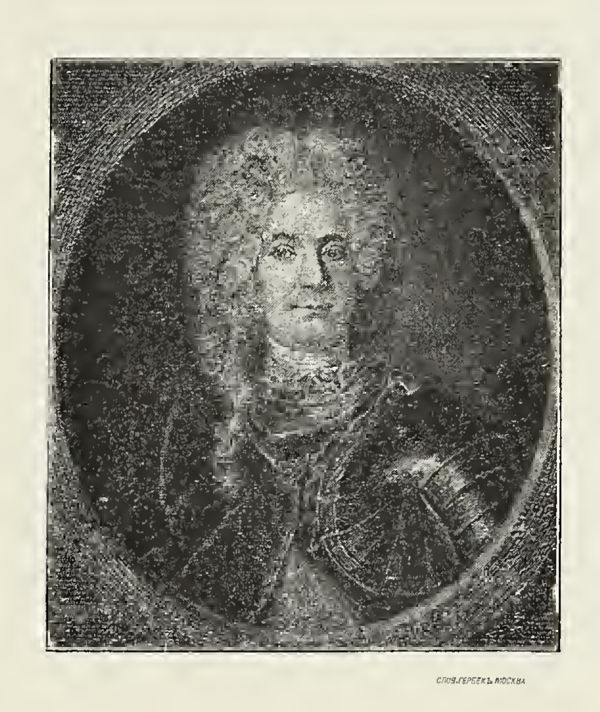
[1]) То есть сдѣлать то, что теперь въ свѣтскомъ общежитіи называется visite de digestion.

кета проявлялись при самомъ началѣ этихъ переговоровъ, на которые послы могли ѣхать только въ придворныхъ или казенныхъ каретахъ мѣстнаго государя, даже скорѣе въ своихъ собственныхъ, чѣмъ въ частныхъ экипажахъ переговаривавшихся съ ними дипломатовъ. По заключеніи всѣхъ дѣлъ и окончаніи всѣхъ переговоровъ давалась посламъ прощальная аудіенція съ соблюденіемъ тѣхъ-же условій, какъ и при пріемѣ, то есть при обязательномъ отсутствіи дипломатовъ другихъ странъ. Отвѣтная грамота Московскому царю требовалась строго параллельная въ титулахъ, способѣ и цвѣтѣ ихъ прописки, съ первою «любительною» грамотою. Прежде торжественнаго врученія отвѣтной грамоты лично самимъ иностраннымъ государемъ, она предварительно конфиденціально сообщалась посламъ, которые строго наблюдали за сохраненіемъ въ ней всѣхъ подробностей стиля и правописанія, требуемыхъ международнымъ этикетомъ, и имѣли право вносить въ нее свои поправки и дополненія.

Только что выписанныя указанія относятся къ посѣщенію послами Императора Римскаго. Въ отношеніи другихъ государствъ, къ которымъ отправлялось посольство 1697 года, наказъ допускаетъ нѣкоторыя модификаціи, сохраняя общія главныя черты. Такъ напримѣръ, посламъ было приказано Римскаго папу «въ ногу отнюдь не цѣловать, а цѣловать въ руку»; въ Венеціи, съ княземъ (т. е. дожемъ) и сенатомъ здороваться просто, т. е. «витатися, а къ рукѣ къ князю не ходить», «ко князю и къ сенату ѣсть ѣхать чинно»; «у Датскаго Короля особо быть имъ на посольствѣ передъ Королевскимъ Величествомъ безъ шпагъ, непокровенными головами», согласно условію, постановленному при пріемѣ Датскаго посла въ Москвѣ въ 1684 году. При посѣщеніи Нидерландовъ послы должны были руководствоваться нижеслѣдующими краткими правилами.

«Пріѣздъ къ Голландскимъ Статамъ учинить по вышепоименованному посольскому обыкновенію и со осторожностію, и, будучи у нихъ на посольствѣ, поздравить и рѣчь говорить по сему: Бога въ Троицѣ славимаго милостію пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ (полный титулъ)», а послѣ того говорить: «вамъ, высокомочнымъ господамъ Статамъ[1]), генералъ славныхъ одновладѣтельныхъ полныхъ соединенныхъ Нидерландовъ, велѣлъ про свое Цар-

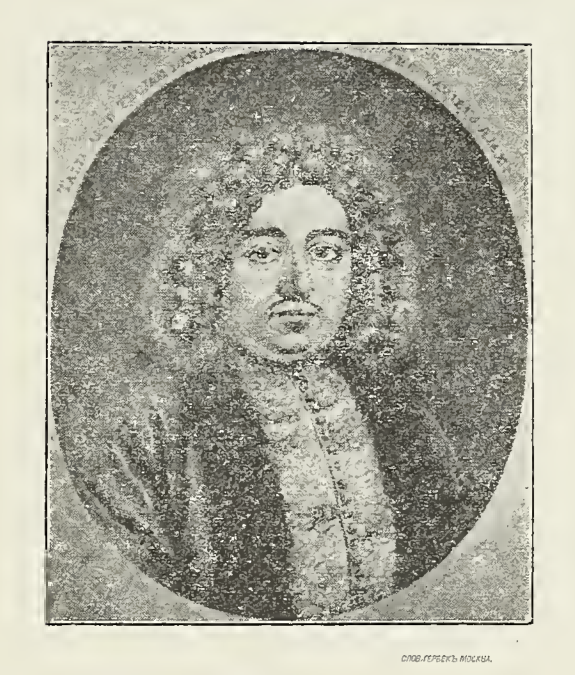
[1]) Такой титулъ Нидерландскаго правительства въ 1670 г. опредѣлено употреблять въ грамотахъ къ Голландіи (Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, стр. 188).



ФР. Я. ЛЕФОРТЪ,

первый

Русскій посолъ.



Ѳ. А. ГОЛОВИНЪ,

второй

Русскій посолъ.

скаго Величества здоровье объявить, а васъ поздравить. И поклониться по обычаю рядовымъ поклономъ. А потомъ, по вспросу ихъ, про здоровье Великаго Государя, Его Царскаго Величества сказать и Его Царскаго Величества грамоту и въ тафтѣ подать, и предъ поданіемъ грамоты рѣчь говорить, примѣняясь къ вышеписанному-же. Также и о дѣлахъ, во время посольства и въ отвѣтѣ будучи, говорить имъ великимъ и полномочнымъ посламъ выбирая, что пристойно, и примѣняясь къ прежнимъ голландскимъ дѣламъ, съ которыхъ даны имъ изъ Посольскаго Приказу списки, и чтобъ было его Великаго Государя имяни къ чести и къ повышенію, а государствамъ его ко всякой прибыли, а Голландскимъ Статомъ давней дружбы къ подкрѣпленію. Да какъ они великіе и полномочные послы, будучи у Голландскихъ Статъ, Царскаго Величества дѣла совершатъ и къ Великому Государю они Статы отпустятъ и листъ свой къ Его Царскому Величеству пошлютъ, и великимъ и полномочнымъ посламъ, взявъ у Голландскихъ Статовъ листъ, ѣхать изъ Голландскія земли къ Англинскому королю» [1]).

Такимъ образомъ главная задача дипломатическаго этикета, возлагавшаяся на русское посольство, состояла въ строгомъ соблюденіи царскаго достоинства Московскаго царя и въ недопущеніи со стороны иностранцевъ ни малѣйшей попытки къ его умаленію. Этою главною цѣлью обусловливались всѣ сложныя и придирчивыя формальности поведенія, которыя предписывались посламъ на оффиціальныхъ пріемахъ, пирахъ и совѣщаніяхъ съ дипломатами Европейскихъ державъ. Мы не считаемъ нужнымъ подробно объяснять здѣсь, на чемъ основывалось такое ревностное стремленіе къ обезпеченію чести и имени Московскаго царя, коренившееся въ дипломатическихъ традиціяхъ Посольскаго Приказа. Но мы не должны забывать, что русское государство развилось и окрѣпло внѣ общенія съ Западною Европою, по своему собственному историческому ходу, независимому отъ историческаго движенія западно-европейской культуры. И потому понятно, что когда, благодаря своему могуществу, Россія стала выступать съ желательной ей ролью участницы въ общеевропейской исторіи, то желаніе это могло быть выполнено лишь цѣною извѣстныхъ усилій и самостоятельнаго вторженія въ среду западныхъ государствъ, которыя не могли не считать своего восточнаго сосѣда какимъ-то дикимъ краемъ, какимъ-то отрѣзаннымъ, по своему прошлому, ломтемъ, какимъ-то непрошеннымъ гостемъ на своемъ романо-германскомъ пиру. Вотъ, почему Русскимъ приходилось такъ ревностно добиваться уваженія къ имени и достоинству Московскаго Царя.

---

[1]) Наказъ посламъ напечатанъ въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній, стр. 661—699.

Кромѣ наказа послы были снабжены проѣзжею грамотою отъ имени царя къ «пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государямъ, Королевскимъ Величествамъ, любительнѣйшимъ братьямъ и друзьямъ нашимъ, здравія и благопоспѣшныхъ поведеній, непрестаннаго и всегдашняго приращенія, такожде всѣмъ вообще и коемуждо особно, свѣтлѣйшимъ электоромъ (т. е. курфюрстамъ) и инымъ принцыпамъ (т. е. князьямъ), рѣчамъ Посполитымъ (т. е. республикамъ) и ихъ правителямъ, духовнымъ и мірскимъ, арцыбискупамъ, бискупамъ, князьямъ, генераламъ, маркграфамъ, графамъ, баронамъ, полковникамъ, ротмистрамъ, воинамъ, шляхтѣ, подвластнымъ начальникамъ, президентамъ, комендантамъ, капитанамъ, намѣстникамъ, вицедоминамъ (т. е. вице-государямъ), губернаторамъ, каштелянамъ, хорунжимъ, предводителямъ и властителямъ, и городовъ, городковъ, селъ и какихъ ни есть мѣстъ и обществъ правителямъ, бурмистрамъ, а на морѣ адмираламъ и вице-адмираламъ, и прочимъ начальнымъ и вольнымъ добытчикамъ морскимъ, а пристанищъ, мостовъ и переправъ всякихъ стражамъ и инымъ, которые настоящею грамотою употреблены будутъ, какого ни есть состоянія, степени, уряду, чину и достоинства или преимущества суть, благоволеніе и всякое благо». Затѣмъ, переименовавъ пословъ и объявивъ, что посольство отправляется «для общихъ нашихъ государскихъ и всему союзному христіанству потребныхъ дѣлъ», проѣзжая грамота проситъ всѣхъ вышеперечисленныхъ государей и властей велѣть пословъ «со всѣми при нихъ будущими людьми, рухлядью и вещами, которыя съ собою имѣть будутъ, сухимъ путемъ и моремъ пропускать вездѣ безъ задержанія, дабы тѣмъ нашимъ вышерѣченнымъ и полномочнымъ посламъ, какъ туда ѣдучимъ, такъ и назадъ въ государство наше возвращающимся, въ пути ихъ нигдѣ ни отъ кого препятствія и озлобленія и никакой досады не было, а наипаче, гдѣ нужда какая приключится, учинено бы было въ требованіи ихъ всякое вспоможеніе, и вольность, и благопривѣтствованіе». Съ своей стороны, заканчивая грамоту, Московское правительство обѣщало иностраннымъ державамъ: «а у насъ, въ государствахъ нашихъ, взаимно вашимъ посламъ и посланникамъ прилучившимся, нашимъ Царскаго Величества благоволеніемъ и милостію потому-жъ воздано будетъ»[1].

Независимо отъ наказа и проѣзжей грамоты, выданныхъ самому посольству, послы получили еще цѣлый рядъ документовъ для врученія главамъ иностранныхъ державъ, каждому отдѣльно. Документы эти состояли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изъ двухъ грамотъ, одной вѣ-

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 654—657.

рющей а другой полномочной. Форма и содержаніе и той, и другой грамоты во всѣхъ случаяхъ были тождественны и отличались только различіями въ именахъ иностранныхъ государствъ и въ титулахъ ихъ владѣтелей. Въ этихъ грамотахъ золотомъ въ заставкахъ («съ заставицы небольшими») прописывалась часть полнаго титула Московскаго царя и соотвѣтственное обозначеніе иностраннаго государя. Грамоты эти писались на листахъ Александрійской бумаги и снабжались большой государственной печатью. При грамотахъ прилагались латинскіе переводы на такой-же бумагѣ и при подачѣ ихъ адресату вкладывались въ кусокъ камки.

Вѣрющая грамота была по преимуществу любительная, такъ какъ въ ней указывались миролюбивые поводы посольства. Такъ какъ содержаніе и тѣхъ, и другихъ грамотъ были однообразны ко всѣмъ государствамъ и они отличались только титулами адресатовъ, то мы приведемъ для образца вѣрющую и полномочную грамоты въ Нидерланды, какъ близко касающіяся предмета настоящей статьи. Вторая грамота въ подлинномъ статейномъ спискѣ не имѣетъ окончанія, что вызвало слѣдующее замѣчаніе писца на подлинникѣ: «Конецъ той грамоты не дописанъ, для того, что въ столпу оторвалось, только знатно конецъ писанъ противъ прочихъ грамотъ». На основаніи этого замѣчанія мы возстановимъ утраченный конецъ полномочной грамоты къ Голландіи по другимъ образцамъ такихъ-же грамотъ. И та, и другая грамота начинались царскимъ титуломъ и обозначеніемъ иностраннаго владѣтеля или государства. Затѣмъ, послѣ словъ: «Къ Голландскимъ Статамъ вѣрющая» сообщалось, что «изволили мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, соблюдая древнюю нашу къ вамъ дружбу и обновляя любительныя пересылки, послать съ сею настоящею грамотою (слѣдуетъ перечисленіе пословъ)...., имъ-же наказали оную настоящую нашу дружбу и любовь крѣпшимъ любленіемъ утвердить и совѣты наши къ безопасному союзному намѣренію, удобно избранные, явственно предложить и общепотребныя дѣла благополучнѣе соединить, о чемъ они, великіе и полномочные послы, пространно объявятъ. И Вашей бы Высокомочности у тѣхъ нашихъ.... пословъ всего того, что они нашимъ именемъ предлагати будутъ, съ полною и совершенною вѣрою слушать и то въ твердость дружбы нашея принять и совѣты наши на общую лѣпоту къ пользѣ употребительныя совокупить и укрѣпить; а по совершеніи дѣлъ къ намъ, Великому Государю, къ Нашему Царскому Величеству, отпустить».

Сравнительно съ только что приведенной грамотою, грамота полномочная отличалась слѣдующими подробностями текста: «Къ Голландскимъ Статамъ полномочная. Для утвержденія съ Вами дружбы нашей

и всему союзному христіанству и предложенія общепотребныхъ дѣлъ, посылаемъ мы (слѣдуетъ перечисленіе пословъ)... якоже силою сея грамоты совершенно полную мочь имъ вручили, надѣясь, что Ваша Высокоможность, по оной нашей доброй къ Вамъ дружбѣ, у тѣхъ нашихъ.... пословъ наказанныя имъ дѣла выслушавъ договаривать и становить похощете и что тѣ наши.... послы, будучи у Вашей Высокоможности, учнутъ говорить и становить, и тому бъ вѣрить. А что тѣ наши Царскаго Величества.... послы съ Вашею Высокоможностію постановятъ и письмами утвердятъ, и то отъ насъ Великаго Государя.... сдержано будетъ крѣпко и не порушимо» [1].

Теперь намъ необходимо выяснить количественный составъ великаго посольства, тѣмъ болѣе, что мы встрѣчаемъ объ этомъ предметѣ не совсѣмъ согласныя данныя въ имѣющихся у насъ источникахъ. Источники эти заключаются въ слѣдующихъ документахъ. 1) Статейные списки великаго посольства 1697 г., по которымъ полный составъ посольства опредѣлился не сразу, а вслѣдствіе цѣлаго ряда просьбъ о зачисленіи разныхъ лицъ въ свиту пословъ и назначенія туда изъ Московскихъ Приказовъ и Палатъ спеціалистовъ, мастеровъ и ремесленниковъ. Статейные списки указываютъ только на однихъ оффиціальныхъ участниковъ посольства [2]. 2) Списокъ посольства, составленный передъ отправленіемъ части его состава моремъ въ Голландію, приводимый у Устрялова [3]. Въ этотъ списокъ вошли не только поименованныя въ статейныхъ спискахъ лица, но и вся ихъ прислуга, оффиціальная и частная. Кромѣ прибавки прислуги, списокъ, сообщаемый Устряловымъ, какъ составленный въ Бранденбургѣ, именно вѣроятно въ Пилау или Кольбергѣ, отличается отъ документовъ статейнаго списка еще пропускомъ около полусотни солдатъ, въ это время уже отправленныхъ обратно въ Россію. 3) Наконецъ, указаніе Меермана на то, что все посольство состояло почти что изъ 200 человѣкъ и что въ Гаагѣ, куда оно ожидалось изъ Амстердама для пріемной аудіенціи, слѣдовало озаботиться помѣщеніемъ для свиты посольства въ 150—160 человѣкъ, хотя и это количество было не вполнѣ достовѣрно [4]. Послѣднее указаніе Меермана соотвѣтствуетъ даннымъ статейнаго списка,

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 650—652.

[2]) Относящіеся сюда документы напечатаны въ разныхъ мѣстахъ Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній, а именно на страницахъ: 523—526, 535—537, 539, 540, 549, 554—555, 560—561, 565, 567, 570, 572—575, 590—591, 601—606, 613—615, 618—619, 623—625, 663—664, 749—753. Тутъ-же находятся и свѣдѣнія о размѣрахъ жалованья посламъ и ихъ свитѣ.

[3]) Исторія Петра Великаго, т. III, прилож. VIII, № 3 на стр. 572—576, и примѣч. 218.

[4]) Meerman, Discours, стр. 15 и 37.

именно краткой росписи объ отправленіи великихъ пословъ и о личномъ составѣ посольства, помѣченной 25 Февраля 1697 г. [1]).

Во главѣ посольства были поставлены, какъ мы уже знаемъ, Лефортъ, Головинъ и Возницынъ. Положеніе ихъ было не равное, отличаясь какъ размѣрами положеннаго имъ жалованья, такъ и количествомъ свиты при каждомъ изъ пословъ.

При Францѣ Яковлевичѣ Лефортѣ, какъ главномъ послѣ, состояло четырнадцать дворянъ Московскихъ, судя по ихъ именамъ, исключительно иностранцевъ, въ томъ числѣ Петръ Лефортъ, племянникъ посла. У Устрялова названы только семь дворянъ. Затѣмъ, при первомъ-же послѣ считались два мастера посудника, тоже иностранцы, одинъ изъ Золотой Палаты, другой изъ Серебряной. Такимъ образомъ по записи 25 Февраля вся свита при Лефортѣ состояла изъ 16 человѣкъ. Сообщаемый Устряловымъ документъ прибавляетъ къ этому числу еще указаніе на слѣдующее количество прислуги при Лефортѣ и его свитѣ: 7 пажей, судя по именамъ ихъ, иностранцевъ [2]); 14 посольскихъ служителей и лакеевъ съ именами преимущественно нѣмецкими и голландскими, кромѣ одного, Матвѣя Бродовскаго, который можетъ быть былъ полякъ, если не русскій; четверо людей при дворянахъ, двое русскихъ и двое съ прозвищами «калмыкъ»; шесть музыкантовъ и трубачей съ нѣмецкими именами, кромѣ одного Николая Николаева, можетъ быть также иностранца; кромѣ того еще двое людей, дворецкій, всѣ трое русскіе, обозный, Янъ Полякъ, трое русскихъ поварятъ и наконецъ двое челядниковъ изъ восточныхъ народовъ, именно Юрка Черкашенинъ и Ахметка Турчанинъ. По Устряловскому списку при Лефортѣ, считая его свиту и прислугу, состояло всего 50 человѣкъ. Число это на 34 человѣка болѣе, чѣмъ въ краткой записи Посольскаго Приказа; вѣроятно это лишнее число указываетъ прямо на количество прислуги при первомъ послѣ и его свитѣ.

Свита Ѳеодора Алексѣевича Головина, втораго посла, согласно документу Посольскаго Приказа, состояла всего изъ восьми дворянъ Московскихъ, исключительно русскихъ, кромѣ одного иностранца, Книпера, котораго Устряловскій списокъ называетъ пажемъ. Въ числѣ этихъ восьми дворянъ было двое Головиныхъ, родственниковъ посла. Сверхъ того Устряловъ прибавляетъ еще прислугу, исключительно русскую по име-

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 749—753.

[2]) Имена пажей другія, чѣмъ имена 14 дворянъ статейнаго списка, изъ которыхъ Устряловъ называетъ только семь человѣкъ: стало быть пажи Лефорта не могутъ быть смѣшиваемы съ состоявшими при немъ дворянами.

намъ, въ числѣ всего 15 человѣкъ, а именно: 2 слугъ при послѣ, 6 людей посольскихъ, 3 поваровъ и 4 людей при дворянахъ.

Думный дьякъ Прокофій Богдановичъ Возницынъ, какъ третій, младшій посолъ, сопровождался лишь двумя своими родственниками Возницыными, состоявшими при немъ въ качествѣ дворянъ. Устряловскій списокъ называетъ кромѣ того 8 человѣкъ прислуги, все русскихъ, исключая одного калмыка, судя по его имени. Прислуга эта состояла изъ 4 людей посольскихъ, двухъ поваровъ и двухъ людей при дворянахъ.

Общее число лицъ, состоявшихъ при трехъ послахъ, оказывается въ 26 человѣкъ свиты и въ 57 прислуги, а всего 83 человѣка.

Кромѣ того къ общему составу посольства принадлежали, по статейному списку, еще слѣдующія лица: священникъ, дьяконъ, лекарь Термантъ (иностранецъ), двое переводчиковъ (одинъ русскій, другой иностранецъ), семь подъячихъ изъ разныхъ Московскихъ Приказовъ, трое толмачей, изъ которыхъ одинъ иностранецъ, два русскихъ собольщика и сторожъ, тоже русскій, всего 18 человѣкъ. Затѣмъ, 35 солдатъ Преображенскаго полка, отправлявшихся за границу учиться въ качествѣ валентеровъ, т. е. волонтеровъ, и 62 солдата для караула подъ начальствомъ маіора Смита, 4 карлика и 12 возниковъ или гайдуковъ при экипажахъ. Общее число всѣхъ, только что перечисленныхъ, лицъ составляетъ всего 132 человѣка. Прибавляя къ этому числу составъ отдѣльныхъ свитъ при каждомъ послѣ, получимъ общее количество состава посольства безъ прислуги по статейному списку, а именно: трое пословъ и при нихъ 26 и 132, всего 161 человѣкъ.

Къ только что перечисленнымъ 132 человѣкамъ, состоявшимъ не при отдѣльныхъ послахъ, а вообще при всемъ посольствѣ, Устряловскій документъ прибавляетъ еще слѣдующую прислугу: двухъ человѣкъ при священникѣ и дьяконѣ, двухъ человѣкъ при переводчикахъ, иноземца Бумгарда, приставшаго въ Кенигсбергѣ къ толмачу Вульфу, 4 человѣкъ при подъячихъ, двухъ лишнихъ лекарей иностранцевъ, помощниковъ Терманта, и 4 учениковъ при нихъ и, наконецъ, одного человѣка при карликахъ [1], всего 16 человѣкъ. Кромѣ того, Устряловскій списокъ называетъ одного гайдука и одного барабанщика, 9 человѣкъ прислуги при волонтерахъ и Имеретинскаго царевича Александра Арчиловича съ тремя человѣками прислуги [2]. Вся прибавка Устряловскаго документа

---

[1]) Одинъ изъ карликовъ названъ въ статейномъ спискѣ Акимомъ Волковымъ, а у Устрялова—Якимомъ Іевлевымъ, но вѣроятно это одно и тоже лицо.

[2]) Царевичъ этотъ лишь въ Ригѣ догналъ посольство (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 765).

къ 132 человѣкамъ статейнаго списка состоитъ изъ 31 человѣка. Устряловъ принимаетъ число волонтеровъ не въ 35 человѣкъ, какъ статейный списокъ, а всего въ 29 человѣкъ и дѣлитъ ихъ на три неравныхъ десятка, въ 7, 12 и 9 человѣкъ, причемъ во главѣ втораго десятка помѣщаетъ Петра Михайлова, т. е. самого царя, и рядомъ съ нимъ — Александра Меншикова. Но за то Устряловскій списокъ вовсе не упоминаетъ о маіорѣ Смитѣ и 50 солдатахъ «для караула», кромѣ 12 человѣкъ, выбранныхъ изъ ихъ числа въ гайдуки.

Намъ кажется возможнымъ примирить эти противорѣчія въ цифрахъ между статейнымъ спискомъ и документомъ, приводимымъ Устряловымъ относительно общаго количества личнаго состава посольства. Очень можетъ быть, что и тотъ и другой источники иногда имѣютъ въ виду однихъ и тѣхъ-же лицъ, но только подъ различными обозначеніями. Для нашей задачи вполнѣ достаточно принять оффиціальный составъ посольства согласно статейному списку круглымъ счетомъ въ 160 человѣкъ и прибавить къ нимъ по Устряловскимъ даннымъ около 70 человѣкъ прислуги, что все вмѣстѣ составитъ приблизительно 230 человѣкъ. Но изъ этого числа 230 человѣкъ надо исключить 50 лишнихъ солдатъ, отправленныхъ съ маіоромъ Смитомъ въ Іюнѣ 1697 года обратно въ Россію изъ теперешней Пруссіи. Такимъ образомъ, останется всего, членовъ посольства и прислуги, не болѣе 180 — 200 человѣкъ, что опять таки не противорѣчитъ одному изъ двухъ указаній Меермана [1]).

Благодаря статейному списку мы имѣемъ возможность выяснить и размѣръ расходовъ Московскаго государства, вызванныхъ отправленіемъ въ западную Европу великаго посольства, причемъ расходы эти не могутъ быть отнесены на счетъ посѣщенія одной Голландіи, хотя, какъ мы увидимъ далѣе, 15,000 червонцевъ «на корабельные наймы и на посольскіе расходы» не хватило уже въ Амстердамѣ, откуда пришлось обращаться за дополнительною ассигновкой въ Москву. А вѣдь это случилось еще въ половинѣ пути, до поѣздки въ Вѣну, откуда вслѣдствіе стрѣлецкаго бунта Петръ внезапно вернулся въ Москву, не успѣвъ побывать ни въ Венеціи, ни въ Римѣ.

Въ подробностяхъ расходовъ на посольство особенно любопытны въ бытовомъ отношеніи размѣры жалованья, платимаго Московскимъ государствомъ своимъ чиновникамъ и слугамъ. Іерархическія различія

---

[1]) Въ росписи о числѣ людей.... вѣроятно «въ Пилау», замѣчаетъ Устряловъ, «сказано: всего кромѣ десятника (т. е. царя) и пословъ, 250 человѣкъ» (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 576, примѣч. 227). Конечно въ это число вошли и 50 солдатъ для караула.

въ оффиціальномъ достоинствѣ трехъ пословъ имѣли вліяніе на ихъ годовые оклады. Лефортъ, какъ первый посолъ, генералъ адмиралъ и Новгородскій намѣстникъ, получалъ 3,900 руб.; Головинъ, какъ второй посолъ, генералъ и воинскій коммиссарій, и Сибирскій намѣстникъ,—3,000 руб.; а думный дьякъ Возницынъ, въ качествѣ не столько Болховскаго намѣстника, сколько третьяго посла, всего 1,650 руб.[1]. Все жалованье посламъ составляло сумму въ 8,550 руб. Состоявшіе при нихъ дворяне получали каждый по 130 руб., что на всѣхъ 24 человѣка составитъ 3,120 руб. Жалованье подъячимъ было различно. Тѣ изъ нихъ, оклады которыхъ упоминаются въ статейномъ спискѣ, получали: двое по 120 руб., одинъ 100 руб., двое по 80 руб. и одинъ 60 руб. Кромѣ того одинъ изъ подъячихъ, именно Петръ Ларіоновъ, отправлялся за границу для науки и поэтому ему было назначено только 10 руб. Всего на указанные оклады семи подъячихъ требовалось 450 руб. Переводчикамъ Вульфу и Шафирову по 130 руб.—260 руб.; тремъ толмачамъ, одному 54 руб. съ копѣйками, другому 45 руб., третьему 39 руб., всего 138 руб.; священнику 250 руб., дьякону 55 руб., духовенству всего 305 руб. Лекарь Термантъ получилъ необыкновенную сумму, именно 500 руб., но жалованье это было дано «не въ образецъ» и его велѣно «на примѣръ никому не выписывать». Двумъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, мастерамъ было назначено по 70 руб., итого 140 руб.; двумъ собольщикамъ по 60 руб., итого 120 руб. и, наконецъ, сторожу 20 руб. Такимъ образомъ, сводя всѣ итоги, на жалованье требовалось: тремъ посламъ 8,550 руб., 24 при нихъ дворянамъ 3,120 руб. и остальнымъ 20 человѣкамъ посольской свиты 2,253 руб., всего 13,923 руб. Въ этотъ разсчетъ, какъ вѣроятно замѣтилъ читатель, не вошли ни солдаты и волонтеры, ни карлы и гайдуки, а равно и остальная прислуга.

Собственно говоря указанные размѣры обнимаютъ собою не одно годовое жалованье участниковъ посольства, положенное имъ по ихъ

---

[1] Сверхъ денежнаго жалованья послы, по своимъ Московскимъ должностямъ и званіямъ, получали еще оклады различными припасами, именно медомъ, рыбой и мукой. Рѣшаемся выписать, какъ крайне любопытныя въ бытовомъ отношеніи, относящіяся сюда подробности. Окладъ натурою былъ сравненъ между двумя генералами, Лефортомъ и Головинымъ. Каждый изъ нихъ получалъ изъ казны въ годъ: меду вишневаго по 12½ ведеръ, малиноваго и вешняго по 10 каждаго, боярскаго и обарнаго по 12½ каждаго; рыбы по 2½ спины и по 5 прутовъ (sic) теши бѣлужьей, по 2½ спины и по 7½ прутовъ тешъ осетроныхъ, по 20 бѣлорыбицъ, по 20¼ лососей и по 10 четнертей съ полуосминою муки крупичатой. Окладъ Возницына состоялъ изъ тѣхъ-же предметовъ, но въ меньшемъ количествѣ, именно изъ меду, по 6 ведеръ вишневаго и обарнаго, по 4 малиноваго, вешняго и боярскаго, изъ 2 тешъ и 2 спинъ бѣлуги, изъ 2 спинъ и 2 прутонъ тешъ осетровыхъ, изъ 8 бѣлорыбицъ и стольких-же лососей, и изъ 3 четвертей муки.

должностямъ въ Москвѣ, но и деньги, назначенныя на подмогу, т. е. въ спеціальный окладъ по случаю отъѣзда за границу. Подмога превышала размѣръ обыкновеннаго жалованья въ 4—6 разъ, иногда менѣе, даже только вдвое. Жалованье было вообще очень небольшое. Напримѣръ, собольщики получали всего по 10 руб., но на подмогу имъ было выдано кромѣ того по 50 руб. Подмога не была лишена заманчиваго значенія для корыстолюбія ѣхавшихъ за границу [1]).

Кромѣ жалованья, потребности снаряженія посольства вызывали и нѣкоторые другіе, болѣе мелкіе, расходы, о которыхъ статейный списокъ сохранилъ намъ извѣстія, не лишенныя характерности въ бытовомъ отношеніи. По росписи посла Головина, представленной въ Посольскій Приказъ «къ посольскому отпуску», для упаковки вещей, для канцелярскихъ принадлежностей и другихъ потребностей понадобились нѣкоторые предметы реквизитнаго значенія. Засѣдавшій въ Посольскомъ Приказѣ думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ сдѣлалъ на этой росписи такую помѣту: «пріискать все и приторговать, что чему цѣна порознь, и что всего дать доведется» Для исторіи цѣнъ любопытно узнать, во что обошлись покупки слѣдующихъ предметовъ:

1) Ящикъ малый къ печатямъ, холмогорской работы, окованъ бѣлымъ желѣзомъ, съ замкомъ «глездуномъ», былъ заплаченъ 1 руб. 2) На два мѣшечка къ печатямъ пошло бархату $^3/_4$ аршина стоимостью 1 руб. 10 алтынъ. 3) За два сундука дубовые, обиты желѣзомъ, съ замкомъ глездуномъ, одинъ величиною въ 2 аршина, поперекъ въ аршинъ, — 2 руб. 25 алтынъ; другой безъ $^1/_4$ дву аршинъ, съ такимъ же замкомъ, поперекъ меньше аршина,—2 руб. съ полтиною. 4) Ящикъ дубовый, окованъ желѣзомъ, съ замкомъ глездуномъ же, рубль. 5) Шелкъ сученый китайскій по 8 денегъ, московской ткани по 5 денегъ золотникъ (требовалось 10 золотниковъ). 6) Сургучъ красный по 20 алтынъ фунтъ (требовалось 6 фунтовъ). 7) Сургучъ черный по 3 р. фунтъ (нужно было 1 фунтъ). 8) Золотые червонные (требовалось десять червонныхъ золота творенаго), по 41 алтыну, да сусальщику за твореніе золота, по 6 алтынъ по 4 деньги отъ золотаго. 9) Свѣчи восковые (1 пудъ) витые, по гривнѣ фунтъ. 10) Двѣ щоты (щетки) по 8 алтынъ по двѣ деньги. 11) 10 клеевъ, по 10 денегъ клей. 12) 2 ножницы по 4 алтына. 13) 2 палуба, съ санями и съ оглоблями, по 1 рублю 3 алтына 2 деньги. 14) 2 фонаря, одинъ въ рубль, другой въ рубль 16 алтынъ 4 деньги. 15) $^1/_2$ аршина краснаго сукна 20 алтынъ. 16) 200 аршинъ связокъ, по 10 денегъ за сотню. 17) Воску краснаго сдѣлать 10 фунтовъ въ лепешкахъ (для печатей), воскъ по гривнѣ фунтъ, къ тому воску терпентину по чети фунта на фунтъ, киновари тожъ, итого на 10 фунтовъ

---

[1]) Первыя извѣстія о подмогѣ посламъ, отправлявшимся за границу, относятся къ концу XVI в., именно къ царствованію Өеодора Іоанновича (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VII, стр. 633 и 645). Первое такое извѣстіе опредѣляетъ подмогу въ 200 руб. послу, тогда какъ думный дьякъ, управлявшій Посольскимъ Приказомъ, получалъ только 100 руб.

(воску) терпентину по 2 фунта съ полуфунтомъ, киновари тожъ; терпентинъ по 5 алтынъ фунтъ, киноварь по 23 алтына 2 деньги за фунтъ. 18) свѣчъ маковыхъ 1 пудъ по рублю по 10 алтынъ. 19) чернила сухіе (2 фунта), по $1^1/_2$ руб. за фунтъ. 20) скляница (четвертная) чернилъ уставныхъ, 16 алтынъ 4 деньги. Сумма расходовъ на покупку и заказъ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ составила 47 руб., 13 алтынъ, 5 денегъ [1].

Мы упоминали выше о 33 книгахъ съ копіями документовъ прежнихъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами, которыя были вручены великому посольству для руководства и справокъ. Книги эти пришлось переплести. За переплетъ было уплачено переплетчику по 10 алтынъ отъ книги, всего 9 руб. 30 алтынъ. Товаръ, вошедшій въ эту цѣну, былъ поставленъ переплетчикомъ и состоялъ изъ кожи, клея, золота и шелковыхъ завязокъ [2].

Для обертки, при ихъ врученіи, царскихъ грамотъ, было выдано изъ Казеннаго Приказа по 10 аршинъ камки нѣмецкой червчатой, да тафты гладкой червчатой [3]. Заблаговременно, еще въ Декабрѣ 1696 г., были заготовлены для посольства двѣ серебряныя государственныя печати, одна большая, другая поменьше [4]. Затѣмъ, Казенный Приказъ выдалъ посольству, по примѣру прежнихъ подобныхъ же случаевъ, два серебряныхъ рукомойника съ лоханями, два серебряныхъ шандала со щипцами, два ковра золотныхъ и два сукна столовыхъ [5].

Наконецъ, послѣднею мѣрою Посольскаго Приказа имѣлось въ виду обезпечить посольство средствами передвиженія до Шведской границы, откуда дальнѣйшія распоряженія падали уже на обязанность иностранныхъ властей. Съ этой цѣлію 21—23 Февраля 1697 года было приказано Новгородскому воеводѣ Апраксину и Псковскому Салтыкову заготовить въ Новгородѣ и Псковѣ, въ каждомъ городѣ по 1,000 подводъ, съ санями и проводниками, на ямахъ изъ посаду и съ уѣзду [6].

Ни одинъ документъ статейнаго списка въ числѣ участниковъ посольства не называетъ имени самого царя, который предпочелъ скрыть свое достоинство подъ скромнымъ обозначеніемъ Преображенскаго офицера во второмъ десяткѣ волонтеровъ, отправлявшихся для науки за границу. Самое это обстоятельство узнаемъ мы, какъ выше указано,

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній стр. 628—630.
2) Тамъ-же, стр. 699—702.
3) Тамъ-же, стр. 657.
4) Тамъ-же, стр. 630—632.
5) Тамъ-же, стр. 540—541.
6) Тамъ-же, стр. 658—661.

не изъ оффиціальныхъ источниковъ, а изъ частныхъ бумагъ посольства, приводимыхъ Устряловымъ въ своей Исторіи. Въ тѣхъ случаяхъ когда, какъ напримѣръ въ описаніи пребыванія Петра у Бранденбургскаго курфюрста или его встрѣчи съ Нѣмецкими принцессами въ Коппенбрюгенѣ, статейный списокъ принужденъ упоминать о личности царя, онъ не называетъ его по имени, а обозначаетъ его «однимъ изъ начальныхъ Преображенскаго полка людей» [1]. Отвѣчая на желаніе Саксонскаго посла въ Голландіи повидаться съ Петромъ въ Амстердамѣ, послы явно лгали, увѣряя, что «Великій Государь Его Царское Величество въ Московскомъ государствѣ пребываетъ» [2]. Въ документахъ, приводимыхъ у Устрялова, царь обозначается также словомъ: десятникъ. Такой необычайный, обусловленный какими-то особенными тайными цѣлями, пріемъ и желаніе Петра оставить себя въ тѣни должны были крайне смущать и сбивать съ толку всѣ установившіяся въ западной Европѣ понятія о способахъ соблюденія инкогнито иностранными владѣтелями при посѣщеніи чужихъ государствъ. Впечатлѣніе, произведенное такимъ оригинальнымъ сокрытіемъ царскаго званія подъ псевдонимомъ, скорѣе чѣмъ подъ маскою инкогнито, отражается и въ брошюрѣ Меермана, откуда мы выписываемъ нижеслѣдующія строки, указывающія на тѣ особенности русскаго посольства, которыя поразили вниманіе Голландцевъ.

«Въ проэктѣ Петра Великаго было особенно странно то обстоятельство, что онъ не только не захотѣлъ во время путешествія пользоваться принадлежащими ему преимуществами царскаго титула и сана, но даже не присвоилъ себѣ столь обычнаго въ наше время удобства являться подъ видомъ инкогнито. Онъ предпочелъ болѣе соотвѣтствующимъ своей цѣли отправить къ государямъ, въ земли которыхъ ѣхалъ, особо уполномоченное посольство и въ составѣ этого посольства самому явиться въ качествѣ простаго дворянина».

«Для исполненія своего намѣренія царь избралъ адмирала Лефорта, сибирскаго губернатора *графа* (sic) Головина (Golowine) и пожалованнаго въ должность *камергера* (sic) *статсъ-секретаря* (sic) Возницына [3]. Въ числѣ участниковъ посольства встрѣчаются также имена князя Сибирскаго и Меншикова (Menzikow). Вообще свита пословъ состояла изъ

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 851, 860, 894. 29 Іюня въ Пилавѣ (Pilau) праздновались царскія имянины, но все торжество происходило и поздравленія курфюрста принимались отъ имени Лефорта. Самъ Петръ не упоминается при этомъ случаѣ въ статейномъ спискѣ. (Тамъ-же, стр. 876).

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 919.

[3]) Это послѣднее имя, какъ увидимъ далѣе, пишется всегда различно, вслѣдствіе ошибокъ переводчиковъ, плохо разбирающихъ русскія буквы. (Примѣчаніе Меермана).

четырехъ первыхъ секретарей, двѣнадцати дворянъ, двухъ пажей при каждомъ послѣ, роты Преображенскаго полка въ пятьдесятъ человѣкъ и ихъ офицеровъ. Все число, считая прислугу и прочихъ лицъ, доходило почти до двухъ сотъ человѣкъ. Въ такомъ подобіи каравана царь скрывался подъ именемъ *князя* (sic) Михайлова. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ обозначеніи проявилось его предпочтеніе назваться именемъ дѣда вмѣсто отца вѣроятно въ видахъ обезпеченія себѣ бóльшей неизвѣстности, такъ какъ окончаніе Михайловъ употребляется только между простымъ народомъ, а дворянство и знатные люди въ подобныхъ случаяхъ свое отцовское происхожденіе обозначаютъ формою Михайловичъ (Michailowitz). Для своего личнаго услуженія царь ограничился всего однимъ камердинеромъ, однимъ ливрейнымъ лакеемъ и однимъ карликомъ. Самъ Царь и Лефортъ были одѣты по нѣмецки, а всѣ остальные носили самыя лучшія русскія платья. Наконецъ, для увеличенія состава посольства, былъ приглашенъ еще одинъ Грузинскій Князь, облеченный всѣмъ блескомъ Персидской роскоши»[1].

Многія изъ этихъ указаній Меермана отличаются явною неточностью, какъ напримѣръ обозначеніе Головина *графомъ*, а Возницына *камергеромъ* и *статсъ-секретаремъ*, титулъ *князя* при псевдонимѣ Петра, распредѣленіе должностей посольской свиты и т. д., но всѣ эти неточности, сами по себѣ характерныя, какъ сужденія иностранца о русскихъ, падаютъ на отвѣтственность тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Меерманъ и которые онъ не указываетъ въ данномъ случаѣ.

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 14—16.

Глава IV.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПОСОЛЬСТВА ДО ГРАНИЦЪ ГОЛЛАНДІИ.

Отправивъ впередъ посольскую казну, соболей и часть пожитковъ съ собольщиками, однимъ подъячимъ и карауломъ подъ начальствомъ маіора Смита, великое посольство 9-го Марта 1697 года выѣхало изъ Москвы, 18-го прибыло въ Новгородъ, 22-го во Псковъ и 31-го достигло Риги, гдѣ по случаю Пасхи осталось цѣлую недѣлю до 8 Апрѣля [1]. «Но тутъ», говоритъ Меерманъ, «начало путешествія далеко не могло предвѣщать благополучнаго исхода» [2] и въ объясненіе приводитъ слѣдующій разсказъ объ обстоятельствахъ, о которыхъ статейный списокъ хранитъ сдержанное молчаніе.

«Въ то время Лифляндія принадлежала Швеціи, король которой уже не оказывалъ болѣе дружественной довѣрчивости Петру, а этотъ послѣдній съ своей стороны уже кидалъ на Нѣмецкія провинціи Карла XI тѣ алчные взгляды, которые въ скоромъ времени привели къ жестокой войнѣ между обоими государствами. Три года послѣ описываемыхъ событій комендантъ Риги графъ Дальбергъ счелъ нужнымъ оправдать свои дѣйствія въ письмѣ на имя Карла XII, тогда только что вступившаго на престолъ своего отца. Письмо это бросаетъ такой свѣтъ на поведеніе царя во время его пребыванія въ Ригѣ и вообще на все русское посольство, что я не могу удержаться отъ выписки изъ него нѣкоторыхъ мѣстъ [3]). «Считая», пишетъ Дальбергъ, «очень важнымъ для Швеціи сохраненіе хорошихъ отношеній съ Москвою, я вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ

---

[1]) Описаніе пути до вступленія въ Курляндію и пребыванія въ Ригѣ см. въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній, стр. 756—772. Указанія чиселъ въ статейномъ спискѣ не вполнѣ согласуются съ подробностями путеваго журнала (Юрнала) Петра Великаго, такъ какъ царь иногда опережалъ своихъ пословъ, иногда отстаналъ отъ нихъ. Такъ, о времени его прибытія въ Новгородъ говорится лишь подъ 19 Марта, во Псковъ подъ 21 Марта, въ Ригу подъ 1 Апрѣля (см. у Устрялова, Исторія Петра Великаго, т. III, приложеніе IX, стр. 589 и далѣе).

[2]) Meerman, Discours, стр. 16.

[3]) Histoire de Pierre le Grand, preuves, 317 (Примѣчаніе Меермана).

крайне нужнымъ принять великое посольство царя съ отмѣнною честью и съ особымъ удовольствіемъ готовился оказать ему такія почести, какія могли-бы заглушить всѣ поводы къ жалобамъ, возбуждавшимся въ прежнее время русскими послами при ихъ проѣздѣ чрезъ Лифляндію». Однако, не располагая достаточнымъ временемъ, чтобы заручиться приказаніями самого короля, Дальбергъ долженъ былъ ограничиться соглашеніемъ съ Ревельскимъ и Нарвскимъ губернаторами относительно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, между прочимъ особенно запросить ихъ мнѣнія о томъ, слѣдовало ли дать посламъ парадный обѣдъ (s'il était d'usage d'inviter les ambassadeurs à un repas solennel). Въ отвѣтъ на запросъ ему было указано, что съ 1660 года ни одинъ посланникъ, проѣзжавшій чрезъ Эстляндію, Ингрію или Лифляндію, никогда не былъ удостоенъ подобнаго угощенія. Вслѣдствіе такого отвѣта Дальбергъ ограничился одними приготовленіями, необходимыми для торжественнаго въѣзда посольства, выслалъ на границу знатныхъ офицеровъ, которые умѣли говорить по русски, и принялъ мѣры, чтобы нигдѣ по дорогѣ не встрѣчалось недостатка въ помѣщеніяхъ и продовольствіи. «Всѣ эти мѣры»,— продолжаетъ Дальбергъ,—«были строго соблюдены, хотя стоили большихъ трудовъ и хлопотъ, такъ какъ время отъѣзда посольства изъ столицы, а равно срокъ его прибытія въ Лифляндію никому не были заранѣе извѣстны, даже никто не зналъ навѣрно, приметъ-ли самъ царь участіе въ путешествіи. Поведеніе русскаго двора отличалось въ этомъ случаѣ такою сдержанностью, что были даже задержаны курьеры, назначенные къ отправленію въ Лифляндію, и что нашего переводчика Сольдана не выпускали долгое время изъ Москвы. Когда-же царь вновь подтвердилъ предстоящій отъѣздъ своихъ уполномоченныхъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ вскрыть всѣ адресованныя въ Лифляндію письма и не разрѣшилъ отсылки ни одного изъ нихъ. Наконецъ, когда всеобщее мнѣніе уже было настроено на ожиданіе проѣзда посольства чрезъ Польскіе предѣлы Лифляндіи, вдругъ увидѣли офицера русской гвардіи, прибывшаго съ частью свиты». Вслѣдъ за тѣмъ Псковскій губернаторъ, письмомъ отъ 14 Марта, сообщилъ о неотложномъ отправленіи посольства и о его предстоящемъ проѣздѣ чрезъ провинцію, управляемую Дальбергомъ, впрочемъ однако безъ точнаго опредѣленія срока, числа пословъ и прочихъ обстоятельствъ, о которыхъ желательно было имѣть указанія. Всѣ эти слухи были на столько неясны, что согнанные на дорогу посольства крестьяне должны были шесть недѣль томиться въ напрасномъ ожиданіи, съ ихъ телѣгами и лошадьми. Наконецъ, 22 числа Дальбергъ узналъ, что послы только что прибыли во Псковъ, но русскій начальникъ этого

города оставилъ безъ вниманія всѣ прочіе вопросы, на которые его просили отвѣчать. Передъ границей остановка пословъ была довольно продолжительна, но переѣхавъ ее они нашли полное довольствіе въ удовлетвореніи своихъ потребностей, несмотря на повсемѣстно свирѣпствовавшій тогда въ Лифляндіи голодъ. Въ сопровожденіи встрѣтившихъ ихъ мѣстныхъ представителей провинціи они съ великолѣпіемъ совершили торжественное вступленіе въ Ригу, гдѣ для ихъ жительства было отведено въ предмѣстьи особое зданіе (sic), называемое Ластадіенъ (Lastadien)[1]) и которое всегда служило помѣщеніемъ для пословъ Россіи. Привѣтствованіе ихъ съ пріѣздомъ Дальбергъ поручилъ двумъ офицерамъ высшихъ чиновъ, а капитанъ Лиліенстерна ежедневно посѣщалъ начальника посольства Лефорта и освѣдомлялся о его потребностяхъ. Самъ Лефортъ писалъ въ Москву, что ничто не можетъ равняться со щедростью и почестями, предоставленными посламъ, и всѣ были единогласны въ засвидѣтельствованіи этого отзыва передъ рижскимъ гарнизономъ. Но передъ разлукой всѣ эти отношенія сразу измѣнились, въ особенности когда послы получили счетъ ихъ издержекъ, признанный ими вдвое преувеличеннымъ. Между прочимъ они жаловались, что съ нихъ потребовали восемьдесятъ дукатовъ за нагрузку ихъ пожитковъ на телѣги. Тогда Дальбергъ сдѣлалъ уступку на нѣкоторыхъ цѣнахъ и съ тѣхъ поръ сталъ посылать къ королю точные списки всего того, что доставлялось посламъ, и того, за что они платили, причемъ въ оправданіе дороговизны продовольствія ссылался на плохой урожай предшествовавшаго года. Онъ добавилъ къ тому, что въ наемныхъ домахъ русскіе платили хозяевамъ по своему усмотрѣнію за свѣчи и другіе нужные имъ предметы. Вторая жалоба пословъ на Лифляндцевъ заключалась въ томъ, что при переправѣ чрезъ Двину оказался недостатокъ въ судахъ и что за лошадей они принуждены были уплатить цѣну выше заранѣе условленной. Письмо рижскаго коменданта впрочемъ довольно основательно опровергаетъ эти обвиненія. Но, главнѣйшимъ предметомъ неудовольствія со стороны русскихъ пословъ было то, что Дальбергъ не сдѣлалъ имъ визита и что ихъ не пригласили на обѣдъ въ замкѣ. Губернаторъ находитъ и этому оправданіе и пишетъ: «причина этого очень проста. Посольство было уполномочено не къ вашему величеству, а къ другимъ дворамъ; я руководствовался стариннымъ обычаемъ, который соблюдался всѣми моими предшественниками и состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать всякаго сношенія

---

[1]) Устряловъ (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 27) называетъ предмѣстье (но не зданіе) Штадіенъ.

съ послами, для которыхъ Рига служитъ только перепутьемъ. Кромѣ того, по случаю жестокой болѣзни, продолжавшейся цѣлыхъ пять недѣль, я лежалъ тогда въ постелѣ. Впрочемъ главнѣйшіе офицеры гарнизона ежедневно являлись въ посольство для выраженія своего почтенія и старались доставлять его членамъ всякія развлеченія. Правда, что нѣкоторые русскіе позволили себѣ расхаживать по городу, влѣзая на высокія мѣста и такимъ образомъ изучать его расположеніе, что другіе спускались во рвы, изслѣдовали ихъ глубину и срисовывали карандашемъ планы главнѣйшихъ укрѣпленій; какъ только я узналъ объ этомъ, я тотчасъ-же пожаловался Лефорту, прося его, чтобы этого впредь не повторялось, въ чемъ онъ далъ мнѣ обѣщаніе, сопровождая его извиненіями. Со стороны русскихъ крайне несправедливо (c'est une grande mechanceté des Russes) ставить намъ все это въ упрекъ и обвинять насъ въ томъ, что мы будто-бы держали ихъ въ квартирахъ въ такомъ заключеніи, что имъ стало невозможно выходить изъ дома. Всѣ знаютъ, что они многочисленными кучками расхаживали по городу, заходили въ лавки и посѣщали кабаки съ тѣмъ увлеченіемъ, какое соотвѣтствовало состоянію ихъ кошелька или ихъ развратнымъ вкусамъ (avec autant d'empressement, que leur fortune ou leur goût pour la débauche le leur dictait). Напрасно думаютъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ слѣдовало умѣрять строгость моихъ обязанностей изъ почтенія къ государю, который смѣшивался съ толпою посольской свиты. Но какъ-же? Долженъ ли я былъ сознаваться въ знаніи мною этой тайны, когда русскимъ, подъ страхомъ смерти, было запрещено проявлять малѣйшіе признаки, по которымъ можно было догадаться о присутствіи царя въ ихъ средѣ? Безъ сомнѣнія, если-бы я былъ вполнѣ увѣренъ, что не подвергнусь его гнѣву, обращаясь съ нимъ, какъ слѣдуетъ въ отношеніи къ великому самодержцу, я бы не преминулъ дать ему доказательства всего того почтенія, которымъ я ему обязанъ. Но, запрещая шпіонство за сильными и слабыми сторонами ввѣренной мнѣ крѣпости, я долженъ скорѣе обезпечить себѣ уваженіе, чѣмъ презрѣніе со стороны этого государя. По крайнѣй мѣрѣ я такъ понималъ все это дѣло». Для полнаго уразумѣнія смысла послѣднихъ словъ въ письмѣ Дальберга слѣдуетъ сказать, что, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ историковъ, Меншиковъ и Петръ сами занимались снятіемъ чертежей и что царь, узнавъ о жалобахъ коменданта, будто-бы отвѣтилъ: «меня не допускаютъ къ осмотру укрѣпленій Риги; надѣюсь когда нибудь встрѣтить всѣ удобства къ исполненію моего желанія и отказать тогда самому Шведскому королю въ томъ, что Дальбергъ запрещаетъ мнѣ теперь». Петръ переправился чрезъ Двину въ самый ледоходъ и ранѣе

ВИЛЬГЕЛЬМЪ III,
КОРОЛЬ АНГЛИИ,
Штатгальтеръ Нидерландовъ.

остальнаго посольства. Когда по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія Петръ объявилъ войну Швеціи, онъ все еще обвинялъ короля въ тѣхъ обидахъ, въ которыхъ Дальбергъ оправдывается въ своемъ письмѣ» [1].

Въ донесеніи пословъ отъ 11 Апрѣля 1697 г., отправленномъ изъ Риги въ Москву на имя самого царя, что было заранѣе условлено для всѣхъ сношеній посольства съ Москвою съ цѣлію отвода глазъ отъ участія въ посольствѣ самого Петра, послы сообщали краткія свѣдѣнія о своемъ пребываніи въ Ригѣ, не высказывая никакихъ жалобъ и ограничиваясь лишь указаніемъ: «А каковъ на границѣ пріемъ, и въ кормѣхъ, и въ подводахъ, и во всемъ довольство въ Свейской землѣ было, и то записано будетъ въ статейномъ холопей твоихъ списку» [2]. Въ самомъ-же статейномъ спискѣ мы встрѣчаемъ лишь слѣдующія мѣста, дающія поводъ предполагать, что послы не были вполнѣ довольны тѣмъ пріемомъ и почестями, которые были имъ оказаны со стороны рижскаго губернатора Эрика Дальберга. Онъ не объявилъ посламъ никакихъ кормовъ, а про подводы велѣлъ сказать, что ихъ можно найти, но за плату и за счетъ посольства [3]. Богданъ Приставъ и Петръ Лефортъ, отправленные 1 Апрѣля отъ имени пословъ къ губернатору съ поздравленіемъ и благодарностью за пріемъ, вернулись отъ него съ извѣстіемъ, что Дальбергъ «выговаривался, чтобъ они, великіе и полномочные послы на него не погнѣвались, что самъ ихъ не встрѣтилъ, потому что болѣнъ, да у него-жъ де умерла того-жъ дня дочь его [4], а онъ де во всемъ имъ служить будетъ» [5]. Для переправы людей и вещей чрезъ Двину посольству не дали въ Ригѣ подводъ за исключеніемъ «малаго числа», но и это малое число оказалось такимъ негоднымъ, что послы принуждены были сами купить телѣги и коляски и воспользоваться подводами, забранными еще во Псковѣ [6]. Наконецъ, въ статейный списокъ включена общая жалоба на Шведовъ слѣдующаго содержанія: «Отъ Свейскаго рубежа до Риги, и въ Ригѣ во все бытіе, великимъ и полномочнымъ посламъ и всѣмъ при нихъ будучимъ людемъ съѣстныхъ кормовъ, и вмѣсто съѣстныхъ кормовъ денежной дачи, и конскихъ кормовъ, ничего не дано и вспоможенія никакого въ проѣздѣ не учинено; и за перевозъ чрезъ Двину

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 16—24.
[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 709—710.
[3]) Тамъ-же, стр. 757.
[4]) Въ сообщеніи, приводимомъ Меерманомъ, про смерть дочери, какъ мы видѣли, не упоминается.
[5]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 765.
[6]) Тамъ-же, стр. 769.

рѣку и за постоялые дворы великіе и полномочные послы платили большую цѣну, и кормы и запасы покупали дорогою цѣною» [1]). Впечатлѣнію, сдѣланному Шведами на Русскихъ, не могла также не содѣйствовать жалоба, поданная посламъ двумя русскими торговцами пенькою на трехъ рижскихъ купцовъ, которые не уплатили за полученный товаръ болѣе 10,000 ефимковъ. Въ своей челобитной эти Русскіе писали, что за дѣлами этими «ходятъ они многіе годы, а справедливости имъ въ Ригѣ ни малой не учинятъ». Дворянину посольства Петру Лефорту приказано было сообщить объ этомъ дѣлѣ Дальбергу листъ отъ пословъ съ приложеніемъ подлинной челобитной [2]). Капитанъ Лиліенстерна, называемый Мееρманомъ, вовсе не упоминается статейнымъ спискомъ, который въ числѣ офицеровъ, присланныхъ отъ Дальберга къ посламъ, приводитъ лишь имена полуполковника Палмуструха (Palmstrauch) и маіоровъ Ранка и Глазенапа. О Ластадіенѣ, кварталѣ города на берегу Двины, русскій источникъ тоже умалчиваетъ и о размѣщеніи посольства приводитъ лишь слѣдующія данныя: «поставлены.... послы за городомъ на предмѣстьѣ, на мѣщанскихъ дворахъ: первый у Якова Гака, второй у Юрья Преторнуса, третій у Ягана Гилда, а начальные люди и выборные солдаты, и дворяне и иные чины стояли на особыхъ дворѣхъ, близъ великихъ и полномочныхъ пословъ» [3]). Остальныя свѣдѣнія статейнаго списка о пребываніи въ Ригѣ касаются подробностей церемоній при торжественномъ въѣздѣ въ городъ, причемъ точно указывается число каретъ и запряженныхъ въ нихъ лошадей, доставленныхъ Дальбергомъ, количество мѣстныхъ войскъ при встрѣчѣ, число салютныхъ пушечныхъ выстрѣловъ и т. д. Наконецъ, сообщаются имена разныхъ лицъ, отправленныхъ изъ Риги обратно въ Россію, напримѣръ 10 казаковъ, взятыхъ изъ Пскова въ помощь караулу при соболяхъ, казнѣ и пожиткахъ посольства, и нѣсколькихъ пѣвчихъ Псковскаго митрополита, взятыхъ у него для пѣнія на церковныхъ службахъ страстной и свѣтлой недѣли въ Ригѣ, гдѣ послы 4 Апрѣля встрѣтили Пасху. Но, о вопросѣ по поводу параднаго обѣда, объ осмотрѣ рижской крѣпости и о другихъ поводахъ взаимныхъ неудовольствій, которые перечисляетъ Мееρманъ, статейный списокъ не проговаривается ни однимъ словомъ и тщательно избѣгаетъ малѣйшихъ намековъ на личность царя и его поступки. Мы знаемъ уже, что всѣ сообщенія посольства адресовались въ Москву на

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 771.
[2]) Тамъ-же, стр. 769.
[3]) Тамъ-же, стр. 764.

имя самого царя, какъ будто-бы и не выѣзжавшаго изъ предѣловъ своего государства.

Какъ бы то ни было и не смотря на то, что предметы скромныхъ жалобъ Русскихъ на Шведовъ далеко не соотвѣтствовали болѣе сильнымъ обвиненіямъ Русскихъ Шведами, которыя приводитъ Меерманъ, все таки нельзя отрицать, что при самомъ началѣ путешествія русскаго посольства, при появленіи его въ первомъ городѣ за границей, первый блинъ вышелъ комомъ. Устряловъ, описывая пребываніе русскаго посольства въ Ригѣ, упоминаетъ о недоразумѣніи съ Дальбергомъ и посвящаетъ изслѣдованію его причинъ пространное примѣчаніе къ тексту своей Исторіи [1]). Но, ссылаясь на оправдательное донесеніе Дальберга по изданіямъ Ламберти и Нордберга, онъ приводитъ изъ него только отрывки, полнаго же текста самого донесенія онъ не даетъ. Также точно поступаетъ и Соловьевъ, который еще короче, чѣмъ Устряловъ, разсказываетъ объ рижскомъ эпизодѣ путешествія русскаго посольства. О пребываніи въ Ригѣ Петръ между прочимъ писалъ Виніусу: «Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ. Торговые люди здѣсь... съ ямщиками нашими за копѣйку лаются и клянутся, а продаютъ втрое... Зѣло здѣсь боятся, и въ городъ, и въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны». Вслѣдствіе этой малой пріятности, заключаетъ Соловьевъ, Рига осталась въ памяти Петра, какъ «проклятое» мѣсто, а поведеніе Дальберга сдѣлало на него впечатлѣніе обиды, мщеніе за которую явилось однимъ изъ поводовъ войны съ Карломъ XII [2]). Событія, связанныя съ пребываніемъ русскаго посольства въ Ригѣ въ 1697 г., составили предметъ особаго изслѣдованія, напечатаннаго д-ромъ Бергенгрюномъ въ Ригѣ въ 1892 г. и посвященнаго Эстляндскому литературному обществу по поводу его 50-лѣтняго юбилея [3]). Въ этой интересной брошюрѣ, гдѣ собраны данныя о неоднократномъ изданіи, въ началѣ, срединѣ и концѣ XVIII вѣка, оправданія Дальберга передъ королемъ Карломъ XII, указывается, что обвинительный документъ съ русской стороны былъ офиціально препровожденъ 2 Мая 1700 г. голландскому правительству и напечатанъ у Ламберти [4]). Самое

---

[1]) Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. III, примѣчаніе 2 на стр. 389—397 и приложеніе № II на стр. 462—466.

[2]) Исторія Россіи, т. XIV, глава III, стр. 1168 и глава IV, стр. 1227.

[3]) Die grosse Moskovitische Ambassade von 1697 in Livland, von dr. Alexander Bergengrün, Riga, 1892, 98 страницъ in 8°.

[4]) Lamberty, Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle, à la Haye, 1724, in 4°, т. I, стр. 175—181.

донесеніе Дальберга Карлу XII, извлеченное изъ Шведскихъ архивовъ, впервые напечатано по русски въ Русскомъ Архивѣ 1889 года [1]).

Дальнѣйшее изложеніе пути русскаго посольства по Курляндіи и Германіи до приближенія его къ границамъ Голландіи не входитъ въ нашу задачу. Но, чтобы не прерывать общую нить разсказа о посѣщеніяхъ попутныхъ нѣмецкихъ городовъ и чтобы воспользоваться данными малоизвѣстной брошюры, которая возбудила наше вниманіе, предоставимъ опять слово Меерману. Окончивъ описаніе событій въ Ригѣ, онъ продолжаетъ: «Царю болѣе понравился пріемъ, оказанный ему герцогомъ Курляндскимъ въ Митавѣ [2]), и особенно тотъ, которымъ почтилъ его въ Кенигсбергѣ курфюрстъ Бранденбургскій Фридрихъ, предупрежденный письмомъ Петра о предстоящемъ прибытіи посольства, имѣвшаго поводомъ засвидѣтельствовать курфюрсту дружеское расположеніе русскаго государя. Баронъ Данкельманъ, первый министръ курфюрста, и Бeслеръ (sic), его церемоніймейстеръ [3]), выѣхали на встрѣчу за два лье отъ города. Церемонія торжественнаго въѣзда вполнѣ согласовалась съ тою страстью къ роскоши, которою отличался Фридрихъ, предназначенный судьбою со временемъ основать престолъ Пруссіи, и всецѣло соотвѣтствовала сану того государя, который, какъ было извѣстно Бранденбургскому двору, скрывался въ составѣ свиты своихъ собственныхъ пословъ. Многія роскошныя помѣщенія были заранѣе заготовлены въ кварталѣ города, называемомъ Книпгофъ (Kniphof), и у гостинницы былъ поставленъ караулъ отъ части гарнизона [4]). По истеченіи четырехъ дней послы были допущены къ торжественной аудіенціи въ большой

---

[1]) Книга I, стр. 385—391.

[2]) Минцловъ, въ своей книгѣ «Петръ Великій въ иностранной литературѣ» (стр. 233, № 1), указываетъ на слѣдующія сочиненія, касающіяся пребыванія русскаго посольства въ Митавѣ: Peters des Grossen Anwesenheit in Kurland 1697, aus den Arbeiten der Kurländischen Gesellschafft für Litteratur und Kunst (Пребываніе Петра Великаго въ Курляндіи въ 1697 г. Напечатано въ Трудахъ Курляндскаго общества словесности и искусствъ). Это сочиненіе содержитъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія, извлеченныя барономъ Фридр. Клопманъ изъ архивовъ Курляндскаго герцогства. Тутъ же Минцловъ ссылается на 15-ое письмо въ Описаніи Лифляндіи барона Бломберга, вышедшемъ по англійски въ 1701 г. въ Лондонѣ и, во французскомъ переводѣ, въ Гаагѣ въ 1705—1706 гг. Намъ не пришлось выходить изъ рамокъ нашей задачи, чтобы пользоваться этими двумя книгами, въ отношеніи которыхъ мы ограничиваемся лишь указаніемъ на ихъ заглавія.

[3]) Статейный списокъ называетъ обоихъ этихъ лицъ, причемъ имя втораго пишется различно и не согласно съ Меерманомъ, а именно: *Безсертъ, Бессеръ, Бесцертъ, Везцертъ*. (См. Указатель къ VIII тому Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній). Устрялонъ (Исторія, Петра Великаго, т. III, стр. 54, примѣчаніе 28) называетъ его Бессеръ, что вполнѣ правильно.

[4]) «Поставлены великіе и полномочные послы въ Кнепгофской Долгой улицѣ у мѣщанъ въ стройныхъ домахъ: первый у Карла Дроста, второй у вдовы Гейдкаловы, третій у Андрея Кижинка.... На караулѣ у посольскихъ дворовъ стояло солдатъ съ ружьемъ съ начальными людьми по тридцати человѣкъ въ сутки». (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 805 и 806).

дворцовой залѣ, представили сидѣвшему на престолѣ курфюрсту свои вѣрительныя грамоты и привезенные ими подарки, состоявшіе большею частію изъ сабель, оправленныхъ дорогими каменьями, и изъ разнаго рода рѣдкихъ мѣховъ, всего на сумму до 20,000 червонцевъ (écus)[1]. Наконецъ они выразили отъ имени своего государя признательность за инженеровъ и пушкарей, которыхъ курфюрстъ незадолго передъ тѣмъ послалъ Петру и которые своими услугами оказали большое содѣйствіе въ покореніи Азова.

«Хотя самъ царь считался при всѣхъ этихъ церемоніяхъ отсутствующимъ и находящимся въ Кенигсбергѣ въ качествѣ, такъ сказать, частнаго человѣка, тѣмъ не менѣе оба владѣтеля ежедневно видались другъ съ другомъ и совмѣстно обсуждали вопросы, касающіеся взаимныхъ отношеній ихъ государствъ. Будучи далеко не врагомъ покутить и попить, Петръ принималъ участіе въ пирахъ своего хозяина и притомъ съ такою невоздержностью, что однажды, въ припадкѣ гнѣва, онъ бросился съ обнаженной шпагой на Лефорта, передъ которымъ однако въ послѣдствіи извинился. Сверхъ того, онъ неоднократно забавлялся управленіемъ нѣсколькихъ небольшихъ судовъ, плававшихъ въ сосѣднемъ морскомъ заливѣ, называемомъ Фришегаффъ»[2].

«Въ Данцигѣ, гдѣ послы впрочемъ останавливались лишь на короткое время, пріемъ былъ на столько-же великолѣпенъ. Оттуда они направились въ Берлинъ, гдѣ составъ посольства раздѣлился: часть его прямо поѣхала къ границамъ Голландіи; остальные, и самъ царь въ томъ числѣ, взяли кружный путь чрезъ Любекъ и Гамбургъ[3]; обѣ части сое-

---

[1]) Поминки составляли: «10 сороковъ да 12 паръ соболей добрыхъ, да 30 косяковъ камокъ китайскихъ, пять изарбафовъ золотныхъ и серебряныхъ, два мѣха горностайныхъ». (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 814). Слова изарбафъ означаетъ особый родъ полосатой парчевой матеріи. (См. изданное Археографическою Коммиссіею дѣло о Ѳедорѣ Шакловитомъ, т. IV, указатель, стр. 343). Статейный списокъ, какъ видимъ, въ числѣ подарковъ умалчиваетъ о сабляхъ, упоминаемыхъ Меерманомъ.

[2]) По поводу пріема русскаго посольства въ Кенигсбергѣ Минцловъ (Петръ Великій въ иностранной литературѣ, стр. 233, № 2) указываетъ на подробное описаніе этого пріема, изложенное въ слѣдующемъ изданіи, вышедшемъ въ 1697 г. въ двухъ форматахъ, in fol. и въ 4°: «Подробный отчетъ о всемъ, что произошло въ Кенигсбергѣ въ Пруссіи при встрѣчѣ и пріемѣ великаго Московскаго посольства, отправленнаго его царскимъ величествомъ, нынѣ царствующимъ Петромъ Алексѣевичемъ къ его свѣтлости курфюрсту Бранденбургскому Фридриху III (Ausführlicher Bericht von alle dem was bey Einholung und Aufnehmung der Moscowitischen Gross-Gesandschafft vorgegangen, welche die itzt-regierende Czarische Majestät Peter Alexiewitz an Seine churfürstliche Durchlaucht zu Brandenburg Frederik den Dritten abgeschiecket, geschehen zu Königsberg in Preussen)». Отчетъ этотъ удостовѣряетъ, что пріемъ посольства не могъ быть превзойденъ въ своемъ блескѣ, если бы даже при немъ присутствовалъ самъ русскій царь. Слова эти явно намекаютъ на участіе Петра въ составѣ посольства.

[3]) Это не совсѣмъ точно. Посольство раздѣлилось еще до Берлина, въ Кольбергѣ, откуда 5 дворянъ, 6 людей посольскихъ и дворянскихъ, 15 волонтеровъ, 8 человѣкъ ихъ людей, дьяконъ съ двумя

динились вновь лишь въ концѣ Августа. Во время этого путешествія Государь очень часто, чтобы сохранить свое инкогнито, слѣдовалъ далеко впереди своей свиты и мы далѣе увидимъ, что онъ дѣлалъ тоже самое и въ Голландіи»[1].

Здѣсь не лишнимъ будетъ сопоставить впечатлѣніе, вынесенное послами изъ Бранденбургскаго курфюршества, перваго попутнаго государства, къ которому они были аккредитованы, съ воспоминаніями о томъ пріемѣ, который имъ былъ оказанъ въ Ригѣ. Впечатлѣніе это придется намъ также сравнить съ подробностями посѣщенія Голландіи. «А во время бытія въ курфистровѣ владѣніи», читаемъ мы въ статейномъ спискѣ, «отъ Мемля до Кенигсберга даваны подводы и кормы довольные, и готовили ѣсть про пословъ и про дворянъ, и про всѣхъ посольскихъ людей курфистровы служители. А въ Кенигсбергу пословъ и дворянъ съ пріѣзду до отпуску потчивали и кормили Курфистровы-жъ служители во всѣ дни съ такою же церемоніею и со всякимъ довольствомъ. А которые дворяне и иные чиновные люди за столъ съ послы не садились, и тѣмъ, и посольскимъ, и дворянскимъ и иныхъ чиновныхъ людей людемъ даванъ кормъ денежный, кромѣ питья... А священника и лекаря Ивана Терманта на тѣхъ дворѣхъ, гдѣ стояли, а пажевъ и лакеевъ на посольскомъ дворѣ кормили съ удовольствомъ; а валентеровъ, Преображенскаго полку начальныхъ людей и солдатъ, при нихъ будучихъ, на курфистровѣ дворѣ, на которомъ они стояли, кормили и покоили со всякимъ-же довольствомъ, и въ приставахъ у нихъ былъ комнатный дворянинъ Принцъ съ пажи и съ лекаи (лакеями) и съ иными къ тому належащими служители»[2].

Такія пріятныя воспоминанія о посѣщеніи Бранденбургскаго курфюрста русское посольство вынесло изъ его страны, несмотря на то, что при первой оффиціальной аудіенціи у курфюрста Нѣмцы все таки, хотя и безъ успѣха, вздумали было посягнуть на достоинство пословъ и хотѣли было заставить ихъ цѣловать руку своего государя. Но Русскіе

людьми, два подъячихъ съ 6 людьми, 9 человѣкъ прислуги, 2 человѣка состоявшихъ при трубачахъ, 2 лекарскихъ учениковъ и 13 солдатъ, всего 71 человѣкъ отправились въ Любекъ на кораблѣ моремъ. Это было 11 Іюля стараго стиля. Въ тотъ-же день остальная часть посольства поѣхала туда-же сухимъ путемъ, купя въ Кольбергѣ коляски и телѣги, а «подводы даны Курфистровы, собранные съ уѣзду». (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 878—881 и 883). Еще ранѣе, въ Іюнѣ, 50 человѣкъ солдатъ и другихъ съ маіоромъ Смитомъ были посланы изъ Пилавы моремъ чрезъ Нарву обратно въ Россію, какъ лишніе. (Тамъ-же, стр. 851—852).

1) Meerman, Discours, стр. 24—26.

2) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 848—849.

отказались отъ этого рѣшительно, ссылаясь на прежніе обычаи и грозя удалиться изъ пріемной залы [1]).

Та часть посольства, которая должна была слѣдовать въ Голландію сухимъ путемъ, направилась изъ Кольберга чрезъ Кюстринъ, Берлинъ, Бранденбургъ, Магдебургъ, Гальберштатъ, Гильдесгеймъ, Коппенбрюгенъ [2]), Билефельдтъ, Липштадтъ, Везель, Сантенъ и Клеве, откуда они уже вступили въ Нимвегенѣ въ предѣлы Нидерландовъ. Въ Клеве посольство прибыло 6/17 Августа 1697 г. Посланный впередъ изъ Кольберга Богданъ Приставъ уже успѣлъ къ этому времени пріѣхать въ Голландію и упоминается при встрѣчѣ посольства въ Голландскомъ городѣ Гоуда.

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 808—809.

2) Въ Коппенбрюгенѣ произошло свиданіе Петра съ курфюрстиною Софіею Ганноверскою и ея дочерью, курфюрстиною Софіею Шарлотою Бранденбургскою, подробно описанное у Устрялова (т. III, стр. 56—59). Петръ сидѣлъ за ужиномъ между принцессами. Статейный списокъ выражается объ этомъ такъ: «а за столомъ сидѣли, въ первомъ мѣстѣ одинъ Преображенскаго полку начальный человѣкъ», и т. д. (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 894).

Глава V.

ПРИБЫТІЕ ВЪ ГОЛЛАНДІЮ.

Еще 19 Мая рѣшено было измѣнить предполагавшійся сперва путь посольства изъ Кенигсберга на Вѣну. На это рѣшеніе повліяли польскія дѣла, связанныя съ затянувшимся избраніемъ короля. Вмѣсто Вѣны русское посольство должно было изъ Пруссіи направиться въ Англію и попутно въ Голландію. Въ началѣ Іюня Нидерланды были увѣдомлены объ этомъ рѣшеніи грамотою отъ 8 Марта, посланною почтою изъ Кенигсберга [1]. Кромѣ этого увѣдомленія, 10 Іюня, какъ мы знаемъ, были отправлены изъ Кольберга въ Любекъ, а оттуда сухимъ путемъ въ Голландію, 71 человѣкъ изъ состава посольства, съ Богданомъ Приставомъ во главѣ. Ему приказано было ожидать въ Амстердамѣ прибытія остальнаго посольства и до этого срока не разглашать ничего о цѣляхъ пословъ. «А буде его Богдана спросятъ о иныхъ какихъ большихъ дѣлахъ, которые належатъ къ отвѣту великимъ посламъ, и ему говорить, что онъ человѣкъ служивый и о тѣхъ дѣлахъ говорить онъ не вѣдаетъ; да и всѣмъ государевымъ и посольскимъ людямъ приказать, чтобы они поступали честно и смирно, и никуда безъ указу не ходили, и пьянства бы, и драки, и невѣжества никакого не было и словъ бы лишнихъ никакихъ не говорили,— того ему смотрѣть за всѣми накрѣпко. А буде сверхъ приказу явится кто какой своевольникъ или пьяница, и того смирять по своему разсмотрѣнію, а малыхъ чиновъ людямъ чинить наказанье бить батоги» [2].

Теперь посмотримъ, какія мѣры были приняты Голландіею для встрѣчи русскаго посольства, вслѣдствіе предварительнаго увѣдомленія послѣдняго о своемъ предстоящемъ пріѣздѣ.

«Архивы Генеральныхъ Штатовъ», пишетъ Меерманъ, «которыми,

---

[1] Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 806—808 и 841—842. Ср. также Устрялова (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 40).

[2] Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 880—881.

какъ я уже упомянулъ въ предисловіи, я руководствовался для описанія пребыванія Петра Великаго въ моемъ отечествѣ, удостовѣрили мнѣ слѣдующій несомнѣнный фактъ: прокуроръ города Гааги еще 25 Іюня препроводилъ г. Фагелю, актуаріусу (Greffier) Генеральныхъ Штатовъ, полученное по его словамъ изъ Амстердама письмо, писанное по русски и адресованное на имя Голландскаго правительства. Бургомистрамъ города Амстердама было поручено озаботиться пріисканіемъ переводчика, который могъ бы правильно изложить на голландскомъ языкѣ содержаніе письма, помѣченнаго, какъ оказалось, 8 Марта 7205 года отъ сотворенія міра, изъ Москвы. Его Величество царь Московскій увѣдомляетъ этимъ документомъ ихъ Высокомочія (Leurs Hautes Puissances) объ отправленіи своихъ великихъ, снабженныхъ полномочіями, пословъ, а именно: генералъ-адмирала и Новгородскаго губернатора Франца Яковлевича *(Jacobowits)* Лефорта, воинскаго генералъ-коммиссара и Сибирскаго губернатора Ѳеодора Алексѣевича *(Alexowits)* Головина и думнаго дьяка *(Doeniny* [1]) (sic) diacre) или тайнаго совѣтника и Болховскаго губернатора Прокофія Богдановича Возницына (Proclopey Bogdanowits Wosticetsin); всѣ они по приказу государя уже отправились въ свой путь. Въ заключеніе этого извѣщенія Петръ просилъ Генеральные Штаты, по достиженіи посольствомъ и всею его свитой границъ Голландіи, принять ихъ съ подобающими чрезвычайнымъ посламъ почестями, удовлетворить всѣ ихъ требованія въ этомъ отношеніи и безъ малѣйшаго замедленія и помѣхи допустить ихъ къ аудіенціи. Восемь дней спустя было рѣшено объявить царю, что прибытіе пословъ и посольства чрезвычайно пріятно собранію Штатовъ и что со стороны послѣднихъ будутъ оказаны все то вниманіе и всѣ тѣ любезности, которыя въ такихъ случаяхъ подобаютъ дипломатическимъ представителямъ великихъ императоровъ и королей. Такъ какъ дворецъ принца Маврикія (Mauritzhuys) въ Гаагѣ [2]), нанятый для помѣщенія иностранныхъ министровъ, былъ въ это время занятъ представителями Штатовъ, уполномоченными для заключенія Рейсвикскаго мира, то довѣренному лицу было поручено пріискать приличное для Московскаго посольства помѣщеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ интендантъ или церемоніймейстеръ Штатовъ, нѣкто Гессельтъ фанъ Динтеръ (Hesselt van Dinther), который, какъ мы далѣе увидимъ, энергично занялся порученнымъ ему дѣломъ, получилъ приказаніе готовиться къ пріему посольства,

---

[1]) Сочетаніе буквъ *o* и *e* въ голландскомъ языкѣ составляютъ звукъ *u* (по русски—*у*). Слово *Doeniny* можетъ быть легко отнесено на счетъ вѣроятной опечатки вмѣсто: Doemny.

[2]) См. объ этомъ дворцѣ въ Приложеніяхъ объяснительный текстъ къ его изображенію.

какъ только получится извѣстіе о его пріѣздѣ, и принять мѣры къ удовлетворенію потребныхъ по этому случаю расходовъ. Въ концѣ мѣсяца Голландское правительство обратилось къ своему резиденту въ Гамбургѣ, чрезъ который или чрезъ окрестности котораго по всему вѣроятію ожидался проѣздъ московскихъ пословъ, и потребовало отъ него свѣдѣній о русскихъ путешественникахъ, о числѣ и составѣ ихъ свиты, о срокѣ ихъ предстоящаго прибытія въ предѣлы Голландіи и въ ея столицу, вообще о всемъ томъ, что резидентъ будетъ въ состояніи послѣдовательно сообщать по поводу всѣхъ этихъ вопросовъ. Тѣмъ временемъ четыре члена собранія Штатовъ уже были назначены для завѣдыванія наймомъ и меблировкою помѣщенія, отводимаго для московскихъ пословъ и съ этою цѣлью вошли въ соглашеніе съ содержателемъ гостинницы Стараго Дулена (Стрѣльбища)[1]. Такъ какъ хозяинъ этой гостинницы обязался по контракту дополнить утварь, уже находившуюся въ нанятомъ помѣщеніи, лишь четырьмя или пятью постелями съ необходимыми къ нимъ комнатами, то Динтеръ обратился къ Голландскому правительству съ дополнительною просьбою поручить ему нанять всю остальную недостающую мебель и, какъ для выполненія этой задачи, такъ и для содержанія посольства, запросилъ 5,000 флориновъ, что ему было безъ труда предоставлено. Съ этихъ поръ хозяевамъ дворца принца Маврикія было приказано выдавать подъ росписки Динтера бѣлье, оловянную и серебряную посуду, и все, что онъ вообще потребуетъ для удовлетворенія пословъ. Скоро впрочемъ замѣтили, что Старый Дуленъ будетъ слишкомъ малъ для помѣщенія всѣхъ тѣхъ, кого ожидали, и потому къ этому зданію присоединили гостинницу Новаго Дулена, находившуюся въ сосѣдствѣ, чрезъ нѣсколько домовъ. Условія найма отличались отъ перваго контракта лишь въ той статьѣ, которая предоставляла право уплаты за первыя двѣ недѣли 1,730 флориновъ и по 350 за каждую слѣдующую недѣлю».

«8 Августа Генеральные Штаты поручили Амстердамскому бургомистру Витцену прислать переводчиковъ, которые должны понадобиться, какъ только послы пріѣдутъ въ Гаагу, куда ихъ на дняхъ ожидали».

«Въ это именно время пришло извѣстіе о томъ, что великое Московское посольство, сопровождаемое свитою почти что въ сто человѣкъ,

---

[1]) Дулены (doelen) представляютъ въ голландскихъ городахъ вполнѣ устроенные дома съ большими садами, которые служили городской милиціи мѣстами сборищъ для упражненія въ стрѣльбѣ въ цѣль. Слово Дуль (doel) означаетъ цѣль. (Примѣчаніе Меермана). Статейный списокъ чрезвычайно удачно передаетъ темный смыслъ этого голландскаго слова выраженіемъ: коло (кружокъ, клубъ) рыцарское.

еще 30 Іюля выѣхало изъ Берлина, направляясь въ столицу Голландскихъ Штатовъ прямымъ путемъ чрезъ Клеве и Нимвегенъ, причемъ часть посольства отдѣлилась отъ этого пути, избравъ окольную дорогу на Любекъ. Тогда-же Динтеръ получилъ приказаніе немедленно съ трубачами и герольдомъ отправиться въ Нимвегенъ на встрѣчу пословъ и сопровождать ихъ въ Гаагу, причемъ по дорогѣ, въ зависимости отъ ихъ усмотрѣнія, то есть сухимъ путемъ или водою, повсюду безплатно обезпечивать имъ средства передвиженія. Въ тоже время государственному совѣту было поручено выслать за послами въ Нимвегенъ одну изъ принадлежащихъ совѣту яхтъ и, на случай противнаго вѣтра, приказать капитану судна озаботиться наймомъ лошадей для того, чтобы по всѣмъ доступнымъ мѣстамъ яхта могла двигаться противъ теченія и своевременно достигнуть цѣли своего назначенія. Съ подобнымъ-же запросомъ обратились въ адмиралтейство рѣки Мааса за двумя самыми большими яхтами и къ совѣту представителей провинціи Голландіи за кораблемъ такого же ранга. Наемъ всѣхъ остальныхъ барокъ или телѣгъ, потребныхъ для перевозки въ случаѣ пользованія сухимъ путемъ, былъ всецѣло предоставленъ интенданту. Города провинцій Гельдерна и Голландіи, чрезъ которые лежалъ путь посольства, были предупреждены о соблюденіи извѣстнаго числа пушечныхъ выстрѣловъ и прочихъ знаковъ вниманія въ отношеніи къ знатнымъ иностранцамъ. Къ ассигнованнымъ уже, какъ я выше упомянулъ, пяти тысячамъ флориновъ на необходимые расходы было прибавлено еще 6,000. Но, такъ какъ легко было предвидѣть, что этихъ суммъ хватитъ лишь на нѣсколько дней, то Собраніе Штатовъ исходатайствовало у государственнаго совѣта установить вообще на этотъ предметъ кредитъ въ сто тысячъ флориновъ, изъ которыхъ 6,000 должны были вновь быть доставлены лицу, завѣдующему издержками. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что депутаты Зеландіи не сочли себя въ правѣ согласиться на безвозмездное содержаніе русскаго посольства, такъ какъ не получили на этотъ предметъ подлежащихъ прямыхъ указаній отъ своей провинціи. Наконецъ, письмомъ отъ 18 Августа изъ Нимвегена, Динтеръ увѣдомилъ Штаты объ ожидаемомъ весьма скоро, именно на текущей недѣлѣ, прибытіи пословъ и объ ихъ намѣреніи чрезъ Гоуду и Гаарлемъ отправиться сперва въ Амстердамъ, откуда они выѣдутъ въ Гаагу лишь чрезъ нѣсколько недѣль. Получивъ такое извѣстіе, высокомочныя власти возобновили приказаніе

(Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 950). Ср. такъ-же описаніе Дулена въ Приложеніяхъ, въ концѣ настоящей книгѣ.

своему агенту сопровождать посольство, куда бы оно ни захотѣло отправиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться строжайшимъ соблюденіемъ возможно большей экономіи въ расходахъ. Затѣмъ собраніе депутатовъ провинціи Голландіи было приглашено выслать свои, плавающія по каналамъ, яхты къ окрестностямъ Гоуды, чтобы предоставить ихъ въ распоряженіе пословъ для переѣзда въ Амстердамъ, что было невозможно на яхтахъ бо́льшаго размѣра, которыя должны были доставить посольство только до Гоуды. Бургомистръ Витсенъ въ тоже время извѣстилъ Штаты о недавнемъ прибытіи въ Амстердамъ значительнаго числа лицъ изъ состава посольской свиты, которыя вѣроятно пріѣхали изъ какой нибудь гавани Германіи или изъ Оверейсселя и еще не сошли съ кораблей, такъ какъ мѣстнымъ властямъ не было дано указаній о способахъ ихъ пріема; впрочемъ, главнѣйшія изъ этихъ лицъ уже временно размѣстились въ одномъ изъ Амстердамскихъ кварталовъ, вслѣдствіе чего магистрату было приказано озаботиться объ отводѣ всѣмъ пріѣхавшимъ приличныхъ квартиръ и объ уплатѣ издержекъ на удовлетвореніе ихъ потребностей».

«Между тѣмъ Голландское правительство, вѣроятно первоначально не предвидѣвшее необходимости значительныхъ затратъ, стало все болѣе и болѣе стремиться къ возможному сокращенію всякихъ издержекъ на русское посольство и въ числѣ такихъ задачь свое особенное вниманіе обратило на приготовленія, принимавшіяся въ Гаагѣ. Находившійся въ Нимвегенѣ переводчикъ получилъ приказаніе помогать интенданту въ заботахъ о безплатномъ содержаніи посольства, но побуждать Динтера къ соблюденію порядка и экономіи въ расходахъ. Послѣдній былъ также предупрежденъ о сохраненіи полнаго и взаимнаго съ переводчикомъ согласія въ ихъ общихъ дѣйствіяхъ, а равно и о скорѣйшихъ отвѣтахъ на нѣкоторые вопросы Голландскаго правительства, вызываемые возможною необходимостью прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ въ зависимости отъ обстоятельствъ. Вопросы эти были слѣдующіе: какой общій составъ свиты долженъ былъ сопровождать посольство въ Гаагу? Сколько знатныхъ особъ предполагалось въ этой свитѣ? Будутъ-ли при послахъ лошади и сколько именно?»

«24 Августа Динтеръ повидимому находился вблизи Гоуды на яхтѣ вмѣстѣ съ послами, но два дня спустя письма его уже помѣчены изъ Амстердама. На другой день Штаты постановили вознаградить хозяевъ дворца принца Маврикія за всѣ вещи, изъ числа взятыхъ у нихъ на прокатъ, которыя могли впослѣдствіи оказаться утраченными или попорченными, и приняли предложеніе содержателей обоихъ Дуленовъ, которые въ случаѣ недостатка въ бѣльѣ, согласились за приличную плату

поставить для потребностей посольства по сотнѣ салфетокъ отъ каждой гостинницы».

«29 числа того же Августа Динтеръ опять послалъ Генеральнымъ Штатамъ письмо съ приложеніемъ списка лицъ, причисленныхъ къ посольству, и, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ по содержанію посольства на счетъ правительства, предлагалъ удовлетворять Русскихъ выдачею имъ извѣстной суммы на ежедневное пропитаніе; число тѣхъ лицъ, къ которымъ нельзя было примѣнить этой мѣры, опредѣлялось интендантомъ всего въ 70 человѣкъ».

«Черезъ два дня Динтеръ извѣстилъ Штаты, что Лефортъ потребовалъ измѣненій въ первоначальномъ спискѣ въ томъ смыслѣ, чтобы на ежедневное продовольствіе священникъ (le pope) получалъ по дукату, а секретари посольства по три флорина съ мелочью (3 florins dix sous); вся потребная сумма составила-бы такимъ образомъ 189 флориновъ съ небольшимъ (et sept sous) на 131 человѣкъ[1]). По утвержденіи этого разсчета интендантъ въ два раза получилъ 12,000 флориновъ. Но содержатели обоихъ Дуленовъ потребовали возмѣщенія существенныхъ убытковъ, причиненныхъ имъ запоздалымъ прибытіемъ посольства, въ ожиданіи котораго они временно не могли отдавать своихъ помѣщеній въ наймы; обсужденіе этой претензіи было отложено до времени отъѣзда пословъ»[2]).

Теперь вернемся опять къ русскимъ источникамъ, которые гораздо обстоятельнѣе Меермана описываютъ вступленіе русскаго посольства въ предѣлы Голландіи и день за днемъ разсказываютъ о его путешествіи до Амстердама.

6-го Августа (стараго стиля) великіе послы переѣхали у города Веземя чрезъ Рейнъ и достигли до Клеве. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ нѣмецкомъ городѣ, къ нимъ явился «амстрадамской житель Захарій Захарьевъ сынъ Диксъ», чтобы отъ имени Голландскихъ Статовъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ и объявить, что ихъ ожидаютъ «любительно и къ пріему ихъ въ пограничномъ ихъ городѣ Нимвегенѣ все въ готовности». На другой день, съ такимъ-же привѣтомъ послучаю пріѣзда,

---

[1]) Съ этими данными интересно сравнить тѣ суммы, которыми Бранденбургское правительство удовлетворяло дневное пищевое довольствіе, «кромѣ питья», членовъ русскаго посольства, а именно: дворянамъ и переводчикамъ каждому по $1^1/_4$ ефимка, 2 подъячимъ по ефимку и четыремъ по три четверти ефимка, толмачамъ по 10 алтынъ, лекарямъ и мастерамъ по 13 алтынъ 2 деньги, трубачамъ и музыкантамъ по $^1/_2$ ефимка, первымъ людямъ посольскимъ по 6 алтынъ 4 деньги, собольщику, сторожу, солдатамъ, людямъ поваренньмъ, дворянскимъ и чиновныхъ людей по 5 алтынъ. (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 848).

[2]) Meerman, Discours, стр. 26—36.

пословъ посѣтили отъ имени Англійскаго короля[1] два Бранденбургскихъ барона, фонъ Ваттендонгъ и фонъ Ринемъ (Голландцы, судя по ихъ именамъ и должностямъ) и объявили, что находящійся въ это время въ Гаагѣ король, узнавъ о присутствіи царя въ составѣ собственнаго посольства, желаетъ съ нимъ видѣться и ожидаетъ увѣдомленія о соотвѣтсвенныхъ намѣреніяхъ Петра. Благодаря за королевскую обсылку, русскіе послы однако съ осторожностію отвѣтили, что «ежели изволитъ имъ Королевское величество дать очи свои видѣть, и они то съ радостію хотятъ получить, а Великаго Государя, Его Царскаго Величества, при посольствѣ нѣтъ, однако же о томъ, когда очи (короля) увидятъ, сами донесутъ». Ссылка на отсутствіе царя въ посольствѣ на этотъ разъ не была ложью. Подъѣзжая къ Рейну, Петръ отдѣлился отъ пословъ и съ небольшою свитой, человѣкъ въ 20, опередилъ ихъ, направляясь по каналамъ прямо въ Амстердамъ, куда прибылъ 7 Августа и въ тотъ-же вечеръ уѣхалъ въ Саардамъ[2]. Вслѣдствіе такого отвѣта Вильгельмъ пока не сталъ настаивать на свиданіи съ Петромъ, но на другой-же день, именно 9 Августа, опять прислалъ въ Клеве Арнгеймскаго судью, Англійскаго барона фонъ Розендаля, съ извѣщеніемъ, что пребываетъ въ замкѣ Ловѣ[3] и подтвердилъ свое приглашеніе уже однимъ русскимъ посламъ. Но они не приняли и этого приглашенія, прося позволить имъ пріѣхать уже изъ Амстердама, «а нынѣ имъ ѣхать невозможно, потому что всѣ посольскіе дворяне, и люди, и платья отпущены до Амстрадама моремъ, и нынѣ при нихъ, какъ людей, такъ иного всего мало, что обрѣтается»[4].

11-го Августа посольство, отъѣхавъ три мили отъ Клеве, начиная отъ Нимвегена вступило уже въ предѣлы Голландіи. За полмили отъ послѣдняго города Русскихъ встрѣтилъ представитель Нидерландскихъ Штатовъ, гофмейстеръ Герикъ Стабъ, съ тремя каретами о шести возникахъ и во главѣ полсотни горожанъ верхомъ при четырехъ трубачахъ[5]. Пересѣвъ изъ клевскихъ каретъ въ голландскія и поблагодаривъ Стаба, послы въѣхали въ Нимвегенъ при пушечныхъ выстрѣлахъ и при стойкѣ мѣщанъ съ ружьями. Шествіе открывалъ гофмейстеръ, а за нимъ ѣхали трубачи,

---

1) Вильгельма III, который одновременно управлялъ Голландіею въ качествѣ Штатгальтера.

2) Устряловъ, Исторія Петра Великаго (т. III, стр. 59 и 60; ср. также примѣчаніе 2 на стр. 598—599 и Юрналъ путнаго шествія въ приложеніи подъ № XI, на стр. 598).

3) Т. е. Лоо (Loo), около Брюсселя.

4) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 909—912.

5) Эти Статскіе, т. е. государственные, трубачи, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, причинили Голландскому правительству не мало хлопотъ вслѣдствіе притязательной требовательности Русскихъ.

которые все время трубили. Затѣмъ бургомистры угостили посольство въ кормѣхъ и въ питьѣ довольственно, причемъ играла музыка, трубили на трубахъ и били въ литавры. Изъ Нимвегена послы отпустили состоявшихъ при нихъ Бранденбургскихъ приставовъ съ благодарственнымъ письмомъ на имя перваго курфюрстова министра Данкельмана и передали приставамъ соболи и камки, назначенные для подарковъ принцесѣ Софіи Шарлоттѣ, ея матери Софіи Гановерской, Гильдесхеймскому епископу и придворной свитѣ этихъ трехъ особъ.

12 Августа послы двинулись въ дальнѣйшій путь къ Амстердаму, сперва въ каретахъ до рѣки Ваала, а затѣмъ на трехъ яхтахъ по каналамъ. Въ первую яхту, присланную королемъ Вильгельмомъ, сѣли послы; остальныя двѣ, принадлежавшія Голландскимъ Штатамъ, были предоставлены, одна дворянамъ посольства, а другая — священнику, двумъ родственникамъ посла Возницына, переводчикамъ и приказнымъ людямъ. Казну и рухлядь посольства везли особо на пяти судахъ, называемыхъ шнаками. При отчаливаніи яхтъ въ городѣ раздался пушечный салютъ, на который отвѣчали выстрѣлами съ яхтъ. До самаго Амстердама посольство продовольствовалось на счетъ Голландскаго правительства. 13 числа караванъ проплылъ мимо города Тиля, шанца св. Андрея на берегу Мааса, миновалъ города Бомель, Лювенштейнъ, Воркумъ и Горкумъ. 14 Августа, пройдя Дортрехтъ и остановившись на ночь передъ городомъ Гоудою, послы отправили впередъ въ Амстердамъ двухъ человѣкъ для осмотра приготовленныхъ имъ помѣщеній и для вызова къ себѣ изъ Амстердама остальной, пріѣхавшей впередъ части посольства. Утромъ 15 числа, отслушавъ на яхтѣ обѣдню по случаю праздника Успенія Богородицы, послы послѣ полудня опять двинулись въ путь и подошли къ городу Гоудѣ. Мѣстныя власти, явившись на яхту къ посламъ, просили ихъ зайти въ городъ и осмотрѣть его. Но послы отговорились невозможностью остановиться, такъ какъ уже на слѣдующее утро хотѣли достигнуть Амстердама, куда и поплыли немедленно, перейдя на другія приготовленныя для нихъ яхты[1]. «Отъ Нимвегена до Амстердама водою ѣзды 38 часовъ», говоритъ статейный списокъ; теперь это пространство съ помощью желѣзныхъ дорогъ можно перелетѣть въ 3—4 часа. Во всѣхъ попутныхъ городахъ пословъ привѣтствовали при проѣздѣ «стрѣльбою изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья и съ береговъ множественнымъ народомъ поздравляя кричали виватъ».

---

[1]) Мы уже знаемъ изъ словъ Меермана, что до Гоуды яхты были поставлены адмиралтействомъ рѣки Мааса, а далѣе суда меньшаго размѣра — адмиралтействомъ Голландіи.

Наконецъ, 16 Августа послы подъѣхали къ Амстердаму и при приближеніи къ городу были встрѣчены ранѣе пріѣхавшими русскими дворянами и людьми, и вмѣстѣ съ ними убрались по посольскому обычаю, т. е. приготовились къ пріему ожидаемыхъ мѣстныхъ властей, которые явились къ нимъ за полмили отъ Амстердама, уже на сухомъ пути. Эти власти были Амстердамскій президентъ и бургомистры со многими знатными жителями города. Послы остановились, выслушали пространную привѣтственную рѣчь и, благодаря за любезность, пересѣли всѣ трое въ одну карету, окруженную посольскими гайдуками съ обухами [1] и эскортомъ Голландцевъ, вооруженныхъ пиками. Кромѣ посольскихъ, еще 49 каретъ было предоставлено дворянамъ и чиновникамъ посольства, а остальная свита и прислуга ѣхали верхомъ. «А какъ въѣзжали въ городъ, стояли на стойкѣ мѣщане съ мушкеты, въ бѣлыхъ нѣмецкихъ кафтанахъ, и били въ барабаны и стрѣляли изъ пушекъ; посполитаго же народу, какъ мужеска, такъ и женска, для смотрѣнія того посольскаго въѣзду множественное число вездѣ было». Помѣщеніе для посольства было отведено въ гостинницѣ называемой, Гернъ-ложементъ [2], одной изъ лучшихъ въ городѣ. Голландскій историкъ Вагенаръ, въ своемъ извѣстномъ описаніи Амстердама [3], указываетъ, въ числѣ четырехъ лучшихъ постоялыхъ дворовъ города, на двѣ гостинницы Гееренъ-ложементъ, то есть Подворья Господъ, именно на находящіяся въ старой и новой частяхъ Амстердама. Мы увидимъ далѣе изъ разсказа Меермана, что обѣ онѣ были назначены для помѣщенія Русскихъ. Въ Амстердамѣ русское посольство прожило съ $^{16}/_{27}$ Августа 1697 г. по $^{15}/_{26}$ Мая 1698 г., т. е. ровно 9 мѣсяцевъ и только два, три раза выѣзжало отсюда, частью въ цѣломъ составѣ, частью въ числѣ однихъ пословъ и самыхъ почетныхъ лицъ. Выѣзды эти состоялись: въ концѣ Августа и началѣ Сентября въ Утрехтъ на свиданіе съ Англійскимъ королемъ Вильгельмомъ III, въ половинѣ Сентября на аудіенцію и переговоры въ Гаагу, гдѣ посольство въ полномъ

---

[1]) Обухъ — маленькій топоръ на длинномъ топорищѣ.

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 912—916.

[3]) Amsterdam in zyne opkomst, aanwas, Geschiedenissen, voorregten, Koophandel, Gebouwen, Kerkenstaat, schoolen, schutterye, gilden en Regeeringe, Beschreeven door Jan Wagenaar, Historieschrywer der stad. (Амстердамъ и его происхожденіе, развитіе судьбы, привиллегіи, торговля, зданія, церкви, школы, стрѣлковые и ремесленные союзы, и управленіе, описано Яномъ Вагенаромъ, городскимъ историкомъ) — вотъ длинное заглавіе этого иллюстрированнаго изданія въ трехъ томахъ, появившагося между 1760 и 1767 годами въ Амстердамѣ въ типографіи Исаака Тиріона. Интересующее насъ мѣсто находится на страницѣ 75 и 76 тома втораго. Здѣсь же приложенъ и видъ гостинницы Гееренъ-ложементъ, находящейся нъ старой части города. (См. описаніе этой гостинницы далѣе, въ приложеніяхъ).

составѣ пробыло съ $^{16}/_{27}$ Сентября по $^{20}/_{31}$ Октября, и, наконецъ, въ концѣ Октября стараго стиля, также въ Гаагу на празднованіе Рейсвикскаго мира. Съ Ноября же по Май посольство, злоупотребляя Голландскимъ гостепріимствомъ, оставалось на главныхъ квартирахъ въ Амстердамѣ, занимаясь сношеніями съ иностранными державами посредствомъ ихъ дипломатическихъ представителей въ Нидерландахъ и путемъ переписки съ русскими агентами преимущественно въ Польшѣ и Вѣнѣ, дѣлая разныя покупки, нанимая иностранцевъ на службу въ Россію, а, главное, давая возможность самому Петру воспользоваться этимъ долгимъ временемъ, чтобы изучить кораблестроеніе въ Саардамѣ и на Остиндской верфи, а равно и съѣздить въ числѣ волонтеровъ на три мѣсяца въ Англію. Такимъ образомъ оффиціальныя задачи пословъ были закончены въ Голландіи къ Ноябрю 1697 г., а продолжительная задержка посольства въ Амстердамѣ до Мая 1698 г. вызывалась такими причинами, которыя касались личныхъ цѣлей царя и о которыхъ сохранились лишь смутные слѣды въ подробностяхъ статейнаго списка.

Свободное отъ прямыхъ занятій время послы употребляли на осмотръ амстердамскихъ достопримѣчательностей. На это былъ преимущественно посвященъ тотъ мѣсяцъ, въ теченіи котораго послы ожидали въ Амстердамѣ извѣщенія о возможности имъ прибыть въ Гаагу для аудіенціи у Штатовъ. А это промедленіе въ свою очередь зависѣло отъ того, что Голландцы вели въ это время въ Рейсвикѣ окончательные переговоры о мирѣ съ Французами и до вѣроятнаго исхода ихъ не хотѣли принимать Русскихъ. Заключеніе мира состоялось лишь $^{10}/_{21}$ Октября и было оффиціально возвѣщено посламъ чрезъ двухъ главнѣйшихъ представителей Голландскаго правительства.

Въ статейномъ спискѣ встрѣчаются нѣкоторыя данныя объ осмотрѣ Русскими Амстердама. Данныя эти при всей ихъ краткости очень характерны какъ въ бытовомъ отношеніи, такъ и по тѣмъ выраженіямъ, къ которымъ статейный списокъ долженъ былъ прибѣгать въ описаніи невиданныхъ дотолѣ Русскими, заграничныхъ диковинокъ. Мы считаемъ не лишнимъ остановиться на этихъ подробностяхъ, такъ картинно отражающихъ впечатлѣнія представителей Московскаго быта при ихъ непосредственной встрѣчѣ съ плодами Европейской культуры. Но прежде, чѣмъ обратиться къ изложенію этихъ впечатлѣній, укажемъ на другой источникъ ихъ слѣдовъ, занесенныхъ на страницы любопытнаго дневника, который велъ неизвѣстный по имени участникъ посольства. Пекарскій, въ своей книгѣ «Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» [1]),

[1]) Томъ I, стр. 145 и 148—150.

5

останавливается на этомъ дневникѣ или, какъ онъ озаглавленъ въ печатномъ изданіи 1788 г., «Записной Книжѣ любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 1698 г.» [1]) и приводитъ изъ него нѣсколько отрывковъ. По предположенію кн. Бл. К—ва, издателя этого дневника въ Отечественныхъ Запискахъ 1846 г., дневникъ этотъ могъ принадлежать перу графа Бориса Петровича Шереметева, однако такому предположенію противорѣчатъ слѣдующіе факты. Записки путешествія Шереметева изданы еще въ 1773 г. въ Москвѣ (in fol.) и повторены въ Древней Вивліоѳикѣ Новикова въ 1788 г. [2]). Тексты путешествія Шереметева и Записной Книжки неизвѣстнаго автора различаются какъ по содержанію своему, такъ и по маршруту обоихъ путешественниковъ и никакъ не могутъ быть смѣшиваемы. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ помѣтъ мѣсяцевъ и чиселъ въ Записной Книжкѣ оказывается, что авторъ ея принималъ участіе въ составѣ русскаго посольства 1697—8 гг. лишь временно, во время пребыванія его въ Амстердамѣ и Гаагѣ, а до того и послѣ, отдѣльно отъ остальнаго посольства пріѣхалъ въ Голландію и уѣхалъ изъ нея въ Италію. Въ его маршрутѣ также оказывается разница съ маршрутомъ главнаго состава посольства, какъ извѣстно, выѣхавшаго изъ Москвы 9 Марта и чрезъ Ригу, Митаву, Берлинъ и Гамбургъ достигшаго границъ Голландіи. Между тѣмъ путь неизвѣстнаго автора Записной Книжки былъ слѣдующій. Выѣхавъ изъ Москвы 11 Мая 1697 года, онъ чрезъ Клинъ, Торжокъ и Новгородъ прибылъ въ Нарву, откуда 11 Іюня моремъ отправился въ Любекъ, а затѣмъ чрезъ Гамбургъ 11 Іюля прибылъ въ Амстердамъ. 15 Сентября онъ участвовалъ въ торжественномъ въѣздѣ посольства въ Гаагу и вернулся оттуда въ Амстердамъ, гдѣ 28 Октября видѣлъ торжество объявленія Рейсвикскаго мира. О его поѣздкѣ въ Англію въ числѣ волонтеровъ не упоминается въ Записной Книжкѣ, что доказываетъ, что онъ не былъ ни волонтеромъ, ни солдатомъ или офицеромъ Преображенскаго полка. То обстоятельство, что онъ пріѣхалъ моремъ изъ Нарвы прямо

[1]) Вслѣдъ за приведеннымъ заглавіемъ на обложкѣ этой книжечки въ 50 стр. in 12° помѣчено: «на ижд. И. Б., въ Санктпетербургѣ, печат. съ дозв. указн., 1788 г.» Кромѣ того эти же Записки напечатаны въ Московскомъ Вѣстникѣ Погодина 1830 г. (ч. VI) и въ Отечественныхъ Запискахъ 1846 г. (№ VIII, Науки и Художества, стр. 126—153). Дневникъ великой особы часто встрѣчается въ рукописяхъ XVIII в. и носитъ иногда другое заглавіе, а именно: «Журналъ, како шествіе было его величества государя Петра Великаго». Списокъ послѣдняго рода помѣщенъ въ журналѣ Русская Старина (1879 г., т. XXV, стр. 101 и дал.) съ предисловіемъ и примѣчаніями И. Ѳ. Горбунова, который между прочимъ высказываетъ предположеніе, что авторомъ этого произведенія былъ или князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ или Иванъ Михайловичъ Головинъ. Въ цитатахъ и ссылкахъ изъ Записной Книжки любопытныхъ замѣчаній мы будемъ далѣе руководствоваться первымъ изданіемъ 1788 г.

[2]) Изд. 2, часть V, стр. 252—432.

въ Любекъ, объясняетъ также, что онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ дворянъ посольства, которые были отправлены съ Богданомъ Приставомъ въ Голландію впередъ изъ Кольберга. Гораздо ранѣе возвращенія Петра Великаго изъ Англіи, еще 1 Апрѣля 1698 г., неизвѣстный авторъ Записной Книжки выѣхалъ изъ Роттердама чрезъ Кельнъ, Кобленцъ, Майнцъ, Франкфуртъ и Тироль въ Венецію, гдѣ 11 Мая присутствовалъ на церемоніи вѣнчанія Дожа съ Адріатическимъ моремъ. Кромѣ Венеціи путешественникъ посѣтилъ слѣдующіе города въ Италіи: Падую, Феррару, Болонью, Флоренцію, Римъ, Ливорно, Геную, Нови, Миланъ, Бресчію, Верону, Виченцу. Вернувшись 6 Іюля въ Венецію, онъ пробылъ тамъ до 18 Октября, когда предпринялъ обратный путь чрезъ Голландію въ Россію тою же дорогой, по которой пріѣхалъ изъ Амстердама. Возвращеніе его на родину чрезъ Гамбургъ, Данцигъ, Кенигсбергъ, Мемель, Митаву и Ригу относится уже къ 1699 году; изъ Амстердама онъ выѣхалъ 3 Января и только 27 Февраля прибылъ въ Москву. Только что приведенный маршрутъ и срокъ возвращенія въ Россію доказываютъ, что анонимный путешественникъ не принадлежалъ къ составу великаго посольства 1697—1698 гг. и только временно, во время пребыванія въ Голландіи, случайно съ нимъ встрѣтился. Обратимся теперь къ разсказу о томъ, что Русскимъ удалось видѣть въ Голландіи.

Между 17 Августа и 22 Сентября стараго стиля послы посѣтили ратушу, пріюты призрѣнія сиротъ [1]), исправительныя заведенія для преступниковъ, театръ, были на фейерверкѣ, данномъ въ ихъ честь, въ управленіи Остиндской верфи, и смотрѣли на устроенное для нихъ примѣрное морское сраженіе, въ которомъ принималъ участіе самъ царь, скрывавшій свой санъ подъ извѣстнымъ уже намъ обозначеніемъ Преображенскаго полку начальнаго человѣка. Обо всѣхъ этихъ достопримѣчательностяхъ статейный списокъ разсказываетъ слѣдующими подлинными словами.

«Августа 17 великіе и полномочные послы по прошенію Амстрадамскихъ бурмистровъ были въ ратушѣ и смотрѣли строенія ея; да они жъ были въ разныхъ домѣхъ сиропитательныхъ и наказательныхъ, что всему учинена особая пространная записка [2]). Того жъ числа... послы по про-

---

[1]) Эти пріюты, соединенныя со школами, до сихъ поръ представляютъ очень любопытную особенность Голландіи. Они содержатся или городами или же отдѣльными въ нихъ корпораціями различныхъ профессій. На улицахъ Амстердама воспитанники и воспитанницы такихъ пріютовъ поражаютъ своей одеждой, вертикально раздѣленной пополамъ, отъ ногъ до шеи и даже головнаго убора, двумя, краснымъ и чернымъ, цвѣтами городскаго герба.

[2]) Неизвѣстный путешественникъ въ такихъ выраженіяхъ описываетъ эти заведенія для призрѣнія падшихъ женщинъ и для воспитанія подкидышей: «Тамъ же былъ на дворѣ, гдѣ живутъ вольныя дѣвки;

шенію Амстердамскихъ бурмистровъ были въ *комедіальномъ* (sic) *дому*, въ которомъ великая палата, въ ней же отправлялось дѣйство комедіи о Купидѣ, Еллинской *богинь* (sic), и притомъ показываны многіе бои и устрашенія адская, и дивные танцы, и иныя утѣшныя вещи и перспективы [1]; а гдѣ... послы сидѣли, и то мѣсто устлано было коврами и обито сукны, и на столѣ поставлены фрукты и конфекты многіе, и потчивали бурмистры великихъ пословъ прилежно. Августа въ 19 день по прошенію Амстрадамскихъ бурмистровъ великіе и полномочные послы смотрѣли изъ особаго дому нарочныхъ, устроенныхъ для нихъ огнестрѣльныхъ вещей, которыя учинены на водѣ на ботахъ: четыре столба, на верху глобусъ, по всѣмъ угламъ дива морскіе, въ срединѣ орелъ двоеглавый великой, у котораго на грудяхъ и на персяхъ написано латинскими словами: «Великій Царь Петръ Алексѣевичъ да живетъ!» По обѣ стороны орла два мужа на четвероугольныхъ столпахъ, пониже пазнахтей орла стоялъ гербъ Галанской, да около множество сосудовъ, въ которыхъ многія и великія ракеты, которыя горѣли зѣло стройно и порядочно и многія изъ себя разноцвѣтные огни выдавали, и верховыя ракеты зѣло добры и высоки были. А прежъ смотрѣнія той потѣхи... послы у Статъ въ томъ дому ѣли и въ питіи было довольство большое и подчиваны прилежно [2]. И того жъ числа были послы на Остинскомъ дворѣ Преображенскаго полку у начальныхъ людей для того, что они въ тотъ домъ пріѣхали для ученія морскаго дѣла [3]. Августа въ 22 день... послы были съ бурмистры на морскомъ гаванѣ и въ тое пору наряжены были три яхты противъ воинскаго обыкновенія: на одной великіе послы и бурмистры, на которой былъ вице-адмиралъ Шей; на другой Преображенскаго полку начальной человѣкъ капитаномъ съ своими солдаты. И вышедъ въ море учинили межъ собою бой и всѣ знаки, какъ належитъ въ бою на морѣ, знамены [4]) показывали, котораго поведенія множество въ разныхъ судахъ Амстрадамскіе жители и пріѣзжіе смотрѣли [5]. А по времени бурмистры великихъ и полномочныхъ пословъ

домъ превеликой и сады изрядные. Осматривалъ другой такой же огромный домъ, въ которомъ воспитываются незаконнорожденныя дѣти, обучаются грамотѣ и разному мастерству, содержатся до пятнадцати лѣтъ и по выучкѣ отпускаются на волю и снабдѣваются платьемъ и иными потребностями». (Записная Книжка любопытныхъ замѣчаній, стр. 11—12).

1) Устряловъ, ссылаясь на Схельтему, называетъ представленныя въ театрѣ піесы балетомъ «Очарованія Армиды» и комедіей «Притворный Адвокатъ». (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 71).

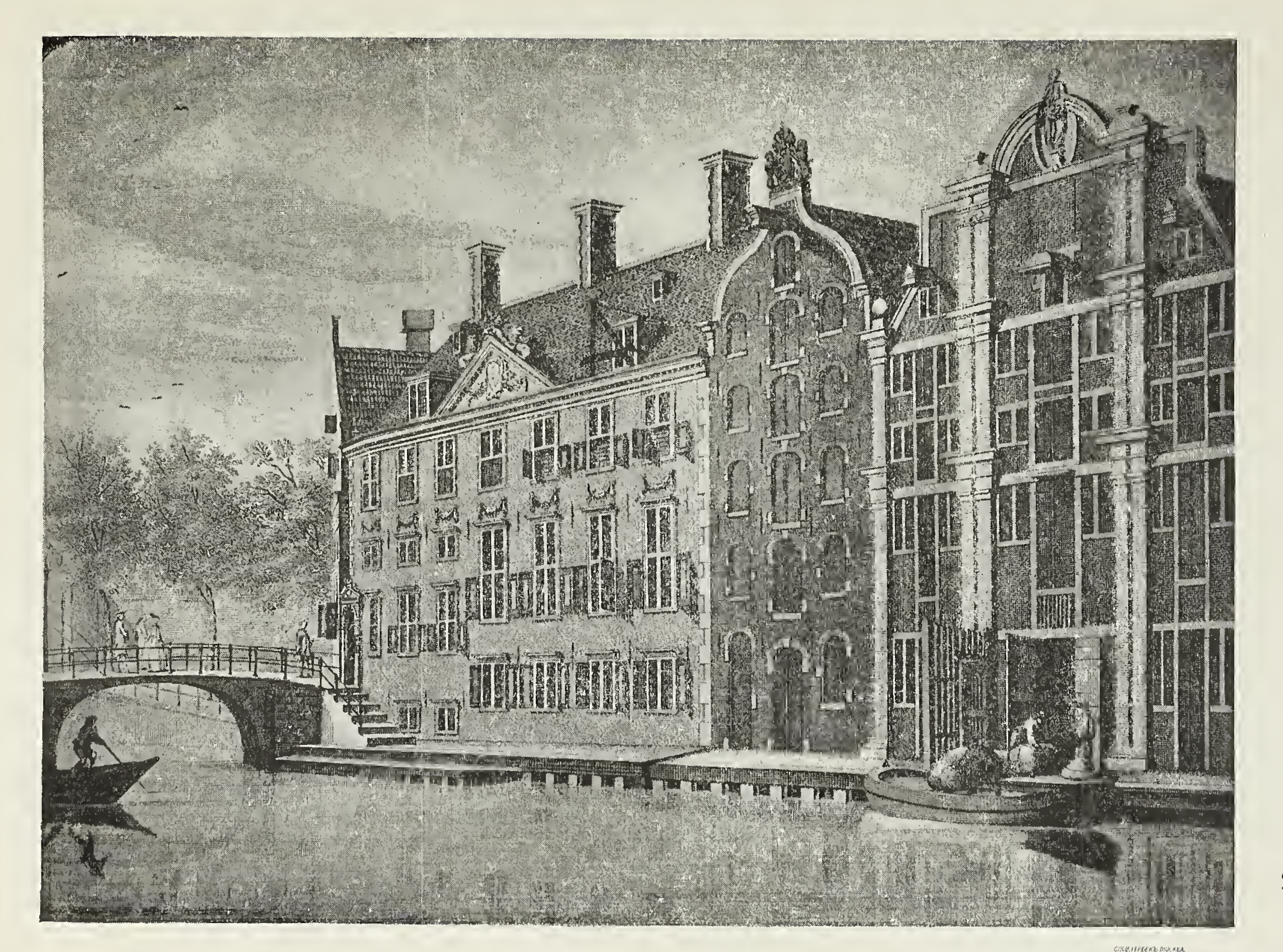
2) Ср. эти строки статейнаго списка съ разсказомъ голландскихъ источниковъ, изложеннымъ въ описаніи фейерверка въ честь Петра Великаго, которое помѣщается нами въ Приложеніяхъ.

3) Петръ съ своими волонтерами начали учиться судостроенію и работамъ на верфи амстердамской Остиндской компаніи, куда царь перешелъ послѣ недѣльнаго пребыванія въ Саардамѣ.

4) Знамены, то есть сигналами.

5) Морской примѣрный бой повидимому не особенно заинтересовалъ автора «Записной Книжки»,

6.



АМСТЕРДАМЪ,
Гостинница Гееренъ-Ложементъ.

7.

АМСТЕРДАМЪ,
Постройка для фейерверка.

АМСТЕРДАМЪ,
Фейерверкъ 19/29 Августа 1697 г.

АМСТЕРДАМЪ,
Морскіе маневры.

подчивали ѣствою и питьемъ со всякимъ довольствомъ. И было той потѣхи цѣлый день, а по совершеніи того возвратились въ Амстрадамъ всѣ довольны» [1].

Протестантскія церкви и еврейскія синагоги также привлекли вниманіе пословъ. 26 Августа они ѣздили «въ каретахъ въ голландскія *кирхи*, въ которыхъ изрядные органы, да строеніе тѣхъ кирхъ древнее и великое, прежде были костелы римскіе. Да великіе жъ послы были въ двy жидовскихъ синагогахъ и въ тѣхъ показываны посламъ отъ жидовскихъ рабиновъ на еврейскомъ письмѣ завѣтъ и пророчество, обвиты богатыми матеріями и стоятъ въ великихъ шафахъ» [2].

Осмотръ Амстердама былъ временно прекращенъ по случаю поѣздки пословъ въ Утрехтъ на свиданіе съ Вильгельмомъ III. По возвращеніи оттуда послы успѣли ознакомиться лишь съ немногими достопримѣчательностями, такъ какъ ожидали со дня на день приглашенія въ Гаагу на аудіенцію къ Генеральнымъ Штатамъ и могли только посѣтить ботаническій садъ, гдѣ особое вниманіе обратили на поразившія ихъ оранжереи, и поглядѣть на слона на дворѣ Остиндской Компаніи. 7 Сентября послы «были въ Амстрадамѣ со приставы своими и были въ огородѣ, который *огородъ* называется Гортусъ Медикусъ или *огородъ лѣкарственный;* тотъ огородъ строится всѣмъ Амстердамомъ. Въ томъ огородѣ зѣло многое множество древъ иностранныхъ, а именно изъ Индіи масличныя и коричныя, и померанцевыя, и кипарисы, и цытроновыя, и прочія, такъ-же многія благоуханныя травы и разныя видами; и устроены тѣмъ древамъ и травамъ изрядныя мѣста, и вносятъ въ холодное время въ *анбары,* а травамъ сдѣланы мѣста и *съисподи печи.* Въ томъ-же садовомъ дому въ амбарѣ стоятъ многія скляницы, и сулейки и стаканы, а въ нихъ въ спиритусѣ морскія дивы, во всякомъ суднѣ особо, зміи, каркодилы, саламандры и иныя многія. Подчивали великихъ и полномочныхъ пословъ въ томъ саду первый амстрадамской президентъ и бургомистры, Николай Витценъ и приставы посольскіе... въ ѣствахъ и питіи со всякимъ довольствомъ» [3].

который кратко отмѣчаетъ въ ней (стр. 16): «видѣлъ потѣху на морѣ и разныя воинскія движенія съ стрѣльбою изъ фрегатовъ и яхтъ, при чемъ было нѣсколько тысячь зрителей на разныхъ судахъ».

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 916—918. Примѣрный морской бой изображенъ на приложенной къ нашей книгѣ гравюрѣ Аллара и подробно описанъ въ текстѣ къ ней. (См. въ Приложеніяхъ).

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 921. Сюда же относятся слѣдующія подробности, приводимыя авторомъ Записной Книжки: «Былъ въ жидовской школѣ, гдѣ великое богатство и Моисеевы Книги драгоцѣнными камнями украшенныя. Смотрѣлъ служеніе у Квакеровъ, которые собравшись въ церковь сидятъ часа съ три съ великимъ смиреніемъ и какую бы кто досаду имъ не учинилъ, не противятся и отвѣту не даютъ». (Записная Книжка, стр. 10).

[3]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 925—926.

11 Сентября послы смотрѣли слона на Остиндскомъ дворѣ и были поражены тѣми многими «*штуками,* удивленія достойными», которыя слонъ показывалъ «по повелѣнію звѣровщикову» [1]).

Въ ожиданіи поѣздки въ Гаагу послы не только пользовались временемъ для осмотра Амстердама, но не забывали и своихъ текущихъ обязанностей. Статейный списокъ сохранилъ намъ за это время извѣстія не только объ ихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ, но и о частныхъ дѣлахъ, которыя разрѣшались по просьбамъ являвшихся къ нимъ просителей. Въ виду того, что намъ придется въ дальнѣйшемъ изложеніи касаться дипломатическихъ отношеній Россіи къ государствамъ Западной Европы, намъ не лишнее воспользоваться случаемъ, чтобы вкратцѣ напомнить о тѣхъ политическихъ обстоятельствахъ, при которыхъ Петръ отправился за границу. Мы уже знаемъ, что въ это время Франція вела войну съ Нидерландами, Англіей, Испаніей и Германской имперіей. Миръ, состоявшійся въ Рейсвикѣ въ 1697 г. между первыми четырьмя державами, былъ объявленъ во время пребыванія русскаго посольства въ Голландіи. Но между Имперіей и Франціей дѣло этимъ миромъ еще не кончилось и взаимныя ихъ отношенія были еще осложнены поддержкою, оказываемою Людовикомъ XIV, королемъ французскимъ, Турціи, воевавшей въ это время съ Австріей. Вмѣшательство Франціи въ международныя отношенія Австріи не ограничивалось союзомъ съ Турками. Смерть Яна Собѣсскаго дала поводъ Людовику воспользоваться междуцарствіемъ въ Польшѣ, чтобы и тамъ проявить свое властолюбіе. На Польскій престолъ явилось нѣсколько кандидатовъ, выставленныхъ разными партіями. Главнѣйшими изъ послѣднихъ оказались съ одной стороны приверженцы саксонскаго курфюрста Фридриха Августа, поддерживаемаго Австріей, Россіей и Даніей, а съ другой — сторонники принца Конти, Француза родомъ, избранія котораго всѣми силами домогался Людовикъ XIV, отчасти разсчитывавшій на содѣйствіе Швеціи. Для Россіи и Австріи, стремившихся въ это время заключить союзъ для нападенія общими силами на исконно враждебную имъ Турцію, представлялось крайне неудобнымъ очутиться, такъ сказать, между двухъ огней французскаго вліянія, желавшаго проникнуть въ сосѣднія съ ними обѣими государства. Россія до того была заинтересована въ общности своихъ интересовъ съ Австріей, что стягивала войска къ Литвѣ, чтобы воспрепятствовать кандидатурѣ принца Конти или *Деконтія,* какъ онъ назы-

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 942. О штукахъ слона ср. Записную Книжку (стр. 4): «также видѣлъ слона великаго, который игралъ знаменъ, трубилъ по турски и по черкасски, стрѣлялъ изъ мушкету и много другаго дѣлалъ и игралъ съ собакою, которая непрестанно при немъ находилась».

вается въ статейномъ спискѣ. Россія успокоилась въ своихъ опасеніяхъ лишь во время пребыванія своего посольства въ Голландіи, узнавъ тамъ о рѣшеніи Польскаго вопроса въ пользу саксонскаго курфюрста. Но поддержка принца Конти Франціею и ея союзъ съ Турками не могли не отразиться нерасположеніемъ Россіи и ея пословъ къ Людовику XIV и его представителю въ Голландіи [1]).

Только что изложенныя соображенія оправдываютъ тѣ оживленныя сношенія, которыя русское посольство, во время своего пребыванія въ Амстердамѣ и Гаагѣ, вело съ представителями Австріи и Польши, находившимися въ Голландіи, и то вниманіе, которое оказывалось донесеніямъ русскихъ агентовъ какъ изъ этихъ двухъ странъ, такъ и изъ Швеціи и Даніи. Не ограничиваясь текущею перепиской съ русскими резидентами въ Вѣнѣ и Краковѣ, послы имѣли неоднократныя свиданія съ польскимъ посломъ въ Нидерландахъ, Христофоромъ Бозеномъ, слѣдили за вѣстями изъ Кракова [2]), Даніи, обмѣнивались съ австрійскимъ посольствомъ слухами и извѣстіями о побѣдахъ надъ Турками, взаимно поздравляли другъ друга съ ними и изо всѣхъ представителей иностранныхъ державъ лишь съ однимъ избѣгали встрѣчи и дѣлъ, именно съ посланникомъ французскаго короля Людовика XIV [3]).

Въ числѣ частныхъ просителей, обращавшихся къ посламъ, и нанятыхъ на службу въ Россію иностранцевъ, упомянемъ о слѣдующихъ. 24 Августа отпущенъ изъ Амстердама къ Москвѣ лекарь Крестьянъ Винтеръ съ человѣкомъ и данъ ему проѣзжій листъ чрезъ Псковъ. Въ тотъ-же день выдано 15 золотыхъ червонныхъ Цареградскаго Преображенскаго монастыря архимандриту Кириллу, явившемуся съ грамотою о сборѣ милостыни. 28 Августа назначенъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ по его челобитной Андрей Павловъ, знакомецъ стольника Ѳедора Лаврентьева, пріѣхавшій съ послѣднимъ въ Амстердамъ [4]). 2 Сентября явился къ посламъ любопытный проситель. Это былъ казакъ Яцко Кондратовъ сынъ Цыховскій, посланный отъ малороссійскаго гетмана Мазепы въ турецкій городъ Смирну «для того, что у него тамъ братъ родной служитъ Туркамъ за писаря войсковаго, зовутъ Васильемъ, взятъ въ полонъ подъ Чигиринымъ во 186 (1678) году и тамъ бусурманился». Послы восполь-

---

[1]) Ср. Соловьева, Исторія Россіи, изд. Т-ва Общ. Польза (ч. III, т. XIV, гл. III, стр. 1169) и его же Публичныя Чтенія о Петрѣ Великомъ (Сочиненія С. М. Соловьева, С.-Пб., 1882 г., стр. 162).

[2]) См. въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній записи статейнаго списка о донесеніяхъ Никитина изъ Кракова подъ 26 Августа (стр. 920), 9 Сентября (стр. 927), 12 Сентября (стр. 942), о свиданіяхъ съ Бозеномъ 10 Сентября (стр. 932) и 12 Сентября (стр. 938).

[3]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 923, 927—931, 943.

[4]) Тамъ-же, стр. 919—922.

зовались случаемъ и поручили Яцку ѣхать въ Царьградъ провѣдать «тамошнее бусурманское намѣреніе и крѣпость того города осмотрѣть», за что ему дали 30 ефимковъ государева жалованья. Чрезъ три дня послы наградили и оставили при себѣ другаго Запорожскаго казака, Василія Степанова, взятаго въ плѣнъ 28 лѣтъ тому назадъ и возвращающагося съ каторги, изъ которой убѣжалъ [1]. Большое вниманіе пословъ обратилъ на себя архіепископъ Анкирскій Петръ Павелъ Пальмъ, пріѣхавшій въ Гаагу съ цесарскими послами и отправлявшійся чрезъ Московское государство въ Персію. Онъ предлагалъ себя въ агенты русскаго правительства для возбужденія къ войнѣ съ Турками не только шаха Персидскаго, но и Эфіопіи и Индіи, куда его посылало австрійское правительство. Узнавъ о томъ, что въ Персіи находится особый русскій резидентъ, Пальмъ просилъ пословъ оказать ему содѣйствіе къ проѣзду чрезъ Россію и дать ему грамоту къ шаху. Просьбы Пальма были впослѣдствіи удовлетворены, въ чемъ помогъ ему и австрійскій посланникъ въ Гаагѣ. Но онъ выѣхалъ изъ Голландіи лишь въ Мартѣ 1698 г., такъ какъ Русскіе не совѣтовали ему пускаться въ путь изъ Россіи въ Персію ранѣе вскрытія рѣкъ и наступленія весны [2].

Наконецъ, во время перваго своего пребыванія въ Амстердамѣ съ половины Августа до половины Сентября 1697 года, послами выдано было нѣсколько паспортовъ солдатамъ Преображенскаго полка и волонтерамъ, отправлявшимся учиться «морскаго художества и воинскихъ дѣлъ на корабляхъ». Трое изъ нихъ, князь Шаховской, Нестеровъ и Левонтьевъ, посылались для этой цѣли въ Остиндію, а четвертый, другой князь Шаховской, въ «восточную Остиндію» [3].

Между тѣмъ любезности, оказанныя русскому посольству при его вступленіи на почву Голландіи со стороны ея Штатгальтера, побуждали пословъ добиваться свиданія съ Вильгельмомъ III. Еще 23 Августа стараго стиля съ этою цѣлію былъ отправленъ изъ Амстердама въ Гаагу одинъ изъ дворянъ при Лефортѣ, именно Богданъ Приставъ. Но Вильгельмъ не могъ опредѣлить срока пріема, такъ какъ спѣшилъ сперва окончить переговоры, приведшіе къ заключенію Рейсвикскаго мира, и просилъ Русскихъ обождать малое время. Съ такимъ отвѣтомъ вернулся изъ Гааги Богданъ Приставъ и въ объясненіе сообщилъ, что у короля Англійскаго «зашли трудности въ миру съ французскою стороною

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 925.

2) Тамъ-же, стр. 944, 953—955, 1041, 1060 и въ другихъ мѣстахъ, приводимыхъ въ Указателѣ къ Памятникамъ Дипломатическихъ Сношеній при имени Пальма.

3) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 926, 944—945.

и тѣмъ нынѣ забавенъ, а когда получитъ свободу и тогда онъ имъ, великимъ и полномочнымъ посламъ, чрезъ своего дастъ знать и просить о томъ будетъ» [1]. Полученіе свободы и обѣщанный посолъ не заставили долго ожидать себя. Чрезъ недѣлю послѣ посылки Богдана Пристава, именно 29 Августа, въ Амстердамъ къ посламъ явился пѣхотный капитанъ Котценбергъ и объявилъ, что король ожидаетъ ихъ посѣщенія частнымъ образомъ, приватне, въ Утрехтѣ. 31 Августа послы сѣли на яхту, плыли всю ночь и на разсвѣтѣ 1 Сентября прибыли въ Утрехтъ, гдѣ ихъ посѣтилъ амстердамскій бургомистръ Витценъ съ порученіемъ отъ короля привѣтствовать ихъ съ пріѣздомъ и извѣстить ихъ о желаніи своемъ видѣться съ ними. Приватный характеръ свиданія былъ при этомъ подтвержденъ. Въ тотъ же день послѣ полудня въ Утрехтъ въѣхала обыкновенная, т. е. не парадная, карета о шести возникахъ, сопровождаемая восемью всадниками—рейтарами и слѣдомъ еще тремя каретами. Въ первой сидѣлъ король, въ остальныхъ его ближніе люди. Когда поѣздъ приблизился къ дому, въ которомъ остановилось русское посольство, то поставленный тутъ караулъ забилъ въ барабаны и заигралъ на флейтахъ, а когда король вышелъ изъ экипажа, то столпившійся народъ привѣтствовалъ его кликами. Согласно частному характеру свиданія Русскіе не встрѣчали Вильгельма, а изъ особой палаты вышли къ нему, когда онъ вступилъ въ комнату, и, кланяясь въ поясъ, благодарили его за двукратное освѣдомленіе объ ихъ здоровьѣ и за то, «что нынѣ его Королевскаго Величества лицо во здравіи видятъ». О такой милости они обѣщались донести своему повелителю, а между тѣмъ этотъ повелитель былъ тутъ-же. Затѣмъ, удалившись въ особую комнату, король бесѣдовалъ съ послами, «имѣлъ разговоръ», о содержаніи котораго статейный списокъ умалчиваетъ, такъ какъ все свиданіе носило частный, неоффиціальный характеръ. Король приглашалъ пословъ на другой день къ себѣ обѣдать, но они били челомъ и отказались отъ этой чести. По отъѣздѣ Вильгельма послы тотчасъ-же отправились въ обратный путь и вернулись въ Амстердамъ рано утромъ 2 Сентября [2].

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя сохранились въ статейномъ спискѣ о пріемѣ Вильгельмомъ III русскаго посольства въ Утрехтѣ. Имени Петра тутъ не упоминается, но его называетъ Меерманъ въ своемъ разсказѣ объ этомъ событіи, еще болѣе краткомъ, чѣмъ приведенная нами выдержка. «Первое свиданіе царя съ королемъ Вильгельмомъ», пишетъ

---

[1] Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 918—919.
[2] Тамъ-же, стр. 922—923.

Мееманъ, «состоялось 11 Сентября въ Утрехтѣ, еще до отъѣзда русскаго посольства въ Гаагу. Петръ явился туда изъ Амстердама, а король, въ началѣ Августа оставившій свою армію, изъ Лоо. Кромѣ одного Лефорта, никто не присутствовалъ при этомъ свиданіи двухъ государей. Въ жизнеописаніи Вильгельма, изданномъ въ Голландіи скоро послѣ его смерти, я нашелъ текстъ рѣчи, которою, по свидѣтельству неизвѣстнаго автора, Петръ привѣтствовалъ короля при этомъ случаѣ; но, такъ какъ она показалась мнѣ недостаточно достовѣрною, то я не почелъ нужнымъ включать ее въ настоящій разсказъ» [1].

Схельтема, ссылаясь на эти слова Меермана, дѣлаетъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе. «Въ книгѣ, озаглавленной: Histoire de Guillaume III (Исторія Вильгельма III, Амстердамъ, 1703, т. II, стр. 289), царю приписывается очень длинная рѣчь, приводимая затѣмъ другими писателями съ ручательствомъ за ея достовѣрность. Но, во первыхъ она отличается такою излишнею витіеватостью (trop déclamatoire), что трудно признать самого Петра ея авторомъ, а во вторыхъ, такъ какъ свиданіе съ Вильгельмомъ и предложеніе вести войну противъ Французовъ тамъ выставляются главными цѣлями путешествія царя, то изъ этого слѣдуетъ, что рѣчь эта выдумана самимъ сочинителемъ книги и помѣщена въ ней исключительно для приданія ей бо́льшаго интереса. На этомъ основаніи мы предпочли ее здѣсь выпустить. Парижская полиція заставила Меермана исключить ее изъ его брошюры» [2]. Въ оправданіе критическаго взгляда Схельтемы и въ доказательство непонятной для насъ щепетильности французской цензуры, мы считаемъ не лишнимъ выписать здѣсь эту рѣчь.

«По окончаніи аудіенціи, въ частной бесѣдѣ съ королемъ царь привѣтствовалъ его слѣдующими словами: Государь, я покинулъ свой престолъ и свои побѣдоносныя войска, руководимый не столько стремленіемъ посѣтить главные города Германской имперіи или самую могущественную на свѣтѣ республику, но единственно сильнымъ желаніемъ повидать знаменитѣйшаго и величайшаго героя нашего вѣка. Мое желаніе исполнилось и я достаточно вознагражденъ за неудобныя послѣдствія, могущія отразиться на моемъ путешествіи, такъ какъ я почитаю себя

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 69—70.

[2]) Scheltema (Anecdotes, стр. 120, примѣч. 2; ср. Peter de Groote, т. I, стр. 152, Rusland en de Nederlanden, т. II, стр. 208). По всей вѣроятности Схельтема ошибся въ своей ссылкѣ на Исторію Вильгельма III, вышедшую въ Амстердамѣ въ 1703 г. Въ этомъ изданіи мы не нашли рѣчи, приписываемой Петру, на указываемомъ Анекдотами мѣстѣ. Но она напечатана во второмъ, дополненномъ изданіи называемой Схельтемою біографіи Вильгельма III и какъ разъ на страницѣ 289 тома втораго.

счастливымъ тѣмъ, что наслаждаюсь Вашимъ присутствіемъ. Пріемъ, оказанный мнѣ Вашимъ Величествомъ, доставилъ мнѣ гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ покореніе Азова и мои побѣды надъ Татарами. Вамъ, Государь, въ нѣкоторомъ смыслѣ принадлежитъ честь этихъ славныхъ дѣлъ (l'honneur de cette conquête): моя рука и мой мечъ направлялись Вашимъ военнымъ геніемъ, который служилъ мнѣ примѣромъ, а благородное соревнованіе съ Вашими великими подвигами внушило мнѣ первую мысль о распространеніи предѣловъ моего государства. Я не нахожу достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить чувства восхищенія (vénération) и высокаго уваженія (haute estime), которыя я питаю къ Вашей священной особѣ; чувства эти доказываются моимъ путешествіемъ, которому нельзя подъискать примѣра. Позднее время года и близкое заключеніе мира, о которомъ ведутся переговоры, лишаютъ меня случая, выпавшаго на долю Императора Максимиліана, подъ Англійскимъ знаменемъ принять участіе въ войнѣ противъ Франціи, общаго врага всего христіанства. Впрочемъ, если война еще будетъ продолжаться, то я прикажу генераламъ моихъ войскъ быть готовыми идти всегда вслѣдъ за Вашими. И если Ваши предпріимчивые (industrieux) подданные захотѣли бы вести свою торговлю до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ земнаго шара (du monde), то во всякое время, и въ мирное, и въ военное, имъ будетъ всегда открытъ доступъ въ Россію. Я поощрю ихъ еще бо̀льшими льготами, чѣмъ тѣ, которыми они пользовались до сихъ поръ, и поставлю ихъ въ самое блестящее положеніе въ моемъ государствѣ (et je les ferai insérer dans les plus précieux régistres de mon Empire), чтобы дать этимъ вѣчное (perpetuel) доказательство моего почтенія къ величайшему и достойнѣйшему изъ всѣхъ монарховъ на свѣтѣ (le plus grand et le plus digne de tous les rois)» [1]).

Устряловъ вовсе не останавливается на утрехтскомъ свиданіи двухъ монарховъ и ограничивается лишь замѣчаніемъ, что Петръ лично познакомился съ Вильгельмомъ III въ Утрехтѣ и Гаагѣ [2]).

---

[1]) Histoire de Guillaume III, roi de la Grande Bretagne, nouvelle édition augmentée. Amsterdam MDCCXXI (1721), tome II, page 289. Въ доказательство, что эта, приписываемая Петру, рѣчь является плодомъ фантазіи его иностранныхъ біографовъ, мы помѣщаемъ эту рѣчь въ Приложеніи III, въ двухъ текстахъ, извлеченныхъ изъ почти одновременно появившихся книгъ. Разница въ текстахъ прямо указываетъ на то, что оба французскіе перевода сдѣланы съ какого нибудь одного источника, первоначально написаннаго вѣроятно по голландски или по англійски.

[2]) Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 89. Къ сожалѣнію, Юрналъ путешествія (тамъ-же стр. 601) прерывается съ 20 Августа по 9 Сентября 1697 г., а затѣмъ прямо перескакиваетъ на 7 Января 1698 г.

Глава VI.

ПРИБЫТІЕ ВЪ ГААГУ.

Приступая къ главной части нашего разсказа, начинающейся съ поѣздки русскаго посольства въ Гаагу на аудіенцію у Голландскихъ Штатовъ и на дипломатическіе съ ними переговоры, мы должны сдѣлать предварительную оговорку. Наиболѣе подробныя и характерныя въ бытовомъ отношеніи свѣдѣнія мы находимъ объ этой поѣздкѣ въ записяхъ статейнаго списка. Голландскіе оффиціальные источники, на которыхъ основана брошюра Меермана, болѣе скудны въ этомъ отношеніи и нѣсколько односторонни, такъ какъ касаются преимущественно участія нидерландскаго правительства въ пріемѣ посольства. Но эта односторонность служитъ взаимнымъ дополненіемъ къ русскимъ даннымъ и изъ соединенія обоихъ источниковъ выясняется довольно яркая картина, рисующая характеръ встрѣчи двухъ культурныхъ складовъ, Московскаго и Западноевропейскаго. По этому, съ цѣлію сохраненія впечатлѣній во всей ихъ неприкосновенности, мы предпочитаемъ описывать событія не въ ихъ строгой хронологической послѣдовательности, а въ томъ порядкѣ, какъ они отражались съ одной стороны на Русскихъ, а съ другой на Голландцахъ [1].

Статейный списокъ не указываетъ времени, когда послы получили отъ Штатовъ извѣщеніе о срокѣ, назначенномъ для ихъ пріемной аудіенціи въ Гаагѣ. Можетъ быть этотъ срокъ былъ условленъ на утрехтскомъ свиданіи съ королемъ Вильгельмомъ. Но, уже 14/25 Сентября, состоящій въ числѣ посольскихъ дворянъ Богданъ Приставъ былъ отправленъ изъ Амстердама въ Гаагу, гдѣ и дождался прибытія пословъ и гдѣ встрѣтилъ ихъ за двѣ мили отъ города. Цѣль этой посылки Пристава заключалась въ осмотрѣ помѣщеній, назначенныхъ посламъ, т. е. дворца принца Маври-

1) Устряловъ (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 86) останавливается на переговорахъ Русскихъ съ Голландцами въ Гаагѣ, но объ аудіенціи у Штатовъ упоминаетъ только вскользь.

DE OUDE of S. JORIS DOELE

ГААГА,
Старый Дуленъ Св. Георгія.

HUIS VAN PRINS MAURITS VAN NASSAU

ГААГА,
Дворецъ принца Маврикія.

кія и обѣихъ гостинницъ, Стараго и Новаго Дуленовъ. Богданъ Приставъ донесъ въ свое время, что «посольскіе дворы готовы и примутъ Статы ихъ великихъ пословъ въ Гаагу съ честію» [1]. Однако полное обезпеченіе этой чести потребовало, какъ увидимъ далѣе, особыхъ переговоровъ между притязательными Голландцами и стоявшими за свое достоинство Русскими. Первоначальный проэктъ церемоніала аудіенціи, въ нѣмецкомъ текстѣ, былъ врученъ посламъ наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Амстердама гофмейстеромъ Штатовъ, но окончательныя его подробности были установлены лишь за день до самой аудіенціи, уже въ Гаагѣ.

Въ ожиданіи Русскихъ голландское правительство спѣшило принять свои мѣры къ ихъ пріему въ Гаагѣ. Удовлетвореніе требованій русскаго посольства было поручено, какъ мы уже знаемъ, Гессельту фонъ Динтеру, интенданту или церемоніймейстеру Штатовъ, котораго статейный списокъ называетъ гофмейстеромъ. Обязанности этого лица стали усложняться, несмотря на содѣйствіе даннаго ему въ помощь переводчика. «13 Сентября», пишетъ Меерманъ, «въ помощь Динтеру было вторично назначено еще одно лицо, которое затѣмъ въ теченіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ занималось надзоромъ за издержками на русское посольство. Но продолжительное и дорого стоющее пребываніе пословъ въ Амстердамѣ во многомъ кажется вышло изъ границъ первоначальныхъ смѣтныхъ разсчетовъ. По крайней мѣрѣ уже 22 того-же (Сентября) мѣсяца интендантъ Штатовъ посѣтилъ Лефорта съ цѣлью узнать объ окончательномъ назначеніи дня для предполагаемаго въѣзда посольства въ Гаагу и получилъ слѣдующій отвѣтъ. 25 Сентября (стало быть цѣлый мѣсяцъ спустя послѣ прибытія въ Голландію) въ послѣобѣденное время послы намѣревались выѣхать на яхтахъ по каналу до Фоорбурга (Voorburg), деревни въ нѣсколькихъ верстахъ (à une lieu) отъ Гааги, и отобѣдать тамъ на слѣдующій день. Затѣмъ они просили Динтера провести ихъ оттуда до сосѣдняго моста, называемаго мостомъ Горна (Hoorbrug), гдѣ представители Генеральныхъ Штатовъ должны ихъ встрѣтить и сопровождать при вступленіи въ столицу. Въ письмѣ своемъ интендантъ прибавилъ, что ему еще невозможно съ точностію опредѣлить числа посольской свиты, на которое слѣдовало разсчитывать, но что по его предположеніямъ она должна состоять человѣкъ изъ 150 или 160. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай необходимости соотвѣтственныхъ мѣропріятій въ Гаагѣ, Динтеръ указалъ своему начальству, что при въѣздѣ Русскихъ въ Амстердамъ тамошніе бургомистры потребовали нѣсколько верховыхъ лошадей,

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 945.

въ томъ числѣ 8 для посольскихъ пажей, 6 для трубачей и 4 для Татаръ. Затѣмъ было рѣшено слѣдующее: два члена собранія Штатовъ, господа фанъ деръ Дусъ (Van der Does) и Беккеръ (Becker), были назначены встрѣтить пословъ въ условленный день на мосту Горна и приготовить для нихъ необходимое число каретъ и, сколько потребуется, верховыхъ лошадей; оттуда тѣже лица должны были проводить посольство въ гостинницы, гдѣ особые восемь депутатовъ должны были привѣтствовать пословъ и присутствовать при ихъ ужинѣ»[1]).

Въ этомъ разсказѣ Меермана насъ поражаетъ фраза о продолжительности ожиданія послами въ Амстердамѣ срока своей аудіенціи и объ увеличеніи издержекъ голландскаго правительства, въ связи съ этою непредвидѣнною отсрочкою. Самъ король ссылался на задержку переговоровъ о мирѣ и вина въ этой задержкѣ падала конечно не на Русскихъ. Затѣмъ, Динтеръ былъ у Лефорта $^{11}/_{22}$ Сентября и вѣроятно лишь тогда Русскіе узнали о времени, назначенномъ для пріема посольства въ Гаагѣ, послѣдствіемъ чего было спѣшное порученіе, данное Богдану Приставу и отъѣздъ его изъ Амстердама. Но ему вѣроятно пришлось собираться въ дорогу и онъ не могъ выѣхать немедленно послѣ свиданія Динтера съ Лефортомъ, а отправился въ путь лишь въ тотъ день, въ который сами послы обѣщали Динтеру выѣхать изъ Амстердама, именно $^{14}/_{25}$ числа. Самый проэктъ церемоніала аудіенціи былъ врученъ посламъ лишь $^{15}/_{26}$ Сентября. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Меерманъ указываетъ на промедленіе еще одного дня послами. Но, какъ только они получили документъ съ церемоніаломъ, они тотчасъ-же двинулись въ путь и выѣхали $^{16}/_{27}$ Сентября. Стало быть Русскіе не были виноваты и въ этой задержкѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ пословъ къ нимъ явились съ прощальнымъ визитомъ амстердамскій президентъ и его товарищи. Изъ взаимныхъ привѣтствій, высказанныхъ при этомъ случаѣ, можно заключить, что эти власти повидимому надѣялись, что посольство уже не вернется въ Амстердамъ и по окончаніи своихъ обязанностей въ Гаагѣ уѣдетъ совсѣмъ изъ Голландіи. Очень можетъ быть, что эта надежда была основана на страхѣ новыхъ издержекъ и на желаніи сократить расходы гостепріимства, на чемъ такъ часто останавливается Меерманъ въ своемъ разсказѣ. Благодаря пословъ за пріѣздъ, президентъ и его товарищи говорили Русскимъ, что они почитаютъ за великое счастіе посѣщеніе города такими знатными гостями; если посламъ «учинена отъ бурмистровъ какая

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 36—38.

невыгода, въ томъ они служебно прощенія желаютъ и то бы имъ оставлено было»; они сочли себѣ за великое счастіе и радость во время пребыванія посольства въ Амстердамѣ узнать о побѣдахъ русскихъ войскъ подъ Азовомъ и цезарскихъ въ Турціи; также они радуются и заключенію вѣчнаго мира съ Французами и надѣятся, что и цезарь вскорѣ послѣдуетъ этому примѣру. Затѣмъ бургомистры обѣщали проводить пословъ при ихъ отъѣздѣ въ Гаагу и въ заключеніе просили, чтобы царь благоволилъ къ нимъ своею милостію «и въ призрѣніи имѣлъ ихъ града жителей, какъ въ торговыхъ дѣлахъ, такъ же и въ бытіи ихъ на Москвѣ и у города Архангельскаго». Въ отвѣтѣ своемъ послы съ своей стороны благодарили бургомистровъ за ихъ благопріятство, о которомъ обѣщали донести своему повелителю, и обнадеживали ихъ въ будущемъ еще бóльшею милостью царя, которая «къ нимъ отъемлема не будетъ, не токмо какъ прежъ сего, но наипаче».

Для путешествія посольства водою по каналамъ были приготовлены три яхты, одна отъ государства, другая отъ амстердамскихъ бургомистровъ, третья отъ города Лейдена. На первой помѣстились сами послы и состоявшіе при нихъ трубачи; на второй дворяне и волонтеры, на третьей также трубачи. Президентъ и бургомистръ проводили гостей своихъ до самыхъ яхтъ, а при отъѣздѣ флотиліи семнадцать городскихъ пушекъ произвели троекратный салютъ. Такимъ-же салютомъ изъ десяти пушекъ посольство было привѣтствовано при проѣздѣ мимо города Лейдена. За двѣ мили отъ Гааги послы остановились въ селѣ Форбургѣ (Voorburg), гдѣ ихъ встрѣтилъ Богданъ Приставъ. Выйдя на берегъ, они сѣли въ кареты и поѣхали въ приготовленный имъ домъ на ночлегъ, но передъ сномъ интендантъ Динтеръ, Захарій Диксъ и капитанъ Андрей фанъ *Дергулетъ* (sic) (вѣроятно фанъ-деръ-Гульстъ, van der Hoelst) угостили ихъ ужиномъ [1]). На слѣдующій день предстояло достигнуть водою до моста Горна, гдѣ посольство должно было сѣсть въ кареты и совершить торжественный въѣздъ въ Гаагу. Но тутъ возникло опять этикетное недоразумѣніе, о которомъ узнаемъ изъ слѣдующихъ словъ Меермана. «Вслѣдствіе задержки на одинъ день въ Амстердамѣ, послы лишь въ пятницу 27 Сентября доѣхали до Форбурга, куда сейчасъ-же потребовали уполномоченнаго Штатовъ для разрѣшенія этикетнаго вопроса, заклю-

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 947—948. Андрей фанъ-деръ-Гульстъ состоялъ при послахъ переводчикомъ, назначеннымъ отъ голландскаго правительства. Впослѣдствіи, съ лѣта 1698 г. этотъ фанъ-деръ-Гульстъ, Андрей Яковлевичъ, былъ въ Москвѣ резидентомъ голландскаго правительства. (Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, часть I, стр. 191).

чавшагося въ томъ, что, не соглашаясь на установившійся въ Голландіи обычай, они ни за что не хотѣли сѣсть въ первую карету и требовали, чтобы всѣ прочія кареты ѣхали впереди ихъ. Въ концѣ концовъ затрудненія были разрѣшены и все произошло, какъ слѣдуетъ» [1]), но Русскіе всетаки настояли на своемъ требованіи.

$^{17}/_{28}$ числа, пообѣдавъ въ Форбургѣ, послы опять сѣли на яхты, но проѣхали всего полмили до селенія Горнбриггена, т. е. до моста Горна, гдѣ ихъ ждали двое представителей Штатовъ съ 40 каретами, въ томъ числѣ 6 о шести возникахъ, 17 о четырехъ и 8 съ двумя возниками при каждой. Депутаты Штатовъ привѣтствовали пословъ краткою рѣчью, на которую послы отвѣтили выраженіемъ своей признательности. Затѣмъ торжественное шествіе образовалось въ слѣдующемъ порядкѣ. Сперва посольскіе Калмыки верхомъ съ своими саадаками, потомъ простыя кареты, подъячіе и переводчики, кареты съ дворянами посольства; за ними ѣхала карета, въ которой сидѣли два выѣхавшіе впередъ Голландца, встрѣчники отъ Штатовъ; за этою каретою верховые трубачи, русскіе и голландскіе, причемъ трубили одни послѣдніе, и лакеи посольства въ нѣмецкомъ платьѣ, шедшіе пѣшкомъ непосредственно передъ парадной (нарядной) каретой, въ которой всѣ три посла сидѣли вмѣстѣ, а на переднихъ и заднихъ запяткахъ стояли пажи. По бокамъ парадной кареты шли посольскіе гайдуки, которыхъ, какъ мы знаемъ, было 12 человѣкъ, а ихъ въ свою очередь окружали голландскіе солдаты въ бѣлыхъ кафтанахъ и съ пиками. Шествіе замыкалось тремя пустыми посольскими каретами, для каждаго изъ пословъ въ отдѣльности, съ Нѣмцами на козлахъ и при лошадяхъ [2]).

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 38.

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 948—949. Неизвѣстный авторъ Записной Книжки любопытныхъ замѣчаній неликой особы описываетъ въѣздъ въ Гаагу слѣдующими краткими словами: «Въ Гаагу пріѣхалъ съ послами Сентября 15 дня. Встрѣча была до города за двѣ версты, а встрѣчали два человѣка Штатовъ; подъ нами было 8 каретъ о 6 лошадяхъ и сидѣли по два челонѣка; я сидѣлъ съ князѣмъ Алексѣемъ Голицынымъ». (Записная Книжка, стр. 6). Въ этомъ сообщеніи день пріѣзда въ предмѣстье Гааги, т. е. Гоорнбругъ, именно 15 Сентября, не согласуется съ датою, указанною въ статейномъ спискѣ (16 Сентября). Это разногласіе можетъ быть объяснено ошибкою въ одной изъ многочисленныхъ копій Записной Книжки, отличающейся наріантами даже въ своихъ печатныхъ изданіяхъ. Что же касается до князя Алексѣя Голицына, то имени его мы не встрѣчаемъ ни въ спискѣ дворянъ посольства, ни въ числѣ волонтеровъ Преображенскаго полка. (Ср. Памятники Дипломатическихъ Сношеній, етр. 749—753 и Устрялона, Исторію Петра Великаго, т. III, Приложеніе VIII, № 3 на стр. 572—576 и примѣчаніе 218). Князь Алексѣй Голицынъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь Записная Книжка, по нашимъ справкамъ можетъ быть лишь сынъ воспитателя Петра Великаго, князя Бориса Алексѣенича, князь Алексѣй Борисовичъ, (р. 1671 † 1713), стольникъ царя Θеодора и спальникъ при Петрѣ. Другіе Голицыны съ именемъ Алексѣя по хронологическимъ даннымъ ихъ біографій не подходятъ къ указанію автора Записной Книжки. (Ср. Кн. Н. Н. Голицынъ, Родъ князей Голицыныхъ, С.-Пб., 1892 г., т. I, стр. 130 подъ № 38).

HET BINNEN HOF

ГААГА,

Внутренній дворъ стараго дворца.

Церемонія этого въѣзда была однако нѣсколько менѣе торжественна, чѣмъ въ Кенигсбергѣ, но тамъ шествіе слѣдовало въ томъ же порядкѣ, т. е. послы ѣхали за всѣми остальными каретами. Можетъ быть, воспоминаніе о Кенигсбергѣ и заставило Русскихъ настаивать на своемъ требованіи предъ Динтеромъ, о чемъ упоминаетъ Меерманъ, такъ какъ посольство въѣзжало тогда въ столицу курфюрста, т. е. монарха, а теперь ѣхало въ Гаагу, т. е. главный городъ только республики. Для сравненія съ въѣздомъ въ Гаагу считаемъ не лишнимъ привести здѣсь церемоніалъ торжественнаго вступленія русскаго посольства въ Кенигсбергъ. Вотъ каковъ былъ его порядокъ: 1) конный учитель[1]) передъ девятью лошадьми начальниковъ надъ драбантами, ведомыми въ поводахъ, осѣдланными и подъ чапраками; 2) литаврщикъ курфюрстовой конной гвардіи и три роты этой гвардіи, одна на сѣрыхъ лошадяхъ, другая на вороныхъ, третья на гнѣдыхъ, передъ каждою ротою по два трубача и по командиру; 3) маршалокъ конскихъ кормовъ во главѣ нѣсколькихъ пустыхъ каретъ; 4) опять учитель курфюрста верхомъ, а за нимъ 17 простыхъ лошадей подъ богатыми сѣдлами, платами и чапраками; 5) дворецкій надъ пажами во главѣ 18 пажей, въ томъ числѣ 12 курфюрстовыхъ и 6 русскихъ; 6) шесть Татаръ и Калмыковъ посольскихъ; 7) сорокъ московскихъ солдатъ пѣшкомъ, за ними шесть русскихъ трубачей съ серебряными трубами и тридцать московскихъ волонтеровъ верхомъ; 8) музыка курфюрста, состоявшая изъ двухъ отрядовъ слѣдомъ одинъ за другимъ, по одному литаврщику и по восьми трубачей въ каждомъ; 9) придворные бранденбургскіе кавалеры съ генералъ-маіоромъ, дворцовымъ капитаномъ и комнатнымъ фонъ-Сонефельтъ во главѣ, всѣ на парадныхъ лошадяхъ верхомъ; 10) четыре шеренги пѣшихъ посольскихъ лакеевъ; 11) 24 придворныхъ лакеевъ курфюрста, также пѣшкомъ въ шести шеренгахъ; 12) карета парадная курфюрста, въ которой сидѣли всѣ три русскіе посла: Лефортъ и Головинъ на почетныхъ мѣстахъ, а передъ ними съ правой стороны третій посолъ Возницынъ, а съ лѣвой генералъ Данкельманъ, состоявшій при посольствѣ приставомъ; церемоніймейстеръ Бессеръ сидѣлъ въ той-же каретѣ, но на особой скамейкѣ у правой двери; вокругъ этой кареты шли двѣнадцать московскихъ гайдуковъ и 24 бранденбургскихъ драбанта съ золочеными алебардами; 13) подъячіе и посольскіе люди верхомъ. Наконецъ, 14) дворяне и чиновники посольства ѣхали впереди пословъ въ 27 каретахъ, по шести возниковъ при каждой[2]). Такимъ образомъ

---

[1]) Sic въ статейномъ спискѣ, вѣроятно гофмейстеръ. Устряловъ (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 34) называетъ его придворнымъ конюшимъ.

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 802—804.

оказывается, что въ кенигсбергскомъ церемоніалѣ участвовало менѣе каретъ, чѣмъ при въѣздѣ въ Гаагу, но за то курфюрстъ увеличилъ шествіе своею гвардіею. А въ Гаагѣ не было ни русскихъ, ни голландскихъ войскъ въ поѣздѣ пословъ, потому что русскіе солдаты были обратно отправлены еще изъ Пилавы въ Россію. Тутъ кстати будетъ описать мундиры и костюмы членовъ и свиты русскаго посольства, о чемъ мы находимъ данныя въ описаніяхъ церемоній въѣздовъ, какъ въ Кенигсбергъ, такъ и въ Гаагу [1]. Хотя Мееерманъ и утверждаетъ, что нѣмецкое платье изъ всего посольства носили лишь Петръ и Лефортъ [2], но это указаніе не точно. При послахъ состояло нѣсколько иностранцевъ, судя по ихъ именамъ, именно часть дворянъ, пажи и трубачи, которые потому самому были одѣты въ европейскую одежду. Посольскіе лакеи носили красную ливрею съ серебряными галунами [3]. Гайдуки были одѣты по венгерски, ихъ форма состояла изъ слѣдующаго: красные верхніе суконные кафтаны съ серебряными кованными продолговатыми нашивками, исподніе синіе короткіе кафтаны, также суконные, съ серебряными пуговицами и между ними гербы и орлы такого же металла; на шляпахъ красныя страусовыя перья, на плечахъ гайдуки несли серебряные топорики (обухи). Мундиръ волонтеровъ составляли зеленые русскіе кафтаны съ серебряными плетеными нашивками. Наконецъ, 6 человѣкъ посольской прислуги изъ Татаръ, Калмыковъ и Монголовъ (Мунгалы) были въ добромъ платьѣ, конечно національномъ, при сабляхъ и колчанахъ съ стрѣлами (саадаки). Прибавивъ къ этому Имеретинскаго царевича и пестрые по покрою и цвѣтамъ наряды подъячихъ, собольщиковъ и всѣхъ другихъ Русскихъ, мы поймемъ, что разнотипичная и яркая толпа, которая составляла свиту русскаго посольства, имѣла основаніе привлекать мѣстныхъ жителей иностранныхъ городовъ на невиданное, диковинное и любопытное зрѣлище.

Мы знаемъ уже, что для помѣщенія посольства въ Гаагѣ были отведены дворецъ принца Маврикія, статскій дворъ, по выраженію статейнаго списка, назначенный для Лефорта, какъ перваго посла, и два дома по близости, составлявшіе гостинницу Дуленовъ, Стараго и Новаго, гдѣ остановились второй и третій послы. Слово Дуленъ переведено въ

---

[1] См. тамъ-же, стр. 809, 810, 949, 976—977.

[2] Meerman, Discours, стр. 16.

[3] По словамъ Записной Книжки въ алые кафтаны были одѣты и лакеи, и пажи. Петръ Лефортъ въ своихъ письмахъ на родину увѣряетъ, что красная ливрея была такъ богато разшита галунами, что подъ ними почти нельзя было видѣть сукна: «Nous avions aussi fait faire expressément une livrée toute neuve, laquelle surpasse toutes celles qui sont ici. Elle est rouge, gallonée d'argent tout entièrement qu' à peine peut on voir le drap». (Mor. Posselt, Der General und Admiral Fanz Lefort, sein Leben und seine zeit, 1866, т. II, стр. 420, примѣчаніе).

русскомъ оффиціальномъ документѣ выраженіемъ: коло рыцарское Англійское. Выше[1]) мы имѣли случай объяснить, что этотъ переводъ всего ближе передаетъ смыслъ голландскаго слова, означающаго собственно — клубъ стрѣлковъ въ цѣль. Подъѣхавъ къ назначенному имъ помѣщенію, послы у самого наружнаго входа были приняты назначенными къ нимъ отъ Штатовъ голландскими встрѣчниками, которые, поднявшись съ своими гостями на верхъ въ палаты, привѣтствовали Русскихъ съ пріѣздомъ и сообщили, что сейчасъ-же отправятся доложить объ этомъ Штатамъ. Послы благодарили съ своей стороны за привѣтъ и проводили своихъ хозяевъ обратно до нижняго этажа (на нижній рундукъ) дома[2]).

«Въ тотъ-же день вечеромъ пріѣхали къ великимъ и полномочнымъ посламъ семь человѣкъ Статъ (т. е. депутатовъ) разныхъ провинцій, которыхъ встрѣтили великіе послы въ сѣняхъ и, пришедъ въ палату, президентъ поздравлялъ великихъ пословъ съ счастливымъ пріѣздомъ. Потомъ говорили: за милость де Великаго Государя, его Царскаго Величества, что изволилъ къ нимъ прислать такихъ великихъ пословъ и честныхъ особъ, благодарствуютъ и ради они имъ, великимъ посломъ, вседушно и желаютъ Великому Государю, Его Царскому Величеству, многолѣтняго здоровья и счастливой надъ всѣми непріятелями побѣды, а имъ, великимъ посламъ, во всякомъ ихъ поведеніи ради служить со всякою охотою. И великіе послы Статамъ благодарствовали и по тѣхъ разговорахъ Статы говорили, что они поѣдутъ въ сборную палату, а къ ужину будутъ. И великіе послы имъ говорили, чтобъ они, господа Статы, себя и ихъ пословъ не трудя, у нихъ побыли пока то время приспѣетъ; и Статы позволили и сѣли съ послами за столомъ, и говорили о настоящихъ дѣлахъ. И когда ѣсть приспѣло, и тогда великихъ пословъ Статы звали за столъ, и ѣли въ особой палатѣ; сидѣли великіе послы за столомъ въ первыхъ мѣстахъ, по правую сторону сидѣли два человѣка Статъ, по лѣвую сторону пять человѣкъ; подлѣ Статъ кругомъ всего стола сидѣли знатные начальные люди Преображенскаго полку и дворяне; а иные дворяне же, волонтеры и дворяне посольскіе, и приказные люди ѣли за другимъ столомъ. И пили за столомъ кубки ренскаго, въ началѣ про здоровье Великаго Государя, Его Царскаго Величества, потомъ Голландскихъ Статъ и про здоровье Англійскаго короля и иныхъ союзныхъ, и про посольское здоровье. А въ то время трубили на трубахъ голландскіе трубачи»[3]).

---

[1]) См. стр. 58.

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 949—950.

[3]) Тамъ-же, стр. 951—952.

Такимъ угощеніемъ окончился первый день пребыванія пословъ въ Гаагѣ. Любопытно, что не въ Статейномъ спискѣ, а въ анонимной Записной Книжкѣ встрѣчаемъ мы намекъ на причину недоразумѣнія, возникшаго между Русскими и Голландцами передъ самымъ обѣдомъ. «Какъ прибыли въ городъ на посольскій дворъ», отмѣчаетъ великая особа, «пріѣхало цугами два человѣка съ поздравленіемъ, а къ обѣду семь; изъ нихъ одинъ былъ президентъ, который подчивалъ насъ столомъ. Мы встрѣчали ихъ на крыльцѣ и президентъ долго не выходилъ изъ кареты для того, что послы наши не сошли на нижнее крыльцо»[1]. Указанное недоразумѣніе послужило поводомъ къ настойчивымъ пререканіямъ между Русскими послами и Витценомъ, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

На слѣдующій день, $^{18}/_{29}$ Сентября, согласно этикету, послы поспѣшили извѣстить о своемъ пріѣздѣ находившихся въ Гаагѣ резидентовъ другихъ державъ, Цесарскаго, Испанскаго, Англійскаго, Датскаго, Шведскаго и Бранденбургскаго, для чего посылали къ нимъ двухъ, состоявшихъ при Лефортѣ, дворянъ, именно Богдана Пристава и Петра Лефорта. Такая вѣжливость была повидимому съ особымъ умысломъ не соблюдена лишь относительно представителя Франціи, миръ которой съ Голландіей еще не былъ оффиціально объявленъ[2]. Всѣ извѣщенные резиденты въ тотъ-же день отвѣтили взаимною присылкою своихъ чиновниковъ къ русскому посольству съ словесными поздравленіями и обѣщаніемъ впослѣдствіи личныхъ визитовъ самихъ резидентовъ[3]. Изъ этого оказывается, что уже и тогда по дипломатическому этикету, дѣйствующему и по нынѣ, вновь прибывшіе въ какую нибудь столицу представители иностраннаго государства не дѣлали перваго визита своимъ товарищамъ, а только извѣщали ихъ о своемъ пріѣздѣ и съ ихъ стороны ожидали перваго посѣщенія. Въ числѣ только что названныхъ резидентовъ мы не встрѣчаемъ имени польскаго посла. Этотъ пропускъ объясняется тѣмъ, что Христофоръ *Бозенъ*, представитель Саксоніи и Польши въ Голландіи, уже имѣлъ случай видѣться съ русскими послами въ Амстердамѣ, гдѣ еще

---

1) См. выписку изъ Записной Книжки далѣе въ Приложеніяхъ къ настоящему труду.

2) Петру Лефорту, какъ секретарю посольства, было поручено извѣстить гг. пословъ о пріѣздѣ русскаго посольства въ Гаагу, но при этомъ ему было приказано исключить изъ этого извѣщенія пословъ Франціи, потому что «Moscovie n'a rien à faire avec la France» П. Лефорту было сказано также, что посѣщать представителей маленькихъ курфюрстовъ не стоитъ, потому что въ сравненіи съ Саксонскимъ и Бранденбургскимъ они не представляютъ значенія. Настаиваніе на томъ, что послы Франціи, а также и Савойіи вовсе не должны быть увѣдомлены, послѣдующее сообщеніе Лефорта объясняетъ особыми причинами, вызывающими такое намѣреніе Его Царскаго Величества. «Всему составу русской свиты было запрещено посѣщать ихъ; вотъ по чему», прибавляетъ П. Лефортъ», я ихъ вовсе не видѣлъ» M. Posselt, Der General und Admiral Franz Lefort, т. II, стр. 421—422.

3) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 952—953.

ранѣе вступилъ съ ними въ дѣятельные переговоры по поводу избранія короля Августа. Кромѣ того, какъ представитель Саксонскаго курфюрста, только что избраннаго на польскій престолъ, Баронъ Бозе еще не былъ офиціально утвержденъ въ своей должности польскаго посла. «Саксонскій посланникъ», сообщаетъ одинъ изъ участниковъ русскаго посольства, «пріѣхалъ къ намъ инкогнито; такъ какъ онъ еще не знаетъ, въ какомъ положеніи будетъ находиться, мы посѣтили его также инкогнито» [1]).

Еще въ Амстердамѣ Бозе просилъ разрѣшить ему продолженіе переговоровъ въ Гаагѣ, въ надеждѣ на свиданіе тамъ съ Русскими. Уже $^{19}/_{29}$ Сентября, хотя и не извѣщенный формально о пріѣздѣ пословъ, Бозе поспѣшилъ къ нимъ явиться съ поздравленіями по случаю ихъ прибытія и съ извѣстіемъ о коронаціи Августа, двѣ недѣли тому назадъ состоявшейся въ Краковѣ безъ всякаго препятія и противности. Польскія дѣла возбудили живой обмѣнъ документальныхъ сообщеній между дипломатами Польши и Россіи и вызвали второй визитъ Бозе къ русскимъ посламъ, состоявшійся наканунѣ ихъ аудіенціи, именно 24 Сентября стараго стиля. Шведскій посолъ также прислалъ $^{19}/_{29}$ числа своего секретаря къ Русскимъ съ предложеніями союза и приглашеніемъ посѣтить Швецію, изложенными въ письмѣ министра Оксенштіерна на имя Франца Лефорта въ отвѣтъ на предварительный письменный запросъ послѣдняго. Наконецъ, и Анкирскій епископъ Пальмъ послѣдовалъ въ Гаагу за русскимъ посольствомъ и того же 19 Сентября поспѣшилъ продолжать начатые еще въ Амстердамѣ переговоры о своихъ дѣлахъ [2]).

Статейный списокъ не сохранилъ намъ свѣдѣній о томъ, чѣмъ заняты были русскіе послы между 20 и 23 Сентября стараго стиля. По всей вѣроятности они въ это время готовились къ аудіенціи, которая была первоначально назвачена на 23 число, но затѣмъ отложена еще на два дня, до 25 Сентября, когда и состоялась дѣйствительно. Къ такимъ подготовительнымъ занятіямъ главнымъ образомъ относились окончательные переговоры объ установленіи церемоніала аудіенціи, что потребовало около десяти дней времени и въ чемъ, со стороны Голландцевъ, принялъ непосредственное участіе амстердамскій бургомистръ Николай Витсенъ. Выборъ этого лица обусловливался по всей вѣроятности тѣми близкими отношеніями, которыя завязались между нимъ и самимъ Петромъ во время пребыванія царя въ Амстердамѣ. И проволочка переговоровъ, и самая отсрочка первоначальнаго срока аудіенціи вѣроятно зависѣли

---

[1]) Письмо П. Лефорта, приводимое у Поссельта (Fr. Lefort и т. д., т. II, стр. 423).

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 953—967.

отъ тѣхъ недоразумѣній, которыя вызывались между Голландцами и Русскими подробностями церемоніала. Русскіе ревниво оберегали свое достоинство и не соглашались на тѣ уступки, о которыхъ ихъ просилъ Витсенъ частнымъ образомъ, избѣгая этимъ путемъ столкновеній на официіальной дипломатической почвѣ. Еще 15 Сентября, гофмейстеръ Штатовъ Динтеръ вручилъ Русскимъ «на нѣмецкомъ языкѣ статьи церемоніальныя», состоявшія изъ шести пунктовъ, основанныхъ на общепринятыхъ западно-европейскихъ обычаяхъ, соблюдаемыхъ при торжественныхъ пріемахъ посольствъ. По поводу этого проэкта уже 18/28 Сентября, то есть на другой день послѣ въѣзда въ Гаагу, у русскихъ пословъ произошло приватне слѣдующее объясненіе съ Витсеномъ, вызванное несомнѣнно тѣмъ недоразумѣніемъ, слѣды котораго сохранились въ Записной Книжкѣ великой особы и о которомъ мы выше упомянули. Статы обратились къ великимъ и полномочнымъ посламъ съ просьбою воздать имъ такую же честь, какая воздается имъ со стороны представителей другихъ христіанскихъ государей и, при ежедневныхъ посѣщеніяхъ посольства депутатами отъ Штатовъ, послы должны депутатовъ этихъ встрѣчать у каретъ и провожать до каретъ. Въ подтвержденіе такого требованія Витсенъ ссылался на прежніе примѣры. На это Русскіе возражали, «что имъ такихъ встрѣчъ чинить не пристойно», потому что даже прежніе царскіе послы, не смотря на то, что «бывали и меньше ихъ особами своими», а все таки не соблюдали такихъ почестей относительно Штатовъ. Витсенъ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи, ссылаясь на то, что такое условіе соблюдается посольствами не только изъ Россіи, но и изо всѣхъ христіанскихъ странъ, и въ доказательство показывалъ взятую имъ изъ канцеляріи «записку прежнихъ Царскаго Величества пословъ, и цесарскихъ, и французскихъ, что всѣ ихъ Статъ встрѣчаютъ у каретъ и провожаютъ до каретъ-же». Въ случаѣ несогласія на это условіе, Витсенъ угрожалъ Русскимъ, что депутаты Штатовъ вовсе къ нимъ пріѣзжать не будутъ, такъ какъ уступка со стороны Голландцевъ можетъ повліять на другихъ, находящихся въ Гаагѣ иностранныхъ дипломатовъ, которые «увидя то, учнутъ имъ ставить въ подозрѣніе большое». Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ Русскіе пошли на компромиссъ, но однако не безъ затаенной оговорки въ широкой и не ясной формулѣ, обѣщая, что послы будутъ встрѣчать членовъ Штатовъ «гдѣ пристойно и какъ поспѣютъ, а провожать будутъ съ подобающею же честью». Такимъ уклончивымъ рѣшеніемъ вопросъ о встрѣчѣ и проводахъ былъ изчерпанъ и, уже въ воскресенье 18/28 Сентября, Витсенъ въ сопровожденіи двухъ товарищей явились отъ имени

Штатовъ къ посламъ съ офиціальнымъ запросомъ о днѣ аудіенціи. Русскіе ихъ угостили, потчивали и по столѣ назначили 23 Сентября (3 Октября). Пользуясь остающимися до этого срока днями, русскіе послы стали вырабатывать свой контръ-проектъ церемоніала, строго придерживаясь наказа, даннаго имъ изъ Посольскаго Приказа, и ревниво оберегая достоинство Великаго Государя, Его Царскаго Величества, котораго они являлись представителями. Контръ-проэктъ, озаглавленный «Чинъ, какъ его Царскаго Величества великимъ и полномочнымъ посламъ на пріѣздѣ у Господъ Статъ Голландскихъ быть», заключалъ въ себѣ 16 отдѣльныхъ пунктовъ и былъ врученъ Витсену лишь 24 Сентября. Главныя требованія, которыя предъявлялись въ немъ Русскими, заключались въ слѣдующемъ. При пріѣздѣ на аудіенцію, Штаты должны были встрѣтить пословъ у каретъ; при входѣ въ переднюю, а равно и въ залу аудіенціи, ихъ должны встрѣчать по трое членовъ Собранія Штатовъ и при появленіи въ залу всѣмъ снять шляпы; наконецъ, Штаты всѣмъ составомъ или по крайней мѣрѣ нарочитымъ числомъ обязывались провожать пословъ до двора и до каретъ. Эти условія были выставлены Русскими въ отвѣтъ на требованія первоначальнаго голландскаго проэкта, который заставлялъ выходить русскихъ пословъ къ каретамъ при встрѣчѣ и проводахъ голландскихъ депутатовъ. Въ этикетной притязательности обѣ стороны упорно, шагъ за шагомъ, боролись другъ съ другомъ. Получивъ «Чинъ какъ быть на пріѣздѣ», Витсенъ поспѣшилъ сообщить этотъ документъ своей братьѣ и въ тотъ-же день явился къ посламъ подѣлиться съ ними результатами своего совѣщанія съ товарищами. Поставленныя Русскими условія возбудили между Голландцами большія пререканія, такъ какъ подобной встрѣчи депутатами у дверей залы не давалось никакимъ иностраннымъ посольствамъ, но по многому спору и въ виду явной милости Царскаго Величества, снарядившаго такое великое посольство, было въ концѣ концовъ постановлено, что трое изъ Штатовъ встрѣтятъ русскихъ пословъ только у дверей Статской палаты, но что другихъ встрѣчъ не будетъ, такъ какъ вмѣсто всякихъ встрѣчъ сами депутаты Штатовъ будутъ присланы за послами приглашать ихъ на аудіенцію. Мотивомъ такого рѣшенія были приведены слѣдующія соображенія: «что де бываютъ въ иныхъ государствахъ посламъ встрѣчи, и то де имъ не въ образецъ, потому что тѣ встрѣчники бываютъ служители тѣхъ государей, а они де сами Статы паче встрѣчъ посылаются къ посламъ по нихъ на дворъ сами»[1]. Этими словами Голландцы

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 945—947, 950, 952, 967—969.

намекали на особенности республиканскаго устройства и образа правленія своего государства, гдѣ не было двора, какъ въ другихъ странахъ. Предварительныя недоразумѣнія, касающіяся церемоніала аудіенціи, были такимъ образомъ окончательно улажены и русскому посольству осталось теперь только ожидать времени, назначеннаго для его явственнаго пріѣзда, то есть торжественнаго пріема.

Мы не сочли нужнымъ и удобнымъ излагать въ текстѣ нашего разсказа подробности обоихъ, русскаго и голландскаго, проэктовъ церемоніала. Второй относится не столько къ самой аудіенціи, сколько вообще къ дипломатическому этикету, долженствовавшему соблюдаться между послами и представителями Штатовъ въ ихъ постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ. И тотъ, и другой проэкты съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на вопросахъ о встрѣчахъ, рѣшая ихъ каждый по своему и ставя весь споръ на исключительно формальную почву. Оба документа мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ[1].

Меерманъ не останавливается въ своемъ разсказѣ на всѣхъ, только что перечисленныхъ, подробностяхъ по поводу церемоніала аудіенціи и ограничивается лишь слѣдующими, весьма краткими, строками о мѣрахъ, принятыхъ голландскимъ правительствомъ въ виду аудіенціи, къ изложенію которыхъ переходитъ непосредственно послѣ описанія въѣзда посольства въ Гаагу, $^{17}/_{27}$ Сентября.

«Восемь дней спустя, именно 4 Октября, президентъ увѣдомилъ Собраніе, что три московскіе посла, Лефортъ, Головинъ и *Воронцинъ* (sic *Woronzin*), чрезъ секретаря и переводчика просятъ у Статовъ аудіенціи и въ подтвержденіе своихъ правъ предъявили открытое посланіе ко всѣмъ державамъ (une lettre ad omnes populos), удостовѣряющее ихъ званіе великихъ и полномочныхъ пословъ его Царскаго Величества. Пріемъ посольства былъ назначенъ на слѣдующій день между 11 и 12 часами. Три депутата были избраны Штатами для того, чтобы ѣхать за послами въ гостинницы и повезти ихъ въ засѣданіе, причемъ послы должны были сѣсть въ первую и вторую кареты республики, а за ними должно было слѣдовать большое число прочихъ экипажей, запряженныхъ 6, 4 и 2 лошадьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ голландскому парламенту было поручено вызвать гвардію и разставить ее по пути кортежа»[2].

Помимо неправильности въ имени третьяго посла (*Воронцинъ* вмѣсто: Возницынъ), только что приведенныя слова Меермана противорѣчатъ

---

[1]) См. въ Приложеніяхъ №№ I и II.

[2]) Meerman, Discours, стр. 38—39.

въ нѣкоторыхъ подробностяхъ указаніямъ статейнаго списка. Такъ, день аудіенціи былъ назначенъ по Меерману 24 Сентября, но еще 18 числа было постановлено, что аудіенція состоится 23-го[1]), а въ дѣйствительности она произошла 25 Сентября/5 Октября въ воскресенье. Затѣмъ, говоря о церемоніалѣ шествія, Мееманъ сообщаетъ, что послы сѣли въ первыя двѣ кареты поѣзда, что также невѣрно, ибо мы знаемъ изъ описанія въѣзда въ Гаагу то рвеніе, съ которымъ послы отстаивали передъ Голландцами свое право ѣхать послѣ всѣхъ прочихъ каретъ. Вѣроятно Мееманъ руководствуется здѣсь первоначальнымъ проэктомъ церемоніала, который Русскіе впослѣдствіи передѣлали по своему.

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 953.

Глава VII

АУДІЕНЦІЯ У НИДЕРЛАНДСКИХЪ ШТАТОВЪ.

Итакъ, торжественная аудіенція состоялась 25 Сентября / 5 Октября, какъ указываетъ статейный списокъ и согласно тому, какъ опредѣляетъ Меерманъ[1]. За послами въ гостинницу явились двое депутатовъ съ объявленіемъ объ ожиданіи посольства Штатами, которые прислали государственную карету для Лефорта, Головина и Возницына и 40 каретъ для дворянъ и иныхъ чиновъ людей[2]. Согласно условіямъ инструкціи, данной посольству изъ Посольскаго Приказа въ Москвѣ, и по словесному обѣщанію депутатовъ, на аудіенціи было обезпечено отсутствіе иныхъ государей пословъ, посланниковъ и гонцовъ. Убравшись по посольскому обычаю, послы отправились на посольство или на явственный пріѣздъ. Порядокъ шествія сообразовался съ церемоніалами въѣздовъ въ Кенигсбергъ и въ Гаагу, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями. За верховыми посольскими людьми, Калмыками и Монголами (Мунгалы) и въ предшествіи собольщика, голландскіе городскіе служители несли царскіе поминки, соболи въ сорокахъ и подарки пословъ. За ними ѣхали въ экипажахъ русскіе дворяне и подъячіе. Затѣмъ, въ особой каретѣ Петръ Лефортъ, въ сопровожденіи другаго русскаго дворянина, Богдана Пристава, и двухъ карловъ посольства, везъ обернутую въ тафту Государеву грамоту къ Голландскому правительству. Слѣдущимъ экипажемъ была карета съ двумя депутатами Штатовъ, за которыми ѣхали верхомъ шесть посольскихъ трубачей, а за трубачами 13 посольскихъ же лакеевъ шли впереди посольской кареты. Всѣ три посла сидѣли вмѣстѣ, у дверецъ на подножкахъ стояли два карла, а на запяткахъ сидѣло 6 русскихъ пажей. Посольскую карету по обычаю окружали гайдуки и

---

1) Meerman, Discours, стр. 39.

2) Въ поѣздѣ на аудіенцію у курфюрста Бранденбургскаго участвовало 3 кареты о 6 возникахъ, двѣнадцать о двухъ возникахъ и 60 верховыхъ лошадей (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 809—810).

голландская пѣхота. Шествіе замыкалось тремя пустыми парадными каретами русскихъ пословъ, первая о 8 возникахъ, остальныя по 6 каждая; «возницы Нѣмцы въ красномъ суконномъ платьѣ съ кружевами и съ епанчи такими-же» [1]).

Изъ этихъ данныхъ легко себѣ объяснить, почему торжественный поѣздъ, состоявшій изъ значительнаго числа экипажей, верховыхъ и пѣшихъ людей, долженъ былъ развернуться на длинное пространство и поэтому не могъ ѣхать во дворецъ прямой кратчайшей дорогой, а долженъ былъ избрать болѣе далекій, кружный путь. Чтобы дать себѣ отчетъ въ маршрутѣ кортежа, намъ необходимо остановиться на топографическомъ разъясненіи мѣстности. Среди города Гааги находится прудъ, въ формѣ продолговатаго четыреугольника, простирающагося въ длину отъ сѣвера къ югу, и называемый Фейферъ (Vijver), т. е. живорыбный садокъ. Южный берегъ пруда, по всей длинѣ его, занятъ боковымъ фасадомъ правительственнаго дворца, спускающимся прямо въ воду. Дворецъ имѣетъ два двора, называемые Внѣшнимъ (Бейтенгофъ, Bujtenhof) и Внутреннимъ (Бинненгофъ, Binnenhof). Во внѣшній дворъ снаружи съ запада ведутъ ворота, приходящіяся рядомъ со старинной городской тюрьмой, прилегающей къ западной, короткой сторонѣ пруда. Другія ворота находятся въ восточной оградѣ дворца, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ дворцомъ принца Маврикія (Маврикіевъ домъ, Мауритцъ-хайсъ, Mauritzhuys). Этотъ дворецъ, построенный принцемъ Морицомъ Нассау-Зигенъ (род. 1604 † 1679), губернаторомъ Бразиліи, выступаетъ въ прудъ въ восточномъ его углѣ. Пройдя сотни двѣ шаговъ отъ дворца принца Морица по улицѣ, перпендикулярной къ восточному, короткому берегу пруда и сдѣлавъ столько же шаговъ по боковой улицѣ на лѣво, приходишь на небольшую площадь Турнировъ (Toornoyveld), южную сторону которой составляютъ фасады гостинницъ обоихъ Дуленовъ, Стараго (Oude Doelen) и Новаго (Nieuwe Doelen) [2]). Такимъ образомъ ближайшій путь отсюда ко дворцу проходитъ чрезъ маленькія улицы и ведетъ къ восточнымъ, заднимъ воротамъ дворца. Эта дорога была и не достаточно парадна для кортежа русскихъ пословъ и слишкомъ коротка, чтобы размѣстить на ней весь составъ поѣзда. Поэтому для церемоніала

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 976—977. Эти свѣдѣнія статейнаго списка безъ сомнѣнія точнѣе слѣдующаго краткаго указанія анонимнаго автора Записной Книжки: «На аудіенцію ѣхали въ каретахъ Штатовъ о 6 коняхъ и сидѣли по два; лакеевъ было 25 да пажей 10, шедшихъ назади и напереди насъ и одѣтыхъ въ алые кафтаны».

[2]) Гостинницы эти существуютъ до сихъ поръ и гордятся историческими именами своихъ посѣтителей, между прочимъ и Петра Великаго.

аудіенціи былъ избранъ путь вокругъ пруда по Дворцовой улицѣ (Hofstraat), параллельной съ сѣвернымъ берегомъ Фейфера и оттуда мимо тюрьмы чрезъ западныя ворота и оба двора правительственнаго зданія.

Когда поѣздъ, проѣхавъ оба двора, достигъ наружной лѣстницы дворца, въ которомъ помѣщалась зала аудіенціи, тогда депутаты вышли изъ своей кареты и пошли впереди пословъ, указывая имъ путь въ сборную пріемную палату, гдѣ, по предварительному соглашенію, послы были встрѣчены тремя другими депутатами, которые просили ихъ войти въ послѣднюю палату, т. е. залу аудіенціи. Здѣсь, на середину комнаты были выдвинуты три кресла, передъ которыми стали Лефортъ и по бокамъ его Головинъ и Возницынъ. Затѣмъ началась аудіенція, происходившая по тому строгому порядку, который былъ опредѣленъ наказомъ Посольскаго Приказа и «Чиномъ, какъ на пріѣздѣ у Господъ Статъ быть». Во избѣжаніе повтореній мы не будемъ выписывать здѣсь длинныхъ и пространныхъ, съ полнымъ перечисленіемъ всѣхъ титуловъ, рѣчей пословъ и отвѣтныхъ привѣтствій президента Штатовъ[1], а ограничимся сжатымъ и обстоятельнымъ изложеніемъ Меермана, достаточнымъ для нашей задачи[2].

«Допущенные 5 Октября къ пріему Генеральныхъ Штатовъ, послы начали съ перечисленія титуловъ царя, затѣмъ привѣтствовали Высокомочныхъ Господъ и пожелали имъ добраго здоровья. Всѣ эти слова толмачъ перевелъ на голландскій языкъ. Господинъ Беккеръ, исполнявшій въ эту недѣлю должность президента Штатовъ[3], съ своей стороны спросилъ о здоровьѣ царя. Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, послы представили свои вѣрительныя грамоты и вмѣстѣ съ тѣмъ выложили подарки, назначенные для Штатовъ и состоявшіе изъ мѣховъ *куницы* (martre), а именно девять сороковъ отъ царя и по два сорока отъ каждаго изъ трехъ пословъ. Затѣмъ слѣдовала рѣчь, въ которой послы засвидѣтельствовали Штатамъ пріязнь ихъ государя, предложили имъ отъ его имени продолженіе твердой дружбы и сообщили имъ о войнѣ, которую ведетъ царь, объ успѣхахъ его войска, неоднократно побивавшаго враговъ и покорившаго цѣлую страну и нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ особенно

---

1) Аудіенція подробно описана въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній, стр. 976—987. Здѣсь повторяются подробности, уже извѣстныя намъ изъ наказа посольству (Ср. выше, главу III, стр. 30—36).

2) Въ Записной Книжкѣ находимъ объ аудіенціи краткую отмѣтку великой особы въ слѣдующихъ словахъ: «какъ пріѣхали на дворъ, солдатъ стояло въ ружьѣ 40, а встрѣтили насъ 2 изъ Штатовъ, прочіе же всѣ сидѣли. Нашихъ пословъ посадили посреди у стола, а мы стояли за ними. Прежде рѣчь говорилъ большой посолъ, потомъ другой и наконецъ Прокофей Возницынъ, и когда грамоту подали, возвратились въ провожаніи двухъ Штатовъ».

3) Депутаты чередовались понедѣльно въ предсѣдательствованіи въ Собраніи Штатовъ.

грозную Азовскую крѣпость. Въ заключеніе послы сообщили, что въ видахъ развитія взаимной дружбы они уполномочены сдѣлать нѣкоторыя предложенія, для обсужденія которыхъ они просятъ назначить особую коммиссію изъ состава Собранія. По переводѣ рѣчи пословъ, президентъ съ своей стороны отъ имени Генеральныхъ Штатовъ засвидѣтельствовалъ уваженіе къ царю, цѣну, придаваемую дружбѣ съ нимъ и искреннее желаніе ее продолжать; онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что прибытіе посольства, состоящаго изъ столь знатныхъ особъ, и привезенные имъ подарки пріятны правительству Голландіи; что Генеральные Штаты порадованы успѣхами арміи царя и желаютъ ихъ продолженія для его славы и для благополучія его государства и подданныхъ; наконецъ, что срокъ назначенія депутатовъ для болѣе подробныхъ переговоровъ будетъ зависѣть отъ желанія пословъ. Послѣ того, какъ эта рѣчь подверглась переводу, по примѣру предъидущихъ, наступилъ конецъ аудіенціи, въ продолженіи которой послы оставались съ непокрытыми головами и, наравнѣ со всѣмъ, Собраніемъ, все время стояли. Въ вѣрительной грамотѣ, которую впослѣдствіи привели въ голландскомъ изложеніи, третій посолъ былъ названъ лишь своимъ крестнымъ именемъ съ приложеніемъ отчества по русскому обычаю, именно Прокопіемъ Богдановичемъ (Procopius *Bogdanowitsin*), *государственнымъ канцлеромъ* и Болховскимъ губернаторомъ; затѣмъ грамота указывала на поводъ посольства, состоявшій въ стремленіи укрѣпить взаимную пріязнь обоихъ правительствъ, въ сообщеніи нѣкоторыхъ данныхъ по вопросамъ, касающимся общаго блага и представляющимъ важное значеніе для всѣхъ христіанскихъ государствъ, и наконецъ, въ обсужденіи нѣкоторыхъ предметовъ, имѣющихъ равно своей цѣлью обезпеченіе взаимнаго благополучія обѣихъ странъ» [1]).

Царскіе поминки и посольскіе дары Меерманъ называетъ не соболями, какъ въ статейномъ спискѣ, а *куницами* (martres). Такая ошибка произошла вѣроятно отъ недостаточнаго знакомства Голландцевъ съ сибирскими мѣхами, которые они могли смѣшивать и слѣды этой ошибки сохранить въ документахъ своихъ архивовъ. Мѣру мѣховъ сорока́ми Меерманъ передаетъ словомъ тиммеръ (Timmer). По справкѣ въ голландскомъ словарѣ оказалось, что Timmer или Timber значитъ штемпель, марка (отъ французскаго слова: timbre). Такое выраженіе можно объяснить тѣмъ, что каждый сорокъ мѣровъ былъ связанъ вмѣстѣ и снабженъ казенной русской печатью Сибирскаго Приказа. Статейный списокъ даетъ намъ подробную разцѣнку собольихъ мѣховъ, поднесен-

[1]) Meerman, Discours, стр. 39—41.

ныхъ Голландцамъ и мы можемъ по этой разцѣнкѣ опредѣлить стоимость соболей въ концѣ XVII в. Девять сороковъ царскихъ поминковъ стоили каждый по 450, 420, 400, 360, 350, 300, 260, и два по 250 рублей, всего на сумму 3040 рублей; посольскіе сорока были явно худшаго достоинства и оцѣнены въ 250, 210, 180, 160 и два по 130 руб., всего на сумму 1060 руб. Такимъ образомъ оказывается, что цѣна одного мѣха колебалась, высшаго качества отъ $6^1/_4$ до $11^1/_4$ рублей, а низшаго отъ $3^1/_4$ до $6^1/_4$ рублей.

Въ отвѣтной рѣчи президента Штатовъ, дословно переведенной въ статейномъ спискѣ, встрѣчается слѣдующее мѣсто, доказывающее, что не одни Русскіе отличались витіеватостью въ своихъ дипломатическихъ документахъ: «Напослѣдокъ мы, высокомочные Статы, усердно желаемъ, дабы солнце надъ благополучіемъ россійскихъ государствъ никогда свѣтлостью не отходило, но со всякимъ приращеніемъ и умноженіемъ въ его Царскаго Величества высокомочной особѣ, преславномъ дому и царскихъ наслѣдникахъ во вѣки и непрестанно подкрѣплено было; дабы и всякія различныя благословенія изъ небесъ надъ Его Царскаго Величества высокославныя царства, государства, земли и подданныхъ сошли, дабы они подъ преславнымъ государствованіемъ Его пресвѣтлѣйшаго Царскаго Величества всегда процвѣтали и во благополученіи и счастіи прирастали» [1]. Русскій отчетъ объ аудіенціи заключается слѣдующими словами: «по отправленіи посольства великіе и полномочные послы Статамъ укланясь (т. е. поклонившись) и изъ палаты пошли; провожали... пословъ до двора изъ Статовъ три человѣка и съ великими послы обѣдали съ такими жъ церемоніи, какъ и въ прежніе дни. Статовъ всѣхъ въ сборѣ было на посольствѣ человѣкъ съ сорокъ, а всѣхъ бываетъ 48 человѣкъ, и тѣ всѣ перемѣняются погодно, а президенты перемѣняются понедѣльно. Во время посольства стояли Статы всѣ, снявъ шляпы, за столомъ; въ палатѣ на одной сторонѣ стояла персона (портретъ) короля Аглинскаго, а прочія стѣны и сводъ писаныя» [2]. Эта выписка указываетъ, что на аудіенціи не присутствовалъ Англійскій король. Что же касается дипломатическихъ представителей другихъ державъ, то они не могли находиться при пріемѣ русскаго посольства въ виду извѣстныхъ намъ условій Наказа или инструкціи посламъ. На этомъ основаніи мы не можемъ довѣрять слѣдующему утвержденію Меермана. «Послѣ перваго своего свиданія съ

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 984.

[2]) Тамъ-же, стр. 985—986. Прочія подробности о пріемѣ русскаго посольства см. въ объяснительномъ текстѣ къ изображенію этого пріема, помѣщенномъ въ Приложеніяхъ.

Вильгельмомъ, царь, какъ мы уже выше сказали, отправившись въ свитѣ своихъ пословъ въ Гаагу, о чемъ впрочемъ голландскіе документы не упоминаютъ, участвовалъ съ сохраненіемъ своего инкогнито при торжественномъ пріемѣ пословъ въ засѣданіи Собранія Штатовъ, *причемъ*, помимо многихъ первыхъ особъ государства, *присутствовали также и другіе представители иностранныхъ державъ*, присланные для заключенія Рейсвикскаго мира». Далѣе Меерманъ продолжаетъ: «Въ продолженіе пребыванія своего въ Гаагѣ царь и его посольство были предметомъ всевозможныхъ знаковъ вниманія и были удостоены посѣщенія со стороны другихъ иностранныхъ посланниковъ, за исключеніемъ только одного представителя Франціи, который предпочелъ воздержаться отъ любезностей вслѣдствіе Польскихъ дѣлъ и войны съ Турками; впрочемъ сами русскіе не нашли нужнымъ увѣдомить его о своемъ прибытіи. По указанію Леклерка поднесенные Москвичами генеральнымъ Штатамъ подарки заключались въ шести стахъ самыхъ лучшихъ *куньихъ* мѣховъ. Какъ оказывается, документы голландскихъ архивовъ обозначаютъ это количество выраженіемъ пятнадцать тиммеровъ, что составитъ, если только авторъ не ошибается, по сорока мѣховъ на каждый тиммеръ. Леклеркъ затѣмъ прибавляетъ, что въ свою очередь Штаты подарили русскимъ посламъ, кромѣ цѣпей съ медальонами, еще три великолѣпныя кареты; но я позволяю себѣ оставить эту прибавку подъ большимъ сомнѣніемъ, такъ какъ о каретахъ нигдѣ не упоминается въ документахъ Нидерландскаго архива» [1]. Это сомнѣніе Меермана, какъ увидимъ далѣе, кромѣ голландскихъ источниковъ, оправдывается и данными статейнаго списка.

Два голландскіе депутата, назначенные отъ Штатовъ для приглашенія и сопровожденія русскихъ пословъ изъ ихъ гостинницъ на аудіенцію во дворцѣ, представили голландскому правительству отчетъ объ исполненіи ими своихъ обязанностей. По словамъ Меермана въ этомъ отчетѣ «достаточно остановиться на слѣдующихъ подробностяхъ. Послы встрѣтили депутатовъ при ихъ выходѣ изъ кареты, какъ только они подъѣхали къ новому Дулену, при входѣ въ залу аудіенціи пропустили ихъ по чину впередъ и подали имъ правыя руки, но въ обратномъ оттуда шествіи, депутаты уступили первое мѣсто посламъ и предоставили имъ

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 70—71. Устряловъ (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 86 и примѣчаніе 63 на той-же страницѣ) также сообщаетъ, что царь присутстовалъ инкогнито на аудіенціи своихъ пословъ въ Гаагѣ, для чего уѣзжалъ изъ Амстердама между 24 Сентября и 1 Октября. На увеличенной копіи четырехъ портретовъ, помѣщенныхъ въ изображеніи аудіенціи русскаго посольства, нѣкоторые источники указываютъ профиль самаго Петра. См. объ этомъ въ объяснительномъ текстѣ къ рисункамъ.

сѣсть въ первую государственную карету. Кортежъ сдѣлалъ большой крюкъ по Гаагѣ и чрезъ Дворцовую улицу въѣхалъ во внутренній дворъ дворца, гдѣ остановился у лѣстницы въ большую залу, пройдя которую послы вступили въ залу засѣданія Собранія. На обратномъ пути, при возвращеніи, шествіе прослѣдовало чрезъ восточныя ворота двора и въ гостинницѣ еще разъ повторились всѣ предшествовавшія церемоніи»[1]. Эти подробности вполнѣ согласны съ изложеніемъ Статейнаго списка.

Любопытно, что вѣрющая грамота, поданная на аудіенціи послами, была не та, которую они получили въ Москвѣ изъ Посольскаго Приказа, и первоначальный текстъ ея былъ нѣсколько измѣненъ, вслѣдствіе новыхъ политическихъ обстоятельствъ, по всей вѣроятности мира между Голландіей и Франціей. Статейный списокъ, выписавъ новую грамоту, дѣлаетъ такую отмѣтку: «А которая грамота къ нимъ, Голландскимъ Статамъ, послана съ Москвы изъ Посольскаго Приказу и та Голландскимъ Статамъ не подана для того, что по слушанію великихъ и полномочныхъ пословъ къ настоящему времени прежняя надобно отмѣнить»[2]. Однако новая грамота все таки помѣчена изъ Москвы и первоначальною датою 9 Марта.

Пребывающіе въ Гаагѣ иностранные резиденты ожидали оффиціальнаго врученія вѣрительныхъ грамотъ русскимъ посольствомъ, чтобы сдѣлать ему первые визиты въ отвѣтъ на извѣщеніе 18/29 Сентября о пріѣздѣ русскихъ. Эти визиты начались черезъ два дня послѣ аудіенціи. Первымъ явился 27 Сентября/8 Октября Шведскій посланникъ баронъ Николай Лиліенродъ, пріѣхавшій въ четырехъ каретахъ о шести возникахъ. Затѣмъ, на слѣдующій день 28 Сентября, Бранденбургскіе и Англійскіе послы. Нѣмцы фонъ Шметтау и фонъ Данкельманъ, ѣхали также въ четырехъ каретахъ въ сопровожденіи пажей и лакеевъ; въ первомъ экипажѣ сидѣли два посла, а въ остальныхъ трехъ дворяне и секретари посольства, сидѣвшіе по четыре человѣка; стало быть вся свита состояла изъ 12 человѣкъ. Англійскихъ пословъ было трое: графъ Томасъ Пемброкъ Файмонтъ Гомери, маркграфъ Эдвардъ Виллерсъ и рыцарь (sic) Іосифъ Вилліамсонъ, со свитою въ восьми каретахъ, пажами и лакеями. При четырехъ каретахъ было по шести возниковъ, а при пяти по четыре[3].

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 42—43.

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 987.

[3]) Тамъ-же, стр. 987—991. Статейный списокъ впадаетъ здѣсь въ противорѣчіе, говоря, что Англичане ѣхали въ восьми каретахъ, изъ которыхъ четыре по шести возниковъ, а пять по четыре: стало быть всѣхъ каретъ было не *восемь*, а девять. Это послѣднее число указано и въ Записной Книжкѣ великой особы, которая въ своемъ краткомъ изложеніи визитовъ иностранныхъ дипломатовъ не пред-

ГААГА,
Пріемъ Русскаго посольства Голландскими Штатами.

13.

Датчане, Христіанъ Зигфридъ фонъ Плессенъ и Христіанъ фонъ Ленте фонъ Саригаузенъ, посѣтили Русскихъ 29 Сентября (9 Октября) въ такомъ же кортежѣ, какъ и Бранденбургцы[1]. Цесарцы и Испанцы запоздали почти на двѣ недѣли. Первые извинялись въ своемъ промедленіи тѣмъ, что были заняты заключеніемъ мира и потому «умѣшкали отдать достойную честь для того, что были забавны посторонних государей съ послы въ мирныхъ договорѣхъ, которые и по сіе время не докончаны и нынѣ за тѣмъ бавятся (sic) и чаютъ то дѣло вскорѣ въ совершенство привесть». Цесарскіе послы явились 7/17 Октября, ихъ было трое: графъ Андрей фонъ Кауницъ, графъ Генрихъ фонъ Стратманъ и баронъ фонъ Сейлеръ. Ихъ поѣздъ состоялъ изъ девяти каретъ, шести по шести возниковъ и четырехъ по два (sic, хотя это составитъ не *девять*, а десять экипажей). Свита состояла изъ посольскихъ дѣтей, дворянъ, писарей, пажей и лакеевъ[2]. Наконецъ, двое Испанцевъ, Франциско Бернардо Де-Квиросъ, рыцарь св. Якова, и Лаувисъ Александеръ Де-Шоккартъ графъ фонъ Тиремонтъ, съ дворянами, писарями, пажами и лакеями въ свитѣ, посѣтили Лефорта съ товарищами 10/20 Октября въ пяти каретахъ по шести возниковъ и въ одной съ двумя[3]. Всѣхъ этихъ гостей русскіе послы встрѣчали и провожали на нижнемъ рундукѣ, а дворяне посольства у самыхъ каретъ. Лишь для австрійскихъ пословъ было сдѣлано повидимому исключеніе, вѣроятно ради титула цесаря, и представителей его русскіе послы сами провожали до каретъ. По крайней мѣрѣ это отмѣчено въ статейномъ спискѣ[4]. Всѣ эти свиданія съ иностранцами носили самый оффиціальный характеръ, представляя, въ формѣ привѣтствій и отвѣтныхъ рѣчей, упрощенную копію съ церемоніала аудіенцій. Но содержаніе разговоровъ было болѣе дѣловое и сообщаемыя другъ другу политическія вѣсти излагались подробнѣе и ближе касались дипломатическихъ вопросовъ, чѣмъ формальный обмѣнъ любезностей на торжественныхъ пріемахъ русскаго посольства у курфюрста Брандебургскаго и у Нидерландскихъ Штатовъ.

ставляетъ различія съ данными статейнаго списка, кромѣ замѣчанія, что всѣ послы были одѣты «въ черномъ платьѣ». Визитъ императорскаго посла пропущенъ въ записяхъ великой особы. (См. отрывокъ изъ Записной Книжки, помѣщенный въ Приложеніяхъ).

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 999—1001.

[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1031—1037. Записная Книжка, пропустивъ указаніе о пріѣздѣ Австрійцевъ, прибавляетъ новое свѣдѣніе, не встрѣчающееся въ статейномъ спискѣ, о томъ, что «цесарскаго посла была жена у обѣдни нашей со многими дѣвицами зѣло нарядно».

[3]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1037—1038. Число каретъ испанскаго посла «Записная Книжка» явно преувеличиваетъ до двадцати.

[4]) Поссельтъ, въ біографіи Фр. Лефорта (т. II, стр. 423), увѣряетъ, что для встрѣчи Бранденбургскихъ пословъ Русскіе спускались не до нижнихъ ступеней, но только до половины лѣстницы.

Повидимому русскіе послы только ожидали посѣщенія Испанцевъ, чтобы начать свои отвѣтные визиты. При этихъ визитахъ русскій кортежъ состоялъ изъ трехъ собственныхъ каретъ по шести возниковъ и изъ пяти нанятыхъ, всего изъ 8 экипажей. Въ первомъ сидѣли всѣ три посла вмѣстѣ, а остальные были заняты дворянами и приказными людьми. Карета съ послами была окружена пѣшими гайдуками въ числѣ 12 человѣкъ, у кареты стояли пажи, а впереди шли 20 лакеевъ русскаго посольства. Числомъ экипажей и количествомъ свиты русскіе послы превосходили такимъ образомъ кортежи своихъ иностранныхъ товарищей. 12/22 Октября были отданы визиты представителямъ цезаря и королей Шведскаго и Англійскаго, 13/23 числа посламъ Датскимъ и Бранденбургскому, 16/26 Испанскимъ. Русскіе не обмѣнялись визитами лишь съ послами Французскими по причинамъ, о которыхъ мы упомянули выше, и съ Саксонскимъ, съ которымъ они уже видѣлись ранѣе въ Амстердамѣ. Кромѣ бóльшаго блеска кортежа, Русскіе заслужили отъ иностранцевъ больше чести, чѣмъ сами имъ оказали. Всѣ резиденты, для встрѣчи и проводовъ русскихъ пословъ, спускались съ крыльца и выходили къ каретамъ. Въ бесѣдѣ съ Кауницемъ и его товарищами между прочимъ зашла рѣчь и объ епископѣ Пальмѣ и Австрійцы справлялись по этому поводу, нѣтъ-ли у Русскихъ пересылки, т. е. дипломатическихъ сношеній съ Индѣйскими народами и съ *Яппонолъ*, т. е. Японіей, но получили отрицательный отвѣтъ [1]. Хотя польскій посолъ и не названъ статейнымъ спискомъ въ числѣ дипломатовъ, съ которыми Русскіе обмѣнялись визитами, но онъ все таки оказалъ имъ любезность, пригласивъ ихъ 14/24 Октября къ себѣ на офиціальный обѣдъ, на которомъ «пили про здоровье Великаго Государя, Его Царскаго Величества и Королевскаго Величества Польскаго, стоя и на обѣ стороны, и иныхъ пословъ про здоровье». Приглашеніе это было офиціально сдѣлано еще 7 Октября, но тогда послы отговаривались тѣмъ, что не обмѣнялись еще офиціальными визитами съ прочими резидентами [2].

Между тѣмъ Русскіе не забывали и прямой цѣли своего пріѣзда. Чрезъ три дня послѣ пріемной аудіенціи, именно 28 Сентября / 8 Октября, ихъ посѣтилъ по порученію Голландскихъ Штатовъ агентъ послѣднихъ Розбумъ съ цѣлью назначить срокъ для начала дипломатическихъ переговоровъ, на что послы отвѣтили, что они сами этого давно ожидали и

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1039—1049 и 1058—1059.
2) Тамъ-же, стр. 1031 и 1054.

готовы быть на разговорѣ [1]). Вслѣдствіе такого соглашенія уже 29 Сентября/9 Октября состоялось первое засѣданіе совмѣстно съ Голландцами, на которое въ шести каретахъ, при двухъ возникахъ при каждой, пріѣхало девять депутатовъ отъ собранія Штатовъ. Русскіе послы встрѣтили ихъ, выйдя изъ сѣней на подъѣздъ лѣстницы, и дали Голландцамъ первый шагъ при входѣ въ столовую палату, гдѣ всѣ помѣстились за круглымъ столомъ. Русскіе начали длинною рѣчью, излагавшею ихъ желанія и поводы посольства, но пока въ общихъ фразахъ, приберегая суть дѣла до дальнѣйшихъ совѣщаній. Президентъ и депутаты слушали молча, «записали себѣ статьями» и стали между собою совѣтоваться, послѣ чего президентъ держалъ отвѣтную рѣчь, смыслъ которой указывалъ на желаніе получить отъ Русскихъ ихъ предложенія на письмѣ для доклада Штатамъ, обсужденія послѣдними и дачи ими своего отвѣта. Русскіе послы подтвердили необходимость быстраго отвѣта на предварительные запросы, такъ какъ «есть ко объявленію и иныя дѣла, о чемъ будутъ предлагать впредь», да и отпустить бы ихъ скорѣе «не задержавъ. И Статы говорили, что они великимъ и полномочнымъ посламъ ради, и ничѣмъ не скучаютъ, а о дѣлахъ отвѣтъ учинятъ вскорѣ». Затѣмъ депутаты встали и простились (витався) съ послами, которые проводили ихъ опять до низу лѣстницы [2]).

Мы не останавливаемся здѣсь на пространныхъ и испещренныхъ титулами и другими повтореніями записяхъ русскаго документа о содержаніи и предметахъ переговоровъ, такъ какъ они гораздо короче и послѣдовательнѣе изложены въ брошюрѣ Меермана, которому мы далѣе, въ своемъ мѣстѣ, предоставимъ слово. Здѣсь же мы ограничимся тѣми подробностями статейнаго списка, которыя дополняютъ собою свѣдѣнія голландскихъ источниковъ и рисуютъ любопытныя условія дипломатическаго этикета того времени.

Тотчасъ послѣ своего перваго разговора съ Голландцами, въ тотъ-же самый день, послы имѣли случай обратиться къ Штатамъ за одолженіемъ. Царскій дохтуръ Петръ Посниковъ купилъ въ Амстердамѣ по приказу Петра двѣ бочки лекарствъ, за которыя Русскимъ не хотѣлось платить провозной пошлины. Устроить это дѣло послы просили голландскаго торговаго человѣка Захарія Дикса, котораго они уже знали, такъ какъ онъ встрѣтилъ ихъ при въѣздѣ посольства въ предѣлы Голландіи, между Клеве и Нимвегеномъ. Диксъ исполнилъ просьбу Русскихъ и, доложивъ

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 988.
[2]) Тамъ-же, стр. 991—999.

ее Штатамъ, тотчасъ же вернулся сообщить, что безпошлинный пропускъ лекарствъ будетъ разрѣшенъ[1]. Этотъ частный, такъ сказать, вопросъ вошелъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ разсказъ Меермана о дипломатическихъ переговорахъ.

2/12 Октября на второмъ засѣданіи или разговорѣ, какъ выражается статейный списокъ, на которое явилось семь голландскихъ депутатовъ, Русскіе стали понемногу открывать свои карты и, прося отсрочить до другаго времени рѣшеніе первоначальнаго своего предложенія «о торговомъ персидскомъ и армянскомъ дѣлѣ», начали высказывать надежды на полученіе помощи отъ Нидерландовъ для веденія войны противъ Турокъ. Голландцы, какъ и въ первый разъ, не дали окончательнаго отвѣта и для рѣшенія Штатовъ потребовали письменнаго документа[2]. Однако вопросъ этотъ, именно о помощи кораблями, оружіемъ, пушками и артиллерійскими снарядами, встрѣтилъ большія затрудненія и даже отказъ со стороны голландскаго правительства. Все третье засѣданіе, происходившее 6/16 Октября и на которое явились тѣже семь депутатовъ, было посвящено взаимнымъ уговорамъ и убѣжденіямъ въ настоятельности просьбы и въ основательности отказа. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ Русскіе въ заключеніе заявили: «когда они, господа Статы, уже довольства по предложенію ихъ не учинили и впредь чинити не хотятъ, то бы отпустили ихъ изъ Гааги не замотчавъ и назначили отпуску день; а если они, господа Статы, еще о томъ будутъ совѣтовать, то они, великіе послы, пообождутъ инаго отвѣта»[3].

Мотивы отказа Голландцевъ въ просимой помощи заключались между прочимъ въ ссылкѣ на войну съ Французами, испытанныя въ этой войнѣ потери судовъ и оружія, и въ невозможности поэтому дѣлиться съ Россіею. Но Русскіе пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы разрушить доводы Голландцевъ и нашли его въ провозглашеніи Рейсвикскаго мира, о чемъ Штаты поспѣшили увѣдомить Русскихъ, переговоры съ которыми стали затягиваться и принимать нѣсколько острый характеръ. Двое изъ главныхъ участниковъ этихъ переговоровъ, фонъ Эссенъ съ товарищемъ, пріѣхали 10/20 Октября въ одной каретѣ въ домъ, занимаемый русскимъ посольствомъ, съ цѣлью возвѣстить «о своей давно желаемой радости, то есть о совершеніи мира союзниковъ съ французскимъ королемъ... и тѣмъ веселятся, что въ прибытіи ихъ, Царскаго Величества пословъ, такое великое дѣло у нихъ совершилось... и будутъ де они о томъ миру

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1001.

[2]) Тамъ-же, стр. 1010—1014.

[3]) Тамъ-же, стр. 1025—1031.

разглашать всѣмъ и радостные огни, какъ въ Парижѣ, такъ и въ голландской землѣ отправлять, чтобъ о томъ всякаго чина люди вѣдали и Господу Богу славу воздавали». Высказавъ свою признательность за такую добрую вѣсть и пожеланія о сохраненіи мира, Русскіе не безъ ехидства замѣтили: «и мочно де нынѣ имъ, высокомочнымъ господамъ Статамъ, на непріятеля креста святаго большое радѣніе и промыслъ показать, дабы какъ мочно его искоренять и во всякихъ случаяхъ спомочствовать требующимъ въ военныхъ случаяхъ, занеже иные военные ихъ промыслы нынѣ отъ непріятеля бывшаго, то есть Француза, покой воспріяли и довлѣетъ имъ какъ мочно помогать». Въ тотъ-же день миръ былъ въ Гаагѣ публично объявленъ и читаны статьи, на которыхъ онъ учиненъ. «Притомъ всѣ Статы были и множество смотрящихъ, и стрѣляно изъ мелкаго ружья, и били въ барабаны, и ходили тутошніе жители къ посольскимъ дворамъ и противъ дворовъ стрѣляли. Тѣмъ же и Царскаго Величества великихъ и полномочныхъ пословъ поздравляли, приходили 20 человѣкъ мѣщанъ, всѣ въ одноцвѣтныхъ темно-гвоздичныхъ кафтанахъ, и заправляли и стрѣляли по четыре выстрѣла изрядно, и отъ великихъ и полномочныхъ пословъ подчиваны и отпущены» [1]. Это было только объявленіе мира, а торжественное его празднованіе состоялось уже по возвращеніи Русскихъ въ Амстердамъ.

Въ послѣдній разъ Русскіе и Голландцы для переговоровъ сошлись $^{14}/_{24}$ Октября. На свиданіе пріѣхали всѣ девять депутатовъ, бывшихъ на первомъ засѣданіи. Отказъ въ помощи былъ еще разъ подтвержденъ отъ имени Штатовъ, а за льготы, обѣщанныя голландскимъ купцамъ въ Москвѣ, выражена благодарность. Въ невозможности помочь въ войнѣ съ Турками высказаны извиненія и обѣщаніе исполнить это въ будущемъ, когда поправятся и въ первое состояніе придутъ. Посламъ нечего было дѣлать; «выговаривая о томъ пространно такую неклонность и неблагодарство въ милости» со стороны Нидерландовъ, они заявили, что просятъ отпустить ихъ, дать имъ прощальную аудіенцію и назначить день «какъ быть имъ на отпускѣ». По просьбѣ Голландцевъ Русскими было указано $^{16}/_{26}$ Октября. Послы также потребовали предварительнаго сообщенія копіи съ отпускной грамоты, чтобы соблюсти по достоинству царскіе титулы и именованіе. Тѣмъ переговоры закончились. Но статейный списокъ прибавляетъ, что послѣ третьяго засѣданія Голландцы пріѣзжали къ Русскимъ заявить, что они посылали узнать обо всемъ мнѣнія Англійскаго короля, который отвѣчалъ уклончиво, не давая своего

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1038—1039.

совѣта и все предоставляя усмотрѣнію самихъ Штатовъ. Отвѣтъ Англіи былъ сообщенъ Русскимъ уже послѣ четвертаго засѣданія. Но послы провѣдали, что Штаты, «отбывая того, чтобъ имъ отъ того вспоможенія свободнымъ быть и салтана турецкаго и короля французскаго для купецкихъ своихъ промысловъ не прогнѣвить, то, усовѣтовавъ между собою, учинили и на короля англійскаго, что его въ томъ спрашивались, солгали»[1].

Между тѣмъ затяжка переговоровъ, помимо ихъ результатовъ, неблагопріятныхъ для Русскихъ, возбуждала неудовольствіе и Нидерландскихъ Штатовъ, которые нетерпѣливо ожидали отъѣзда посольства, чтобы уменьшить издержки, вызываемыя требованіями международнаго гостепріимства. «Въ скоромъ времени послѣ аудіенціи», продолжаетъ Меерманъ свой разсказъ, «забота о возможномъ сокращеніи расходовъ на посольство опять приковала къ себѣ вниманіе голландскаго правительства, но Динтеру все таки пришлось потребовать гораздо бо́льшей суммы, чѣмъ тѣ деньги, которыя уже были ему выданы, въ виду того, что многіе значительные счеты еще не были уплачены ни въ Амстердамѣ, ни въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ казна была принуждена кредитовать его еще на 12,000 флориновъ, которые онъ получилъ въ два раза, въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль, по 6,000 каждый разъ»[2].

«Еще 10 Октября депутаты, состоявшіе по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, сообщили прочимъ членамъ собранія Штатовъ результаты своихъ подробныхъ переговоровъ съ послами и доложили, что, обсудивъ нѣсколько общихъ предметовъ, Русскіе выразили желаніе войти въ соглашеніе относительно затѣваемаго ими открытія торговли съ Персіею, съ тѣмъ, чтобы получаемые оттуда шелковые и другіе товары направлялись въ Голландію черезъ Астрахань и Архангельскъ, причемъ однако Русскіе отказались представить письменный документъ по этому вопросу. Въ отвѣтъ на эти предложенія Генеральные Штаты указывали на необходимость, прежде чѣмъ приступить къ окончательному рѣшенію, запросить мнѣнія мѣстныхъ коммерсантовъ о такомъ важномъ предметѣ, что однако потребовало бы извѣстнаго времени, въ виду чего пословъ совѣстно принуждать къ такому продолжительному пребыванію въ Голландіи. Затѣмъ Русскихъ попросили сдѣлать остальныя заявленія, на которыя они были уполномочены. Въ томъ-же засѣданіи собранія Штатовъ нѣкоторые другіе депутаты не находили инаго средства

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1051—1054.
2) Meerman, Discours, стр. 41—42.

къ сокращенію издержекъ, какъ повторить интенданту внушеніе въ этомъ смыслѣ. Состоявшій при Динтерѣ переводчикъ получилъ тогда-же 200 серебряныхъ дукатовъ, а на слѣдующій день двѣ бочки съ аптекарскимъ товаромъ, которыя послы хотѣли взять съ собою, были освобождены отъ уплаты вывозной пошлины».

«Настоящая цѣль посольства выяснилась еще болѣе при второмъ свиданіи переговаривавшихся. Послы обратились къ Штатамъ съ просьбою помочь царю въ дѣлѣ, почти превосходящемъ его силы и средства, именно въ изготовленіи по крайней мѣрѣ семидесяти военныхъ кораблей и болѣе сотни галеръ, чѣмъ царь былъ въ то время озабоченъ, желая направить этотъ флотъ противъ Турокъ въ Черное море. Въ оправданіе ожиданія такой помощи послы приводили не только пользу войны съ невѣрными для всѣхъ христіанскихъ государствъ, но и содѣйствіе, оказанное Голландцамъ хлѣбомъ и другими товарами, доставленными изъ Россіи въ Голландію во время нужды послѣдней въ этихъ предметахъ. Эта просьба однако не была уважена Штатами, которые въ извиненіе своего отказа сослались на затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ они въ это время находились, а именно: лишь за нѣсколько дней (всего съ 20 Сентября) Голландія закончила свою продолжительную войну съ Франціей и цѣлые года потребуются, чтобы дать вновь оправиться странѣ; война вовлекла государство въ долги, для уплаты которыхъ необходимы громадныя суммы денегъ; сверхъ того сама Голландія лишилась многихъ судовъ и не можетъ предвидѣть излишка въ матеріалахъ, потребныхъ для возстановленія ея морскихъ силъ; такъ что, вмѣсто того, чтобы предлагать свою помощь иностранцамъ, она сама должна будетъ обращаться за нею. Впрочемъ, всѣ эти отговорки были сообщены посламъ въ смягченномъ, до послѣдней степени любезности, видѣ».

«Тѣмъ не менѣе Русскіе продолжали настаивать на своихъ пожеланіяхъ, но ограничились однако требованіемъ нѣкоторыхъ артиллерійскихъ припасовъ, якорей, судовыхъ принадлежностей и прочихъ предметовъ морскаго дѣла; въ подтвержденіе полной возможности все это имъ предоставить, они ссылались на то соображеніе, что заключеніе мира поведетъ къ разоруженію всего флота Голландіи и вслѣдствіе того освободитъ цѣлый излишекъ всякихъ морскихъ припасовъ. Царь, прибавили они, никогда не отказывалъ республикѣ ни въ одной ея просьбѣ. Еще въ 1671 году Штаты имѣли случай предложить ему свое содѣйствіе[1]),

[1]) Меерманъ относитъ событіе ошибочно къ 1671 году, когда Петръ еще не родился. Рѣчь идетъ вѣроятно о сношеніяхъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ или же годъ указанъ невѣрно.

которое въ настоящее время, по его своевременности, должно бы еще болѣе его порадовать. Наконецъ, если Петръ не получитъ теперь того, о чемъ онъ проситъ, то это вовлечетъ его только въ излишнія затрудненія при исполненіи задачъ, возлагаемыхъ имъ на свой флотъ. Помощь, имъ ожидаемая, впрочемъ не выходитъ изъ границъ вышеназванныхъ предметовъ. Швеція уже доставила ему 300 пушекъ изъ числа пятисотъ, обѣщанныхъ ею. Еще бо́льшія надежды онъ возлагаетъ на дружбу Голландіи, къ которой онъ самъ всегда относился съ особеннымъ вниманіемъ и подданнымъ которой онъ всегда покровительствовалъ въ Россіи болѣе, чѣмъ прочимъ иностранцамъ, разрѣшивъ имъ, помимо многихъ торговыхъ льготъ, жить въ собственныхъ домахъ, свободно исповѣдовать ихъ вѣру и имѣть Русскихъ въ числѣ своей прислуги, что было запрещено прочимъ чужеземцамъ. Впрочемъ, по мнѣнію пословъ, такая незначительная просьба царя не стоила даже отказа, такъ какъ за все просимое по минованіи войны готовы были заплатить его стоимость. Послѣдній доводъ Русскихъ заключался въ томъ, что никогда еще царь не отправлялъ ни къ одному правительству такого знатнаго посольства, какъ настоящее».

«Штаты возразили на это: именно пушки и другіе морскіе припасы нужны имъ теперь, какъ никогда; ежедневно они принуждены пріобрѣтать желѣзо, лѣсъ и другіе подобные предметы, частью изъ за границы, частью же покупать все это у мѣстныхъ торговцевъ за высокую цѣну, превосходящую средства казны; такъ какъ прочность мира сомнительна, то приходится всѣмъ жертвовать, чтобы вновь обезпечить себѣ оборонительное положеніе; не смотря на всю ихъ признательность царю за все то, что онъ уже дѣлалъ и продолжаетъ дѣлать для Голландцевъ, они тѣмъ не менѣе льстятъ себя надеждою оправдаться предъ нимъ въ невозможности исполнить его желанія въ настоящее время, обѣщая со временемъ, когда ихъ обстоятельства поправятся, найти возможность засвидѣтельствовать ему свою преданность еще лучшими доказательствами».

«Тогда послы 24 Октября объявили, что, такъ какъ Штаты не могутъ оказать ожидаемой помощи, то они и не считаютъ себя въ правѣ на ней настаивать, но что, желая по возможности скорѣе быть отпущены, они просятъ назначить имъ прощальную аудіенцію послѣ завтра. Не найдя къ этому никакого препятствія, Штаты постановили, что прощальная аудіенція состоится по тому же церемоніалу, какъ и пріемная, что каждый изъ членовъ посольства получитъ въ подарокъ по золотой цѣпи съ медальономъ, причемъ цѣнность цѣпей была назначена: для перваго посла въ 7,000 флориновъ, для втораго въ 6,000, для третьяго въ 5,000,

для секретаря въ 600, для церемоніймейстера въ 300, для двухъ толмачей по 250, для трехъ кавалеровъ, священника и протестантскаго пастора по 150[1]. Ювелиръ фанъ Гуке (van Hoecke) получилъ приказаніе доставить всѣ эти предметы. Впрочемъ, по заявленію самихъ пословъ, аудіенція была отсрочена еще на два дня и состоялась лишь въ понедѣльникъ 28 Октября»[2].

Дипломатическія обязанности, аудіенціи, обмѣнъ визитовъ съ иностранными дипломатами, веденіе переговоровъ со Штатами и свои текущія дѣла и переписка на столько отнимали времени у русскаго посольства въ теченіе его пребыванія въ Гаагѣ, что оно не успѣло даже хорошенько осмотрѣть городъ и его окрестности. Въ статейномъ спискѣ сохранилось очень мало указаній на то, какъ послы пользовались своими рѣдкими досугами, но указанія эти дополняются свѣдѣніями, сообщаемыми анонимнымъ авторомъ Записной Книжки великой особы.

Въ день перваго совѣщанія съ голландскими депутатами, 29 Сентября/9 Октября послы воспользовались свободнымъ вечеромъ, чтобы побывать въ театрѣ, «въ комедіальномъ дому и смотрѣли тамошнихъ дѣйствъ»[3], а 17/27 Октября, угостивъ у себя депутатовъ Голландскихъ Штатовъ обѣдомъ, поѣхали въ каретахъ прогуляться по рощѣ[4], т. е. въ великолѣпный, доселѣ существующій паркъ, который называется Гаагскимъ лѣсомъ (Haagsche Bosch) и простирается до самаго берега моря[5]. Вообще въ Гаагѣ посламъ было такъ много заботъ и они были такъ заняты своими дипломатическими обязанностями, что имъ почти не оставалось времени для текущихъ дѣлъ и переписки. Но они все таки имѣли возможность поддерживать постоянныя сношенія съ послами австрійскимъ, польскимъ и шведскимъ, обмѣниваться съ ними животрепещущими вѣстями, изъ Кракова, Вѣны и Москвы, о проискахъ принца Конти, о ходѣ войны съ Турками и т. д. Польскій посолъ Бозе и епископъ Пальмъ не прекра-

---

1) Цѣнность всѣхъ этихъ подарковъ составила 20,150 гульденовъ.

2) Meerman, Discours, стр. 43—48.

3) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1001. Записная Книжка упоминаетъ не объ одной, а о двухъ поѣздкахъ въ театръ «и когда оттуда возвращались, несли передъ каретою свѣчи восковыя возженыя». (См. въ Приложеніяхъ отрывокъ изъ Записной Книжки).

4) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1059.

5) «Въ Гаагѣ Фр. Я. Лефортъ ѣздилъ за городъ въ сады въ своей каретѣ, которая дана 1080 червонныхъ, шлеи на восьми лошадяхъ были бархатныя вызолоченныя. Я сидѣлъ съ нимъ и за нами было еще три кареты о 6 коняхъ, въ которыхъ дворяне наши сидѣли. А какъ свѣдали, что мы поѣхали за городъ, многія посольскія жены съ дочерьми выѣхали туда-же». Затѣмъ авторъ Записной Книжки даетъ еще слѣдующія подробности, пропущенныя въ статейномъ спискѣ: «У цесарскаго посла былъ я въ домѣ, гдѣ одна комната обита полосатыми матеріями, другая изрядными шпалерами, а третья бархатомъ краснымъ и по швамъ кружевами золотыми весьма богатыми». (Записная Книжка великой особы, см. въ Приложеніяхъ).

щали своихъ посѣщеній къ Русскимъ даже и въ Гаагѣ. Отсюда же $^{2}/_{12}$ Октября былъ отправленъ Григорій Островскій, одинъ изъ дворянъ, состоявшій при Головинѣ, въ «Шклявонскую» землю съ тайнымъ порученіемъ и проѣзжимъ листомъ, помѣченнымъ еще изъ Москвы отъ 9 Марта 1697 года и выданнымъ ему для науки морскаго дѣла. Цѣль этой командировки заключалась въ собраніи предварительныхъ справокъ въ виду предстоящаго впослѣдствіи продолженія пути посольства въ Австрію и Венецію. Островскій былъ снабженъ инструкціей, состоявшей изъ семи пунктовъ, которою ему приказывалось: 1) ѣхать кратчайшей дорогой «до Словенской или до Словацкой и до Шклявонской земли», собирать свѣдѣнія о попутныхъ государствахъ и городахъ, ихъ взаимныхъ разстояніяхъ, о состояніи путей и довольствѣ въ подводахъ, кормахъ; 2) узнать, кому принадлежитъ Шклявонская земля, много-ль въ ней городовъ и многолюдная ли, какіе въ ней люди и есть ли въ ней служащіе въ военномъ, галерномъ и купеческомъ флотахъ, и какіе люди; 3) сравнить состояніе дѣла въ этой странѣ съ Венеціанскою и собрать свѣдѣнія о главныхъ морскихъ начальникахъ; 4) провѣдать, какимъ языкомъ тамъ говорятъ, понимаютъ ли тамъ по русски, и напять и привезти оттуда съ собою въ Амстердамъ человѣка для изученія его нарѣчію Русскихъ; 5) много ли тамъ народа служитъ на морѣ или больше на землѣ; 6) далеко ли оттуда до Венеціи и какая къ ней ведетъ дорога отъ Славенской земли; 7) если тамошній языкъ не понятенъ Русскимъ, то ѣхать въ Венецію, подыскать тамъ начальныхъ людей морскаго дѣла, которые бы знали по славянски, и сговориться съ ними относительно найма ихъ на русскую службу. Островскій, какъ мы увидимъ далѣе, успѣлъ исполнить порученіе и вернуться еще до отъѣзда русскаго посольства изъ Амстердама[1].

Окончивъ $^{14}/_{24}$ Октября дипломатическіе переговоры съ Голландцами, русскимъ посламъ уже нечего было дѣлать въ Гаагѣ и они спѣшили оттуда уѣхать. Голландское правительство также не имѣло причинъ ихъ удерживать, даже торопилось поскорѣе развязаться съ ними по причинамъ, которыя намъ разъясняетъ Меерманъ. Но этикетъ требовалъ сперва соблюденія формальности, состоящей въ прощальной аудіенціи, и врученія Штатами отпускной грамоты. Предварительные объ этомъ переговоры начались уже $^{15}/_{25}$ Октября. Въ этотъ день къ посламъ явился уже извѣстный намъ Розбумъ съ вопросомъ, когда имъ угодно быть на отпускѣ и принять статскій листъ, то есть отпускную грамоту? Розбумъ при-

[1] Инструкцію и проѣзжій листъ Островскаго см. въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1014—1018.

бавилъ при этомъ, что такъ какъ листъ этотъ еще не готовъ, то Штаты ждутъ пословъ на аудіенцію въ субботу 16 числа, а самый листъ будетъ имъ доставленъ впослѣдствіи. Но послы, мнительно и ревниво охранявшіе свои права и царское достоинство, отказались отъ этого предложенія на томъ основаніи, «чтобъ имъ на отпускѣ быть, а листа не взять, и то дѣло нестаточное и нигдѣ того не повелось». Вслѣдствіе такого отвѣта Розбумъ долженъ былъ немедленно же представить проэктъ отпускной грамоты, которую послы приказали перевести по русски, чтобъ провѣрить правильность въ прописке царскаго титула. Вслѣдъ за Розбумомъ пословъ посѣтилъ Захарій Диксъ съ донесеніемъ, что Штаты отсрочили пріемъ посольства до $^{18}/_{28}$ Октября, чтобъ имѣть возможность самимъ подготовиться и дать Русскимъ время выразумѣть, «буде что въ листу неисправно, чтобъ его постановить на мѣрѣ». Послы заявили, что въ этомъ листѣ «по переводу явились нѣкакія рѣченія не исправны и они для исправленія къ господамъ Статамъ отошлютъ». Окончательно исправленный и утвержденный Русскими текстъ отпускной грамоты начинался съ обращенія къ царю, съ прописокою полнаго его титула, отъ имени голландскаго правительства, которое величало себя слѣдующимъ образомъ: «Мы, Статы генералъ славныхъ, единовластныхъ и полныхъ соединенныхъ Нидерландовъ, якоже княжествъ, графствъ и земель, а именно Гендерланда и Зутфека, Голландіи и Вестъ-Фрисландіи, Зеландіи, Утрехта, Фрисландіи, за Ислою рѣкою Гренонговъ, Омеландона, Дрентона, Веддена, Вестеркондингерской земли, графства Франговенскаго и земель Валькенбурга, Дальгема и Гертогенрада за Мазою рѣкою купно съ доброю частью арцугства (герцогства) Брабантскаго и преславнаго графства Фландерскаго, обладающія при томъ знатными королевствами и землями въ Восточной Индіи, тако-жъ въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Гвинеѣ и прочая, и прочая, и прочая». Затѣмъ, переименовавъ трехъ русскихъ пословъ съ полными ихъ титулами, именами и отчествами, Штаты извѣщали о полученіи царской грамоты, изъ которой «со многою полезностію и удовольствованіемъ выразумѣли, како Ваше Царское Величество изволилъ по древней дружбѣ и доброму содружеству, еже Ваше Царское Величество къ намъ имѣете, сіе знатное посольство къ намъ послать и древнюю дружбу утвердить, и при томъ нѣкоторыя дѣла, принадлежащія ко общему благу и пользѣ всего христіанства, объявить. Мы не восхотѣли оставить Ваше Царское Величество всевысше и отъ сердца благодарити за ту честь, которую Ваше Царское Величество намъ изволилъ учинити чрезъ присылку сего знатнаго посольства; мы господамъ великимъ и полномочнымъ посламъ Вашего Царскаго Величества аудіенцію дали, коль скоро они

оной попросили; мы ихъ приношенія слушали, и на то отвѣтъ дали и тако объявилися, яко настоящій случай времени и состояніе дѣлъ нашихъ позволило. Межъ тѣмъ, обнадеживая же Ваше Царское Величество истинно, что мы дружбу Вашего Царскаго Величества зѣло въ высокомъ почтеніи и достоинствѣ держимъ и что мы съ своей стороны древнюю дружбу и пересылку справедливо будемъ содерживать и мыслити оную вяще и вяще приращати и всякими мѣрами объявляти великое почтеніе, которое мы къ Вашему Царскому Величеству имѣемъ и непремѣнно будемъ содерживать, не сумнѣваяся, что помянутые господа великіе и полномочные послы Вашему Царскому Величеству о всемъ донесутъ, на которое мы охотно ссылаемся. И понеже помянутые господа послы въ пребываемое свое прибытіе у насъ во всемъ оказалися и явили свою великую мудрость, искусство, прозорливость и учтивство; и того ради не можемъ мы удержатися Царскому Величеству свидѣтельствовати, что ихъ особы намъ особливо пріятны были и что мы ихъ ради добрыхъ и великихъ поступокъ охотно при себѣ имѣли. Мы такожде изъ ихъ рукъ приняли Вашего Царскаго Величества зѣло пріятные дары мягкою рухлядью, за что мы Ваше Царское Величество высочайше благодарствуемъ. И сіе оканчевая, молимъ Бога Всемогущаго, пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Великій Государь, Царь и Великій Князь, Вашего Царскаго Величества особу Оный да изволитъ содержати въ долгопребываемомъ здравіи и счастливомъ царскомъ государствованіи и во всякомъ желаемомъ благосостояніи [1].

Аудіенція наконецъ состоялась въ понедѣльникъ 18/28 Октября. Трое депутатовъ явились къ Русскимъ съ приглашеніемъ пожаловать въ сборную палату, куда ихъ ожидаютъ уже собравшіеся Штаты. Послы убрались по посольскому и отправились въ такомъ-же кортежѣ и съ такимъ-же церемоніаломъ, такимъ поведеніемъ, какъ и на пріѣздъ. Ставъ въ залѣ противъ президента, они выслушали его рѣчь, вкратцѣ повторявшую содержаніе отпускной грамоты, но къ которому было прибавлено пожеланіе великому государю многолѣтняго здравія и дабы Господь Богъ покорилъ подъ ноги его бусурмановъ, салтана Турскаго и хана Крымскаго и, дай де Боже, храбрость его государская всюду врагамъ страшна была. Этими любезными словами Голландцы были видимо рады отдѣлаться отъ Русскихъ взамѣнъ просимой помощи судами, оружіемъ, снарядами и моряками. Затѣмъ, прося передать царю поклонъ отъ Штатовъ и предложивъ ему всегдашнюю ихъ покорность и услуж-

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1054—[illegible]. Тамъ-же, стр. 734—737, напечатана другая копія этой отпускной грамоты въ русскомъ же переводѣ, отличающаяся самыми незначительными измѣненіями въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ.

ливость, президентъ подалъ обернутую въ тафту отпускную грамоту, которая тотчасъ-же пошла по рукамъ Русскихъ, отъ Лефорта къ Головину, отъ Головина къ Возницыну, отъ послѣдняго къ дворянину посольства Петру Лефорту, который и сохранилъ ее у себя. Принеся Штатамъ краткую благодарность, послы вышли изъ залы и вернулись домой въ томъ-же порядкѣ, какъ и прежде[1].

Посольство уже закончило всѣ свои дѣла въ Гаагѣ и черезъ два дня оно могло отправиться обратно въ Амстердамъ. 20/30 Октября Розбумъ по порученію Штатовъ сообщилъ посламъ, что «если изволятъ изъ Гааги ѣхать, и имъ кареты будутъ присланы и господа Статы съ достойною честію ихъ проводятъ», и при этомъ поднесъ подарки, уже указанные нами въ приведенной выше (стр. 104—105) выпискѣ изъ Меермана. Но, вмѣсто цѣпей съ медальонами съ подробною оцѣнкою ихъ стоимости, статейный списокъ называетъ эти подарки золотыми чѣпями съ гербами и ограничивается подробнымъ указаніемъ вѣса каждой изъ нихъ, а именно: три посольскихъ въ 10, 8 и 6 фунтовъ[2], двѣ цѣпи дворянамъ Петру Лефорту и Богдану Приставу по 3 фунта, переводчикамъ Вульфу и Шафирову по 34 золотника, цѣною по 42 золотыхъ, священнику и калвинскому пастору цѣною по 30 золотыхъ; «да дворянамъ посольскимъ, всѣмъ вообще, три герба, вѣсомъ таковы же, что и попомъ; а подъячимъ и иныхъ чиновъ, и посольскимъ людемъ никому ничего не дано». По сравненію этихъ цифръ съ свѣдѣніями Меермана оказывается, что фунтъ золота цѣнился отъ 700 до 800 гульденовъ (флориновъ) или отъ 140 до 160 золотыхъ, а золотникъ въ 7 1/3 гульденовъ[3]. Послы съ своей стороны отдарили Розбума и принесшихъ цѣпи служителей соболями, камками и ефимками. Скоро послѣ того пріѣхало сорокъ каретъ и явилось двое голландскихъ депутатовъ, назначенныхъ для проводовъ. «Послы приказали всѣмъ государевымъ людямъ сѣсть въ

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1059—1060.

2) Цѣпь, подаренная Возницыну, по указанію автора Записной Книжки, вѣсила не шесть, а только пять съ половиною (пол-шеста по варіантамъ) фунтовъ.

3) По вѣсу серебра, флоринъ или гульденъ голландскій составлялъ приблизительно 3/4 рубля (Прозоровскій, Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія; см. въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. XII, С.-Пб. 1865, стр. 682). О дѣленіи фунта на золотники, см. тамъ-же, (стр. 699). О стоимости червонца или золотаго скажемъ далѣе. Въ описи имущества князей Голицыныхъ, осужденныхъ по дѣлу Ѳ. Шакловитаго, золотыя вещи оцѣнены въ 40 алтынъ за золотникъ. Въ числѣ этихъ вещей встрѣчаются двѣ золотыя цѣпи, стоимостью по 43 алтына 2 деньги за золотникъ. (Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ, изданіе Археографической Коммиссіи, т. IV, С.-Пб. 1893 г., стр. 279, 280, 288, 301, 307). Не забудемъ однако, что имущество Голицыныхъ было конфисковано и вѣроятно цѣнилось дешевле. Можетъ быть также, что золотыя Голицынскія вещи были низкой пробы или даже серебрянныя позолоченыя.

кареты, а съ рухлядью своихъ людей отпустили водою». Доѣхавъ въ экипажахъ до моста Горна, причемъ трубачи пословъ ѣхали впереди и все время трубили, посольство остановилось и, передъ пересадкой на суда, Возницынъ въ пространной рѣчи благодарилъ за показанное пріятство голландскихъ депутатовъ, которые тутъ-же разстались съ путешественниками. Въ одну яхту сѣли Лефортъ, Головинъ и Возницынъ, а на двухъ другихъ — дворяне, священникъ, переводчики, подъячіе и иныхъ чиновъ люди. Дорогою посольство переночевало въ шести миляхъ отъ Гааги, въ сосѣдней съ Лейденомъ деревнѣ Альфанъ, куда Штаты поспѣшили сообщить Русскимъ о состоявшемся подписаніи мирнаго договора съ Французами. 21/31 Октября вечеромъ посольство вернулось въ Амстердамъ и остановилось на отведенныхъ имъ квартирахъ, но уже повидимому на новыхъ дворахъ, а не въ прежнемъ Герренъ-ложементѣ. Это произошло потому, что «съ того числа Статы и бурмистры кормовъ давать не почали, и великіе и полномочные послы съ того времени жили въ Амстрадамѣ на своихъ проторяхъ»[1]. Однако плату за дворы для посольства продолжало еще уплачивать голландское правительство, о чемъ мы заключаемъ по слѣдующимъ краткимъ строкамъ Меермана, которыми онъ ограничиваетъ весь свой разсказъ о возвращеніи Русскихъ изъ Гааги. «30 числа посольство просило о своей доставкѣ въ Амстердамъ и проводы его состоялись съ тѣми же почестями, которыми сопровождалась первоначальная встрѣча на мосту Горна. Интенданту Штатовъ было опять поручено отвезти пословъ въ Амстердамъ, гдѣ онъ долженъ былъ затѣмъ проститься съ ними. Хотя съ этого времени прекращались всякія обязательства по содержанію Русскихъ на счетъ голландской казны, тѣмъ не менѣе Динтеру было предоставлено Штатами предложить посольству уплату за квартиры на все время предполагавшагося еще ихъ пребыванія въ Амстердамѣ»[2].

Изъ слѣдующей главы мы убѣдимся, на сколько Голландцы ошибались, разсчитывая на скорый выѣздъ Русскихъ изъ предѣловъ Нидерландовъ.

---

[1] Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1061—1063. По возвращеніи изъ Гааги въ Амстердамъ, гдѣ посольство помѣстилось, какъ мы увидимъ далѣе, въ гостинницѣ Дилена, оно жило на собственный счетъ. «Но это», пишетъ П. Лефортъ, «стоитъ уже но много. Мой дядя (т. е. Францъ Лефортъ) тратитъ на свою свиту ежедневно болѣе 100 талеровъ, не говоря уже объ остальныхъ послахъ, и все таки наше помѣщеніе и содержаніе крайне плохи». Поссельтъ. Фр. Лефортъ, т. II, стр. 442—443. Ср. также главу X настоящаго труда и предпослѣднее къ нему Приложеніе, гдѣ мы отводимъ особое мѣсто вычисленію расходовъ посольства въ Голландіи.

[2] Meerman, Discours, стр. 48—49.

Глава VIII.

ВТОРИЧНОЕ ПРЕБЫВАНІЕ ПОСОЛЬСТВА ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

Не успѣли однако русскіе послы провести въ Амстердамѣ нѣсколько дней, какъ имъ пришлось опять съѣздить въ Гаагу на торжественное празднованіе Рейсвикскаго мира. Выждавъ, чтобы посольство выѣхало изъ Гааги и лишь тогда поручивъ особымъ вѣстникамъ догнать пословъ въ деревнѣ Альфанъ по дорогѣ въ Амстердамъ и только тамъ объявить давно ожидаемую новость о заключеніи мирнаго договора, Голландцы несомнѣнно руководились извѣстнымъ разсчетомъ и желали соблюсти нѣкоторую экономію въ расходахъ гостепріимства. Штаты уже давно ожидали скораго заключенія мира, которое должно было быть отпраздновано 27 Октября/6 Ноября. Но до этого дня со времени прощальной аудіенціи приходилось ждать около $1\frac{1}{2}$ недѣли и Голландцы, не желая задерживать Русскихъ еще на этотъ дополнительный срокъ, торопились удалить ихъ изъ Гааги, гдѣ каждый день ихъ пребыванія ложился излишнимъ бременемъ на голландскую казну. Однако вторая поѣздка пословъ въ Гаагу вызывалась не исключительно торжествомъ мира, но и другими причинами, которыя указываются въ слѣдующей записи статейнаго списка. «Октября въ 26 день великіе и полномочные послы ѣздили изъ Амстрадама въ Гаагу смотрѣть огнестрѣльныхъ устроеній и огней, которые у Статовъ для тріумфу миротворенія были учинены, и для разговору съ свейскимъ и съ польскимъ послы о дѣлахъ. А Октября въ 27 день въ Гаагѣ и въ Амстрадамѣ по всѣмъ улицамъ горѣли огни и многія метаны ракеты» [1]. Въ подробностяхъ этого, впередъ намѣченнаго, совѣщанія съ польскимъ

[1] Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1067. Великая особа такъ описываетъ торжество заключенія мира: «Изъ Гааги возвратились въ Амстердамъ и тамъ было Октября 28 торжество великое: весь городъ былъ освѣщенъ, горѣли разные огни, нѣсколько сотъ тысячь пущено ракетовъ и стрѣльба была во всю ночь чрезвычайная въ знакъ радости, что миръ состоялся у всѣхъ европейскихъ государей съ французскимъ королемъ». Изъ этихъ словъ можно также заключить, что 27 Октября анонимная великая особа не ѣздила въ Гаагу, а оставалась въ Амстердамѣ.

посломъ Бозе интересна одна, получающая особое освѣщеніе въ связи съ отказомъ Голландіи оказать Россіи помощь въ ея войнѣ съ Турками. Въ виду интригъ Франціи, дѣятельно поддерживавшей принца де Конти не только въ его притязаніяхъ на польскій престолъ, но и въ его воинственныхъ попыткахъ въ этомъ направленіи, Бозе, совмѣстно съ Русскими, хлопоталъ объ оказаніи Польшѣ содѣйствія со стороны Голландіи и ея Штатгальтера, Вильгельма Англійскаго. Въ этихъ видахъ Бозе было поручено королемъ Августомъ приговорить на польскую службу генерала англійскихъ войскъ, принца Вюртембергскаго и постараться нанять у Голландіи нѣсколько военныхъ кораблей. Впрочемъ польскій посолъ сомнѣвался въ офиціальной помощи отъ Нидерландовъ и отъ Вильгельма и надѣялся лишь на то, «что позволятъ ему ту помощь учинить подъ покрышкою отъ иныхъ своихъ подданныхъ, а именно позволять ему послу тѣ корабли нанять у Остиндской или у иной которой торговой компаніи тайнымъ образомъ». Узнавъ объ этихъ намѣреніяхъ и надеждахъ Польши, русскіе послы взяли съ Бозе обѣщаніе непремѣнно увѣдомить ихъ о результатѣ своихъ переговоровъ по этому дѣлу[1]. Отношеніе Голландіи къ польскимъ надеждамъ въ данномъ случаѣ было важно, какъ провѣрка искренности Нидерландовъ, отказавшихъ въ своей помощи Россіи. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ Русскіе стали дожидаться обѣщаннаго увѣдомленія Бозе, уже на слѣдующій день сообщившаго имъ, что не получилъ рѣшительнаго отвѣта отъ Штатовъ, которые сперва хотѣли доложить дѣло своему собранію и англійскому королю. Вмѣстѣ съ тѣмъ польскій посолъ сослался, что съ подобною же просьбою собираются обратиться къ Голландіи и Австрійцы и надѣятся на успѣхъ въ виду того, «что польская и цесарская торговля Голландцамъ зѣло нужна, и многіе съѣстные товары и хлѣбъ въ Голландскую землю оттуда приходятъ»[2]. Объ окончательномъ рѣшеніи этого вопроса въ статейномъ спискѣ однако не встрѣчается свѣдѣній. По всей вѣроятности Австрійцы въ скоромъ времени уже не почувствовали нужды въ помощи Голландіи, такъ какъ сами помирились съ Франціей.

Меерманъ увѣряетъ, что во время поѣздки въ Гаагу состоялось и второе свиданіе Петра съ королемъ Вильгельмомъ. «По обмѣнѣ ратификацій», пишетъ онъ, «Рейсвикскій миръ былъ торжественно обнародованъ въ Гаагѣ, но связанныя съ нимъ торжества, состоявшія въ благодарственныхъ общественныхъ молебствіяхъ, постѣ и народныхъ увесе-

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1082—1083.
[2]) Тамъ-же, стр. 1089—1090.

леніяхъ, были для остальной части республики назначены на 6 Ноября. Самъ король по видимому не захотѣлъ на нихъ присутствовать, по крайней мѣрѣ пріѣхалъ въ Гаагу на слѣдующій день послѣ праздника; но царь вторично отправился изъ Амстердама на свиданіе съ Вильгельмомъ въ приличномъ экипажѣ и по прежнему въ сопровожденіи Лефорта. Въ этотъ разъ оба государя встрѣчались неоднократно и проявили другъ другу знаки взаимнаго уваженія. Петръ сознался королю въ своемъ желаніи продолжить свой путь до Англіи съ цѣлію усовершенствованія въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ и особенно, чтобы еще лучше изучить теорію кораблестроенія, что ему казалось недостаточно возможнымъ въ Голландіи» [1]).

Пробывъ около сутокъ въ Гаагѣ, русскіе послы вернулись 29 Октября/9 Ноября обратно въ Амстердамъ [2]), гдѣ затѣмъ посольство пробыло до 15/26 Мая 1698 г., то есть шесть съ половиной мѣсяцевъ. Чѣмъ оно было занято все это время, мы сейчасъ узнаемъ. Съ голландскимъ правительствомъ русское посольство уже окончило еще въ Гаагѣ всѣ свои дипломатическіе переговоры и стало преслѣдовать теперь лишь неофиціальныя, скрытыя цѣли своего появленія въ Нидерландахъ. Цѣли эти были и сложны, и разнообразны. Испытавъ неудачу въ явномъ содѣйствіи Штатовъ къ обезпеченію средствъ войны съ Турціею, Русскіе занялись пріобрѣтеніемъ этихъ средствъ частнымъ путемъ. Но, при этомъ офиціальная роль самихъ пословъ сошла на заднiй планъ и во главѣ дѣятельности Русскихъ появился самъ Петръ Великій, хотя и подъ продолжавшимся псевдонимомъ Петра Михайлова, десятника и одного изъ начальныхъ людей Преображенскаго полка. Распоряженія посольства за все это время касаются лишь исполненія намѣреній и порученій самого царя, закупокъ разныхъ предметовъ и припасовъ, найма мастеровъ, облегченія ихъ доставки въ Россію, посылки волонтеровъ въ морскую науку и, наконецъ, соблюденія мѣръ и формальностей относительно выѣзда посольства изъ Голландіи и его дальнѣйшаго маршрута. Кромѣ того послы не прекращали своихъ дипломатическихъ дѣлъ и текущей по нимъ переписки съ окрестными и другими союзными государствами, но только уже не съ Нидерландами, офиціальныя обязанности къ которымъ были уже исчерпаны переговорами въ Гаагѣ.

Личныя цѣли Петра Великаго, поводы, заставившіе его пуститься въ путь, чтобы непосредственно увидать и узнать западно-европейскую

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 72—73.
[2]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1090.

цивилизацію, рельефно выступаютъ на первый планъ во время вторичнаго пребыванія русскаго посольства въ Амстердамѣ. Статейный списокъ наполняется подробностями кипучей дѣятельности царя по созданію русскаго флота. На этихъ подробностяхъ намъ и приходится теперь остановиться при описаніи полугодоваго пребыванія русскаго посольства въ Амстердамѣ, чѣмъ мы и закончимъ разсказъ о его посѣщеніи Голландіи.

Отправляясь изъ Москвы, посольство въ числѣ другихъ государей Европы должно было посѣтить, какъ мы знаемъ, и англійскаго короля. Собственно дипломатической цѣли при этомъ повидимому не имѣлось, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся торговли. Но въ Англію влекло самого Петра ея первенствующее значеніе, какъ морской державы. Ему хотѣлось побывать въ этой странѣ, чтобъ усовершенствовать свои познанія въ кораблестроеніи. По всей вѣроятности, свиданія съ Вильгельмомъ III въ Утрехтѣ и въ Гаагѣ не остались безъ вліянія на характеръ посѣщенія Англіи Петромъ. Несомнѣнно, какъ на то намекаетъ и Меерманъ, что царь получилъ личное приглашеніе отъ короля побывать въ Лондонѣ. Поѣздка въ Англію совершенно входила въ кругъ его личныхъ задачъ и онъ поспѣшилъ воспользоваться предложенными ему для этой цѣли удобствами. Но русскимъ посламъ собственно нечего было дѣлать въ Англіи и они остались въ Амстердамѣ безъ офиціальнаго дипломатическаго повода, усиленно занявшись тѣмъ временемъ дѣятельностію по исполненію царскихъ порученій, касавшихся пріобрѣтенія подъ покрышкою средствъ для продолженія войны съ Турціей. Мы далѣе упомянемъ о главнѣйшихъ слѣдахъ этой дѣятельности, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о поѣздкѣ царя въ Англію.

22 Ноября послы получили изъ Лондона извѣстіе о томъ, что англійскій король приготовилъ въ подарокъ Петру корабль и ждетъ указаній для доставки его въ Голландію. Извѣстіе это было получено отъ англійскаго адмирала Кармартена, который писалъ: «на томъ кораблѣ или фрегатѣ устроенъ капитанъ Вильгельмъ Риплій, который правительство надъ тѣмъ кораблемъ умѣетъ и образъ дѣланія и управленія парусовъ знаетъ, и чтобъ тотъ капитанъ такую честь получилъ, чтобъ тотъ корабль къ его Царскому Величеству привесть, какъ они великіе и полномочные послы ему повелятъ»[1]. Петръ такъ обрадовался этому кораблю, что рѣшилъ послать въ Англію для его осмотра майора Адама Вейде.

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1111. Ср. также у Бантыша-Каменскаго, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (ч. I, стр. 124), гдѣ днемъ подарка помѣчено 9 число Ноября, вѣроятно дата письма Кармартена.

Но, такъ какъ подобное порученіе являлось бы поводомъ къ разглашенію личныхъ сношеній царя съ англійскимъ королемъ и было бы неблаговидно, такъ какъ дареному коню въ зубы не смотрятъ, то нужно было найти для поѣздки Вейде удобный и приличный предлогъ, который поспѣшили доставить неожиданныя обстоятельства. 25 Ноября, въ то время, какъ послы разговаривали о польскихъ дѣлахъ съ сидѣвшимъ у нихъ посланникомъ Бозе, представителемъ короля Августа, имъ подали два, только что пришедшія изъ Москвы письма, помѣченныя 22 и 29 Октября. Въ этихъ письмахъ сообщалось о новыхъ побѣдахъ царскихъ войскъ на устьяхъ Днѣпра, гдѣ Русскіе прогнали отъ крѣпости Тавани 30,000 Турокъ подъ начальствомъ сераскира паши, въ числѣ которыхъ были и крымскіе Татары съ своимъ ханомъ во главѣ. По случаю этой радостной вѣсти послы устроили въ Амстердамѣ 28 Ноября «тріумфъ, на которомъ были многіе начальные люди и амстрадамскіе бурмистры, и по обѣдѣ пусканы многія художественныя огнестрѣльныя гранаты, и верховыя и водяныя ракеты, и была музыка». Этими новыми успѣхами русскаго оружія поспѣшили воспользоваться, чтобы вѣстями о нихъ подѣлиться съ англійскимъ королемъ и обставить посылку Вейде болѣе приличными побужденіями. Наказною памятью отъ 28 Ноября Адаму Адамовичу Вейде приказывалось ѣхать къ Вильгельму приватнымъ обычаемъ и приватне повидаться съ нимъ, причемъ объявить о Таванской побѣдѣ и получить отповѣдь или отвѣтъ на запросы, предложенные чрезъ него же Вейде англійскому королю въ Гаагѣ. Какіе были эти запросы, статейный списокъ не объясняетъ и не упоминаетъ, какъ мы выше видѣли, ни въ разсказѣ о первомъ пребываніи русскаго посольства въ Гаагѣ, ни въ описаніи поѣздки туда на празднованіе Рейсвикскаго мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вейде долженъ былъ передать адмиралу Кармартену письмо за подписью Лефорта по поводу подареннаго корабля «и буде мочно того корабля посмотрѣть, а осмотря записать и довѣдаться, сколь скоро тотъ корабль посланъ будетъ, и съ кѣмъ именно, и отъ королевскаго величества лица или отъ парламента учиненъ, и по какому предложенію или вѣдомости». Наказная память заканчивалась обычнымъ наставленіемъ: «да ему жъ будучи въ Англійской землѣ развѣдать о всякомъ тамошнемъ состояніи». 29 Ноября Вейде выѣхалъ изъ Амстердама на почтовой яхтѣ[1]).

Въ концѣ Декабря Вейде вернулся изъ Англіи, а за два дня передъ нимъ пріѣхалъ въ Амстердамъ Григорій Островскій, посланный еще 2

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1114—1120. Бантышъ-Каменскій (Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I, стр. 124) отправленіе Вейде въ Лондонъ пріурочиваетъ къ 23 Ноября.

Октября изъ Гааги въ Шклявонію для приговора и найма начальныхъ людей. 23 Декабря онъ явился къ посламъ только съ двумя капитанами, Стематикомъ Меромъ и Андреемъ Депіоромъ, греческой вѣры; «а по даннымъ ему статьямъ въ Шклявонію не ѣздилъ и ничего не учинилъ и, бывъ въ Венеціи только, возвратился безъ дѣла» [1]. Адамъ Вейде, явившійся 26 Декабря, исполнилъ свое порученіе гораздо успѣшнѣе: «англійскій король прислалъ съ нимъ три корабля, да двѣ яхты подъ валентеровъ, которымъ ѣхать въ Аглинскую землю». Вслѣдствіе такого извѣстія было тотчасъ же приказано, «для той посылки дѣлать новое платье» [2] волонтерамъ, которые 7 Января 1698 г. «по полудни изъ Амстердама поѣхали въ Аглинскую землю» въ числѣ 16 человѣкъ [3]. Эта краткая запись дополняется слѣдующими подробностями, приводимыми у Меермана. Послѣ свиданія съ Петромъ въ Гаагѣ, Вильгельмъ 23 Ноября новаго стиля выѣхалъ оттуда въ Англію «и, съ предупредительностію, въ началѣ слѣдующаго года выслалъ въ Гельфутъ (Helvoet) эскадру судовъ подъ начальствомъ адмирала Митчеля. Петръ сѣлъ на королевскую яхту и въ сопровожденіи двухъ или трехъ военныхъ кораблей вошелъ 20 Января въ устье Темзы, гдѣ его встрѣтило такое же число, но меньшаго объема, судовъ королевскаго флота и вмѣстѣ поплыло вверхъ по рѣкѣ. Въ числѣ царскихъ спутниковъ при этой поѣздкѣ, кромѣ нѣкоторой части посольской свиты, особенно выдѣляются имена Головина и Меншикова» [4]. Упоминаніе Головина едва ли точно. Второй русскій посолъ поѣхалъ въ Англію лишь въ половинѣ Марта. Но можетъ быть, что Меерманъ смѣшалъ здѣсь Сибирскаго намѣстника съ однимъ изъ двухъ его родственниковъ, состоявшихъ при немъ дворянами.

13 Марта вернувшійся изъ Англіи лекарскій ученикъ Иванъ Левкинъ привезъ посламъ указъ отъ волонтеровъ, то есть, надобно разумѣть отъ самого царя, который разрѣшалъ: «кто изъ великихъ пословъ похочетъ побывать въ Лондонѣ для настоящихъ дѣлъ, тотъ-бы ѣхалъ». Вслѣдствіе такого приказанія Головинъ отправился въ Лондонъ уже 17 Марта. Что онъ ѣхалъ не для однихъ личныхъ дѣлъ Петра, государевыхъ дѣлъ, какъ сказано въ статейномъ спискѣ, доказывается тѣмъ, что его сопровождали, кромѣ священника и остальной части волонтеровъ,

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1152.

2) Тамъ-же, стр. 1153.

3) Тамъ-же, стр. 1162. Въ числѣ волонтеровъ нъ Англію поѣхалъ и самъ царь (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 96 и приложеніе IX, Юрналъ подъ 7 января 1698 г., на стр. 601).

4) Meerman, Discours, стр. 73. Упоминаемый здѣсь городъ Гельфутъ у Устрялова названъ Гельветслюйсомъ (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 96).

еще цѣлая масса выписокъ изъ дипломатическихъ документовъ по сношеніямъ съ Англіей и бумагъ по снаряженію настоящаго посольства[1]. Присутствіе Головина въ Лондонѣ требовалось, между прочимъ, для окончанія переговоровъ съ Англичанами о табачной торговлѣ, о чемъ въ началѣ Марта въ Амстердамѣ, по указу царя, были составлены и посланы въ Лондонъ два предварительные проэкта на русскомъ и на латынскомъ языкахъ[2]. Головинъ пробылъ въ Англіи около мѣсяца и вернулся оттуда въ Амстердамъ 22 Апрѣля стараго стиля, а вслѣдъ за нимъ пріѣхали назадъ и 16 волонтеровъ, отправившіеся въ Лондонъ 7 Января[3]. Во время отсутствія царя въ Амстердамѣ, получавшаяся тамъ почта пересылалась къ нему въ Лондонъ. Описаніе пребыванія Петра и части русскаго посольства въ Англіи выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи. Мы отчасти вернемся къ этому предмету далѣе, въ изложеніи послѣднихъ страницъ изъ брошюры Меермана.

Оставшись въ Амстердамѣ безъ царя, посольство занялось закупками припасовъ и наймомъ мастеровъ для русскаго флота и русскаго войска, и этими задачами оправдывалась его долговременная задержка въ Голландіи. Въ Россіи плохо дѣлали пушки и ружья, пришлось ихъ заказывать за границей. Пушки, въ числѣ 300, были заказаны въ Швеціи, 10,000 ружей въ Голландіи чрезъ Витцена. Но поставка этого оружія медлила и посольству пришлось входить въ переписку, слѣдя за доставкой пушекъ и наблюдая за уплатой за ружья[4]. Другія пушки, числомъ 22, были заказаны въ Любекѣ, для чего туда былъ отправленъ состоявшій при Лефортѣ дворянинъ посольства Илья Кобертъ[5]. За моряками, начальными людьми, капитанами, шкиперами, штурманами, даже простыми матросами Русскіе обращались въ разныя страны, извѣстныя своими флотами. Мы уже знаемъ о порученіи, такъ неудачно исполненномъ Григоріемъ Островскимъ въ Венеціи. Для найма моряковъ въ будущій

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1198—1199.

[2]) Тамъ-же, стр. 1185—1189. Договоръ былъ учиненъ 4 Марта и состоялъ въ разрѣшеніи Англичанамъ въ теченіе семи лѣтъ торговать во всей Россіи, кромѣ Малороссіи, табакомъ, для чего ежегодно привозить его въ количествѣ 10,000 бочекъ, вѣсомъ по 500 англійскихъ фунтовъ каждая. Пошлины съ каждаго фунта положено по 4 копейки, что съ бочки составитъ 20 руб. Привозъ табаку начинался съ 3,000 бочекъ въ годъ и съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивался. (Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внутр. снош., ч. I, стр. 123—124; ср. также Соловьева, Исторію Россіи, т. XIV, стр. 1204, гдѣ приводится ссылка на Полное Собраніе Законовъ т. III, № 1628).

[3]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1239—1240.

[4]) Тамъ-же, стр. 932, 1090—1091, 1156—1161. (Ср. у Устрялова въ Исторіи Петра Великаго, т. II, гл. XII и т. III, стр. 86).

[5]) Тамъ-же, стр. 1162—1165, 1173—1179, 1190—1192, 1200.

флотъ московское правительство посылало своихъ агентовъ въ Швецію[1], мастеровъ разнаго дѣла выписывало изъ Саксоніи[2], нанимало корабли, морскихъ офицеровъ и матросовъ, покупало оружіе и корабельные припасы въ Голландіи. На уплату расходовъ, сдѣланныхъ въ Амстердамѣ на эти предметы, посольство 24 Февраля 1698 г. получило изъ Москвы чрезъ почту двадцать векселей и ассигнацію на сумму 101,999 ефимковъ 14 алтынъ, 4 деньги и золотомъ 29,999 червонцевъ и 24 алтына[3]. Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы находимъ это послѣднее извѣстіе, статейный списокъ слѣдующими причинами оправдываетъ долговременное пребываніе посольства въ Голландіи, пока Петръ съ волонтерами ѣздилъ въ Англію: «По его, великаго государя, указу жили великіе и полномочные послы въ Амстрадамѣ, за приговоромъ и за наймомъ... въ службу начальныхъ людей, и матросовъ, и всякихъ чиновъ людей къ черноморскому флоту, и за готовостію (т. е. приготовленіемъ, заготовкою) и приговорами ружья и корабельныхъ припасовъ, и за отпусками тѣхъ иноземцевъ, Мартъ и Апрѣль мѣсяцы Мая по 15 числа». За это время было нанято моряковъ и мастеровъ всего до тысячи человѣкъ[4]. Вмѣстѣ съ тѣмъ посольство закупало массу предметовъ и вещей для царя и русскаго правительства, а равно и для частныхъ потребностей трехъ пословъ. Статейный списокъ сохранилъ намъ перечень этихъ покупокъ. Вотъ изъ чего они состояли.

Роспись покупкамъ:

Про Его Царское Величество на обиходъ:

260 ящиковъ съ ружьями, 48 кипъ паруснаго полотна, 8 кипъ бумаги картузной, 1 кипа рыбьихъ усовъ, 1 ящикъ съ пилами желѣзными, 2 ящика, а въ нихъ компасы, 2 ящика, а въ нихъ пистолеты, 2 ящика, а въ нихъ роги и всякая корабельная мелочь, 6 ящиковъ, а въ нихъ гарусы, 14 бочекъ разной всякой мелочи, 8 сундуковъ съ плотничьими инструментами, 6 ящиковъ съ кругами, которые въ блоки кладутъ, 2 ящика, а въ нихъ каркадилъ (крокодилъ) и рыба свертъ-фишъ (Schwertfisch), 2,000 фунтовъ корки, 2,577 блоковъ разныхъ, 3 якоря большихъ, 5 штукъ дерева покъ-гоута, 200 штукъ дерева есейнаго (ясеневаго?), 13 ящиковъ съ разной рухлядью, 7 ящиковъ со всякой мелочью, 800 мраморовыхъ камней. Подъ клеймомъ П. М.[5].

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1156—1161, 1242—1243.
[2]) Тамъ-же, стр. 1224—1225.
[3]) Тамъ-же, стр. 1180.
[4]) Тамъ-же, стр. 1180—1181.
[5]) То есть: Петръ Михайловъ.

Великихъ и полномочныхъ пословъ: перваго: 16 сундуковъ съ посудою, 17 сундуковъ съ рухлядью, 4 бочки сухарей, 1 бочка съ сырами, 1 бочка съ ружьемъ. Подъ клеймомъ S. F. L.[1]).

Втораго посла: 31 ящиковъ и сундуковъ подъ клеймомъ F. A. H.[2]).

Третьяго посла: сундукъ большой, три ящика деревянныхъ, сундучекъ малый, особо пищаль. Подъ клеймомъ P. B. W.[3]).

Да про ихъ же посольскій обиходъ отпущено: 8 бочекъ питья да 6 ящиковъ подъ клеймомъ F. A. H; 4 бочки питья да два ящика подъ клеймомъ P. B. W.[4]).

Мы нарочно дословно привели эту роспись, чтобы не только указать читателямъ, въ чемъ состояли русскія покупки, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить ту значительную ихъ часть, которая была вызвана частными потребностями трехъ пословъ. Послѣднее обстоятельство любопытно въ томъ отношеніи, что русское посольство офиціально обратилось къ Голландскимъ Штатамъ съ просьбою пропустить всѣ эти вещи и рухлядь изъ Амстердама безъпошлинно. По этому поводу послы нарочно 28 Апрѣля отправили въ Гаагу приставленнаго къ нимъ Голландца, толмача Андрея фанъ деръ Гульста съ просительнымъ письмомъ такого содержанія: «мы, нижепоименованные великіе и полномочные послы, желаемъ отъ высокомочныхъ господъ Статъ, дабы наши вещи, пожитки и покупки, которыя мы старыя съ Москвы привезенныя, за тягостью, также и вновь купленныя про Его Царскаго Величества службу и обиходъ и на нашу потребу, въ сундукахъ, въ ящикахъ, въ свиткахъ, въ связкахъ и во всемъ приборѣ отпускаемъ къ городу Архангельскому моремъ на кораблѣхъ; и тѣ бъ отпущены были безъ заплаты земскія пошлины и иного всякаго взятья со всякою повольностію и честію, чего со усердствіемъ желаемъ и просимъ». Просьба эта была уважена Штатами, о чемъ сообщилъ Русскимъ вернувшійся изъ Гааги фанъ деръ Гульстъ, который за эту услугу получилъ отъ пословъ подарки[5]).

Затѣмъ посольству пришлось озаботиться доставкою въ Россію нанятыхъ людей и сдѣланныхъ покупокъ. Съ этою цѣлію были приговорены въ Амстердамѣ 9 кораблей, изъ которыхъ 4 были отправлены въ

---

1) То есть: С (?) Францъ Лефортъ.

2) То есть: Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ.

3) То есть: Прокопій Богдановичъ Возницынъ.

4) Въ своей Исторіи Петра Великаго (т. III, приложеніе VIII, № 5 на стр. 580—581) Устряловъ изъ статейнаго списка выписываетъ лишь тѣ покупки, которыя были сдѣланы лично для государя и обозначены клеймомъ П. М.

5) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1240—1242.

Архангельскъ, а 5 въ Нарву. Съ первыми были посланы нанятые люди и выше перечисленныя покупки, а доставка ихъ поручена иностранцу, майору и бомбардиру русской службы Ивану Гуммерту [1]. Иностранцевъ, отправленныхъ чрезъ Нарву, было 145 человѣкъ, въ числѣ ихъ упоминаются греческіе капитаны, 7 мастеровъ шлюзнаго дѣла, часовщикъ Французъ и матросъ Грекъ [2]. 10 Мая были даны проѣзжіе листы «принятымъ иноземцамъ огнестрѣльнаго дѣла мастеру Ягану Альберту Декордесу да майору Леонарду фонъ деръ Стаму съ огнестрѣльными мастерами и бомбардирами, да капитану Яну Фандеръ Гону, бомбардиру Рудольфу Горшау, лекарю Андрею Нордерману, инженеру Гаксу Шельдрофу» и возвращавшемуся въ Россію волонтеру Тихону Лукину [3], а на слѣдующій день, 11 числа, вице-адмиралу Корнеліусу Крейсу (Cruys) и шаутбейнахту Яну Форетъ съ начальными людьми [4]. Наконецъ, уже выѣзжая изъ предѣловъ Голландіи на пути въ Вѣну, Петръ 17 Мая выдалъ въ Нимвегенѣ привиллегію амстердамскому типографщику Ивану Тессингу на исключительную, въ теченіи 15 лѣтъ, продажу въ Россіи его изданій [5].

Наемъ моряковъ и мастеровъ въ Россію, уплата за заказы и покупки, подарки и прочія издержки, выходившія изъ границъ первоначальной смѣты, увеличивали расходы русскаго посольства до того, что ему не хватало взятыхъ съ собою изъ Москвы денегъ и оно принуждено было, какъ мы видѣли, прибѣгать даже къ учету векселей. Особенно невыгодно отражалось на средствахъ его то обстоятельство, что не всѣ попутныя государства, чрезъ которыя оно проѣзжало, освобождали Русскихъ отъ уплаты за подводы и прокормленіе. Въ такихъ случаяхъ, какъ напримѣръ при посѣщеніи Риги, приходилось прибѣгать, какъ къ побочному средству, къ дорожной казнѣ, которая могла пополняться лишь по новымъ ассигновкамъ изъ Москвы. Въ такомъ положеніи послы очутились и въ Амстердамѣ, откуда имъ пришлось уже 31 Декабря 1697 / 10 Января 1698 выписывать изъ Москвы изъ Приказа Большой Казны 82,000 ефимковъ и 40,000 червонцевъ, да кстати и возобновить тѣмъ же путемъ свой, уже истощившійся подарками и поминками, запасъ камки и собольихъ

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1181—1182, 1242, 1252—1253. Списки нанятыхъ въ Амстердамѣ морскихъ офицеровъ, матросовъ и другихъ лицъ см. у Устрялова въ Исторіи Петра Великаго (т. III, приложеніе VIII, № 4 и 6, на стр. 576—582). Болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности Петра по созданію морской силы Россіи можно найти у Елагина, въ его Исторіи русскаго флота (С.-Пб., 1864).

2) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1227—1230, 1259.

3) Тамъ-же, стр. 1271.

4) Тамъ-же, стр. 1272.

5) Тамъ-же, стр. 1298—1302.

мѣховъ [1]. Соболей нужно было вновь на 10,000 рублей, а китайской камки 100 косяковъ большой руки [2]. Впрочемъ, эти деньги и запасы мѣховъ и матерій требовались не для расхода въ Голландіи, а для предстоящаго посѣщенія Вѣны и ожидались по дорогѣ туда, въ Польшѣ.

При всѣхъ своихъ усиленныхъ хлопотахъ и занятіяхъ, послы однако не оставляли безъ вниманія интересовъ науки, которые были такъ дороги Петру Великому и даже во время отсутствія царя изъ Амстердама старались слѣдить за ними. 6 Февраля послы ѣздили къ секретарю адмиралтейства Девильду «для смотрѣнія разныхъ старинныхъ монетъ древнихъ цесарей и королей», а 10 того же мѣсяца получили съ московскою почтою изъ Посольскаго Приказа «распросныя рѣчи нѣкоего Волошанина Михаила, который объявилъ въ Седмиградской землѣ, въ городѣ Дѣвѣ, сокровище стародревнее» [3].

Между тѣмъ по немногу приходилось подумывать и объ отъѣздѣ изъ Голландіи, гдѣ Русскіе такъ долго зажились, и принимать предварительныя мѣры по обезпеченію дальнѣйшаго путешествія, на первый разъ до Вѣны. 22 Марта 1698 г. послы писали къ ближнему человѣку курфюрста Брауншвейгскаго фонъ Фуксену и къ наивысшему цесарскому дворецкому князю Дидрихштейну, а равно и къ Никитину, русскому резиденту въ Польшѣ, предупреждая ихъ о предстоящемъ отъѣздѣ русскаго посольства изъ Амстердама и о необходимости заблаговременно попутно заготовить подводы и корма [4]. 25 Марта часть посольства была отправлена впередъ съ Богданомъ Приставомъ. Она поѣхала до Нимвегена на трехъ судахъ, но безъ голландскаго пристава. Въ этой первой партіи было около ста человѣкъ, подробно перечисленныхъ въ росписи о выдачѣ имъ кормовыхъ денегъ. Съ ними же поѣхали и вещи пословъ, кромѣ той части посольской рухляди, которая была отправлена

---

1) Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1155—1156.

2) Тамъ-же, стр. 1136—1138.

3) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1166—1167 и 1170. Статейный списокъ посольства лишь изрѣдка останавливается на осмотрѣ Русскими Амстердама и его достопримѣчательностей. Гораздо болѣе подробныя данныя объ этомъ приводятся въ «Записной Книжкѣ великой особы», которая, кромѣ указанныхъ выше замѣчаній, подробно останавливается на многихъ любопытныхъ предметахъ, описывая коллекціи и кабинеты минералогическіе, анатомическіе, зоологическіе, энтомологическіе, нумизматическіе, дикихъ и рѣдкихъ звѣрей, заведенія ученыя, благотворительныя и увеселительныя, кукольныя комедіи, фокусы акробатовъ (метальниковъ) и калѣкъ, рѣдкости научныя (зажигательныя стекла), смертную казнь преступниковъ и многое другое, что такъ поражало Русскихъ за границей. Во избѣжаніе излишнихъ подстрочныхъ примѣчаній, мы не помѣщаемъ здѣсь всѣхъ этихъ подробностей и отсылаемъ читателей въ Приложенія, гдѣ приводимъ подробный отрывокъ изъ «Записной Книжки», относящійся къ пребыванію великой особы въ Голландіи.

4) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1201—1206.

моремъ въ Россію. На расходы Богдану Приставу было дано 4,000 ефимковъ, но этихъ денегъ было недостаточно, судя по непредвидѣннымъ издержкамъ, о которыхъ онъ сообщилъ въ своихъ донесеніяхъ отъ 31 Марта изъ Нимвегена и въ первыхъ дняхъ Апрѣля изъ Везеля, куда Русскіе прибыли 3 числа. «Не доѣзжая до Нимвегена, въ голландскомъ городѣ Бомбелѣ взяли Голландцы съ нихъ проѣзжей пошлины 16 ефимковъ, да въ городѣ Тилѣ 13 ефимковъ, да мытчику, который сбиралъ пошлину, дано два ефимка да ходакамъ 4 алтына; а курфирста де Бранденбургскаго въ городахъ въ подводахъ отказали и давать не будутъ, и на всякіе расходы, и на кормовыя дачи, и на наемъ подводъ будутъ они держать государевы деньги». Кромѣ того Богданъ Приставъ былъ принужденъ заплатить въ Нимвегенѣ еще 16 ефимковъ проѣзжей пошлины и 40 ефимковъ за наемъ судовъ до Бранденбургской границы[1]. Съ возвращеніемъ въ послѣднихъ числахъ Апрѣля[2] Петра изъ Англіи посольству уже ничего не оставалось дѣлать въ Амстердамѣ и оно приступило къ несомнѣннымъ и спѣшнымъ приготовленіямъ къ своему отъѣзду изъ Голландіи. $\frac{10}{21}$ Мая послы отправили въ Гаагу Андрея фанъ деръ Гульста просить Штаты, чтобъ они «велѣли ихъ изъ Амстрадама допроводить до границы курфирста Бранденбургскаго съ кормами и съ подводами и дали бъ имъ пристава безъ задержанія». Приставомъ былъ назначенъ прежній знакомый Русскихъ Динтеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было готовить суда, кормъ ѣствами и питьемъ, а равно и подводы отъ Нимвегена до границы, все на счетъ голландской казны[3]. Послы предполагали выѣхать изъ Амстердама 14 Мая, какъ о томъ мы узнаемъ изъ памяти къ Никитину въ Польшу, помѣченной 13 Мая[4], но успѣли исполнить это намѣреніе лишь 15 числа. Однако передъ самымъ отъѣздомъ изъ Амстердама у Русскихъ едва не вышла новая, и на этотъ разъ почти серьезная, размолвка съ Голландцами, впрочемъ сейчасъ же улаженная благодаря отсутствію офиціальнаго дипломатическаго вмѣшательства. Вотъ, въ чемъ было дѣло. 14 числа къ посламъ явился Николай Витценъ съ тремя другими амстердамскими бургомистрами съ прощальнымъ визитомъ и просилъ, чтобы послы на нихъ не сердились, если имъ не было въ чемъ либо оказано довольства или удовлетворенія, «а они де, какъ сначала, такъ и нынѣ при отпускѣ ихъ, всякое съ достодолжнымъ по-

---

1) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1209—1215, 1218, 1221.

2) 28 Апрѣля по Устрялову (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 109).

3) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1271—1272.

4) Тамъ-же, стр. 1289.

читаніемъ отправленіе чинити будутъ». При этомъ Голландцы вручили письменное прошеніе о предоставленіи нѣкоторыхъ льготъ торгующимъ въ Россіи своимъ землякамъ. Поблагодаривъ бургомистровъ и обѣщавъ имъ дать отвѣтъ относительно льготъ по переводѣ прошенія на русскій языкъ, послы попросили своихъ гостей присѣсть и въ длинной рѣчи начали упрекать Голландскіе Штаты и Англійскаго короля за тайное посредничество въ заключеніи, безъ вѣдома Россіи, мира между цесаремъ и Турецкимъ султаномъ. Въ доказательство своего обвиненія послы предъявили полученныя ими изъ Польши отъ русскаго резидента копіи съ грамотъ Штатовъ и Вильгельма къ императору и съ грамоты послѣдняго къ царю, посланной изъ Вѣны въ Москву. Въ послѣднемъ документѣ самъ цесарь извѣщалъ Петра о предложенномъ ему содѣйствіи къ примиренію съ Турціей. «Давно ли то посредство съ Англинской и съ ихъ стороны и миротвореніе у Турка съ цесарскимъ величествомъ началось?» спрашивали Русскіе у Витцена и его товарищей. Тѣ въ свою очередь отвѣтили, что не предвидѣли подобнаго вопроса, а если бъ знали о немъ впередъ, то позаботились бы захватить съ собой своего переводчика. При этомъ однако они сознались, что о дѣйствіяхъ Депажета, посла англійскаго короля, въ указанномъ смыслѣ они узнали изъ курантовъ, то есть газетъ, но что Штаты никому, на сколько имъ извѣстно, не давали подобнаго порученія къ цесарю и никого къ нему не посылали. Уличая бургомистровъ въ ложной ссылкѣ на куранты, какъ на источникъ слуховъ, Русскіе возражали, что само нидерландское правительство послало свою грамоту къ императору 31 Марта, какъ разъ въ то время, когда Штаты увѣряли русское посольство, что желаютъ царю всякаго добра и побѣды надъ его врагомъ и въ войнѣ его съ Турками «всякую услужность чинити будутъ. А по дѣлу», заключили послы, «явилось не такъ: самаго дѣла, котораго потребно, они Статы не объявили и въ томъ явное недоброхотство показали». Указавъ на это недоброхотство, послы тѣмъ и ограничились, не желая «съ ними бурмистрами въ вящее дѣло вступить». Этотъ острый инцидентъ прекратился уходомъ Голландцевъ, которые, прощаясь съ Русскими, еще разъ подтвердили имъ, что ничего не знаютъ объ этомъ дѣлѣ, которое «учинено безъ нихъ» [1]).

Наконецъ, $^{15}/_{26}$ Мая пополудни московское посольство окончательно оставило Амстердамъ на присланныхъ Штатами трехъ яхтахъ и двухъ лихтерахъ, особыхъ легкихъ судахъ, которыя статейный списокъ, примѣняясь къ звукамъ русскаго языка, называетъ лехтычками и на кото-

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1290—1295.

рыхъ сложили рухлядь. Приставомъ для сопровожденія ихъ до Бранденбургской границы назначенъ Гофманъ[1]. Отъѣхавъ полмили отъ Амстердама, посольство встрѣтило герцога Де-Кроа (арцухъ Кройскій), австрійскаго генерала, явившагося съ предложеніемъ вступить на русскую службу и рекомендательною грамотою отъ императора. Послы ѣхали каналами на малыхъ яхтахъ до Роттердама, гдѣ они 16 Мая утромъ пересѣли на другія три судна, а рухлядь свою сложили на четвертое, и откуда до Нимвегена продолжали свой путь по болѣе глубокимъ рѣкамъ Маасу и Ваалу. Слѣдуя мимо попутныхъ городовъ тою же дорогою, по которой они прежде пріѣхали въ Голландію, они были привѣтствованы пушечными салютами, по два и по три выстрѣла, смотря по числу пушекъ. 17 Мая вечеромъ они достигли Нимвегена и болѣе сутокъ должны были дожидаться отставшей отъ нихъ яхты съ рухлядью. При приближеніи ихъ къ городу стрѣляли изъ девяти пушекъ[2]. Для въѣзда въ городъ имъ опять пришлось пересѣсть въ болѣе мелкія суда. Пробывъ въ Нимвегенѣ нѣсколько часовъ, они, уже въ каретахъ, проѣхали не болѣе мили и наконецъ достигли Бранденбургской границы, гдѣ коммиссаръ курфюрста Буцлеръ, встрѣтившій ихъ съ пятью каретами и двумя колясками, произнесъ имъ привѣтственную рѣчь. Дальнѣйшее путешествіе посольства, отъ города Клеве чрезъ Германію, Саксонію и Богемію до Вѣны, уже выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.

Подобно послѣднимъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Амстердама, послы не остались довольны Голландцами и при окончательной разлукѣ съ ними на границѣ ихъ страны. Оказалось, что приставленный къ нимъ гофманъ или гофмейстеръ ихъ не кормилъ и не потчивалъ, отговариваясь тѣмъ, что заготовленная провизія за непогодою застряла назади въ окрестностяхъ Роттердама. Вслѣдствіе этого посламъ и всѣмъ посольскимъ людямъ пришлось питаться самимъ и покупать пищу на собственныя деньги. Нераспорядительность Динтера ихъ такъ возмутила, что они немедленно-же, только что переправились чрезъ границу Голландіи, поспѣшили все свое неудовольствіе излить въ грамотѣ, посланной почтою на имя Витцена, которому писали: «что они отъ пристава Статскаго въ пути изрядно подчиваны и такъ довольно кормлены, что если бы его со всѣми, что ихъ съ двадцать съ бабами набрано было, пищею содер-

---

[1] Такъ какъ изъ предъидущаго разсказа мы знаемъ, что для проводовъ Русскихъ Голландцы обѣщали имъ дать того же пристава, который ихъ встрѣчалъ, то не является ли имя Гофманъ не собственнымъ именемъ, а другимъ обозначеніемъ должности Гофмейстера? По Меерману приставомъ Русскихъ все время былъ Динтеръ.

[2] Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1295—1298.

жать, то больше бъ недѣли жити не возмочь; что истинно тебѣ доносимъ, что имъ великимъ посламъ и при нихъ будучимъ людямъ, и всей канцеляріи, и нѣкоторымъ прочимъ нимало довольства не показалъ, что принуждены осмотря сего подчиванія, какъ поѣхали изъ Амстердама, въ Роттердамѣ и въ протчихъ мѣстахъ себѣ купити, въ чемъ вѣрные свидѣтели ихъ же Голландцы Кинціушъ и прочіе, такожде и капитанъ отъ яхты, на которой мы были, зане со благодареніемъ онъ насъ подчивалъ, но самъ не много запасовъ имѣлъ. Пишемъ для того, чтобъ тотъ безумный человѣкъ, написавъ множественные расходы на насъ, самъ не покралъ, что обыклъ уже чинити. И ни единаго человѣка для исправленія корму нашего въ пути при себѣ мы не имѣли»[1].

Этими характерными строками заключимъ мы основанный на статейномъ спискѣ разсказъ о долговременномъ пребываніи русскаго посольства въ предѣлахъ нидерландскаго государства. Обвиненіе Динтера является послѣднею каплею въ горькой чашѣ, которую русскимъ дипломатамъ пришлось испить въ Голландіи вслѣдствіе отказа Штатовъ въ официальной помощи противъ Турокъ и тайнаго участія Голландіи въ примиреніи султана съ римскимъ императоромъ. Но, остались-ли сами Голландцы довольны своими гостями и не пожалѣли-ли тѣхъ расходовъ, къ которымъ ихъ принудили обязанности международнаго гостепріимства? Отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1302—1305.

Глава IX

КОНЕЦЪ БРОШЮРЫ МЕЕРМАНА.

«Имя самого царя, какъ принадлежащаго къ составу своего собственнаго посольства», говоритъ Меерманъ, «не упоминается въ документахъ Генеральныхъ Штатовъ вплоть до 9 Ноября, когда онъ впервые называется въ одномъ требованіи переводчика, приставленнаго къ Петру для исполненія порученій и приказаній какъ самаго его величества царя московскаго, такъ и его посольства. Это назначеніе переводчика состоялось по распоряженію Николая Витцена, амстердамскаго бургомистра, въ то время депутата отъ провинціи Голландіи. Вступивъ еще съ 26 Сентября въ отправленіе своихъ обязанностей, переводчикъ пожелалъ имѣть за свою службу хотя бы неокончательное вознагражденіе, вслѣдствіе чего получилъ 500 флориновъ[1]. Въ тоже время посольство было лишено услугъ четырехъ государственныхъ трубачей, состоявшихъ въ его распоряженіи до 4 Ноября въ теченіи восьмидесяти семи дней; запросивъ за свою службу по 30 су (trente sous) въ день, они были однако удовлетворены лишь въ размѣрѣ 25 су. Кромѣ того при интендантѣ находились еще два правительственные курьера (deux messagers d'état), отправлявшіе свои обязанности съ 10 Августа по 5 Ноября, т. е. 88 дней. Динтеръ продолжалъ требовать денегъ отъ своего прямаго начальства. 11 Ноября, для удовлетворенія нѣкоторыхъ особенно нетерпѣливыхъ подрядчиковъ, онъ обратился съ просьбою о выдачѣ ему 12,000 флориновъ, присланныхъ изъ Фрисландіи въ счетъ общей суммы въ сто тысячъ, которую разныя провинціи Голландіи согласились раздѣлить между собою для покрытія издержекъ на русское посольство. За исключеніемъ трехъ или четырехъ тысячъ

[1]) По всей вѣроятности переводчикъ этотъ былъ тотъ толмачъ фанъ деръ Гульстъ, имя котораго неоднократно встрѣчается въ статейномъ спискѣ и который вслѣдъ за русскимъ посольствомъ уѣхалъ изъ Голландіи въ Москву, гдѣ значится резидентомъ нидерландскаго правительства, начиная съ 1698 г. (Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I, стр. 191).

флориновъ, Динтеръ получилъ требуемую имъ сумму. Затѣмъ, хозяинъ Стараго Гееренъ-ложемента въ Амстердамѣ представилъ большой счетъ, именно въ 36,712 флориновъ и 16 су, за квартиру, прокормленіе и прочія потребности посольства въ его гостинницѣ. Въ этотъ счетъ однако не вошли 889 флориновъ за все то, что по особому требованію Его Величества доставлялось ему на Остиндскую верфь; послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что царь въ продолженіи всего своего пребыванія на верфи получалъ продовольствіе и другіе необходимые предметы изъ той же самой, только что названной амстердамской гостинницы».

«Въ первыхъ числахъ слѣдующаго 1698 года Динтеръ, ссылаясь по прежнимъ примѣрамъ на требованія кредиторовъ, попросилъ наконецъ остальныхъ денегъ, недостающихъ ему до обѣщанной суммы въ 100,000 флориновъ. Тогда ему передали все, что уже было получено изъ провинцій, и обратились къ зеландскимъ и оверейссельскимъ властямъ, замедлявшимъ падавшіе на ихъ долю взносы, съ просьбою о скорѣйшемъ выполненіи ихъ обязательствъ. Три недѣли спустя казенная утварь, послужившая для потребностей русскаго посольства, была обратно перевезена въ государственные склады и выстроенные за старымъ дворомъ балаганы были разобраны. Затѣмъ были сведены счеты съ владѣльцами обоихъ Дуленовъ. Сверхъ условленныхъ 2,400 флориновъ, хозяинъ Стараго Дулена требовалъ вознагражденія за всѣ испорченныя, утерянныя и поломанныя вещи и кромѣ того за два мѣсяца простоя, въ теченіи которыхъ онъ долженъ былъ отказывать въ пріемѣ въ гостинницу всѣмъ прочимъ посѣтителямъ. Мнѣ неизвѣстно, какъ эти требованія были удовлетворены, но за Старый Дуленъ было уплачено едва-ли болѣе того, что было выдано хозяину Новаго, выступившему съ подобнымъ же заявленіемъ, но получившему всего 2,400 флориновъ, считая въ этомъ числѣ и всѣ перечисленные убытки. 28 Февраля бургомистръ Витсенъ въ свою очередь подалъ счетъ о произведенныхъ имъ на московское посольство издержкахъ. За помѣщеніе и пищевое довольствіе, въ теченіи продолжительнаго времени, Его Величества царя (подлинное выраженіе документа) и великаго посольства, на что Витсенъ былъ уполномоченъ самими высокомочными Генеральными Штатами, представитель Амстердама имѣлъ право получить, какъ оказывается, 29,122 флорина и 16 су»[1].

«Лишь въ концѣ Марта (1698 г.) послы стали заявлять о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ изъ Голландіи и поручили Динтеру сообщить

[1]) По всей вѣроятности французскій текстъ брошюры Меермана подъ именемъ су (sou) разумѣетъ голландскую размѣнную монету стейверъ (stujwer), цѣнностью въ 5 центовъ. (См. объ стейверѣ далѣе, въ главѣ X.).

Штатамъ о своемъ предположеніи чрезъ нѣсколько дней отправиться въ путь вслѣдъ за своей свитой и экипажами, которые они хотѣли заранѣе выслать впередъ на Клеве. По поводу этого намѣренія Русскіе высказали свою надежду, что Штаты безъ сомнѣнія примутъ мѣры для сопровожденія ихъ до границъ Голландіи и озаботятся объ ихъ даровомъ путешествіи до тѣхъ мѣстъ. Парламентъ согласился и на это, возложивъ проводы посольства, подобно его первоначальному пріему, на обязанность своего интенданта, но съ соблюденіемъ при этомъ опять таки самой тщательной умѣренности въ издержкахъ. Получивъ свѣдѣніе, что свита и пожитки пословъ должны 5 Апрѣля выѣхать по дорогѣ на Нимвегенъ и Клеве, Динтеръ опять запросилъ на расходы отъ 8 до 10 тысячъ флориновъ, но вмѣсто этихъ денегъ получилъ всего 5,831 флоринъ и 15 су, доставленные изъ провинціи Гронингенъ въ число общей суммы ста тысячъ. 15 Апрѣля онъ уже представилъ Штатамъ краткій отчетъ въ произведенныхъ имъ на посольство издержкахъ и о состояніи находившихся у него денегъ. Однако, распоряженія объ отъѣздѣ Русскихъ еще разъ подверглись измѣненію, вслѣдствіе чего, по указанію самихъ пословъ, Динтеръ донесъ Штатамъ, что русское посольство намѣрено выѣхать изъ Голландіи лишь по возвращеніи Его Царскаго Величества изъ Англіи, куда, какъ мы увидимъ далѣе, тѣмъ временемъ Петръ уѣхалъ и откуда его ежедневно ожидали обратно. Затѣмъ послы просили довезти ихъ до Нимвегена на яхтахъ, а оттуда до границы тѣмъ-же способомъ, какъ они пріѣхали. Оба адмиралтейства, какъ рѣки Мааса, такъ и Амстердамское, получили приказаніе изготовить для этого свои яхты, а второе поскорѣе выслать ихъ до Гоуды, что и было исполнено еще до 28 Апрѣля. 30 числа посламъ было выдано письменное разрѣшеніе на безпошлинный вывозъ моремъ чрезъ Архангельскъ нѣкоторыхъ особо перечисленныхъ предметовъ»[1].

«9 Мая Динтеръ сообщилъ Голландскому правительству о полученномъ имъ наканунѣ отъ бургомистра Витсена письмѣ. Его Величество царь Московскій, стояло въ письмѣ, возвратился въ Амстердамъ вечеромъ 7 Мая и опять приступилъ къ занятіямъ на Остиндской верфи[2],

[1]) Эти предметы состояли въ тѣхъ закупкахъ, списокъ которыхъ мы привели въ текстѣ предъидущей главы (см. выше, стр. 118—119).

[2]) Волонтеры, а съ ними, какъ подтверждается, и Петръ вернулись въ Амстердамъ 27 Апрѣля. Это указаніе статейнаго списка вполнѣ согласуется съ датою, приводимою въ письмѣ Витцена. Устряловъ (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 109) возвращеніе Петра относитъ къ 28 Апрѣля, а въ Юрналѣ путнаго шествія (тамъ-же, приложеніе IX, на стр. 607) подъ 29 Апрѣля помѣчено: «По утру пріѣхали въ Амстердамъ. Изъ Амстердама Десятникъ (то есть Петръ) ѣздилъ съ Францомъ Яковлевичемъ въ Лоу (Loo) и были въ иныхъ городѣхъ; бытности ихъ съ недѣлю».

НИКОЛАЙ ВИТСЕНЪ,
Амстердамскій бургомистръ.

но предполагалъ, вмѣстѣ съ послами, пробыть тамъ лишь нѣсколько дней, причемъ Витсенъ прибавилъ, что о времени ихъ отъѣзда онъ не преминетъ увѣдомить Штаты, какъ только самъ о томъ узнаетъ. Вмѣстѣ съ этими извѣстіями Динтеръ предупреждался объ надеждахъ русскаго посольства быть избавленнымъ отъ всякихъ издержекъ въ продолженіи своего пребыванія въ Амстердамѣ до самого выѣзда изъ города. Интенданту было приказано поспѣшить къ Русскимъ, какъ только срокъ ихъ отъѣзда окончательно выяснится, проводить ихъ до границы и платить за нихъ дорожныя издержки. При ихъ проѣздѣ чрезъ провинціи Голландію и Гельдернъ вторично приняты были мѣры для оказанія имъ должнаго вниманія и подобающихъ почестей. Впрочемъ депутаты Гронингена не хотѣли согласиться на послѣднія мѣры, боясь, что онѣ вовлекутъ ихъ въ новые расходы, превосходящіе уже однажды опредѣленные размѣры и ассигнованную на то сумму въ 100,000 флориновъ. Однако, какъ оказывается въ дѣйствительности, посольство выѣхало изъ предѣловъ республики не ранѣе начала Іюня, такъ какъ четверо государственныхъ трубачей вторично исполняли свои обязанности въ свитѣ пословъ съ 21 Мая по 4 число слѣдующаго мѣсяца. По окончательномъ выѣздѣ Русскихъ изъ Голландіи нѣсколько членовъ Парламента были 5 Іюня назначены для провѣрки отчетности Динтера по всѣмъ, произведеннымъ на московское посольство, расходамъ и для отысканія способовъ покрытія остальныхъ, еще не уплаченныхъ долговъ. Интендантъ поспѣшилъ представить таблицу всѣхъ издержекъ и, по провѣркѣ ея, 14 Іюля члены коммиссіи нашли, что вся сумма доходитъ до 200,000 флориновъ, вслѣдствіе чего Государственному Совѣту было поручено войти съ новымъ представленіемъ о дополнительномъ обложеніи провинцій въ размѣрѣ еще недостающаго на 110,000 флориновъ кредита» [1].

«Я не нахожу необходимости для дальнѣйшаго разсказа», заключаетъ Меерманъ свой разсчетъ стоимости голландскаго гостепріимства, «продолжать пользоваться архивами Генеральныхъ Штатовъ. Изо всего того, что мною до сихъ поръ сказано, можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы. Послѣ продолжительнаго ожиданія, русское посольство первоначально остановилось на цѣлый мѣсяцъ въ Амстердамѣ, затѣмъ другой мѣсяцъ провело въ Гаагѣ и вторично, хотя и безъ офиціальнаго значенія, пре-

---

[1]) Устряловъ, руководствуясь указаніемъ Схельтемы, увѣряетъ, что первые 100,000 флориновъ составляли обычную сумму расходовъ на иностранное посольство и что вторая сотня тысячъ была ассигнована въ виду того, что никогда еще не бывало въ Голландіи такого знатнаго посольства, состоявшаго изъ трехъ вице-королей (т. е. намѣстниковъ, именно: Новгородскаго, Сибирскаго и Болховскаго) и имѣвшаго въ своей свитѣ самого царя (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 71).

бывало въ первомъ городѣ до начала Іюня, слѣдовательно находилось въ предѣлахъ Голландіи всего въ теченіи девяти съ половиною мѣсяцевъ, изъ которыхъ три съ половиною были употреблены царемъ и однимъ или двумя изъ его пословъ на посѣщеніе Англіи» [1]).

Вслѣдъ за этими строками авторъ въ концѣ интересующей насъ французской книжки обращается къ личности самого царя и сообщаетъ намъ свѣдѣнія о его личной дѣятельности въ Голландіи. Хотя эти свѣдѣнія и не входятъ въ предѣлы нашей задачи, но мы рѣшаемся исчерпать нашими выписками всю брошюру Меермана, чтобы этимъ способомъ указать какъ на содержаніе его сочиненія, такъ и на отношеніе его къ трудамъ воспользовавшагося имъ Схельтемы. Это взаимное отношеніе выясняется изъ той таблицы, которая приведена нами въ I главѣ настоящей книги [2]). И такъ вотъ, что пишетъ Меерманъ.

«Выше я имѣлъ случай упомянуть, что составъ посольства, раздѣлившись въ Берлинѣ, прибылъ въ Клеве одною частью своего состава прямо, а другая его часть взяла кружный путь чрезъ Любекъ. Приступая теперь къ болѣе подробному разсказу о самомъ царѣ, я долженъ предположить, что Петръ и сопровождавшіе его семь молодыхъ дворянъ повидимому избрали вторую изъ этихъ дорогъ. Соединившись съ послами у самой голландской границы, Петръ вновь ихъ оставилъ въ Эммерихѣ, откуда не останавливаясь поспѣшилъ въ Амстердамъ, куда по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей онъ пріѣхалъ за двѣ недѣли ранѣе самихъ пословъ. Руководствуясь архивомъ Генеральныхъ Штатовъ, какъ самымъ несомнѣннымъ источникомъ, мы узнаемъ, что амстердамскую свою жизнь Петръ Великій проводилъ частью въ гостинницѣ, называемой Старымъ Гееренъ-ложементомъ, и частью на Остиндской верфи, на которой онъ вторично оставался нѣкоторое время и по возвращеніи своемъ изъ Англіи. Леклеркъ увѣряетъ, что онъ сначала помѣстился въ самомъ зданіи Остиндской кампаніи и лишь оттуда перешелъ на верфь ея адмиралтейства; но это указаніе повидимому ошибочно и авторъ вѣроятно спуталъ два схожіе, но тѣмъ не менѣе различные предмета. Біографія царя, изданная въ 1742 г., сообщаетъ, что при пріѣздѣ царя въ Амстердамъ магистратъ этого города пожелалъ публично засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, но что Петръ на это не согласился и поспѣшилъ въ Саардамъ для ближайшаго ознакомленія съ судостроеніемъ, для чего эта деревня представляла въ то время лучшія средства, чѣмъ другія мѣста.

---

[1]) Meerman, Discours, стр. 49—57.

[2]) См. выше, стр. 15, примѣчаніе.

Третій авторъ[1]) приводитъ слѣдующее указаніе: еще при переѣздѣ въ Саардамъ на лодкѣ и, въ матросской одеждѣ управляя рулемъ, Петръ замѣтилъ недалеко отъ берега рыбака, котораго, какъ онъ припомнилъ, онъ встрѣчалъ еще въ Москвѣ, взошелъ съ нимъ въ его хижину и открылъ ему свое имя, запрещая однако разглашать объ этомъ. Но болѣе достовѣрныя свѣдѣнія находимъ въ предпослѣдней книгѣ изъ числа названныхъ[2]), именно слѣдующія: прибывъ въ Саардамъ съ нѣсколькими молодыми Русскими, Петръ прежде всего направился къ первому встрѣчному трактиру, куда сбѣжалась вся деревня поглазѣть на неизвѣстныхъ иностранцевъ. Царь тотчасъ же заказалъ для себя и для своихъ спутниковъ мѣстную тогдашнюю одежду Ватерландскихъ моряковъ, состоявшую изъ краснаго камзола съ большими пуговицами, изъ короткаго исподняго платья и изъ широкихъ штановъ до колѣнъ (culottes larges). Зная немного по голландски, чему онъ научился еще въ Москвѣ, Петръ сталъ посѣщать верфи и мельницы и изучалъ все, что ему показывали. Въ Саардамѣ его сначала принимали за частнаго человѣка, прибывшаго для изученія разныхъ мѣстныхъ ремеслъ, но въ скоромъ времени письмо, полученное отъ одного саардамскаго уроженца, проживавшаго въ Москвѣ, принесло извѣстіе о томъ, что царь отправился въ Голландію; извѣстіе это нарушило всѣ предосторожности къ сокрытію сана и личности Петра. Тогда захотѣли оказывать ему болѣе знаковъ вниманія, но онъ оборачивался спиною ко всѣмъ, кто обращался къ нему со словомъ Величество или съ другимъ соотвѣтствующимъ титуломъ и требовалъ, чтобы его просто называли мастеромъ Петромъ (maître Pierre); эти два слова въ народномъ говорѣ (Piter-baas) допускаютъ перестановку (inversion). Вооружившись большимъ топоромъ, онъ прежде всего приступилъ къ работамъ на верфи, послушно исполнялъ всѣ приказанія главныхъ работниковъ, изучилъ названія частей корабля до мельчайшихъ подробностей, а равно и названія частей оснастки и ничего не позабылъ, такъ какъ отличался прекрасной памятью[3]). Купивъ небольшой величины судно, называемое буеромъ (boeijer), онъ устроилъ для него переднюю мачту (бугшпритъ), составленную изъ двухъ кусковъ, такъ какъ малый размѣръ лодки не могъ выносить большой тяжести; такое изобрѣтеніе еще не

---

1) Бельгійскій Словарь Кока, Vocabulaire belgique de Kok. (Примѣчаніе Меермана).

2) Меерманъ имѣетъ въ виду сочиненіе Мовильона.

3) Ср. эти подробности съ разсказомъ Устрялова, который собралъ по возможности всѣ свѣдѣнія о пребываніи Петра въ Саардамѣ, гдѣ онъ прожилъ однако не болѣе недѣли. Съ пріѣздомъ 16 Августа русскаго посольства, царь снова съ нимъ соединился, переѣхавъ изъ Саардама въ Амстердамъ. (См. Исторію Петра Великаго, т. III, гл. III, Петръ въ Голландіи и особенно стр. 61—76 и далѣе).

было въ то время извѣстно. Ежедневно онъ пользовался этой покупкой, чтобы плавать на парусахъ въ Амстердамъ, гдѣ, по свидѣтельству того же автора, вблизи адмиралтейской верфи онъ нанялъ цѣлый домъ у мѣщанина (une maison bourgeoise), въ которомъ сколотилъ деревянную постель и купальню (bain). Послѣднюю еще показывали посѣтителямъ въ эпоху названнаго сочинителя[1], а Морери, въ своемъ Историческомъ Словарѣ, прибавляетъ, что Петръ самъ готовилъ себѣ пищу, когда хозяйка его уходила изъ дома. Съ тѣхъ поръ домъ этотъ получилъ названіе Форстенбюрга, то есть Принцева дворца. Проживая тамъ, онъ подымался съ самаго ранняго утра, работалъ на верфи, какъ простой плотникъ-ученикъ, и подъ именемъ мастера Петра внесъ себя въ списки плотниковъ при Остиндской кампаніи. Наконецъ, чтобъ покончить съ приводимыми изъ той-же книги данными, упомянемъ, что изъ числа всѣхъ Русскихъ, которые были при царѣ, лишь одинъ князь Сибирскій оказалъ нѣкоторые успѣхи въ судостроеніи и мореплаваніи, всѣ же прочіе ничему не научились, а самъ Петръ преуспѣлъ въ томъ и другомъ дѣлѣ наравнѣ съ коренными жителями Амстердама. Однако, не смотря на степень прилежанія этого государя и его пристрастія къ указаннымъ ремесламъ, я все таки затрудняюсь повѣрить послѣднему свидѣтельству въ виду сравнительно непродолжительнаго пребыванія царя на двухъ вышеназванныхъ верфяхъ (т. е. въ Амстердамѣ и въ Саардамѣ)».

«По словамъ Леклерка, въ Саардамѣ Петръ не только ограничился практическимъ изученіемъ всѣхъ подробностей судостроенія, но работалъ еще въ мастерскихъ кузнечныхъ, парусныхъ и канатныхъ, на мельницахъ мукомольныхъ, лѣсопильныхъ, маслобойныхъ и выдѣлывающихъ бумагу. Онъ былъ также по видимому записанъ въ спискахъ жителей этой деревни подъ именемъ Петра или Петра Михайлова. Ничто ему такъ не нравилось, какъ получать самыя простыя приказанія, по примѣру прочихъ рабочихъ, и самое подробное наставленіе было ему всегда особенно пріятно. Первый въ работѣ, послѣдній при уходѣ съ верфи, онъ находилъ развлеченіе лишь въ одномъ разнообразіи своихъ занятій».

«Правда, что отъѣздъ Петра въ Гаагу, куда онъ отправился вмѣстѣ съ русскими послами, нѣсколько нарушилъ ходъ его работъ, продолжавшихся не болѣе пяти или шести недѣль. Но въ концѣ Октября онъ опять ихъ возобновилъ и уже не прекращалъ до своей поѣздки въ Англію въ Январѣ слѣдующаго года. Тогда онъ закончилъ постройку шестиде-

---

[1]) Т. е. Мовильона.

сяти-пушечнаго корабля, надъ которымъ работалъ вмѣстѣ съ другими Русскими, причемъ распоряжался лично и вполнѣ самостоятельно. Кораблю этому Петръ далъ имя Святыхъ Петра и Павла и отправилъ его въ Архангельскъ, какъ въ единственную русскую гавань, имѣвшую въ то время прямое морское сообщеніе съ океаномъ»[1]).

«Довольно странно, что Вагенаръ, авторъ знаменитой исторіи Голландіи[2]), вовсе не упоминаетъ объ имени Саардама въ своемъ, впрочемъ краткомъ и во многихъ отношеніяхъ поверхностномъ, разсказѣ о путешествіи Петра Великаго по Нидерландамъ. Всѣ прочіе вышеназванные писатели говорятъ о почти что ежедневныхъ переѣздахъ царя изъ Саардама въ Амстердамъ и обратно, что служитъ достаточнымъ доказательствомъ его непостояннаго пребыванія то въ томъ, то въ другомъ изъ этихъ обоихъ центровъ (ces deux grands théatres) кораблестроенія, по крайней мѣрѣ до времени его отъѣзда въ Гаагу; несомнѣнно также, что онъ пользовался особыми помѣщеніями для жительства, какъ въ Саардамѣ, такъ и въ Амстердамѣ[3]). Сверхъ того, даже признавая баснею исторію письма изъ Москвы, нельзя сомнѣваться, что строгое инкогнито царя могло быть соблюдено лишь въ первые дни послѣ его пріѣзда и не далѣе того времени, когда его посольство соединилось съ нимъ въ Амстердамѣ».

«Какъ только оно тамъ появилось, царь сталъ безпрестанно сообщаться съ своими послами, принимать вмѣстѣ съ ними участіе въ угощеніяхъ и увеселеніяхъ, которыя въ честь ихъ устраивались магистратомъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ возвращаться къ своимъ личнымъ, гораздо болѣе важнымъ, занятіямъ. Помимо изученія всѣхъ тѣхъ ремеслъ, которыя я выше перечислилъ, Петръ въ тоже время упражнялся въ анатоміи у знаменитаго Рейша (Ruisch) и подъ руководствомъ другихъ лицъ выучился самымъ необходимымъ и обыкновеннымъ пріемамъ хирургическихъ операцій. Съ особеннымъ любопытствомъ осмотрѣлъ онъ обширный естественно-историческій кабинетъ Витсена, въ тоже время пристрастился къ математическимъ и физическимъ наукамъ и сверхъ всего полюбилъ исправлять географическіе чертежи, страдавшіе въ то время большими недостатками. На одной частной картѣ онъ начерталъ даже свои пред-

---

1) Извѣстіе это, подтверждаемое Голиковымъ, опровергается Устряловымъ (Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 87—89), который увѣряетъ, что построенный Петромъ корабль никогда не былъ посланъ въ Россію и остался собственностію Остиндской компаніи.

2) О Вагенарѣ и его сочиненіи, см. примѣчаніе 1 на стр. 20.

3) Всѣ иностранцы посѣщаютъ Саардамскій домикъ. Въ 1809 г. правительство намѣревалось его купить, чтобы сохранить на всегда. (Примѣчаніе Меермана). Устряловъ (Исторія Петра Великаго, т. III, примѣч. 5, на стр. 399—400) излагаетъ исторію этого домика, составляющаго нынѣ собственность Россіи.

положенія о соединеніи Чернаго и Каспійскаго морей; осуществленіе этого намѣренія уже было имъ поручено нѣмецкому инженеру Брекслю (или Бракелю), а самъ онъ тѣмъ временемъ уже замышлялъ гораздо болѣе трудное дѣло соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ».

«Я имѣлъ уже случай неоднократно упоминать въ настоящемъ трудѣ о бургомистрѣ Николаѣ Витсенѣ, хотя и принадлежавшемъ тогда въ качествѣ депутата къ составу нидерландскаго Парламента, но повидимому подолгу проживавшемъ въ Амстердамѣ, гдѣ оказывалъ значительныя услуги царю, который съ своей стороны часто навѣщалъ его и относился къ нему съ отмѣннымъ расположеніемъ. Витсенъ въ дѣйствительности не только отличался знатностью происхожденія и значительнымъ богатствомъ, благодаря чему прошелъ высшія правительственныя должности и даже, за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, ѣздилъ въ Англію во главѣ посольства, отправленнаго для принесенія королю Вильгельму поздравленія со вступленіемъ на престолъ; но сверхъ того онъ еще съ молодыхъ лѣтъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ покровителей наукъ и искусствъ, въ особенности, когда такое покровительство могло способствовать благосостоянію и славѣ его отечества, доказательствомъ чему служитъ изданная имъ въ 1671 году книга о древнемъ и новомъ судостроеніи и мореплаваніи (Construction et Direction navale ancienne et moderne[1]). Еще въ молодости онъ принималъ участіе въ голландскомъ посольствѣ, отправленномъ въ Россію, и имѣлъ случай представиться царю Алексѣю Михайловичу, отцу Петра Великаго. Войдя во время этого путешествія въ переписку съ Армянами, Персіянами, Турками, Татарами, Грузинами и другими иноплеменниками, онъ воспользовался своими сношеніями и пріобрѣтеннымъ посредствомъ ихъ свѣдѣніями для того, чтобы составить карту сѣверной и восточной Татаріи, посвященную имъ Петру и изданную въ 1692 году вмѣстѣ съ описаніемъ указанныхъ странъ. Всѣ эти достоинства могли только содѣйствовать къ укрѣпленію близкихъ отношеній между царемъ и такой личностью, какъ Витсенъ, который также со страстью стремился обогощать себя познаніями, тратилъ большія деньги на посылку во всѣ страны опытныхъ людей съ цѣлію собиранія повсюду всевозможныхъ рѣдкостей, снаряжалъ корабли для развитія торговли и даже для открытія неизвѣстныхъ еще странъ и, наконецъ, ничего не жалѣлъ для поощренія и процвѣтанія художествъ и искусствъ, которыя самъ Петръ цѣнилъ не менѣе,

---

[1]) Книга эта появилась въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ Aeloude en hedendaegsche Scheepsbouw en Bestier, то есть: Судостроеніе и управленіе кораблей въ древности и въ наше время.

чѣмъ многія науки. Сообщество такого умнаго и опытнаго представителя магистратуры могло лишь послужить московскому государю средствомъ къ развитію въ его собственномъ умѣ новыхъ, многочисленныхъ и дотолѣ ему неизвѣстныхъ, мыслей по физикѣ, естественной исторіи и по другимъ безчисленнымъ научнымъ предметамъ» [1]).

«Впрочемъ, не смотря на дружбу, Петръ имѣлъ случай отказать Витсену въ одной его просьбѣ, именно слѣдующей. Амстердамскіе Евреи поручили своему бургомистру ходатайствовать за нихъ предъ царемъ объ отмѣнѣ стариннаго русскаго закона, который запрещалъ ихъ единовѣрцамъ доступъ въ предѣлы московскаго государства. Прошеніе это подкрѣплялось цѣлымъ рядомъ соображеній, направленныхъ къ пользѣ самой Россіи; главный же и самый дѣйствительный, по ихъ мнѣнію, доводъ состоялъ въ немедленномъ дарѣ ста тысячъ флориновъ, который Евреи готовы были предложить царю, какъ первое доказательство ихъ признательности. Витсенъ не только взялъ на себя передачу этого ходатайства, но даже, поддерживая Евреевъ, вошелъ съ царемъ въ подробное обсужденіе всѣхъ основаній ихъ просьбы. Петръ терпѣливо выслушалъ всю рѣчь бургомистра и въ концѣ концовъ съ улыбкою далъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Господинъ Витсенъ, вы знаете жидовъ, вы знаете образъ мыслей моего народа. И я также знаю и тѣхъ, и другихъ. Въ разсужденіи первыхъ еще не время позволить жидамъ селиться и жить въ предѣлахъ моего государства. Скажите имъ моимъ именемъ, что я благодарю ихъ за ихъ предложеніе, но я сталъ бы сожалѣть о нихъ, если бы они поселились въ Россіи, ибо хотя и думаютъ о нихъ, что они въ торговлѣ весь свѣтъ обманываютъ, однако-жъ я опасаюсь, что они у моихъ Россіянъ не много бы выторговали» [2]).

«Пріѣхавъ въ Лейденъ, Петръ послалъ къ знаменитому Бургафену (Boerhaven) узнать часъ, который этотъ ученый пожелаетъ назначить для осмотра царемъ ботаническаго сада при академіи. Въ отвѣтъ на это названный врачъ попросилъ знатнаго иностранца указать угодное для него самого время, вслѣдствіе чего Петръ выбралъ шесть часовъ утра

---

[1]) Въ 1881—1882 гг. въ Утрехтѣ вышла въ свѣтъ біографія Витсена, написанная Гебгардомъ (I. F. Gebhard junior) въ отвѣтъ на заданную тему и получившая золотую премію отъ Утрехтскаго Общества Искусствъ и Наукъ. Книга эта озаглавлена: Жизнеописаніе г. Николая Корнельевича Витсена, 1641—1717 (Het Leven van Mr. Nicolaas Corneliszoon Witsen). Біографія составляетъ первый томъ этого сочиненія, во второмъ собраны архивные и другіе матеріалы.

[2]) Штелинъ, Анекдоты о Петрѣ Великомъ. (Примѣчаніе Меермана). Русскій переводъ отвѣта Петра Витсену мы приводимъ въ изложеніи Штелина, почти тождественномъ съ текстомъ, сообщаемымъ Меерманомъ. (См. Штелина, Собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, Москва 1801 г., ч. I, стр. 51, подъ № 22; первое изданіе по-русски С.-Пб. 1786). Текстъ Меермана не вполнѣ согласенъ съ французскимъ изданіемъ 1787 года въ Страсбургѣ и вѣроятно заимствованъ изъ нѣмецкаго подлинника.

слѣдующаго дня и явился даже за нѣсколько минутъ ранѣе условленнаго срока. Пожелавъ однако прежде осмотра растеній посѣтить анатомическій театръ[1], царь долгое время съ прикованнымъ взглядомъ стоялъ надъ трупомъ съ обнаженными и налитыми скипидаромъ мускулами. Увидѣвъ вдругъ, что нѣкоторые изъ его русскихъ спутниковъ почувствовали отвращеніе къ такому противному предмету, онъ приказалъ каждому изъ нихъ зубами оторвать по мускулу отъ этого мертваго тѣла и посовѣтовалъ имъ постараться пріучить себя къ такимъ вещамъ, которыя могли-бы совершенно некстати казаться имъ противными»[2].

Затѣмъ, разсказавъ о двухъ свиданіяхъ Петра съ королемъ Вильгельмомъ англійскимъ, состоявшихся въ Утрехтѣ и въ Гаагѣ, о которыхъ мы уже имѣли случай упомянуть, Меерманъ слѣдующими словами заключаетъ разсказъ о пребываніи Петра въ Голландіи.

«Въ *Рисвикѣ* (sic)[3] царь получилъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной 11 Августа его полководцемъ Шеинымъ надъ Турками, пришедшими на помощь Крымскимъ и другимъ Татарамъ съ цѣлью возвратить себѣ обладаніе Азовомъ. Находясь въ Голландіи, Петръ не только подписалъ многія важныя распоряженія, касавшіяся его государства, но даже будучи въ Саардамѣ издалъ повелѣніе объ отправленіи тридцати-тысячнаго войска въ Польшу для поддержки сторонниковъ Августа»[4].

Брошюра Меермана не оканчивается однако отъѣздомъ русскаго посольства изъ Голландіи. Увлекшись личностью Петра Великаго, авторъ ея затрогиваетъ пребываніе царя и въ Англіи, останавливается на выясненіи особенно выдающихся чертъ характера этого великаго человѣка и доводитъ въ краткомъ изложеніи описаніе путешествія Русскихъ до ихъ возвращенія въ Россію. Всѣ эти факты намъ разъяснены изслѣдованіями русскихъ историковъ и біографовъ Петра. Но, такъ какъ мы уже вполнѣ воспользовались разсказомъ Меермана въ предъидущемъ нашемъ изложеніи, то мы рѣшаемся выписать здѣсь и послѣднія страницы его сочиненія, чтобы такимъ образомъ до конца изчерпать свѣдѣнія, сообщаемыя этимъ малоизвѣстнымъ источникомъ и тѣмъ облегчить читателямъ знакомство съ рѣдкою французскою брошюрою, послужившею поводомъ къ настоящему труду.

---

[1] Въ описаніи возвратнаго пути изъ Англіи, въ Юрналѣ 206 (1698) года подъ 28 Апрѣля значится: «Проѣхали городъ Лейденъ и были въ Академіи и въ Анатоміи». (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. III, приложеніе IX, стр. 607).

[2] Meerman. Discours, стр. 57—69.

[3] О посѣщеніи Рейсвика русскимъ посольствомъ статейный списокъ нигдѣ не упоминаетъ.

[4] Meerman, Discours, стр. 71—72.

«Мои задачи», объясняетъ Мееманъ, «не позволяютъ мнѣ остановиться на поѣздкѣ царя въ Англію съ такими-же подробностями, съ какими я изложилъ его пребываніе въ Голландіи. Четыре мѣсяца, которые онъ провелъ въ королевствѣ, во многомъ напоминаютъ образъ жизни, усвоенный имъ въ предѣлахъ Нидерландской республики. Онъ также промѣнялъ предоставленный ему въ Лондонѣ Іоркскій дворецъ (Iorkbuildings) на простую хижину въ сосѣдствѣ Дептфортской верфи, на которой онъ опять принялся за ремесло плотника. Онъ осматривалъ всѣ достопримѣчательности, пріобрѣлъ всѣ любопытныя для него модели, вошелъ въ сношеніе съ даровитыми людьми, съ которыми встрѣчался, въ особенности съ тѣми, кто раздѣлялъ его вкусы, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ польщенъ всѣми возможными почестями при дворѣ короля Вильгельма».

«Въ предъидущемъ разсказѣ я не могъ избѣжать похвалъ такому замѣчательному путешественнику, но требованія истины заставляютъ меня не умолчать и о болѣе строгомъ, хотя отчасти и опровергнутомъ событіями отзывѣ о Петрѣ, приведенномъ въ появившейся почти въ тоже время Современной Исторіи (History of his own times) ея авторомъ, знаменитымъ Бёрнетомъ (Burnet[1]). Вотъ, что онъ пишетъ: «Король и главнѣйшіе представители духовенства поручили мнѣ по этому «поводу (именно при посѣщеніи церковныхъ учрежденій) находиться при «царѣ и давать ему объясненія по предметамъ нашего вѣроисповѣданія. «Переводчики у меня были хорошіе и я могъ безъ затрудненія разго- «варивать съ нимъ. Это человѣкъ крайне вспыльчивый, способный «приходить въ изступленіе отъ малѣйшей бездѣлицы и тогда послушный «лишь своимъ страстямъ. Эти вспышки гнѣва достигаютъ тѣмъ боль- «шихъ крайностей, что онъ страдаетъ пристрастіемъ къ водкѣ и прочимъ «спиртнымъ напиткамъ, увлеченіе которыми онъ при помощи большихъ «усилій старается однако побѣдить въ себѣ. Онъ подверженъ непроиз- «вольнымъ движеніямъ мускуловъ и весьма вѣроятно, что вслѣдствіе «этого онъ постоянно наклоняетъ голову книзу и на его лицѣ появляются «судорожныя подергиванья. Въ немъ нельзя отрицать геніальныхъ спо- «собностей, а его познанія превышаютъ ожиданія, соединяемыя съ по- «нятіемъ о государѣ, воспитанномъ такъ жестоко и такъ невѣжественно «(une éducation aussi féroce et barbare). Слишкомъ часто и слишкомъ «рѣзко въ немъ замѣтны недостатокъ сужденія и извѣстная доля не-

[1]) Отзывъ о Петрѣ Великомъ, приводимый Меерманомъ, находится во второмъ томѣ книги Бернета, на страницахъ 221—222. (Ср. выше, стр. 19, примѣч. 4).

постоянства въ характерѣ. Ему рѣшительно нравится механика и природа повидимому назначила ему скорѣе судьбу хорошаго плотника, чѣмъ великаго государя. Самое большое удовольствіе ему доставляетъ собственноручная черная работа и занятія надъ чертежами кораблей. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ намѣреніи собрать при Азовѣ большой флотъ и напасть съ нимъ на Турокъ, но мнѣ казалось, что онъ не въ состояніи исполнить такое важное предпріятіе. Впрочемъ его дѣйствія въ послѣдующихъ войнахъ заставили признать, что онъ оказался болѣе способнымъ и даровитымъ, чѣмъ я могъ предполагать. Онъ очень желалъ познакомиться съ догматами нашего вѣроисповѣданія, но, какъ мнѣ показалось, онъ вовсе не былъ намѣренъ приступить къ перемѣнѣ религіи въ своемъ государствѣ. Вся задача его ограничивалась внесеніемъ цивилизаціи въ Россію, привлекая въ нее иностранцевъ и отправляя дворянъ путешествовать, но онъ всегда опасался козней les intrigues своей сестры. Дурное расположеніе его духа humeur выражается въ смѣшеніи гнѣва и жестокости. Онъ очень храбръ, но мало свѣдущъ въ военномъ искусствѣ и повидимому даже пренебрегаетъ познаніями въ этомъ дѣлѣ. По окончаніи моей продолжительной бесѣды съ нимъ я не могъ достаточно выразить моего недоумѣнія предъ неисповѣдимыми путями Провидѣнія, которое допустило возвышеніе такого необузданнаго violent человѣка до столь высокой степени могущества и власти надъ такой значительной частью свѣта»[1].

Король поднесъ своему гостю многіе подарки и въ числѣ ихъ яхту подъ названіемъ Королевскій транспортъ Transport Royal, нѣчто въ родѣ 24-пушечнаго фрегата, на которомъ Вильгельмъ во время войны обыкновенно совершалъ свои поѣздки по Голландіи. На это судно Петръ посадилъ людей, опытныхъ въ разныхъ спеціальностяхъ gens habiles en tout genre, принятыхъ имъ въ Англіи на свою службу, въ особенности двухъ знаменитыхъ математиковъ и многочисленныхъ морскихъ офицеровъ, и отправилъ ихъ моремъ сперва въ Голландію, а оттуда въ Архангельскъ. Подобнымъ-же способомъ онъ нанялъ въ Амстердамѣ многихъ способныхъ и дѣльныхъ людей hommes de mérite et de genie, въ числѣ которыхъ были бѣглецы изъ Франціи, Швейцарцы и Нѣмцы; этой второй партіи онъ приказалъ ѣхать чрезъ Нарву, хотя этотъ городъ еще находился тогда подъ властью шведскаго короля. Наконецъ, онъ отправилъ въ нѣсколько пріемовъ еще другихъ ремесленниковъ, которыхъ послалъ прямо въ Москву».

[1] Устряловъ Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 400, примѣч. 6 называетъ этотъ отзывъ англійскаго епископа невѣрнымъ и пристрастнымъ. Ср. выше, стр. 19.

«Какъ я уже выше упомянулъ [1], флотъ адмирала Митчеля доставилъ Петра въ началѣ Мая обратно въ Голландію; по указанію нѣкоторыхъ писателей царь совершилъ этотъ путь на той самой яхтѣ Transport Royal, о которой я только что говорилъ. Съ 7 Мая, когда онъ вернулся въ Амстердамъ, прошло еще около четырехъ недѣль до времени его выѣзда изъ предѣловъ Нидерландской республики. Посольство, въ составѣ котораго онъ продолжалъ свой путь, отправилось прямо въ Вѣну, куда прибыло уже 25 Іюня. Императоръ Леопольдъ принялъ царя со всевозможной пышностью и сердечностью (avec la pompe et la cordialité imaginables). Выполнивъ политическія цѣли, вызвавшія его поѣздку въ Вѣну, Петръ предполагалъ отправиться оттуда въ Италію. Но извѣстіе о новомъ мятежѣ, болѣе грозномъ, чѣмъ два предъидущіе, возбужденномъ происками его сестры и враждою бояръ и стрѣльцовъ, заставило его поспѣшить возвращеніемъ въ Россію. Разставшись съ своимъ посольствомъ и взявъ съ собой лишь Лефорта, Головина и Меньшикова, онъ въ двѣ недѣли успѣлъ доѣхать до Москвы, сдѣлавъ лишь одну остановку въ Польшѣ для свиданія съ королемъ Августомъ. Послѣ продолжавшагося около 18 мѣсяцевъ отсутствія, 4 Сентября онъ вновь вступилъ въ свою столицу, гдѣ бунтъ къ тому времени уже былъ подавленъ благодаря разумнымъ мѣрамъ, принятымъ Гордономъ. Къ сожалѣнію, казнь виновныхъ была отложена до пріѣзда царя. Но я предпочитаю не продолжать далѣе разсказа, выходящаго изъ предѣловъ моей задачи, о такихъ событіяхъ, которыя заставятъ меня прибѣгнуть къ печальной обязанности подтвердить возводимыя Бернетомъ на Петра обвиненія въ жестокости. Я скорѣе долженъ пожалѣть о невозможности изложить здѣсь плоды пребыванія царя въ Голландіи и благія послѣдствія его перваго путешествія за границу, трояко отразившіяся въ Россіи, именно: на ея цивилизаціи, на созданіи ея морской силы и на распространеніи предѣловъ ея владычества» [2].

---

[1]) См. выше, стр. 116.

[2]) Meerman, Discours, стр. 73—79.

Глава X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ и ВЫВОДЫ.

Мы закончили нашъ разсказъ о посѣщеніи Голландіи въ 1697—1698 гг. русскимъ посольствомъ. Мы можемъ подвести итоги выдающагося по своимъ условіямъ путешествія Петра Великаго за границу. Намъ слѣдовало бы, можетъ быть, выяснить государственные результаты этой затѣи преобразователя Россіи, то есть остановиться на такихъ вопросахъ, которые касаются политической исторіи страны. Но мы не можемъ считать себя призванными касаться такой обширной задачи во всей ея полнотѣ, тѣмъ болѣе, что даже выдающіеся русскіе ея изслѣдователи, въ лицѣ представителей двухъ противоположныхъ лагерей Славянофиловъ и Западниковъ, до сихъ поръ не могли окончательно и безспорно опредѣлить характеръ послѣдствій Петровскихъ реформъ на судьбы Россіи и русскаго народа. Наша цѣль гораздо ограниченнѣе и скромнѣе. Мы хотимъ воспользоваться собраннымъ нами матеріаломъ лишь для того, чтобы указать будущимъ историкамъ русской культуры, будущимъ изслѣдователямъ условій цивилизаціи въ Россіи, на ту богатую почву, которая представляется для картины быта нашего отечества въ подробностяхъ дипломатическихъ сношеній съ государствами западной Европы. Исторія этихъ сношеній извѣстна намъ лишь въ видѣ печатныхъ сборниковъ документальныхъ матеріаловъ, но далеко еще не разработана ни съ политической стороны, ни въ особенности съ культурно-бытовой. А въ этомъ послѣднемъ отношеніи документы Посольскаго Приказа являются источникомъ драгоцѣннымъ и крайне богатымъ, ярко рисующимъ всѣ различія между складомъ московскаго государства и общественнымъ строемъ западной Европы.

Условія, при которыхъ Петръ Великій совершалъ свое первое путешествіе за границу, вырабатывались въ теченіе весьма долгаго времени, явились плодомъ и слѣдствіемъ цѣлаго ряда предшествующихъ явленій.

Въ концѣ XVII вѣка Россія и Европа смотрѣли другъ на друга чрезъ тѣ очки, въ шлифовкѣ которыхъ Посольскій Приказъ принималъ участіе въ теченіе болѣе ста лѣтъ. Характеръ взаимныхъ отношеній Запада и Востока Европы объясняется рѣзкими различіями въ развитіи и образованіи московскаго государства сравнительно съ происхожденіемъ и жизнью западно-европейскихъ странъ. Здѣсь колыбелью служили татарскія и византійскія преданія, тамъ — осколки греко-римской цивилизаціи. Вотъ, почему для уразумѣнія настоящаго смысла тѣхъ впечатлѣній, которыя Петръ Великій и его посольство испытали въ Голландіи и произвели тамъ, намъ необходимо коснуться, хотя бы въ бѣгломъ очеркѣ, характера предшествовавшихъ сношеній Россіи съ западною Европой. Въ предъидущихъ главахъ намъ неоднократно случалось упоминать о дипломатическихъ традиціяхъ и о рутинныхъ пріемахъ Посольскаго Приказа; употребляя эти выраженія, мы имѣли въ виду такія явленія, которыя намъ теперь слѣдуетъ опредѣлить точнѣе съ цѣлію выясненія ихъ значенія для нашихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи Соловьевъ въ своей Исторіи щедрою рукою разсыпалъ намъ достаточно богатый матеріалъ, которымъ мы постараемся по возможности воспользоваться. Съ другой стороны мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на издержкахъ русскаго посольства 1697—1698 годовъ, чтобы обратить вниманіе читателей на размѣры употребленныхъ для того средствъ. Къ счастію, IX томъ Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній сохранилъ намъ любопытныя данныя о стоимости посольства и о его расходахъ.

Мы уже имѣли случай вскользь указать на ту эпоху, съ которой собственно начинается дѣятельность Посольскаго Приказа, именно на половину XVI столѣтія[1]. Можно поэтому безъ ошибки признать, что характеръ международныхъ сношеній и офиціальные дипломатическіе пріемы опредѣлились, развились и окончательно установились въ древней Россіи въ небольшой сравнительно періодъ времени 150 лѣтъ. Этого періода вполнѣ впрочемъ достаточно для созданія не только рутины, но даже и косности. Историческія условія, при которыхъ образовалось московское государство, а равно и первоначальная наша отчужденность отъ западной Европы наложили совершенно особый отпечатокъ на исходную точку и основной характеръ международныхъ сношеній древней Руси. Эти историческія условія рѣзко отразились и на послѣдующихъ судьбахъ русской дипломатіи. Корни ея скрываются во тьмѣ тѣхъ вѣковъ, когда Іоаннъ Калита и его ближайшіе преемники съ одной стороны собирали Русь, а

---

[1]) См. выше, стр. 3, примѣчаніе.

съ другой отстаивали ея существованіе отъ посягательства Татаръ. Мы не будемъ касаться здѣсь подробностей этой эпохи, онѣ достаточно извѣстны. Намъ необходимо остановиться на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что школа, которая легла въ основаніе международныхъ сношеній Москвы, была школою крайне грубою и тяжелою. Почвою для этой школы служили отношенія Руси къ ея насильникамъ, къ Татарамъ, Крымцамъ, Литвѣ. Сосѣдство съ Востокомъ отразилось и на характерѣ дипломатіи: для достиженія желаемаго съ дикими народами приходилось или употреблять грубую силу, или хитрить, клянчить, унижаться; предвидѣніе въ будущемъ выгодъ заставляло временно забывать свое достоинство; для полученія бо́льшаго слѣдовало жертвовать меньшимъ; страхъ передъ могуществомъ враговъ пріучалъ къ скрытности передъ ними, а ихъ корыстолюбіе и алчность облегчали подкупы и развивали ихъ въ постоянное и несомнѣнное для достиженія цѣлей средство. Прямою задачею древнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ было шагъ за шагомъ отстаивать возвышавшееся мало по малу политическое значеніе и паралельно разроставшуюся независимость сперва московскаго великаго князя, а затѣмъ и московскаго самодержавнаго царя. Когда задача эта стала приближаться къ своему разрѣшенію, когда Россія наконецъ освободилась отъ татарскаго владычества и Іоаннъ III женился на Софіи Палеологъ, тогда пріемы русской дипломатіи освѣжились новою, византійскою струею, но струя эта была также полувосточнаго происхожденія: Византійская имперія пала отъ народовъ, близкихъ по племени къ Татарамъ, владычествовавшимъ на Руси. Однако византійскія преданія отличались отъ пріемовъ русской дипломатіи тѣмъ, что въ нихъ жила память о свѣтломъ прошломъ и память эта отразилась надеждами на третій Римъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ на характеръ первыхъ сношеній московскаго государства съ западною Европою главнымъ образомъ повліяли съ одной стороны отношенія Русскихъ къ Татарамъ, какъ побѣжденныхъ къ покорителямъ, а съ другой воспоминанія о прежнемъ блескѣ Восточной Римской Имперіи, изгнанныя изъ Стамбула и нашедшія въ Москвѣ пріютъ и новую почву для мечты о возстановленіи прошлаго. Когда Посольскій Приказъ былъ учрежденъ, то задача его опредѣлилась самими обстоятельствами, именно отстаивать на Западѣ то новое положеніе, которое Русь пріобрѣла на Востокѣ благодаря побѣдамъ надъ своими прежними поработителями; обезпечить московскому царю и въ Европѣ то значеніе, которое уже признали за нимъ народы Азіи, и тотъ яркій блескъ могущества, который завѣщала ему Византія. Этими соображеніями объясняются въ своихъ подробностяхъ тѣ частныя цѣли, которыя русская

дипломатія стала преслѣдовать въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ западною Европою и которыя руководили направленіемъ дѣятельности Посольскаго Приказа почти во все время его существованія, то есть до эпохи Петра Великаго. Хотя слѣды случайныхъ связей Москвы съ западной Европой замѣтны еще въ эпоху Іоанна III и даже ранѣе, но начало постоянныхъ взаимныхъ сношеній между ними должно быть отнесено ко времени царствованія Грознаго. Первоначальный характеръ этихъ сношеній нѣсколько напоминаетъ собою способъ насильственнаго вторженія непрошенныхъ гостей въ чужую среду, которая привыкла считать Русь какою то дикою, невѣдомою, хотя и могущественною страною. Не только средневѣковые писатели, но даже географы XVII вѣка не имѣли точнаго и яснаго представленія о Московіи, смѣшивали ее съ азіатскими странами, Монголіей и Татаріей и на картахъ указывали ей мѣсто гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ миѳическими Гогами и Магогами, по преданію загнанными еще Александромъ Македонскимъ за неприступныя Гиперборейскія горы далекаго крайняго Сѣвера. А между тѣмъ уже въ XVI вѣкѣ Россія являлась державою, поборовшею Востокъ и начинавшею угрожать уже и Западу. Московскій царь сосредоточивалъ, воплощалъ въ своемъ лицѣ новую силу, развившуюся изподтишка, благодаря своему отдаленію, своей отчужденности отъ остальной Европы. Значеніе этой новой государственной силы выражалось въ самодержавныхъ аттрибутахъ ея обладателя, который стремился распространить свой авторитетъ не только между непосредственными сосѣдями, но и за предѣлами ихъ владѣній, даже въ отдаленныхъ странахъ Запада. Средствомъ для этого было внушеніе уваженія къ имени и достоинству московскаго царя. Главнѣйшую свою заботу и прямую задачу Посольскій Приказъ полагалъ въ установленіи за границею правильныхъ понятій о могуществѣ и значеніи Руси въ лицѣ ея единственнаго и полнѣйшаго представителя. Государская честь, государское именованіе не должны были подвергаться ни въ какомъ случаѣ ни умаленію, ни ущербу. Основныя правила русскихъ дипломатовъ опредѣлялись афоризмами въ родѣ слѣдующихъ: «Самое большое дѣло государскую честь остерегать; за государскую честь должно намъ всѣмъ умереть; прежде всего нужно оберегать государское именованіе; начальное и главное дѣло государей чести остерегать» [1]. Малѣйшее посягательство на эту честь, на это именованіе требовало твердаго и немедленнаго отпора. Въ грамотѣ къ царю Ѳеодору Ивановичу шведскій король Іоаннъ имѣлъ

[1] Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 1224, 1230; т. X, стр. 1646.

случай упрекнуть Ивана Грознаго за то, что онъ «владѣлъ своею землею и поданными своими немилостиво, съ кровопролитіемъ, и сосѣдъ онъ былъ лихой и безпокойный». Ѳеодоръ не могъ не обидѣться за оскорбленіе памяти отца и въ отвѣтѣ своемъ писалъ: «На гонцовъ, которые съ такими укорительными словами пріѣзжаютъ, вездѣ опалы кладутъ. Въ грамотѣ написаны укоры нашему отцу, чего нигдѣ не слыхано»[1]. Въ 1672 г. Русскіе жаловались Полякамъ на неприличіе стѣнной живописи въ Варшавѣ. Въ королевскомъ дворцѣ, въ той палатѣ, гдѣ принимаютъ пословъ, на одной сторонѣ нарисованъ король съ сыномъ и панами, а на другой — «гетманъ польскій гонитъ московскіе полки, царь и бояре взяты въ плѣнъ, связаны; ту исторію всѣмъ иностраннымъ посламъ показываютъ и подлинно, какъ побѣда была, разсказываютъ съ намѣреніемъ и укоризною московскому государству и россійскому народу. Королевское величество для братской любви велѣлъ бы то воображеніе въ палатѣ своей снять»[2].

Одну изъ важнѣйшихъ заботъ при обереганіи государской чести Посольскому Приказу доставляла необходимость строгаго наблюденія за иностранными державами въ способахъ употребленія ими титула московскаго царя и за правильнымъ его именованіемъ по имени и отчеству. Вопросъ о титулѣ не рѣдко являлся предметомъ нежелательныхъ осложненій въ международныхъ сношеніяхъ и даже доставлялъ поводы къ затяжкѣ и замедленію мирныхъ переговоровъ. Такъ, въ 1617 г. споры о титулѣ между Шведами и Русскими затянулись на полгода[3]. Жалобы на умаленіе государской чести въ царскомъ титулѣ, предъявленныя Полякамъ въ 1637 году, были удовлетворены выговоромъ, сдѣланнымъ панамъ и обѣщаніемъ наказывать дьячковъ заключеніемъ въ тюрьму или кнутомъ. Но мѣры эти все таки не могли удовлетворить Русскихъ, какъ малое наказанье, такъ какъ Польскій сеймъ ранѣе того уже постановилъ: «кто станетъ писать государево имя съ умаленіемъ, того казнить смертью»[4]. Царь Алексѣй Михайловичъ, оправдывая обладаніе Кіевомъ необходимостью возмездія за небрежность Поляковъ въ соблюденіи царскаго титула, писалъ къ Яну Собѣсскому: «Кіевъ задержанъ за многія и несчетныя съ вашей стороны намъ безчестья и досады въ прописках нашего имени и титула и въ печатныхъ книгахъ; въ грамотахъ, отправленныхъ изъ вашей канцеляріи, пишутъ меня Ми-

---

[1] Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VII, стр. 577—578.
[2] Тамъ-же, т. XII, стр. 401.
[3] Тамъ-же, т. IX, стр. 1151.
[4] Тамъ-же, т. IX, стр. 1229—1230; ср. также т. X, стр. 1505.

хаиломъ Алексѣевичемъ!»[1]. Если пріобрѣтеніе города едва могло считаться достаточнымъ вознагражденіемъ за ошибки въ царскомъ титулѣ и въ имени царя, то понятно, что за подобную провинность жизнь человѣческая цѣнилась гораздо дешевле. Въ 1637 г. русскіе послы требовали у Польши строгаго наказанія виновныхъ въ прпискѣ царскаго титула и въ свое оправданіе ссылались на случай, бывшій съ Оскольскимъ воеводою, котораго предали смертной казни за ограбленіе и убійство Литовцевъ, привозившихъ въ Россію запрещенные товары, табакъ и вино. «Государь нашъ», писали послы, «и за обычныхъ литовскихъ людей, корчемниковъ, не пощадилъ воеводы и многихъ людей: а королевское величество и вы паны радные, за большое начальное дѣло, за царскаго величества именованье казни смертной никому учинить не велѣли!»[2].

Этикетные вопросы, касавшіеся подробностей титула царя, уже къ началу XVII вѣка успѣли сложиться въ форму такого рутиннаго воззрѣнія, что даже самозванцы обижались въ случаяхъ ихъ неправильнаго титулованія. Въ 1606 г. Лжедимитрій не хотѣлъ принимать отъ польскихъ пословъ королевской грамоты потому, что Сигизмундъ назвалъ его не только не императоромъ, но даже и не великимъ княземъ[3]. Помимо текстуальной точности въ употребленіи царскаго титула отъ иностранцевъ строго требовалось, чтобъ они въ своихъ дипломатическихъ актахъ, а равно и въ офиціальныхъ рѣчахъ помѣщали этотъ титулъ непремѣнно на первомъ мѣстѣ, то есть впереди титула иностранныхъ государей. Особенно съ Датчанами возникали по этому поводу горячіе споры и значительныя недоразумѣнія, напримѣръ въ 1631, 1641 и 1642 гг.[4]. Швеція въ этомъ отношеніи также представляла затрудненія. Дѣло въ томъ, что избраніе въ короли Густавы Вазы и его преемниковъ не было по нраву Ивану Грозному, какъ царю, который получилъ свой престолъ, подобно своимъ предшественникамъ, по наслѣдству. Вслѣдствіе такого различія въ способѣ пріобрѣтенія монархической власти русскіе цари смотрѣли съ пренебреженіемъ не на однихъ шведскихъ, но и на польскихъ королей, изъ которыхъ доставалось въ особенности на долю Стефана Баторія. Но избраніе царя Михаила дало и Полякамъ, и Шведамъ въ руки то-же оружіе противъ Россіи. Поляки очень долго признавали русскимъ царемъ не Михаила, а своего королевича Владислава. Въ 1616 г.,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, стр. 511.

[2]) Тамъ-же, т. IX, стр. 1228.

[3]) Тамъ-же, т. VII, стр. 790—791.

[4]) Тамъ-же, т. IX, стр. 1185 и 1269; Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I, стр. 218—219.

Шведы писали Михаила только великимъ княземъ и сердились, зачѣмъ онъ называется Лифляндскимъ и Новгородскимъ. «Нашъ король», утверждали они, «прирожденный королевскій сынъ, а вашъ великій князь не царскій сынъ и не наслѣдникъ Россійскому государству». Русскіе отвѣчали: «Вы такія непригожія, воровскія слова про помазанниковъ Божіихъ оставьте» [1]! Относясь съ пренебреженіемъ къ шведскимъ избирательнымъ королямъ, Иванъ Грозный и его первые преемники даже считали ниже своего достоинства входить со Швеціею въ прямыя отъ своего имени сношенія и пересылались съ нею чрезъ посредство новгородскаго воеводы или намѣстника, который такимъ образомъ являлся въ роли дипломатическаго агента русскаго правительства, а шведскихъ пословъ не допускали даже въ Москву. Понятно, что еще съ бо́льшимъ пренебреженіемъ должны были относиться въ Россіи къ представителямъ государствъ съ республиканскимъ образомъ правленія. Посолъ Кромвеля имѣлъ случай испытать на себѣ примѣръ такого отношенія къ протектору Англіи [2].

Государская честь, требовавшая уваженія къ титулу царя, тѣмъ болѣе должна была вызывать знаки особаго вниманія къ его личности. Въ этихъ видахъ аудіенціи иностранныхъ пословъ въ Россіи и русскихъ за границею были обставлены цѣлымъ рядомъ этикетныхъ формальностей, малѣйшее отступленіе отъ которыхъ считалось оскорбленіемъ и усложняло международныя сношенія до степени важныхъ дипломатическихъ недоразумѣній. На торжественныхъ пріемахъ и аудіенціяхъ иностранцы обязательно должны были снимать съ себя оружіе, то есть мечи и шпаги, стоять и сидѣть предъ царемъ безъ шляпъ и шапокъ, съ головами непокровенными и лично передавать въ руки царя грамоты отъ государей, которыхъ являлись представителями. Въ 1583 году англійскій посолъ имѣлъ у государя аудіенцію по снятіи у него шпаги и хотя долго спорилъ о семъ, но принужденъ былъ повиноваться [3]. Посолъ Кромвеля также былъ очень обиженъ тѣмъ, что его заставили снять шпагу [4]. Вопросъ о сниманіи шляпъ былъ болѣе сложнымъ и Русскіе далеко не сразу добились окончательнаго разрѣшенія его въ удовлетворительномъ для царской чести смыслѣ. Это доказывается тѣмъ, что А. С. Матвѣевъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ изъ ссылки просилъ себѣ милости ради слѣдующей своей заслуги: «я съ польскими и шведскими послами договаривался, чтобы они передъ вами не сидѣли въ шапкахъ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 1113.

[2]) Тамъ-же, т. XII, стр. 527.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I, стр. 94, примѣч. 2.

[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, стр. 527.

и шляпахъ»[1]). Еще за нѣсколько лѣтъ до этой челобитной, именно въ 1673 г. отъ Шведовъ требовали, чтобы они были во дворцѣ съ непокрытыми головами, взамѣнъ чего обѣщали, что и Русскіе послы въ свою очередь будутъ стоять въ Стокгольмѣ передъ королемъ безъ шапокъ. Шведскій посолъ не рѣшился своею властью согласиться съ этимъ требованіемъ безъ королевскаго указа и тѣмъ вызвалъ посылку въ Швецію нарочнаго гонца, который привезъ разрѣшеніе[2]).

Уваженіе къ личности и къ имени царя и строгое соблюденія этикетныхъ формальностей, оберегавшихъ государскую честь, требовалось не только въ Москвѣ, но и за границею. Европейскіе монархи и главы государствъ должны были подчиняться извѣстнымъ условіямъ церемоніальнаго этикета для укрѣпленія и сохраненія дипломатическихъ связей съ Россіею. При выслушиваніи на аудіенціяхъ любительныхъ грамотъ отъ русскаго царя, они должны были вставать и приподнимать шляпы при произнесеніи царскаго титула, принимать грамоту изъ рукъ пословъ непремѣнно самолично и сами же спрашивать о здоровьѣ московскаго государя. Послѣ аудіенціи пословъ требовалось угостить обѣдомъ. За такою трапезою полагались обязательные тосты и въ порядкѣ ихъ произнесенія, а равно и въ способѣ ихъ принятія выражались дружба или нелюбовь. Несоблюденіе всѣхъ этихъ сложныхъ условій давало поводы къ мелочнымъ придиркамъ и къ отместкамъ въ отвѣтныхъ посольствахъ. Относящіяся сюда подробности настолько характерны, что мы рѣшаемся привести нѣсколько примѣровъ. Въ 1618 г. отправляя пословъ къ осадившимъ Москву Полякамъ, Дума имъ приказывала: «противъ королевскаго имени шапки снимать только въ томъ случаѣ, когда литовскіе послы станутъ снимать шапки къ государеву имени»[3]). Въ 1631 г. датскій посолъ при подписаніи грамотъ въ Москвѣ не соглашался въ своей записи помѣстить имя королевское послѣ царскаго, почему и былъ отпущенъ безъ грамоты и безъ отвѣтнаго списка за его упрямство; при отпускѣ ему не позволили ничего сказать въ свое оправданіе, къ царской рукѣ допустили, но скамейки ему не дано, сѣсть ему не велѣли, также и стола, т. е. обѣда, ему не было. Датчане уже въ слѣдующемъ 1632 году отомстили московскимъ посламъ. Послѣ аудіенціи король не позвалъ ихъ къ обѣду, а прислалъ кормъ къ нимъ на домъ, причемъ королевскій секретарь объявилъ, что Датчане будутъ пить напередъ чашу королевскую, а уже потомъ за здоровье царя и патріарха, руко-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIII, стр. 814—815.
[2]) Тамъ-же, т. XII, стр. 521.
[3]) Тамъ-же, т. IX, стр. 1145.

водствуясь московскимъ обычаемъ пить прежде здоровье своего государя. Послы не согласились, здоровья королевскаго не пили, пили одни Датчане, а потомъ послы царской чаши уже не предлагали. Король не соглашался, чтобы въ грамотѣ его имя было поставлено послѣ царскаго и послы, не сдѣлавъ ничего, уѣхали съ одною любительною, но не договорною грамотою[1]. Въ 1638 г. польскій король Владиславъ велѣлъ подарки русскаго царя положить предъ собою на землю на коврѣ. Послы заявили, что царскаго величества любительные поминки на землю класть не годится, а достойно ихъ принять честно. Тогда король велѣлъ поминки принимать ближнимъ своимъ людямъ, которые стояли подлѣ него. Король пригласилъ русскихъ пословъ въ театръ. Они согласились, но съ тѣмъ, чтобы при этомъ не было другихъ пословъ и посланниковъ. Ихъ увѣрили, что никого не будетъ, но когда они пріѣхали во дворецъ и узнали, что на потѣхѣ или комедіи будетъ папскій легатъ, то возбудили цѣлый дипломатическій вопросъ, заявляя, что если «папину легату съ нами сидѣть вмѣстѣ, то мы комедіи смотрѣть не пойдемъ». Послы помирились лишь на томъ условіи, что имъ устроили особое почетное мѣсто»[2]. Посолъ Даніи, королевичь Вальдемаръ въ 1642 г. требовалъ, чтобы въ датской грамотѣ о вѣчномъ докончаніи имя королевское были прописано прежде царскаго, но бояре на это не согласились и докончаніе не состоялось. Въ отвѣтномъ русскомъ посольствѣ въ 1642 г. въ Даніи произошло слѣдующее. Когда на аудіенціи послы, по обычаю, сказали, что великій государь велѣлъ королю поклониться, про свое государское здоровье сказать и брата своего здоровье видѣть, то король на это смолчалъ, про государское здоровье не спросилъ и не всталъ. Послы, не подавая царской грамоты, долго стояли молча, все ждали, что король встанетъ и спроситъ про государево здоровье; наконецъ послы заявили, что они ждутъ исполненія обычая. Тогда король велѣлъ канцлеру сказать, что радъ слышать про здоровье своего брата. Послы обидѣлись и замѣтили, что царь про королевское здоровье спрашивалъ самъ вставши и прибавили: «когда были ваши послы у нашего государя, то государь нашъ у вашего королевскаго величества чести не умалялъ, а мы теперь видимъ тому противное». Король принужденъ былъ встать, снять шляпу и самъ спросить про государево здоровье[3]. Въ 1645 г., передъ возвращеніемъ въ Данію королевича Вальдемара, жениха Ирины Михайловны, датскій король, недоволь-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи т. IX, стр. 1185; Бантышъ-Каменскій; Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I, стр. 218—219.

[2]) Тамъ-же, т. IX, стр. 1228—1229.

[3]) Тамъ-же, т. IX, стр. 1269.

ный долговременною задержкою сына въ Россіи, получая царскую грамоту, о здоровьи государевомъ не спрашивалъ, къ рукѣ гонца не позвалъ, къ столу не пригласилъ и свою отвѣтную грамоту прислалъ къ гонцу съ секретаремъ[1]).

Недостаточное обереганье царской чести за границею подвергало агентовъ Посольскаго Приказа жестокимъ наказаніямъ по возвращеніи въ Россію. При царѣ Михаилѣ, князь Тюфякинъ, обѣдая у Персидскаго шаха, не допилъ своей чаши за царское здоровье. За такую вину, говоритъ приговоръ по этому дѣлу, пословъ слѣдуетъ наказывать смертью, но государь, ради своего сына царевича Алексѣя и по просьбѣ патріарха, ограничился въ данномъ случаѣ заключеніемъ Тюфякина въ тюрьму и отобраніемъ у него помѣстья и вотчины[2]). Такъ какъ рѣчь идетъ объ обереганіи государской чести, то тутъ кстати привести образчикъ тѣхъ мѣръ, какими оберегали за границей не только эту честь, но и здоровье царя и членовъ его семейства. Когда Михаилъ Θеодоровичъ задумалъ сватать за свою дочь Ирину датскаго принца Вальдемара, то онъ пожелалъ предварительно познакомиться съ внѣшностью жениха и получить его портретъ. Въ этихъ видахъ переводчику Θомину, отправленному въ Данію гонцомъ, было поручено непремѣнно повидать королевича и списать съ него п а р с у н у, подкупивъ живописца, и хотя бы для того пришлось пробыть лишнее время въ Даніи, «помѣшкать недѣлю или двѣ, прикинувъ на себя болѣзнь, давать не жалѣя, а для прилики, чтобы не догадались, велѣть написать персоны самого короля Христіана и другихъ сыновей его». Узнавъ о цѣли подкупа живописца и ссылаясь на то, что нельзя писать портреты б е з ъ п р и п и с и, Христіанъ предупредительно пошелъ на встрѣчу желаніямъ Михаила Θеодоровича, велѣлъ сдѣлать свои и своихъ дѣтей изображенія и послалъ ихъ къ царю. Но если бы Датчане съ своей стороны потребовали предъявленія портрета царевны Ирины Михайловны, то тайный наказъ русскимъ посламъ, предвидя эту случайность, обязывалъ отвѣчать: «у нашихъ великихъ государей россійскихъ того не бываетъ, чтобы персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья, въ чужія государства возить, да и въ московскомъ государствѣ очей государыни царевны, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ, другіе бояре и всякихъ чиновъ люди не видаютъ»[3]). Впрочемъ надо сказать, что мелочная формалистика въ области этикета и крайняя притязательность въ соблюденіи государской чести не являлись исключительною чертою рус-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. X, стр. 1493.

[2]) Тамъ-же, т. IX, стр. 1189.

[3]) Тамъ-же, т. IX, стр. 1266 и 1269.

скихъ дипломатовъ. Приключенія Русскихъ въ Даніи и Польшѣ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, свидѣтельствуютъ, что и иностранцамъ случалось въ этомъ отношеніи также отличаться щепетильною придирчивостью. Посолъ Кромвеля обижался не только тѣмъ, что съ него передъ аудіенціею сняли шпагу, но кромѣ того и тѣмъ, что въ саняхъ и притомъ съ правой стороны посадили съ нимъ пристава, тогда какъ по этикету именно эта сторона считалась почетною[1]. Еще болѣе затрудненій доставилъ Русскимъ посолъ отъ Франціи, явившійся въ Россію въ первый разъ въ 1629 г. Когда онъ пріѣхалъ на границу, то ни за что не соглашался ѣхать верхомъ слѣва отъ встрѣтившаго его пристава, требовалъ перемѣнить мѣста, грозилъ уѣхать обратно, цѣлый день не двигался ни впередъ, ни назадъ и успокоился лишь тогда, когда его помѣстили между двумя всадниками, приставомъ и боярскимъ сыномъ изъ состава почетнаго конвоя[2].

Въ Римѣ дипломатическій этикетъ усложнялся обязательнымъ обычаемъ цѣлованія папской туфли. Представителямъ православной Россіи было запрещено исполнять этотъ обычай, но иногда не удавалось помимо воли итти на перекоръ требованіямъ папы, а въ особенности его кардиналовъ. Въ 1672 г. русскій посланникъ не захотѣлъ подчиниться этимъ требованіямъ и объяснилъ свой отказъ тѣмъ, что «ногу папежскую цѣловать отнюдь мнѣ не велѣно, потому что великій государь нашъ католицкому римскому закону не повинуется». Вслѣдствіе угрозы уѣхать, его допустили къ пріему у папы, но при этомъ насильно наклонили по римскому обычаю впрямь до «колѣннаго приклоненія и вскорѣ подняли, а голову не наклоняли». При подачѣ царской грамоты и когда папа всталъ для благословенія, русскаго посла еще два раза понизили, а его жалобы кардиналу не имѣли никакого успѣха[3].

Какъ-же сами Русскіе вели себя за границей, какъ отстаивали государскую честь, именованіе и достоинство царя его представители въ западной Европѣ? Мы отчасти отвѣчаемъ на эти вопросы въ вышеприведенныхъ выпискахъ. Но, для болѣе точнаго выясненія этой задачи, намъ нужно указать на двѣ ея стороны, офиціальную и частную. Поведеніе агентовъ Посольскаго Приказа за границей рѣзко отличалось въ офиціальныхъ торжествахъ отъ образа ихъ частной жизни. На сколько въ первомъ случаѣ они стремились строго придерживаться инструкцій Посольскаго Приказа и высоко держать честь государя и его имени, на

---

[1] Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, стр. 527.
[2] Тамъ-же, т. IX, стр. 1179—1180.
[3] Тамъ-же, т. XII, стр. 542.

столько же поведеніе пословъ и въ особенности ихъ свиты способно было ронять личное достоинство представителей царя въ глазахъ иностранцевъ. Въ первомъ отношеніи Русскіе однако не сразу усвоили настоящую почву, на которую должны были стать къ представителямъ западно-европейскихъ государствъ. Полное сознаніе этой почвы и опредѣленныя формы этикетной вѣжливости и дипломатической притязательности выработались и установились лишь въ концѣ XVII вѣка. Но при своихъ первыхъ встрѣчахъ съ западною Европою древнѣйшіе русскіе дипломаты невольно переносили за границу тѣ взгляды на царское величество и тѣ пріемы въ оказаніи ему знаковъ почтенія, къ которымъ у себя на родинѣ ихъ пріучило самовластіе Грознаго. Страхъ передъ Иваномъ Васильевичемъ даже долго послѣ его смерти мелькалъ передъ глазами Русскихъ страшнымъ призракомъ, передъ которымъ приходилось преклоняться, унижаться, къ которому можно было подходить только съ трепетомъ въ душѣ, смущенной могуществомъ и величіемъ повелителя. Считая себя холопами русскаго царя, агенты Посольскаго Приказа не иначе приближались къ заграничнымъ любительнымъ братьямъ и сестрамъ своего царя, какъ съ униженнымъ подобострастіемъ, съ рабскою робостью, которыя могли только удивлять и забавлять развитыхъ и образованныхъ иностранцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это подобострастіе не мѣшало Русскимъ стойко и даже рѣзко отстаивать достоинство Россіи, олицетворяемой въ лицѣ царя, который угрожалъ страшными казнями за малѣйшую уступку въ охраненіи государской чести. Какъ московскіе послы выпутывались изъ такихъ противорѣчій, покажетъ слѣдующій разсказъ. Отправленному въ 1600 г. къ Елисаветѣ англійской русскому посланнику Микулину при всякомъ удобномъ случаѣ Англичане давали понять, что ему оказывается особенная честь сравнительно съ послами другихъ государствъ. За обѣдомъ въ королевскомъ дворцѣ Микулинъ, съ подъячимъ и переводчикомъ, сидѣли за особымъ столомъ по лѣвую руку отъ королевы. Когда столъ отошелъ, Елисавета велѣла подать Микулину серебряный умывальникъ, изъ котораго только что сама умывала руки. Но посланникъ на жалованье билъ челомъ, рукъ не умывалъ и говорилъ: «великій государь нашъ королевну зоветъ себѣ любительною сестрою и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не годится». Когда лорды пригласили Микулина вести переговоры на ихъ дворѣ, то онъ требовалъ непремѣнно, чтобы переговоры происходили во дворцѣ и ему уступили. Лордъ-меръ позвалъ его обѣдать; купцы, бывшіе въ Россіи, сказали Микулину, что лордъ-меръ сядетъ за столомъ выше его, ибо такой обычай и всѣ послы садятся ниже лордъ-мера. Микулинъ отвѣчалъ: «намъ никакихъ госу-

дарствъ послы и посланники не образецъ; великій государь нашъ надъ великими славными государями высочайшій великій государь, самодержавный царь. Если лордъ-меръ захочетъ насъ видѣть у себя, то ему насъ чтить для имени царскаго величества и мы къ нему поѣдемъ; а если ему чину своего нарушить и меня мѣстомъ выше себя почтить нельзя, то мы къ нему не поѣдемъ». И дѣйствительно, посланникъ не обѣдалъ у лордъ-мера[1]. А вотъ еще характерный примѣръ того, какъ Русскіе не умѣли примѣняться къ условіямъ западно-европейскаго быта. Лжедимитрій, собираясь жениться на Маринѣ, отправилъ къ королю Сигизмунду польскому А. Власьева посломъ. Въ Краковѣ, въ присутствіи короля, совершено было обрученіе. Власьевъ, представлявшій жениха, не могъ понять своего положенія и потому смѣшилъ своими выходками. На вопросъ кардинала, совершавшаго обрядъ обрученія, не давалъ-ли царь обѣщанія другой невѣстѣ, Власьевъ отвѣчалъ: «а мнѣ какъ знать? О томъ мнѣ ничего не наказано». Потомъ, когда потребовали настоятельнаго отвѣта, сказалъ: «если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то не послалъ бы меня сюда». Изъ уваженія къ особѣ будущей царицы Власьевъ никакъ не хотѣлъ взять Марину просто за руку, но непремѣнно хотѣлъ прежде обернуть свою руку въ чистый платокъ и всячески старался, чтобы платье его никакъ не прикасалось къ платью сидѣвшей подлѣ него Марины. Когда за столомъ король уговаривалъ его ѣсть, то онъ отвѣчалъ, что холопу неприлично ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, что съ него довольно чести смотрѣть, какъ они кушаютъ. Ясно послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ Власьевъ долженъ былъ смотрѣть, когда Марина стала на колѣни передъ королемъ, чтобы благодарить его за всѣ милости; посолъ громко жаловался на такое униженіе будущей царицы московской[2]. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, при Михаилѣ Өеодоровичѣ, русскій посолъ, поѣхавшій въ 1613 г. въ Англію, не посмѣлъ надѣть шапки передъ королемъ Яковомъ I, оправдываясь тѣмъ, что «великаго государя нашего царское имя славится, а ваши королевскія очи близко видимъ и намъ холопамъ въ такое время какъ на себя шапки надѣть?»[3]

Однако, при первыхъ Романовыхъ, появленіе многочисленныхъ иностранцевъ на русской службѣ, мягкій характеръ Алексѣя Михайловича, вліяніе сосѣдней Польши и вообще болѣе близкія и частыя сношенія

---

[1] Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VII, стр. 708—709.
[2] Тамъ-же, т. VII, стр. 779—780.
[3] Тамъ-же, т. IX, стр. 1104.

съ Западомъ, въ связи съ несомнѣнными шагами Россіи на пути просвѣщенія, все это имѣло послѣдствіемъ нѣкоторый успѣхъ въ смягченіи рѣзкостей между бытомъ восточной и западной Европы. Въ концѣ XVII вѣка Русскіе все таки нѣсколько пріобрѣли опыта въ знакомствѣ съ чужими странами въ сравненіи съ тѣмъ, что было сто лѣтъ передъ тѣмъ. Что осталось неизмѣнившимся и сдѣлалось достояніемъ рутины, это — понятія Посольскаго Приказа о государской чести. Въ доказательство такого заключенія мы рѣшаемся остановиться на двухъ эпизодахъ, относящихся къ концамъ XVI и XVII вѣковъ. Англійскій посолъ Боусъ, посланный королевою Елисаветою къ Іоанну Грозному и по смерти его допущенный къ пріему царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, при входѣ во дворецъ долженъ былъ снять съ себя мечь. Это его такъ разсердило, что онъ уѣхалъ изъ Россіи безъ царской грамоты, бросивъ ее въ Холмогорахъ вмѣстѣ съ подарками царя. Посланный въ отвѣтъ въ Англію изъ Россіи толмачъ Бекманъ, родомъ Ливонецъ, испыталъ вслѣдствіе жалобъ Боуса, нѣкоторыя униженія при врученіи царской грамоты Елисаветѣ. Она приняла его въ саду, который Бекманъ назвалъ огородомъ, и не допустила къ себѣ при его отъѣздѣ. Эти подробности въ свою очередь задѣли честь русскаго правительства, которое сочло нужнымъ выяснить положеніе какъ этого этикетнаго вопроса, такъ и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, касавшихся торговли Русскихъ съ Англичанами. Англійскому купцу Горсею было поручено отвезти грамоту Ѳеодора Ивановича съ разъясненіями по поводу жалобъ Боуса и съ заявленіями царскаго неудовольствія на способъ и мѣсто пріема Бекмана. Отвѣчая на эту грамоту, Елисавета писала: «Въ нашихъ земляхъ это великое безчестіе, когда велятъ мечь снять и за такое безчестіе въ сердцѣ нашего посла великая кручина была и что ни дѣлалъ, все съ кручиною. А теперь сказалъ намъ Горсей, что мечь отнимаютъ у пословъ по вашему обычаю, какъ у васъ всегда ведется въ царствѣ, и мы, узнавъ это, перестали кручиниться и надѣемся, что между нами будетъ вѣчная любовь.... Мѣсто, гдѣ Бекманъ былъ передъ нами, есть мѣсто честное, близко нашей палаты, и туда никого не пускаютъ, только великихъ и любительныхъ слугъ для чести; и въ огородѣ этомъ нѣтъ ни луку, ни чесноку; Бекманъ сказалъ неправду. Такъ пригоже тебѣ Бекмана гонца за его лживыя и бездѣльныя ссорныя слова не только понаказать — и побить пригоже». Чрезъ нѣсколько времени Бекманъ былъ вторично посланъ въ Англію и Елисавета при свиданіи съ нимъ сочла нужнымъ лично упрекнуть его: «Великая досада была у меня на тебя за то, что ты въ рѣчахъ своему

государю примѣнилъ нашъ потѣшный садъ къ капустному огороду, гдѣ сѣютъ лукъ да чеснокъ»[1]).

Любопытныя и характерныя приключенія, всего за десять лѣтъ до путешествія самаго Петра за границу, претерпѣли посланные во Францію въ 1687 г. князья Долгорукій и Мышецкій. Цѣлью ихъ посольства было склонить французскаго короля къ вступленію въ священный союзъ противъ Турокъ. Эта цѣль была тѣмъ наивнѣе, что Франція издавна была извѣстна постоянствомъ своего согласія въ сношеніяхъ съ Турціею. Людовикъ XIV былъ на столько недоволенъ предложеніемъ Русскихъ, что не захотѣлъ дать имъ отпускной аудіенціи и приказалъ министру своему передать имъ отпускную грамоту безъ всякой церемоніи. Русскимъ показалось это неслыханнымъ дѣломъ: «всѣ государи отдаютъ отвѣтную грамоту сами посламъ и они, послы царскіе, не примутъ грамоты иначе, какъ изъ рукъ королевскихъ». Людовикъ XIV сталъ вельми яростенъ за такой отвѣтъ и приказалъ отправить пословъ въ Дюнкирхенъ. Долгорукій возразилъ, что не только гнѣвъ короля, но даже и самая смерть не принудятъ пословъ взять грамоту на ихъ квартирѣ. Король прислалъ Русскимъ подарки, ихъ не приняли. Имъ стали грозить, что король велитъ покласть дары въ ихъ повозки силою. Но и это не помогло. Долгорукій заявилъ: «королевскій гнѣвъ страшенъ намъ по винѣ, а безъ вины вовсе не страшенъ; должны мы прежде всего взирать на повелѣніе своихъ государей». Французы уступили, король принялъ пословъ, но все таки сдѣлалъ имъ непріятность. Въ грамотѣ къ царямъ нарочно были пропущены слова: великимъ государямъ. Послы не взяли ни грамоты, ни даровъ и при отъѣздѣ изъ Франціи испытали цѣлый рядъ затрудненій и мелочныхъ придирокъ. Французы съ своей стороны остались очень недовольны Русскими и говорили, что «королевскому величеству ни отъ кого такихъ досадительствъ прежде не было». Въ Посольскомъ Приказѣ не забыли про эти оскорбленія и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1688 года, имѣли случай отомстить Франціи. Въ Москву пріѣхали два іезуита француза, о пропускѣ которыхъ чрезъ Россію въ Китай просилъ Людовикъ XIV въ грамотѣ, обращенной къ «высочайшимъ, превосходительнѣйшимъ, державнѣйшимъ и великодушнѣйшимъ князьямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ». Такое пренебрежительное титулованіе вызвало слѣдующій офиціальный отвѣтъ на просьбу іезуитовъ: «королевское величество французскій въ грамотѣ своей, которую вы объявили, писалъ противно и необыкновенно

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VII, стр. 599—603.

и для того великіе государи этой грамоты принять у васъ и чрезъ города великороссійскаго царства въ Китай пропускать васъ не указали, а указали грамоту отдать вамъ назадъ и отпустить въ свою сторону тою же дорогою, какою вы пріѣхали. Да и для того великіе государи васъ пропустить не указали: когда у короля вашего были царскіе послы, тогда государь вашъ во время посольства ихъ показалъ многую противность съ безчестіемъ на сторону ихъ царскаго величества» [1]).

Вышеприведенные факты свидѣтельствуютъ, что во все продолженіе полутора-вѣковаго періода, который мы имѣемъ въ виду, основныя преданія Посольскаго Приказа не только не подвергались какимъ либо измѣненіямъ, но все болѣе и болѣе закрѣплялись въ своей рутинной косности. Но на сколько цѣль обереганія государской чести и царскаго титула достигалась посредствомъ однихъ и тѣхъ же пріемовъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, на столько-же въ той-же области достоинство Россіи, какъ мы уже упомянули, страдало отъ образа частной жизни русскихъ дипломатовъ за границею. Въ этомъ отношеніи общественныя условія, подобно рутинѣ Посольскаго Приказа, ни сколько не измѣнились за 150 лѣтъ. Русскіе нравы были также грубы въ половинѣ XVI вѣка, какъ и въ концѣ XVII. Вырвавшись изъ подъ ближайшаго надзора своего непосредственнаго, не только строгаго, но подчасъ и грознаго начальства, Русскіе позволяли себѣ за границею доказывать могущество Россіи и силу своего повелителя такими пріемами, которые у себя дома имѣли бы послѣдствіемъ жестокую казнь, чтобы другимъ не повадно было также поступать. Но въ чужой странѣ, вдали отъ грозныхъ очей царя, подъ покровомъ посольскаго званія, можно было не стѣсняться и не ждать отъ иностранцевъ наказанія, которое могло быть объясняемо, какъ покушеніе на государскую честь. Не только достоинство Россіи, но и терпѣніе гостепріимныхъ хозяевъ западной Европы весьма часто подвергались горькимъ испытаніямъ отъ поведенія Русскихъ за границей, отъ ихъ необразованности, неопрятности, грубости и дикости ихъ нравовъ. Беремъ на удачу нѣсколько примѣровъ. Отправленные въ Вѣну къ римскому цесарю въ 1613 г. дворянинъ Степанъ Ушаковъ и дьякъ Семенъ Заборовскій возбудили въ Москвѣ неудовольствіе тѣмъ, что за границей пьянствовали, развратничали, безобразничали, а главное недостаточно оберегали честь государскаго имени. «Шла мимо Степанова двора дѣвка и Степановы люди эту дѣвку ухватили и повалили, за что у нихъ съ Нѣмцами была драка; да Степановъ же человѣкъ на томъ дворѣ,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 1024—1027.

гдѣ стоялъ, хотѣлъ у дворника жену обезчестить и дворникъ за нимъ гонялся съ протазаномъ, хотѣлъ его убить, а Степанъ, зная воровство своихъ людей, отъ того ихъ не унималъ; Степановы-же люди чуть пожара не сдѣлали. Сами Ушаковъ и Заборовскій пили и между собою бранились. Въ Гамбургѣ человѣкъ Ушакова безчестилъ дочь англійскаго воеводы, въ голландской землѣ хватался руками за дочь казначея, въ домѣ котораго стояли посланники». Такое поведеніе совсѣмъ уронило Русскихъ во мнѣніи Нѣмцевъ. Самъ цесарь, намѣревавшійся подарить посламъ цѣпи съ своимъ изображеніемъ, приказалъ снять съ цѣпей эти портреты и въ объясненіе этого распоряженія говорилъ о Русскихъ: «слышалъ я про нихъ, что они люди простые, неученые, ничего добраго, кромѣ дурости не дѣлаютъ. Прежніе послы и посланники, которые прихаживали отъ московскихъ государей, такъ непригоже не дѣлывали, и такимъ бездѣльникамъ—собакамъ парсуны моей давать не пригоже». Такой нелестный отзывъ о Русскихъ отразился и на характерѣ императорскаго отвѣта на царское посланіе. Цесарь на посольствѣ и на отпускѣ не всталъ и имени государева не именовалъ, называлъ государя только царемъ и великимъ княземъ, но не Михаиломъ Ѳедоровичемъ, «къ государеву имени только немного приклонялся и шляпу снималъ, приказывалъ къ царю челобитье сидя, а посланники ему на это ничего не говорили» и взяли у цесаря вмѣсто грамоты отвѣтъ, писанный безъ царскаго именованья. Чтобы сгладить слѣды этихъ взаимныхъ неудовольствій, къ императору въ Августѣ 1614 года былъ наскоро отправленъ гонцомъ переводчикъ Иванъ Ѳоминъ, который счелъ нужнымъ вести себя совершенно иначе, чѣмъ Ушаковъ и Заборовскій, заслужившіе такой отзывъ царя: «Мы на посланникахъ нашихъ за то, что они нашей царской чести не остерегали, опалу свою положили и велѣли имъ казнь учинить». На аудіенціи Ѳоминъ, замѣтивъ, что цесарь не встаетъ при царскомъ имени и чуть тронулъ шляпу на головѣ, сообщилъ объ этомъ канцлеру, какъ о знакѣ нелюбья къ царю и самъ отходя поклонился по среднему, не низко. Цесарь обидѣлся и поручилъ приставу сдѣлать Ѳомину выговоръ, при чемъ ссылался на то, что Ушаковъ и Заборовскій на посольствѣ кланялись до земли. Ѳоминъ отвѣчалъ: «посланники дѣлали не гораздо, что великаго государя чести не остерегали, а ему, Ѳомину, передъ цесаремъ до земли не кланяться, да и во всей вселенной не ведется, чтобы посланники и гонцы до земли кланялись: подобаетъ это дѣлать подданнымъ». Твердость посла произвела свое дѣйствіе, хотя Ѳомину и выговаривали Нѣмцы, что онъ обезпокоилъ цесаря, осмѣлившись отъ него требовать вставанія при царскомъ имени. Заставивъ

однако долго прождать цесарской грамоты къ царю, Ѳомину наконецъ ее дали, но безъ прописки полнаго царскаго именованія; Ѳоминъ не взялъ грамоты и уѣхалъ безъ нея[1]). Въ Декабрѣ 1674 г. пріѣхалъ въ Варшаву подъячій Тимофеевъ съ царскою грамотою къ королю. Сопровождавшіе его приставъ Посольскаго Приказа Репьевъ и двое рейтаръ стали ходить по корчмамъ и напившись стали бросаться ночью на Поляковъ съ саблями и ножами, стаскивали платье, отнимали деньги. Караулъ подобралъ буяновъ. Самъ Тимофеевъ, по словамъ русскаго резидента Тяпкина, сталъ извѣстенъ въ Варшавѣ во всѣхъ корчмахъ, «на всякій часъ мало ему было по квартѣ горѣлки, а пива выходило на него по бочкѣ въ сутки»[2]). Пьяницы не стѣснялись мѣстомъ для проявленія своихъ безобразій, способны были упиваться и за офиціальными угощеніями. Не одна канцелярская рутина, а вѣроятно и дѣйствительные случаи вызывали въ каждой инструкціи отправляемому посольству повтореніе мѣръ предосторожности противъ пьянства. Мѣры эти заключались въ слѣдующихъ обязанностяхъ пословъ: «дворянамъ и посольскимъ людямъ приказывать накрѣпко, чтобы они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, не упивались и словъ дурныхъ между собою не говорили, а середнихъ и мелкихъ людей въ палату съ собою не брать для того, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было, велѣть имъ сидѣть въ другой палатѣ, а бражниковъ и пьяницъ и на королевскій дворъ съ собою не брать»[3]). А вотъ какія жалобы вызывали за границей неопрятность и отсутствіе чистоплотности у Русскихъ. Когда второй русскій посолъ въ Англіи въ 1662 г. при Карлѣ II уѣхалъ изъ Лондона, то по словамъ Англичанъ оказалось, что мебель въ его квартирѣ перепорчена и хоромы всѣ испоганены[4]). Датскій король слѣдующимъ образомъ выразился о послахъ изъ Россіи: «Если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду имъ построить свиной хлѣвъ, потому что, гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада»[5]).

Здѣсь кстати замѣтить, что, паралельно съ частною жизнью Русскихъ за границей, офиціальные способы достиженія дипломатическихъ цѣлей также не отличались изысканной утонченностью. Привыкнувъ издавна склоняться передъ грубою татарскою силою, хитрить и заискивать пе-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 1090—1096; Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I, стр. 18 и 19.

[2]) Тамъ-же, т. XII, стр. 511—512, 516.

[3]) Тамъ-же, т. IX, стр. 1227; т. X, стр. 1658.

[4]) Тамъ-же, т. XII, стр. 529.

[5]) Тамъ-же, т. XIII, стр. 780.

редъ нею подарками и взятками, московское правительство пользовалось тѣми же средствами и въ области своихъ сношеній съ западною Европою. Оно избѣгало открыто объявлять о своихъ желаніяхъ, не довѣряло иностранцамъ, скрытничало передъ ними, хитрило и примѣняло въ переговорахъ начало раздѣленія труда. Главные послы должны были спеціально поддерживать государскую честь, вести себя на конференціяхъ важно, недоступно, заносчиво, а низшему персоналу посольства въ тоже время приказывалось соблюдать выгоды царя и, намекая на возможность уступокъ, поддерживать въ иностранцахъ надежды на заключеніе трактатовъ. Во время Поляновскаго съѣзда въ 1634 г. Русскіе получили такую инструкцію отъ Посольскаго Приказа: «главные послы, бояринъ и окольничій, должны говорить сердито, а остальные унимать и покрывать гладостью и разговоромъ, чтобы договора не разорвать и безславными не быть же» [1]. Достиженіе тайныхъ цѣлей московской дипломатіи облегчалось нравственною распущенностью блюстителей международнаго права того времени. Европейцы не менѣе Татаръ были склонны на подачки и подкупы. Вся разница заключалась лишь въ формахъ, но отнюдь не въ существѣ. Вотъ какія указанія русскіе агенты за границею получали отъ своего правительства: «съ шведскими послами никакъ ни зачѣмъ не разрывать, ссылайтесь съ ними тайно, царскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживайте, сулите и дайте что нибудь, чтобъ они доброхотали» [2]. Отправляя въ 1621 г. пословъ въ Данію сватать племянницу короля Христіана для царя Михаила Ѳеодоровича, Посольскій Приказъ наказывалъ имъ промышлять у близкихъ къ принцессѣ людей, быть съ ними ласковыми и пріятельными и, если надобно, то смотря по мѣрѣ и подарить и впредь государскимъ жалованьемъ обнадеживать [3]. Алексѣй Михайловичъ писалъ Ордину-Нащокину, уполномоченному для переговоровъ со Шведами объ исправленіи русской границы: «шведскимъ коммиссарамъ или генераламъ и инымъ, кому доведется, сули отъ одного себя ефимками или соболями на 10, 15 или 20 тысячь рублей. Объ уступкѣ городовъ за эту дачу промышляй по своему разсмотрѣнію» [4]. Тотъ-же царь совѣтуетъ тому-же Нащокину: «промышлять о Борисовѣ, съ которыми уѣзды пристойно, хотя много давать денегъ, за тѣмъ не стоять» [5]. О Полякахъ Ординъ-Нащокинъ писалъ: «войску польскому

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 1215.
2) Тамъ-же, т. IX, стр. 1113—1120.
3) Тамъ-же, т. IX, стр. 1161.
4) Тамъ-же, т. XI, стр. 59.
5) Тамъ-же, т. XI, стр. 65.

надобно посулить денежной казны, а сенаторамъ уже и объявлено. Надобно дать государево жалованье литовскому референдарю; онъ можетъ все сдѣлать»[1]). Въ 1664 г., во время переговоровъ въ Дуровичахъ, Ординъ-Нащокинъ получилъ наказъ: «польскихъ коммиссаровъ подкупать всячески, чтобы они къ миру были склонны». При толкахъ о возможности перемирія царскіе уполномоченные требовали отъ Поляковъ нѣкоторыхъ земельныхъ уступокъ и за эти уступки предлагали Польшѣ три милліона рублей, а коммиссарамъ за сдѣлку обѣщали соболей на 3,000 р. Царь позволилъ Нащокину «тѣхъ коммиссаровъ, которые будутъ особенно противиться, подкупать, сулить тайно до 20,000 рублей»[2]). Ординъ-Нащокинъ въ 1669 г. говорилъ, что въ Польшѣ и Литвѣ надобно промышлять казною[3]). Въ 1675 г. русскій резидентъ въ Варшавѣ писалъ въ Посольскій Приказъ А. С. Матвѣеву: «такое наше житье, что и въ самыхъ постановленныхъ между государствами дѣлахъ безъ купли обойтись трудно»[4]). Львовскій епископъ говорилъ въ 1692 г. русскому резиденту: «сенаторовъ надобно подкупать; такъ войною Поляковъ не повоюешь, какъ подачкою; подарками царское величество можетъ на сеймѣ сдѣлать все, что угодно»[5]). Польскіе коммиссары брали явныя, даже офиціальныя взятки. Въ 1667 г. къ Русскимъ пріѣхалъ Полякъ Іеронимъ Комаръ «и билъ челомъ, что бы сверхъ обѣщанныхъ денегъ въ тайную дачу пожаловалъ имъ государь явно соболями, чтобъ имъ можно было хвалиться передъ людьми; чтобы вмѣсто обѣщанныхъ ефимковъ ему дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, такъ что и домашніе не узнаютъ. Комаръ объявилъ, что какъ скоро коммиссары получатъ государево жалованье, сейчасъ же станутъ писать договорныя статьи»[6]).

Мы не въ состояніи исчерпать всѣхъ цитатъ изъ Исторіи Соловьева, картинно рисующихъ характеръ сношеній Руси съ западною Европою. Впрочемъ частности этихъ сношеній требуютъ еще своего историка[7]). Намъ кажется достаточнымъ ограничиться приведенными примѣрами.

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 165.
[2]) Тамъ-же, т. XI, стр. 168, 169, 174.
[3]) Тамъ-же, т. XII, стр. 390.
[4]) Тамъ-же, т. XII, стр. 513.
[5]) Тамъ-же, т. XIV, стр. 1128.
[6]) Тамъ-же, т. XI, стр. 178.
[7]) Попытка въ этомъ направленіи принадлежитъ профессору Брикнеру (Kulturhistorische Studien, I, Die Russen im Auslande im 17 Jahrhundert; II, Die Ausländer in Russland im 17 Jahrhundert. Riga, 1878. Но эта попытка не полна, такъ какъ обнимаетъ собою лишь вторую половину XVII в. и притомъ недостаточно пользуется характерными подробностями статейныхъ списковъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ примѣненію этихъ примѣровъ къ интересующему насъ посольству 1697—1698 гг., намъ представляется не лишнимъ остановиться еще на одной, послѣдней выпискѣ изъ Соловьева. Пріѣздъ въ 1641 г. въ Россію королевича Вальдемара, во главѣ датскаго посольства, даетъ намъ нѣкоторый матеріалъ для сравненія съ условіями incognito, при которыхъ совершалось первое путешествіе Петра Великаго въ западную Европу. Русскіе съ трудомъ могли усвоить себѣ настоящее положеніе королевича Вальдемара среди сопровождавшихъ его Датчанъ и смѣшивали его офиціальную личность, какъ перваго посла, а не королевича, съ его значеніемъ королевскаго сына и будущаго супруга русской царевны. Приставамъ при Датчанахъ было поручено тайно развѣдывать, какъ графа Вальдемара посольскіе люди почитаютъ, «государскимъ или рядовымъ обычаемъ?» Пристава отвѣчали, что второй датскій посолъ передъ графомъ шляпу временемъ снимаетъ, по дорогѣ ѣдучи и въ шляпѣ съ нимъ говоритъ, за обѣдомъ сидитъ съ нимъ вмѣстѣ; думные и дворяне графа почитаютъ, говорятъ съ нимъ всѣ снявши шляпы и въ разговорѣ съ нимъ называютъ его королевичемъ, а не посломъ, и во всемъ его почитаютъ государскимъ обычаемъ. Даже по возвращеніи Вальдемара въ Данію, когда Михаилъ уже отправилъ туда свое посольство съ окончательными предложеніями сватовства, Русскіе все еще не были увѣрены, какъ имъ слѣдуетъ обращаться съ королевичемъ. Когда онъ пришелъ къ посламъ, чтобы поблагодарить ихъ за оказанную сватовствомъ честь и за царскіе подарки, послы просили его присѣсть, чтобы не заставлять его говорить съ ними стоя. «Когда вы сядете, тогда и я съ вами сяду», сказалъ королевичъ. Послы отвѣчали: «ты государскій сынъ, мы по указу государя нашего тебя почитаемъ, тебѣ по твоему достоянію добро пожаловать сѣсть и мы съ тобою сядемъ». Королевичъ сѣлъ по серединѣ стола, а по конецъ не сѣлъ»[1].

Мы привели, надѣемся, достаточно указаній на тѣ условія, при которыхъ происходили дипломатическія сношенія до-петровской Руси съ государствами западной Европы. Обиліе нашихъ выписокъ оправдывается ихъ характернымъ содержаніемъ, при сравненіи съ которымъ путешествіе Петра Великаго за границу представляется намъ во всей рѣзкости новизны его условій. Со времени появленія царской власти мы не находимъ примѣра, чтобы цари оставляли предѣлы своего государства иначе, какъ въ качествѣ завоевателей чужихъ владѣній. Только геніальный умъ Петра и его изумительная сила воли способны были разрушить китайскую стѣну

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 1267—1270.

укоренившихся въ древней Руси предразсудковъ. Только Петръ могъ рѣшиться однимъ ударомъ своей мощной руки разрубить хитросплетенный Гордіевъ узелъ, представляемый традиціонною косностью Посольскаго Приказа, которая обставила область международныхъ сношеній такими щепетильными пріемами, что они, какъ мертвая форма, могли только стѣснять живую мысль и движенія силы. Принимая участіе въ своемъ собственномъ посольствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаясь въ тѣни, Петръ Великій окончательно перенесъ на европейскую почву тѣ реформаторскіе помыслы, которые онъ питалъ первоначально въ узкой московской области своего оппозиціоннаго отношенія къ исконному быту и строю Руси. Ему нужно было сломать этотъ строй и онъ не затруднился въ средствахъ для того. Западъ привлекалъ его, манилъ его къ себѣ, какъ готовый образецъ для преобразованій. Разсказы иноземцевъ въ Москвѣ заставляли его стремиться лично въ Европу, чтобы на мѣстахъ провѣрить истину ихъ удивительныхъ сообщеній. Онъ искалъ готовыхъ формъ культуры, чтобъ не терять времени и не затруднять себя изобрѣтеніемъ новыхъ. Острый въ мысли, быстрый въ рѣшеніяхъ, онъ не постѣснился преданіями и условіями своей родины и сразу сталъ твердою ногою на новой почвѣ, не заботясь о томъ, соотвѣтствуетъ-ли эта почва, такъ сказать, его обуви. Обувь можно, если нужно, перемѣнить, а главное достичь желаннаго заморскаго берега[1]). Для своей поѣздки за границу Петръ остроумно воспользовался старыми московскими преданіями. Въ лицѣ его замѣстителя, Ромодановскаго, царская власть осталась въ Москвѣ во всей силѣ ея аттрибутовъ, а самъ царь подъ покрышкою изучаетъ Европу. Эта покрышка являлась единственнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ совершить путешествіе. Внѣ ея условій Петру было невозможно покинуть Россію, такъ какъ царь долженъ безвыѣздно сидѣть въ своей столицѣ или по крайней мѣрѣ не выѣзжать изъ предѣловъ своего государства. И вотъ на сцену является Ромодановскій въ Москвѣ, а самого царя нѣтъ за границей; тамъ только десятникъ Петръ Михайловъ. Но десятникъ лицо подчиненное, далеко не власть, и потому весь почетъ царскимъ посламъ и во главѣ ихъ Лефорту. На Лефортѣ и главная дипломатическая отвѣтственность. Все это просто и логично, но никому, кромѣ Петра, не могло да и не нужно было приходить въ голову. Но тѣмъ не менѣе комбинація Ромодановскаго въ Москвѣ и Петра въ волонтерахъ при посольствѣ, при всей своей необычности и новизнѣ, не

[1]) Это желаніе было такъ сильно, что Петръ буквально при первомъ удобномъ случаѣ поспѣшилъ воспользоваться возможностью морскаго путешествія по берегамъ Пруссіи (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. III, стр. 31—32), хотя изъ Митавы въ Кенигсбергъ онъ могъ бы проѣхать и сухимъ путемъ.

лишена значенія нѣкоторой уступки старому быту. Офиціально Петръ все таки не за границей. Но уступки не ограничиваются этимъ. Вся формальная сторона посольства, подробности трехъ-членнаго его состава, участіе въ немъ дьяка, хотя бы и думнаго, въ лицѣ Прокофія Возницына, весь реквизитъ, вся канцелярщина, все это не только отзывается рутиною Посольскаго Приказа, но прямо и строго руководствуется ею. Здѣсь также отражается личность Петра Великаго и ея геніяльныя особенности. Не заботясь о формѣ ради идеи, стремясь, какъ онъ доказалъ впослѣдствіи, пересаживать готовые западные плоды на новую восточную почву, онъ настолько же способенъ былъ пользоваться старыми московскими пріемами дипломатіи, чтобы благодаря имъ проникнуть въ завѣтныя, заповѣдныя для царя страны Западной Европы. Главнѣйшее заключалось въ цѣли и въ быстротѣ ея достиженія. Все остальное, то есть формы и традиціи, было не важно, хотя было полно внутреннихъ противорѣчій. Но, въ области дипломатіи, организація великаго посольства 1697—1698 годовъ была уже послѣднею уступкою старинѣ. Скоро послѣ возвращенія Петра изъ за границы пословъ замѣняютъ резиденты и министры, а преобразованіе Посольскаго Приказа въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ является только вопросомъ времени.

Однако, если Петръ въ подробностяхъ организаціи посольства придерживался традиціоннаго шаблона, а псевдонимомъ Петра Михайлова обезпечилъ неукоснительное пребываніе царской власти въ столицѣ государства, то что же новаго представляетъ собою первое заграничное путешествіе русскаго царя? Въ чемъ отражается самая реформа, въ чемъ заключаются ея существенные признаки? Только въ одномъ, но притомъ крайне важномъ и значительномъ явленіи, именно въ томъ, что Петръ отправился за границу подъ покрышкою. Эта покрышка, это incognito было уже прямымъ заимствованіемъ съ Запада, первымъ примѣненіемъ условій европейской культуры къ московскому быту, громко провозгласившимъ реформу за предѣлами Россіи. Incognito выходило изъ круга понятій прежнихъ царей, не могло вмѣщаться въ ихъ міросозерцаніи; условіе покрышки должно было связываться, какъ съ неминуемымъ послѣдствіемъ, съ представленіемъ объ умаленіи государской чести и имени, о несоблюденіи полноты титула, а потому и царскаго достоинства. Ни самъ Алексѣй Михайловичъ, ни тѣмъ менѣе мало одаренные отъ природы оба старшіе сыновья послѣдняго, Ѳеодоръ и Іоаннъ, никогда не рѣшились бы посягнуть на малѣйшую іоту своего высокаго пресвѣтлаго имени и замѣнить его формою именованія, присвоеннаго лишь царскимъ холопамъ, которые обозначались одними именами по крещенію

и по отцу. Петръ Михайловъ! Это даже не князь, не Рюриковичъ. Такое имя относится къ области самыхъ заурядныхъ, низшихъ слоевъ общества, можетъ принадлежать только простымъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, рядовымъ стрѣльцамъ или солдатамъ. Но Петръ Михайловъ не только по имени напомнилъ собою эти низшіе слои, онъ дѣйствительно снизошелъ до нихъ, а въ лицѣ ихъ до своего народа, которому онъ явилъ собою высокій примѣръ неутомимаго труженика и «вѣчнаго на тронѣ работника». Царственныя заботы легли на Ромодановскаго, а Петръ Михайловъ поѣхалъ за границу, чтобы работать въ Саардамѣ и учиться на амстердамскихъ верфяхъ. Эту цѣль не могъ преслѣдовать русскій царь, но она была крайне пригодна для простаго десятника въ отрядѣ волонтеровъ. Вотъ въ этой то временной жертвѣ царскаго сана и личныхъ преимуществъ ради блага государства, ради лучшей судьбы народа, и заключается вся сущность, все значеніе историческаго подвига Петра Великаго, проявившагося въ особенностяхъ его перваго путешествія за границу. Авторитетъ власти и связанный съ нею почетъ поручены московскому ея представителю, а настоящій обладатель ею, вдали отъ родины и въ качествѣ простаго рабочаго, матроса, волонтера, трудится своими собственными руками надъ созданіемъ будущаго величія Россіи. Вотъ это то забвеніе себя ради другихъ, это то благое употребленіе произвола на пользу отечества и являлось новизною, первымъ европейскимъ шагомъ на пути Петровскихъ реформъ, первымъ и притомъ крупнѣйшимъ отступленіемъ не только отъ традицій Посольскаго Приказа, но и отъ всего склада московскаго строя и быта. Предки заботились о чести своего имени, преобразователь думаетъ о благѣ подданныхъ. Цари стремились къ личнымъ эгоистическимъ цѣлямъ, будущій императоръ руководствуется побужденіями высшаго государственнаго порядка. Въ прошломъ преданія влачатъ свое существованіе въ мертвящей косности и отзываются неподвижностью востока, въ будущемъ грезятся мечты о бьющей ключомъ жизни и о сліяніи судьбы государства съ судьбою цѣлаго міра. Разъ эта программа установлена, ее можно выполнить лишь при условіи ближайшаго знакомства съ образцомъ идеала. И вотъ, почему Петръ Михайловъ въ Европѣ! Вотъ, почему Петръ Великій явился преобразователемъ Руси въ Россію.

Смѣлыя мечты Петра о реформахъ, не понятныя большинству его соотечественниковъ и возбудившія сопротивленіе приверженцевъ стараго порядка, могли быть достойно оцѣнены Русскими лишь много лѣтъ спустя. Тѣмъ болѣе иностранцы не были въ состояніи усвоить себѣ ни настоящихъ мотивовъ посольства 1697—1698 г., ни причинъ участія въ немъ самаго

царя, ни поводовъ, заставившихъ Петра принять необычный и поразительный псевдонимъ Петра Михайлова. Въ прежнее время заурядныя посольства изъ Россіи неоднократно посѣщали западную Европу, но самъ царь впервые выѣзжалъ изъ предѣловъ своего государства. Представленія о послѣднемъ создались у Европейцевъ подъ долговременнымъ вліяніемъ такихъ шаблонныхъ образцовъ и сложились въ такое опредѣленное понятіе о Руси, что истинныя цѣли Петра казались невозможными и превышали всякіе размѣры вѣроятія. Прежніе опыты въ международныхъ сношеніяхъ Европы съ своимъ сѣверовосточнымъ сосѣдомъ не позволяли Западу выдѣлять Россію изъ странъ Востока, гдѣ произволъ, направляемый къ удовлетворенію исключительно однихъ личныхъ, эгоистическихъ стремленій владыкъ, придаетъ ихъ власти характеръ безсодержательнаго, роковаго деспотизма, который въ своихъ условіяхъ не представляетъ почвы для проявленія какой бы то ни было добровольной жертвы на пользу народа. Изложенное соображеніе смущало всѣ умы иностранцевъ при извѣстіи о предстоящемъ прибытіи русскаго царя въ Европу, а избранная Петромъ форма личнаго участія въ составѣ посольства окончательно сбивала ихъ съ толку и путала всѣ ихъ предположенія. На Россію, какъ мы уже имѣли случай неоднократно упоминать, иностранцы смотрѣли, какъ на непросвѣщенную, дикую, грубую, но могущественную страну, а въ ея повелителѣ видѣли грознаго и неограниченнаго въ своемъ произволѣ монарха. Мало знакомые съ состояніемъ Россіи и ея историческими задачами, они давали полный просторъ своему воображенію, стремясь объяснить себѣ истинныя тайныя побужденія русскаго царя, отправляющагося за границу. Въ попыткахъ объясненія отражались между прочимъ и современные религіозные вопросы, волновавшіе западную Европу и потому понятно, что Петру приписывались намѣренія ввести въ свое государство новую вѣру, заимствованную у европейскихъ народовъ. Борьба католичества съ протестантствомъ въ ту эпоху еще не улеглась на Западѣ. Свѣтская власть Папы усложняла религіозные споры оттѣнкомъ политическаго соперничества съ Римскою имперіею, а вопросъ о союзѣ противъ Турокъ являлся общею мечтою, связывавшею самыя разнокалиберныя христіанскія государства. Въ такую эпоху оживленія религіозныхъ интересовъ могъ легко возникнуть на Западѣ слухъ о желаніи Петра ввести въ Россіи протестантство. Мы уже знаемъ про этотъ слухъ изъ сомнѣнія въ его достовѣрности, выраженнаго англійскимъ епископомъ[1]). На подобныя же предположенія

[1]) См. выше, стр. 138.

указываютъ и другія современныя свидѣтельства. Вотъ, что напримѣръ пишетъ нѣкто Arpingon изъ Гааги своимъ родственникамъ въ Женеву: «При посѣщеніи Голландіи и короля Вильгельма царь имѣетъ въ виду перемѣну религіи или соединеніе его вѣры съ нашею. Увѣряютъ, что онъ даже совѣщался объ этомъ предметѣ съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ. Онъ хочетъ взять съ собою докторовъ всякихъ наукъ, чтобы основать въ своей землѣ коллегіи и академіи.... Несомнѣнно, что Русскіе (Moscovites) настолько же, сколько и мы, ненавидятъ папу.... Они также ненавидятъ Французовъ за ихъ союзъ съ Турками, этимъ великимъ враговъ Русскихъ; послѣдніе по той же причинѣ питаютъ склонность къ Англичанамъ.... Какъ бы то ни было, но въ настоящемъ столѣтіи выдающимся событіемъ является то, что великій царь оставилъ свою страну вопреки ея законамъ и при томъ въ такое время, когда онъ имѣетъ на плечахъ цѣлую войну и выставилъ 300,000 войскъ, и все это лишь для того, чтобы предпринять походъ подъ начальствомъ короля Вильгельма, котораго онъ называетъ братомъ въ своемъ письмѣ, адресованномъ къ Генеральнымъ Штатамъ. Послѣдніе наняли нѣсколько домовъ, чтобы помѣстить его многочисленное посольство. Пріемъ Петра у курфюрста Бранденбургскаго стоилъ послѣднему болѣе 150,000 талеровъ. Я не сомнѣваюсь, что личное присутствіе царя и его интриги имѣли вліяніе на неуспѣхъ избранія принца де-Конти; по крайней мѣрѣ, въ ожиданіи конца этого выбора, Петръ провелъ въ Пилавѣ около двухъ недѣль. Это все заставляетъ насъ признать въ немъ предпріимчиваго монарха, питающаго въ своемъ умѣ высокія мечты о коренныхъ перемѣнахъ въ своемъ государствѣ, о введеніи въ него искусствъ и наукъ, преимущественно военныхъ. Онъ намѣревается взять съ собою опытныхъ (geschickte) людей и его свита, кромѣ многихъ бояръ, состоитъ изъ дѣтей послѣднихъ, которыхъ царь хочетъ оставить на нѣсколько лѣтъ въ нашихъ академіяхъ съ цѣлью изученія и введенія у себя нашихъ обычаевъ (manieren)» [1]. Приведенная выписка заключаетъ въ себѣ перечисленіе почти всѣхъ мотивовъ, которыми въ западной Европѣ объясняли себѣ тайные поводы путешествія Петра. Тутъ заключаются намеки на религіозныя реформы въ Россіи и на союзъ противъ Турокъ, на желаніе Петра сражаться подъ начальствомъ Вильгельма [2]) и наконецъ на его стремленіе воспользоваться европейскою наукою для развитія образованности въ Россіи. Послѣднее объясненіе, какъ самое простое и правильное, казалось всего

---

1) Moritz Posselt, Der General und Admiral Franz Lefort, sein Leben und seine Zeit, т. II, стр. 410—413.

2) Ср. рѣчь Петра къ Вильгельму, приведенную выше на стр. 74—75, и Приложеніе III.

менѣе допустимымъ въ глазахъ иностранцевъ. Въ той же выпискѣ мы находимъ и указаніе на связь пріѣзда Петра съ особыми мѣрами для оказанія русскому царю достойной чести и подлежащаго гостепріимства. Принятіе этихъ мѣръ было затруднено тѣмъ особымъ положеніемъ Петра, которое онъ занималъ среди своего посольства и которое ускользало отъ вѣрнаго пониманія иностранцевъ. На сколько въ началѣ XVII в. Русскіе не были способны стать на настоящую почву въ своихъ отношеніяхъ къ пріѣзжавшимъ въ Россію Датскимъ принцамъ[1]), на столько же въ концѣ того же столѣтія западные Европейцы бились надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, какъ имъ принять русскаго царя, появляющагося подъ чужимъ именемъ. Если мы припомнимъ, какъ вопросъ этотъ волновалъ рижскаго губернатора Дальберга[2]), то легко поймемъ и положеніе Голландцевъ. Самъ Петръ вполнѣ послѣдовательно въ теченіе всего своего путешествія провелъ строгое соблюденіе принятой имъ формы инкогнито, которая, какъ мы видѣли, ни разу не нарушена въ офиціальныхъ документахъ посольства. Но въ ожиданіи великаго посольства, до его пріѣзда, вся западная Европа находилась въ недоумѣніи, такъ какъ при всемъ желаніи оказать всякій почетъ русскому царю, она не смѣла разоблачать его инкогнито, боясь этимъ разоблаченіемъ разсердить Петра и вызвать въ немъ проявленія восточнаго произвола. Задача, притомъ задача дипломатическая, была очень трудная и правильное рѣшеніе ея, особенно въ связи со всѣми тонкостями рутиннаго московскаго этикета, являлось особенно важнымъ въ виду возвышенія на востокѣ Европы новой могущественной, христіанской и крайне своеобразной державы. Для устраненія недоразумѣній и практическихъ затрудненій требовались нѣкоторыя уступки и Европа пошла на нихъ, согласилась исполнить поразительныя по своей странности требованія Русскихъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о достойномъ чествованіи русскаго посольства 1697—1698 г., объ оказаніи ему гостепріимства въ подобающей степени, становился для западной Европы, въ лицѣ занимающей насъ Голландіи, во главѣ всѣхъ прочихъ дипломатическихъ соображеній и требовалъ крайне напряженнаго вниманія. Но важность вопроса не ограничивалась дипломатическими трудностями. Обязанности гостепріимства вызывали соотвѣтственныя издержки, а это обстоятельство въ свою очередь возбуждало смѣтныя осложненія, разрѣшаемыя только путемъ обсужденія въ парламентѣ. Въ брошюрѣ Меермана эта послѣдняя сто-

---

1) Ср. выше, стр. 160.
2) См. выше, стр. 45 и далѣе.

рона дѣла выясняется особенно наглядно. Сообщаемыя имъ данныя даютъ намъ важный матеріалъ для опредѣленія стоимости путешествія Петра Великаго для денежныхъ средствъ Голландіи. Съ другой стороны свѣдѣнія, сообщаемыя Памятниками Дипломатическихъ Сношеній, особенно въ томѣ IX, гдѣ помѣщены расходныя книги великаго посольства 1697—1698 гг., облегчаютъ намъ попытку вычислить, въ какую сумму это посольство и первое путешествіе Петра по Европѣ обошлось тогдашнимъ финансамъ Россіи. Изъ сравненія этихъ двухъ параллельныхъ итоговъ мы убѣдимся въ возможности сдѣлать взаимную оцѣнку двухъ культуръ, раздѣлявшихъ христіанскую Европу на порогѣ XVIII столѣтія на два различные міра, и притомъ примѣняясь въ этой оцѣнкѣ къ области исключительно матеріальной, именно финансовой. Однако, прежде чѣмъ приступить къ такой задачѣ, намъ слѣдуетъ предварительно остановиться на выясненіи сравнительной цѣнности тогдашнихъ денежныхъ знаковъ и единицъ, употреблявшихся въ Россіи, съ тою монетною системою, которая существовала тогда въ Голландіи. Счастливая случайность, сохранившая въ расходныхъ книгахъ занимающаго насъ посольства любопытныя и важныя данныя послѣдняго рода, позволяетъ намъ достигнуть цѣли безъ особаго труда и не выходя изъ предѣловъ указаннаго источника[1]).

До 1700 года монетное дѣло въ Россіи находилось въ самомъ примитивномъ состояніи. Собственно русской монетной системы даже не было тогда, а для цѣлей обмѣна служили только самые мелкіе денежные знаки, именно серебряныя копѣйки и полукопѣйки или деньги (денежки). Счетъ велся на рубли, которые дѣлились на 100 копѣекъ или 200 денегъ, на алтыны, которые представляли собою по 3 копѣйки или по 6 денегъ, на гривны по 10 копѣекъ или три алтына съ двумя деньгами, и затѣмъ на деньги или полукопѣйки. Болѣе крупная, чѣмъ въ копѣйку, монета употреблялась исключительно иностранная. Ею служили серебряные и золотые талеры, ефимки, червонцы, дукаты и т. д. Лишь послѣ 1700 года Петръ сталъ чеканить въ Россіи крупные денежные знаки въ видѣ золотыхъ червонцевъ[2]) и серебряныхъ рублей, полтинниковъ, полуполтин-

---

[1]) Во избѣжаніе смѣшенія съ VIII томомъ Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній, въ которомъ помѣщены статейные списки посольства 1697—1698 г., мы будемъ цитовать IX томъ этого изданія подъ заглавіемъ Расходныхъ книгъ посольства. Это тѣмъ болѣе необходимо, что намъ придется неоднократно приводить на VIII томъ ссылки, которымъ мы сохранимъ ихъ прежнее обозначеніе, т. е. Памятники Дипломатическихъ Сношеній.

[2]) «Выдѣлка золотой монеты начата при Петрѣ I въ 1701 г. въ Москвѣ, именно червонныхъ, пробою 95, по 118 изъ фунта, цѣною по 2 р. 25 коп.» (Горный журналъ, 1844, II, статья Чистякова: Обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи съ половины XVII в. по 1844 г., стр. 402). Кстати сказать, источникомъ этимъ не воспользовался Д. Прозоровскій.

никовъ и гривенниковъ. Но введенная Петромъ реформа монетнаго дѣла, въ связи съ возвышеніемъ цѣнности золота сравнительно съ серебромъ, одновременно нѣсколько уронила курсъ новыхъ русскихъ монетъ въ Россіи и заграницею[1]. Впрочемъ явленіе это относится уже къ другой эпохѣ, именно къ первымъ годамъ XVIII вѣка[2]. Въ 1697—1698 гг., въ своихъ международныхъ денежныхъ сношеніяхъ Россія руководствовалась курсовыми нормами, установленными еще при Алексѣѣ Михайловичѣ. Нормы эти были слѣдующія. Золотой червонецъ цѣнился въ полный рубль, впрочемъ съ нѣкоторыми колебаніями[3], серебряные талеры или ефимки[4] принимались въ половину рубля, въ полтинникъ. Цѣнность этихъ крупныхъ монетъ сравнительно съ мелкими русскими денежными знаками, въ зависимости отъ курсовъ, была слѣдующая. Червонецъ стоилъ отъ 200 до 240 денегъ или отъ 100 до 120 копѣекъ, талеръ и ефимокъ равнялись полтиннику или 16 алтынамъ (48 копѣекъ) и 4 деньгамъ (2 копѣйки). Самый-же рубль по счетамъ на алтыны и деньги состоялъ изъ 33 алтынъ и 2 денегъ. Подкрѣпимъ эти вычисленія авторитетными примѣрами. При Алексѣѣ Михайловичѣ, говоритъ Соловьевъ, золотой червонецъ цѣнился по рублю, ефимокъ любскій по полтинѣ[5]. Та же самая норма установлена въ 1697 г. договоромъ, заключеннымъ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 1339—1340.

[2]) Въ 1706 г. князь Б. И. Куракинъ пишетъ: «50 ефимковъ на наши деньги 40 рублей или чѣмъ малымъ больше» (Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, кн. I, С.-Пб. 1890, стр. 144). Далѣе мы доказываемъ, что въ 1697—1698 гг. одинъ рубль равнялся двумъ ефимкамъ.

[3]) Червонцы второй половины XVII вѣка (въ 1661 году) стоили въ покупкѣ 1 р. 15 к., а въ продажѣ 94 коп. По указамъ Алексѣя и Петра цѣна золотаго червонца была одинъ рубль. (Баронъ де Шодуаръ, Обозрѣніе Русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ, переводъ В. А., С.-Пбургъ, 1838 г., стр. 64—65). Системы и цѣны золотой русской монеты, чеканившейся въ XVII и въ началѣ XVIII вв., неизвѣстны.... Съ 1712 г. червонцы дѣланы въ 78 долей, цѣною по два рубля, почти равняясь по цѣнѣ и вѣсу червонцамъ голландскимъ въ $77^{1}/_{2}$ долей и шведскому въ $77^{1}/_{4}$ долей. (Д. Прозоровскій, Монета и вѣсъ въ Россіи, стр. 682, 687 и 713—714. Статья эта напечатана въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. XII, С.-Пб., 1865).

[4]) Слово ефимокъ представляетъ собою ничто иное, какъ русское искаженіе нѣмецкаго названія Joachimsthaler, происхожденіе котораго объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ Богеміи, на границѣ Саксоніи и въ сосѣдствѣ съ богатыми рудою горами Эрцгебирге (Рудныя горы), существовалъ расположенный въ долинѣ городокъ Іоахимсталь (Joachimsthal), называемый такъ въ честь святаго этого имени. Пользуясь мѣстною серебряною рудою, владѣльцы городка, графы Шликъ, еще съ 1518 года стали чеканить свою монету, которая по имени городка (Thal, по русски долина) стала называться талерами (по латыни Vallensis отъ vallis), а по имени изображеннаго на ней святаго, состоявшаго патрономъ городка, Іоахимовыми талерами (Joachimsthaler, Joachimicus по латыни). Объясненіе это заимствовано нами изъ Универсальнаго Словаря, изданнаго въ XVIII вѣкѣ Нѣмцемъ Цедлеромъ (Zedler, Grosses Universal-Lexicon, Leipzig und Halle, Band XIV, 1739 г., стр. 806 подъ словомъ Joachimsthal; ср. также Meyer, Conversations Lexicon, т. XV, подъ словомъ Thaler). Названіе ефимокъ примѣнялось въ древней Россіи ко всѣмъ родамъ талеровъ, гдѣ бы ни чеканилась эта монета соотвѣтствующихъ вѣса и цѣнности.

[5]) Исторія Россіи, т. XIII, стр. 723.

о табачной торговлѣ Англіи въ Россіи[1]); объ этомъ документѣ мы имѣли уже случай упомянуть въ нашемъ изложеніи поѣздки Петра въ Англію въ 1698 г.[2]). Наконецъ, воспользуемся еще слѣдующими данными расходныхъ книгъ великаго посольства 1697—1698 гг. и начнемъ съ золотой монеты. Противъ цифры $^5/_{12}$ золотыхъ на полѣ въ подлинникѣ расходной книги помѣчено: 14 алтынъ[3]). Золотыми въ данномъ случаѣ обозначается червонецъ, полная стоимость котораго изъ этого разсчета и по пропорціи $\frac{12\times14}{5}$ опредѣляется въ $33^3/_5$ алтына или въ $201^3/_5$ деньги, что составляетъ цѣлый рубль съ прибавкою почти $^3/_4$ копѣйки. Въ другомъ мѣстѣ золотой цѣнится въ 40 алтынъ[4]). Почти ту-же цѣну, именно 41 алтынъ, придаетъ червонцу роспись Посольскаго Приказа, приведенная нами въ главѣ III[5]). Разница между $33^3/_5$ и 40—41 алтынами зависѣла конечно отъ различія курса цѣнимыхъ червонцевъ, которые не были одинаковы по вѣсу въ разныхъ государствахъ Европы. Цѣна дукатовъ указывается слѣдующими данными. За 12,000 ефимковъ по векселю на Венецію было уплачено за великое посольство 12,245 Венеціанскихъ дукатовъ[6]), стало быть одинъ ефимокъ стоилъ приблизительно $\frac{51}{50}$ дуката и наоборотъ 1 дукатъ $\frac{50}{51}$ или около $\frac{98}{100}$ ефимка и потому почти равнялся 50 копѣйкамъ или полтиннику. Кромѣ Венеціанскихъ, вѣроятно серебряныхъ, въ Европѣ ходили и другіе дукаты или дукатоны, цѣнность которыхъ нѣсколько выше, именно въ 21 алтынъ, то есть въ 63 копѣйки[7]). Наконецъ, въ Голландіи существовалъ еще третій родъ дукатовъ серебряныхъ, о которыхъ упоминаетъ Динтеръ въ своихъ отчетахъ Генеральнымъ Штатамъ[8]). Впрочемъ съ дукатами и дукатонами мы будемъ встрѣчаться довольно рѣдко и въ указаніяхъ второстепенной важности. Главная же наша задача состоитъ въ выясненіи взаимнаго отношенія рублей и ефимковъ, съ ихъ дѣленіями, къ монетамъ и цѣнностямъ, употреблявшимся въ Голландіи.

Издавна и до сихъ поръ существующая въ Нидерландахъ монетная система сводится къ крупной серебряной единицѣ, называемой гульденомъ

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. III, № 1628, стр. 448—449. Ср. также: Расходныя книги посольства, стр. 914, гдѣ ефимокъ битый принимается въ полтинникъ, а мелкими голландскими монетами требовалъ одной русской денежки въ наддачу.

[2]) См. выше, стр. 117, примѣч. 2.

[3]) Расходныя книги посольства, стр. 955, примѣч.

[4]) Тамъ-же, стр. 1026.

[5]) См. выше, стр. 41, № 8.

[6]) Расходныя книги посольства, стр. 959—960.

[7]) Тамъ-же, стр. 986.

[8]) См. выше, стр. 103.

или флориномъ, который дѣлится на 100 мѣдныхъ центовъ и на 20 такихъ-же стейверовъ[1]), по 5 центовъ[2]) въ каждомъ стейверѣ. Въ переводѣ на французскій языкъ стейверъ назывался су. Это названіе, какъ мы видѣли, употребляетъ и Меерманъ[3]). Для перевода стоимости гульдена на русскую валюту въ 1697—1698 гг. мы встрѣчаемъ слѣдующія основанія въ документахъ великаго посольства. 5 Марта 1698 г. въ Амстердамѣ было взято взаймы 9,800 ефимковъ по курсу 52 стейвера за ефимокъ, а вексель на эту сумму былъ учтенъ въ Любекѣ по цѣнѣ 53 стейвера за ефимокъ[4]); слѣдовательно курсовая разница составляла всего одинъ стейверъ на ефимокъ. Такъ какъ въ ефимкѣ надо считать 50 копѣекъ или 100 денегъ, то 1 стейверъ будетъ равняться $\frac{52 \text{ до } 53}{50}$ или $1^{9}/_{10}$ денежки, а центы дойдутъ до приблизительной микроскопической величины $^{1}/_{5}$ копѣйки или $^{38}/_{100}$ денежки. Чтобы не останавливаться на этомъ мелкомъ дѣленіи и не принимать его за основаніе сложныхъ дробныхъ разсчетовъ, припомнимъ, что 20 стейверовъ составляютъ одинъ гульденъ въ 100 центовъ. Такимъ образомъ въ 52—53 стейверахъ будетъ отъ 260 до 265 центовъ, что составитъ около $2^{1}/_{2}$ гульденовъ (точнѣе отъ $2^{3}/_{5}$ до $2^{13}/_{20}$). Для нашей цѣли совершенно достаточно признать въ круглой цифрѣ $2^{1}/_{2}$ гульдена равными приблизительно ефимку и 5 гульденовъ соотвѣтствующими рублю, причемъ точная стоимость рубля составитъ 5 гульденовъ и 20—25 центовъ. Приводя эту пропорцію въ обратный порядокъ, мы получимъ приблизительное равенство въ 1697—1698 гг. одного голландскаго гульдена 20 копѣйкамъ или 40 денежкамъ русскимъ[5]). Приведемъ еще другіе примѣры изъ того-же источника. Два случая перевода голландской валюты на русскія деньги[6])

---

[1]) О стейверѣ находимъ мы въ иностранныхъ словаряхъ слѣдующія свѣдѣнія. Stüber, Stuever, Stüfer, Stuiver (по французски sol, sou),—такъ называлась въ Нидерландахъ, въ ея колоніяхъ и во Франціи мелкая размѣнная монета (Scheidemünze), дѣлившаяся на 8 еще болѣе мелкихъ частей и стоившая отъ 6—7 пфенниговъ на нѣмецкія деньги; 6 стейверовъ составляли голландскій шиллингъ, 20 равнялись голландскому гульдену, а 50 цѣнились наравнѣ съ рейхсталеромъ. Впрочемъ цѣна стейвера была непостоянна и подвергалась колебаніямъ курса (Pierer, Universal-Lexicon, III-e изданіе, Altenburg 1845, томъ 30, стр. 193; Zedler, Grosses Universal-Lexicon, т. 40, стр. 1347).

[2]) Дѣленіе гульдена на 100 центовъ принадлежитъ новѣйшей эпохѣ. Въ древности гульденъ дѣлился на 160 дойтовъ, по 8 дойтовъ въ стейверѣ (ср. Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. I, СПб., 1890, стр. 149 и цитованный выше Словарь Цедлера). Одинъ дойтъ равнялся бы одной восьмой части копѣйки и одной четверти денежки.

[3]) См. выше, стр. 61, 126—128.

[4]) Расходныя книги посольства, стр. 960—961.

[5]) Австрійскій гульденъ, о которомъ также упоминаютъ расходныя книги посольства (стр. 1023), стоилъ нѣсколько дороже, именно около 30 копѣекъ, такъ какъ требовалъ гривны наддачи противъ голландскаго.

[6]) Во перныхъ 111 гульденовъ 4 деньги на 44 ефимка 7 алтынъ и 4 деньги и во вторыхъ $85^{1}/_{2}$ гульденовъ на 34 ефимка съ гривною (Расходныя книги посольства, стр. 995 и 1020).

также свидѣтельствуютъ о томъ, что гульденъ равнялся приблизительно 20 копѣйкамъ. Но самое вѣское и кстати характерное для тогдашнихъ цѣнъ на экипажи подтвержденіе мы находимъ въ разсчетѣ покупки кареты Пр. Б. Возницынымъ. Расходъ на эту покупку слѣдующими словами отмѣченъ подъ 10 Мая 1698 г.: «по приказу третьяго великаго и полномочнаго посла куплена корѣта, а въ ней обито трипомъ зеленымъ, съ подушки, и съ стеклы, и съ колесы коваными, у амстердамскаго комисаріуса у Ливиса Стрипа, а за тое корѣту дано 450 гульденовъ, а ефимками 180 ефимковъ» [1]. Тутъ уже не можетъ быть сомнѣнія и это опредѣленіе прямо и точно свидѣтельствуетъ о равенствѣ $2^1/_2$ гульденовъ одному ефимку, а 5 гульденовъ одному рублю. Этой нормы мы и будемъ придерживаться въ дальнѣйшихъ нашихъ разсчетахъ. Остановимся еще на мелкой голландской монетѣ, къ числу которой принадлежали шиллинги или шеленги, по выраженію подлинныхъ русскихъ документовъ. За купленныя для Пр. Б. Возницына груши было уплачено 4 шеленга, «то есть», какъ сказано въ подлинникѣ, «8 алтынъ» [2]; стало быть одинъ шиллингъ равнялся двумъ алтынамъ и стоилъ около 6 копѣекъ на русскія деньги. Провѣряя этотъ разсчетъ другимъ путемъ, мы находимъ, что 6 стейверовъ составляли голландскій шиллингъ [3] и такъ какъ 20 стейверовъ равнялись гульдену, стоившему около 20 копѣекъ, то стейверъ соотвѣтствовалъ копѣйкѣ [4], а шесть стейверовъ равнялись шести копѣйкамъ или двумъ алтынамъ. Повторяя все изложенное, чтобы на основаніи нашихъ документовъ установить окончательную разцѣнку голландской монеты сравнительно съ русскою, мы опредѣляемъ, что гульденъ стоилъ около 20 копѣекъ [5], шиллингъ около шести, стейверъ равнялся копѣйкѣ, а центъ долженъ представлять собою $^1/_5$ копѣйки.

Теперь намъ легко будетъ идти далѣе и попутно остановиться еще на выясненіи сравнительной, въ Голландіи и Россіи, стоимости золота,

---

[1]) Расходныя книги посольства, стр. 1010.

[2]) Тамъ-же, стр. 998.

[3]) См. выше, стр. 170, примѣч. 1.

[4]) Эта пропорція вполнѣ подтверждается слѣдующею курсовою нормою, установленною для уплаты Англичанами пошлины за табачную торговлю въ Россіи: «считая золотой по сту штиверовъ, ефимокъ по пятидесяти штиверовъ» (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1186). Кстати сказать, тотъ-же документъ оцѣниваетъ англійскій фунтъ стерлинговъ въ два рубля 13 алтынъ и 2 деньги, то есть въ 2 руб. 40 коп. (Тамъ-же, стр 1250).

[5]) Выше (стр. 109, примѣч. 3) мы имѣли случай сослаться на мнѣніе Прозоровскаго, признающаго, что по вѣсу голландскій флоринъ или гульденъ долженъ равняться около $^3/_4$ рубля. Но это указаніе относится къ позднѣйшей эпохѣ, когда нормальная цѣна названной голландской монеты составляетъ на русскія деньги около 52 копѣекъ, а по биржевому курсу колеблется между 60 и 90 копѣйками. Притомъ не забудемъ, что первые русскіе рубли стали чеканиться позже 1697 и 1698 годовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ нашихъ разсчетахъ.

какъ металла, и соболей. Это намъ необходимо для полнаго уразумѣнія достоинства и значенія подарковъ, которыми Голландцы и Русскіе взаимно одарили другъ друга. Если мы обратимъ вниманіе на подробную разцѣнку царскихъ и посольскихъ поминковъ собольими мѣхами[1]), то найдемъ, что итогъ первыхъ (3,040 рублей) и вторыхъ (1,060 рублей) составитъ сумму въ 4,100 рублей. Почти ту же стоимость на тогдашнюю русскую валюту представляетъ цѣнность цѣпей и медальоновъ, поднесенныхъ Голландцами Русскимъ, именно 20,150 гульденовъ или на русскія деньги около 4,060 р.[2]). Въ доказательство приводимъ слѣдующую таблицу.

ЦѢПИ	ВѢСЪ		ЦѢНА			СУММА	
	фунты	золотники	цѣпей	фунта	золотника	гульдены	рубли
Лефорта	10	—	7,000 г. (1,400 р.)	700 г. (140 р.)	7,3 г. (145—146 к.)		
Головина	8	—	6,000 » (1,200 »)	750 » (150 »)	7,8 » (155—156 »)	1,800—	3,600 р.
Возницына . . .	6	—	5,000 » (1,000 »)	833 » (166 »)	8,3 » (173 »)		
П. Лефорта . .	3	—	600 » (120 »)	200 » (40 »)	2 » (40 »)	900—	180 » [3])
Б. Пристава . .	3	—	300 » (60 »)	100 » (20 »)	1 » (20 »)		
2 толмачамъ, каждая по . .	—	34	250 (42 золотыхъ / 50 р. 40 к.)[4])	—	7,35 » (153 »)	500—	100 » 80 коп.
5 гербовъ (3 дворянамъ, пастору и священнику), каждый по	—	—	150 (30 золотыхъ / 36 рублей)	—	— —	750—	180 » —
					Итого. . .	20,150—	4,061 р. — к.

Такое взаимное совпаденіе стоимости русскихъ и голландскихъ подарковъ не можетъ быть объяснено простою случайностью, а свидѣтельствуетъ о тайныхъ усиліяхъ русскихъ и голландскихъ дипломатовъ строго соблюсти равную цѣнность взаимныхъ даровъ и тѣмъ сохранить полное достоинство и значеніе каждаго изъ обоихъ государствъ въ ихъ дипломатическихъ любезностяхъ. Въ изложеніи наказа посламъ о подробностяхъ пріемной аудіенціи мы замѣтили[5]), что Русскіе тщательно скры-

---

[1]) Ср. выше, стр. 94.

[2]) См. выше, стр. 104—105 и 109.

[3]) Цѣпи секретарю въ 600 гульденовъ и церемоніймейстеру въ 300 должны по всей нѣроятности обозначать собою подарки, полученные Петромъ Лефортомъ и Богданомъ Приставомъ, которые по русскому источнику указываются въ двухъ цѣпяхъ, каждая по 3 фунта вѣсомъ. Выведенный въ таблицѣ разсчетъ стоимости этихъ двухъ цѣпей приводитъ къ такимъ неожиданнымъ заключеніямъ, что заставляетъ насъ или предполагать какую нибудь ошибку въ показаніяхъ Меермана съ одной стороны и статейнаго списка съ другой или же признать, что обѣ цѣпи, полученныя П. Лефортомъ и Богданомъ Приставомъ, были серебряныя, можетъ быть и позолоченныя, но не золотыя. Во всякомъ случаѣ цѣны этихъ цѣпей ближе подходятъ къ тогдашней стоимости серебра, которое въ конфискованномъ имуществѣ князей Голицыныхъ цѣнилось за фунтъ отъ 5 до 15 рублей и за золотникъ отъ 5,2 до 41 коп. (См. Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ, т. IV, стр. 5, 8, 34, 187—194, 211—212, 289, 294 и въ другихъ мѣстахъ).

[4]) Мы цѣнимъ здѣсь золото въ дѣлѣ согласно разсчету покупки червонцевъ въ Москвѣ, гдѣ за нихъ платили 40—41 алтынъ (ср. выше, стр. 169).

[5]) См. выше, стр. 30.

вали отъ Голландцевъ стоимость своихъ подношеній. Неужели-же обмѣнъ совершенно равноцѣнными подарками не явился плодомъ закулиснаго взаимнаго соглядатайства, о которомъ однако ни русскіе, ни голландскіе документы не сохранили ни малѣйшаго намека?

Попытаемся же, на сколько возможно, опредѣлить размѣры затратъ, какъ Россіи на снаряженіе посольства 1697—1698 гг., такъ и Голландіи на пріемъ его. Такая задача тѣмъ настоятельнѣе, что нѣкоторыя историческія свидѣтельства, упоминая объ этихъ затратахъ въ недостаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ, можетъ быть впадаютъ въ преувеличенія и требуютъ провѣрки показаній современниковъ. Такъ, например, стрѣлецкій полковникъ Цыклеръ, возбуждая стрѣльцовъ къ бунту противъ Петра, между прочимъ объяснялъ свои преступныя намѣренія тѣмъ, что «въ государствѣ нынѣ многое нестроеніе для того, что государь ѣдетъ за море и посылаетъ посломъ Лефорта и въ ту посылку тащитъ казну многую»[1]. Съ другой стороны, участвовавшій въ посольствѣ Петръ Лефортъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ роднымъ въ Швейцарію, доводитъ цифру расходовъ Голландіи на пріемъ Русскихъ до невѣроятной, по его собственнымъ словамъ[2], суммы въ полмилліона гульденовъ или 200,000 талеровъ[3]. Намъ нужно провѣрить эти голословныя показанія и мы имѣемъ для того нѣкоторыя средства въ документахъ великаго посольства. Припомнимъ, что при своемъ отправленіи изъ Россіи посольство взяло съ собою на дорогу соболей на 70,000 рублей для раздачи подарками и 15,000 золотыхъ червонцевъ на корабельные наймы и разные посольскіе расходы[4]. Кромѣ того, годовой, чрезвычайный по случаю подмоги, окладъ жалованья составу посольства выяснился намъ въ суммѣ 14,000 рублей[5]. Эти три суммы даютъ намъ итогъ въ 99,000 или круглымъ счетомъ въ 100,000 рублей. Но это не все. По возвращеніи изъ Гааги въ Амстердамъ и не смотря на радушное гостепріимство Голландскихъ Штатовъ, русское посольство уже скоро почувствовало недостаточность взятыхъ съ собою изъ Россіи денегъ и необходимость запроса новыхъ средствъ изъ Москвы. Въ началѣ Декабря 1697 года эти средства были выписаны въ количествѣ 82,000 ефимковъ и 40,000

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 1166.

[2]) Поссельтъ, Фр. Лефортъ, т. II, стр. 442—443.

[3]) Въ этомъ разсчетѣ находимъ мы кстати новое подтвержденіе выведенной нами взаимной стоимости голландскихъ гульденовъ и талеровъ, т. е. ефимковъ.

[4]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 663. (Ср. выше, стр. 29). Цѣну червонцевъ мы принимаемъ офиціальную, въ одинъ рубль.

[5]) Собственно, 13,923 рубля, которые мы округляемъ для удобства дальнѣйшихъ вычисленій. (Ср. выше, стр. 40).

червонцевъ, а 24 Февраля 1698 г. получены векселями на 101,999 ефимковъ 14 алтынъ 4 деньги и на 29,999 золотыхъ червонныхъ 24 алтына[1]). Если считать червонцы по офиціальному курсу, указанному въ вышеприведенной выпискѣ изъ сочиненія барона Шодуара[2]), именно въ рубль цѣною, то выписанныя деньги, не смотря на разницу валюты, должны были вполнѣ соотвѣтствовать полученнымъ: итогъ 82,000 ефимковъ (41,000 рублей) и 40,000 червонцевъ (рублей) составлялъ 81,000 рублей и эту же сумму представляли собою 102,000 ефимковъ (51,000 рублей) съ 30,000 червонцевъ или рублей. Такимъ образомъ начальникъ Приказа Большой Казны, князь П. И. Прозоровскій строго удовлетворилъ требованіе Лефорта, хотя и въ другой валютѣ. Сверхъ денегъ, поступившихъ въ Февралѣ изъ Москвы, посольство получило въ Амстердамѣ еще непредвидѣнный доходъ въ количествѣ 21,000 ефимковъ[3]). Стало быть, во время пребыванія въ Голландіи всего поступило, кромѣ 30,000 червонцевъ, ефимками сперва 102,000 (51,000 р.) и потомъ 21,000 (10,500 р.), итого ефимками 123,000 (61,500 р.), а всего съ червонцами 91,500 р. Если-же цѣнить червонецъ по курсу въ 1 р. 20 к., то сумма эта увеличится на 6,000 р. и составитъ 97,500 р. Но расходныя книги посольства не обращаютъ вниманія на курсовую разницу и потому намъ достаточно установить, что расходы на пребываніе русскаго посольства въ Голландіи опредѣляются двумя суммами: во 1) въ сто тысячъ рублей, взятыхъ съ собою на дорогу и во 2) въ 91 1/2 номинально тысячь рублей, полученныхъ въ Амстердамѣ[4]). Какъ были израсходованы всѣ эти 190,000 рублей, мы не въ состояніи прослѣдить вполнѣ точно, такъ какъ расходныя книги посольства даютъ намъ отчетъ лишь объ употребленіи 102,000 ефимковъ, полученныхъ въ Амстердамѣ 24 Февраля 1698 г. Но и этотъ случайный матеріалъ открываетъ намъ много любопытныхъ сторонъ и характерныхъ подробностей, особенно въ бытовомъ отношеніи.

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1155—1156, 1180; Расходныя книги посольства, стр. 913—914 и 952. (Ср. выше, стр. 118 и 120—121).

[2]) См. выше, стр. 168, примѣч. 3.

[3]) 20,000 въ счетъ табачной пошлины изъ Англіи и 1,000 за проданный корабль (Расходныя книги посольства, стр. 918).

[4]) Предполагавшееся посѣщеніе посольствомъ Вѣны и Италіи заставило заблаговременно подумать объ обезпеченіи средствами дальнѣйшаго пути. Съ этою цѣлію, одновременно съ требованіемъ денегъ въ Голландію, въ Декабрѣ 1697 года, были выписаны изъ Москвы новые собольи мѣха на 10,000 рублей и дополнительныя денежныя средства. Эти мѣха и средства поручено было доставить въ Варшаву на имя русскаго резидента Никитина, который долженъ былъ передать ихъ посольству по дорогѣ въ Австрію (Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 1136—1138). Но эти подробности уже не касаются пребыванія посольства въ Голландіи и потому мы отмѣчаемъ ихъ лишь мимоходомъ.

26 Марта 1701 г. подъячій Михайло Волковъ, принимавшій личное участіе въ составѣ великаго посольства, подалъ въ посольскихъ расходахъ отчетъ, который начинается слѣдующими словами: «въ нынѣшнемъ въ 206 (1698 году) Февраля въ 24 день по указу великаго государя (слѣдуетъ титулъ) присланы съ Москвы изъ Приказу Большіе Казны въ Амстердамъ къ великимъ и полномочнымъ посламъ (слѣдуетъ ихъ перечисленіе по именамъ и титуламъ), на покупку ружья, и на корабельные припасы, и на наемъ начальныхъ людей и матрозовъ, и всякихъ чиновъ людей, и на наемъ кораблей, переводные письма или векселя, двадцать векселей, велѣно по тѣмъ векселямъ взять въ Амстердамѣ на иноземцахъ, которые торги свои имѣютъ въ Московскомъ государствѣ, ефимками сто одна тысяча девятьсотъ девяносто девять ефимковъ 14 алтынъ 4 деньги, да золотыхъ червонныхъ двадцать девять тысячь девятьсотъ девяносто девять золотыхъ 24 алтына. И по приказу великихъ и полномочныхъ пословъ, по тѣмъ векселямъ, на иноземцахъ въ Амстердамѣ взято для расходовъ ефимки мелкими голландскими ходячими деньгами, счетомъ въ мелкихъ деньгахъ галанскими деньгами — по полтинѣ ефимокъ, да наддачи на мелкія деньги — по деньгѣ на ефимокъ; а которые ефимки приниманы битыми ефимками, и на тѣхъ наддачи не взято. Принималъ тѣ ефимки и въ расходъ держалъ, съ того Февраля мѣсяца въ Мартѣ и въ Апрѣлѣ, и въ Маѣ мѣсяцахъ, Посольскаго Приказу подъячій Михайло Волковъ, а золотые принималъ и особой тому пріемъ у подъячаго у Михайла Родостамова»[1]. Отчетъ въ расходѣ, выведенный по итогамъ отдѣльныхъ его статей, занимая около полусотни столбцовъ цитируемаго нами изданія[2], заканчивается слѣдующими характерными строками: «всего по расходнымъ книгамъ, кромѣ зачетныхъ вексельныхъ ефимковъ, изъ пріемныхъ въ приказъ наличныхъ ефимковъ на вышеписанныя дачи въ расходѣ 101,190 ефимковъ 12 алтынъ[3]. И противъ пріему въ приказѣ у тѣхъ расходовъ на лицо не явилось 52 ефимковъ 14 алтынъ; и тѣ ефимки изъ пріему въ расходъ учинились во многихъ большихъ пріемахъ и въ дачахъ въ обсчетѣ и въ передачѣ потому, что мелкія галанскія деньги для скорости приниманы безъ перечету и иноземцамъ дачи даваны вдругъ на день человѣкъ по сту и слишкомъ, въ скорости знатно переданы, и тотъ недостатокъ учинился безхитростно; а онъ Михайло, по святѣй непорочной евангельской заповѣди Господни,

[1]) Расходныя книги посольства, стр. 913—914.

[2]) Тамъ-же, стр. 918—947.

[3]) Въ подлинникѣ эти, какъ и всѣ прочія цифры въ приводимыхъ далѣе ссылкахъ, прописаны словами.

еже ей, ей, тѣмъ деньгамъ не корыстенъ и въ томъ недочетѣ воля великаго государя». 52 ефимка въ сравненіи съ 101,000 составляютъ всего около $^{5}/_{100}$ или $^{1}/_{20}$ процента и такой результатъ обсчета надобно признать крайне ничтожнымъ.

Мы вышли бы изъ предѣловъ нашей задачи и значительно увеличили бы объемъ нашего труда, если бы оказали даннымъ расходныхъ книгъ посольства все то вниманіе, котораго они заслуживаютъ по богатству представляемаго ими матеріала въ бытовомъ, экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Предоставляя эту область другимъ, болѣе заинтересованнымъ изслѣдователямъ, мы рѣшаемся привести только нѣсколько указаній на подробности этого матеріала, образецъ которыхъ сводимъ въ таблицы, помѣщаемыя въ нашемъ Приложеніи подъ № V[1]. Обращаясь къ отчету подъячаго Волкова, мы убѣждаемся, что онъ распространяется на сумму не 102,000 ефимковъ, полученныхъ изъ Москвы, а на 123,000 ефимковъ. Разница этихъ двухъ суммъ объясняется зачетомъ 21,000 ефимковъ, полученныхъ изъ Англіи въ уплату табачной пошлины и отъ случайной продажи корабля[2]. Эти дополнительные ефимки входятъ въ расходный отчетъ Волкова, но за то изъ него исключена часть зачета по векселямъ на Э. Тессинга и А. Гутмана въ 22,697 ефимковъ; изъ этихъ послѣднихъ векселей въ отчетъ вошла лишь сумма около 13,000 ефимковъ на наемъ кораблей и амбара подъ оружіе, на прокормъ иноземцевъ и т. д.[3], а остальные 10,000 или около того вошли въ отчетный документъ дьяка Ларіонова, на который Волковъ ограничивается лишь ссылками[4]. По этому общій итогъ стоимости посольства долженъ быть увеличенъ на сумму въ 10,000 ефимковъ, пропущенную отчетомъ Волкова, который вмѣсто 102,000 ефимками получилъ всего около 80,000, а всѣхъ денегъ прошло чрезъ его руки 101,000, въ которыхъ онъ и даетъ отчетъ. Отчетъ этотъ можно раздѣлить на три главныя статьи расхода.

---

[1]) Таблицы этого приложенія составлены нами частью на основаніи другаго документа, напечатаннаго въ IX томѣ Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній, на стр. 906—1036, гдѣ помѣщена повседневная запись расходовъ посольства съ конца Февраля по 21 Іюня 1698 года, то есть по день прибытія въ Вѣну. Этотъ документъ при обиліи матеріаловъ, указывающихъ на стоимость различныхъ предметовъ житейскаго обихода, особенно важенъ какъ источникъ для исторіи нравовъ и быта.

[2]) Расходныя книги посольства, стр. 918: «въ Амстердамѣ жъ на расходы жъ взято у Галандца у Эгберта Тесенга по переводу изъ Англіи изъ табашной пошлины мелкими жъ деньгами безъ наддачи (т. е. процентовъ) 20,000 ефимковъ, да корабельныхъ денегъ отъ продажи корабля, у Петра Лефорта, мелкими жъ деньгами 1,000 ефимковъ».

[3]) Расходныя книги посольства, стр. 927—928.

[4]) «А прежняя дача была у Михайла Ларіонова.... да на корабельные жъ припасы были дачи изъ расходовъ подъячаго Михайла Ларіонова». Подобныя ссылки часто встрѣчаются въ отчетѣ Волкова (См. напримѣръ, Расходныя книги посольства, стр. 919, 923, 925, 928).

Во 1) потребности военныя и морскія:

Покупка и заказъ оружія . .	около 40,000	ефимковъ	(20,000 рублей)
Покупка корабельныхъ припасовъ	до 7,000	»	(3,500 »)
Принятымъ на службу иноземцамъ выдано жалованья, кормовыхъ денегъ, подмоги, на платье и на дорогу въ Россію	всего около 43,000	» [1]	(21,500 »)
Итого на потребности войска и флота	90,000	ефимковъ	(45,000 рублей)

Во 2) стоимость пребыванія посольства въ Голландіи:

Жалованье и кормовыя деньги посольской свитѣ.	572 еф.	3 алтынъ		(286 р. 9 к.)
Тоже волонтерамъ	714 »	13 »	2 деньги	(357 » 40 »)
Кормъ лошадей, жалованье конюшему Десаеру, покупка и починка дорожныхъ экипажей.	1,083 »	13 »	— »	(541 » 89 »)
Харчи волонтерамъ на Остиндскомъ дворѣ	218 »	10 »	— »	(109 » 30 »)
Приказныя выдачи (въ томъ числѣ Имеретинскому царевичу 800 ефимковъ и его учителю 1,000 еф.) разнымъ лицамъ въ жалованье, въ награду, за ученье и проч. . .	2,431 »	14 »	4 »	(1,215 » 94 »)
Волонтерамъ на платье, кормовыя дачи и на дорогу ихъ учителямъ.	655 »	12 »	2 »	(327 » 87 »)
Извощикамъ, за почту, куплено бумаги, чернилъ, перьевъ, свѣчь, связокъ, сундуковъ и роздано милостыни, всего[2] около	340 »	— »	— »	(170 » — »)
Выдано на дорожные расходы до Вѣны.	4,000 »	— »	— »	(2,000 » — »)
Итого. . .	10,020 еф.	— алт.	— ден.	(5,010 р. — к.)

Такимъ образомъ потребности посольства во время его пребыванія въ Голландіи съ конца Февраля до половины Мая, то есть почти за три мѣсяца, обошлись круглымъ счетомъ въ 10,000 ефимковъ (5,000 руб).

[1]) Въ точности 42,622 ефимка 15 алтынъ 2 деньги. (Расходныя книги посольства, стр. 930).

[2]) Въ этомъ числѣ израсходовано: на извощиковъ 214 ефимковъ 2 алтына 2 деньги (107 р. 7 к.), на почтовыя издержки 73 ефимка 13 алтынъ 2 деньги (36 р. 90 к.), на покупку сальныхъ свѣчь на 2 мѣсяца 11 ефимковъ (5 р. 50 к.) и роздано милостыни 11 ефимковъ 8 алтынъ 4 деньги (5 р. 76 к.).

Наконецъ въ 3), въ расходныхъ книгахъ отмѣчены также личные расходы Петра и его трехъ пословъ, состоявшіе преимущественно въ разныхъ покупкахъ, заказахъ и другихъ издержкахъ на собственный обиходъ[1]. Большинство покупокъ было отправлено, какъ мы уже знаемъ[2], въ Россію моремъ чрезъ Архангельскъ. Въ расходахъ пословъ значительное мѣсто отведено уплатамъ за питья и столовые запасы во время ихъ послѣдняго пребыванія въ Амстердамѣ[3] и за заказы разной одежды и платья[4]. Остальныя, сравнительно небольшія, деньги были издержаны на выдачу кормоваго довольствія лицамъ посольской свиты и на уплату ихъ квартиръ[5]. Въ покупкахъ самого царя преобладаютъ инструменты, научныя рѣдкости (напримѣръ, крокодилъ и рыба свертъ-фишъ), алмазы, медали и т. д. На платье, ѣду и питье Петра не показано никакихъ затратъ. Всего по этой, третьей статьѣ было израсходовано на покупки и расходы, въ круглыхъ суммахъ:

Царя	1,800 еф.	(900 руб.)	10,400 еф. (5,200 руб.)
Лефорта . .	5,600 »	(2,800 »)	
Головина . .	1,300 »	(650 »)	
Возницына .	1,700 »	(850 »)	

Круглымъ счетомъ 10,000 ефимковъ (5,000 руб.)

Такимъ образомъ итогъ всѣхъ расходовъ, въ которыхъ Волковъ представилъ свой отчетъ, является намъ составленнымъ изъ слѣдующихъ трехъ главныхъ суммъ:

1) Потребности войска и флота .	90,000	ефимковъ	(45,000 руб.)
2) Содержаніе посольства	10,000	»	(5,000 »)
3) Издержки царя и пословъ . . .	10,000	»	(5,000 »)
Итого . . .	110,000	»	(55,000 »)

Этотъ выводъ является не вполнѣ согласнымъ съ суммою расхода, показанною М. Волковымъ[6], но въ нашъ итогъ вошла опущенная имъ часть векселей, переведенныхъ на Тессинга и Гутмана въ размѣрѣ около

---

[1]) Такъ Ѳ. А. Головинъ купилъ часы за 30 ефимковъ (15 р.), а Пр. Б. Возницынъ карету, обошедшуюся съ провозомъ почти въ 191 ефимокъ (95 р. 50 к.), и двое англійскихъ часовъ, которые стоили вмѣстѣ 120 ефимковъ (60 р.).

[2]) См. роспись покупкамъ, приводимую нами выше, на стр. 118—119.

[3]) Напримѣръ, 2,500 ефимковъ (1,250 р.) за Лефорта, 400 ефимковъ (200 р.) за Ѳ. А. Головина и около 320 ефимковъ (160 р.) за Пр. Б. Возницына, все это за время съ 1 Марта по 13 Мая.

[4]) Платья сдѣлано: Лефорту и его свитѣ на 2,600 ефимковъ (1,300 р.), Головину лично на 200 ефимковъ (100 р.) и Возницыну приблизительно на 300 ефимковъ (150 р.).

[5]) На все это вышло: у перваго посла 360 ефимковъ (180 р.), у втораго около 170 ефимковъ (85 р.), а у третьяго еще меньше, именно 128 ефимковъ (64 р.).

[6]) 101,190 ефимковъ 12 алтынъ (Расходныя книги посольства, стр. 946).

13,000 ефимковъ (6,500 руб.). Если къ этой части прибавить остальныя 10,000 зачтенныхъ векселей и обратить вниманіе на подлинныя, а не круглыя, цифры и другія мелкія подробности отчета Волкова, то весь общій итогъ русскихъ расходовъ въ Голландіи увеличится до 120—123 тысячъ ефимковъ, то есть до суммы показаннаго Волковымъ прихода. Впрочемъ, ни мелочныя ошибки въ нашихъ разсчетахъ, ни круглыя цифры нашихъ вычисленій не должны смущать насъ. Намъ важна не математическая точность ревизора, а взаимное отношеніе цифръ расхода, представляемаго его отдѣльными статьями. Документъ М. Волкова убѣждаетъ насъ въ томъ, что бо́льшая часть денегъ, прошедшихъ чрезъ его руки, именно около 90%, была истрачена на общія нужды государства, то есть на армію и флотъ, а на потребности собственно посольства, пословъ и царя остается небольшая сумма, выражаемая почти лишь 10 процентами общаго расхода. Послѣдняя сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ: пребываніе посольства въ Голландіи съ Марта до половины Мая, за $2^1/_2$ приблизительно мѣсяца, обошлось въ 5,000 руб., что составитъ круглымъ числомъ по 2,000 въ мѣсяцъ; на потребности трехъ пословъ въ совокупности вышло около 3,200 руб. и 1,800 руб. стоили личныя прихоти Петра Великаго.

До самаго отъѣзда изъ Голландіи всѣ извѣстные намъ расходы русскаго посольства (почти въ 200,000 рублей) слагаются изъ слѣдующихъ суммъ:

I.	Цѣнность соболей	70,000 руб.
	Оклады жалованья [1]	14,000 »
	Пребываніе въ Голландіи въ началѣ 1698 г. [2].	5,000 »
	Личные расходы царя и трехъ пословъ . .	5,000 »
	Итого . . .	94,000 руб.
II.	Потребности флота и войска	45,000 руб.
	Взято изъ Москвы червонцами на корабельные наймы и проч. [3], ...	15,000 »
	24 Февраля получено червонцами	30,000 »
	Остатокъ отъ зачета векселей	5,000 »
	Итого . . .	95,000 руб.

А всего 189,000, круглымъ счетомъ 190,000 руб.

[1]) См. выше, стр. 40 и 173.

[2]) Или денежные документы посольства за время до Марта 1698 г. остаются неизвѣстными, или же до этого срока оно содержалось въ Голландіи на счетъ ея правительства. На основаніи Меермана мы скорѣе склоняемся къ предположенію, что Нидерланды оплачивали помѣщенія Русскихъ въ амстердамскихъ гостиницахъ до отъѣзда Петра и пословъ въ Англію. Документы посольства свидѣтельствуютъ прямо лишь о томъ, что послы жили на свой счетъ только съ конца Февраля.

[3]) См. выше, стр. 29.

Оставляя въ сторонѣ вторую цифру итога (95,000), какъ относящуюся къ специальнымъ государственнымъ потребностямъ, постараемся выдѣлить изъ первой цифры то, что можетъ быть отнесено на счетъ пребыванія Русскихъ въ Голландіи. Офиціальные подарки, поднесенные Голландскимъ Штатамъ соболями, стоили, какъ мы знаемъ[1], всего 4,100 р. Но кромѣ этихъ даровъ посольство отплачивало мѣхами за всякія услуги Голландцевъ, о чемъ мы встрѣчали неоднократныя указанія въ подробностяхъ статейнаго списка. Допустимъ, что всѣхъ соболей въ Голландіи вышло на 10,000 рублей[2]; что, кромѣ расходовъ въ Мартѣ—Маѣ, посольство столько же, именно 5,000 р., потратило въ Августѣ—Февралѣ въ Гаагѣ и Амстердамѣ[3]: такимъ образомъ мы получимъ сумму въ 20—25, не болѣе, тысячъ рублей, которые посольство оставило въ Голландіи, не говоря о личныхъ расходахъ Петра и трехъ пословъ, стоимости оружія и кораблей, а равно и найма матросовъ и ремесленниковъ въ русскую службу[4]. Ограничивая наши вычисленія областью затратъ на одни дипломатическія цѣли, мы убѣждаемся, что Россія вовсе не такъ много израсходовала въ Голландіи. Предупредительное и отчасти вынужденное гостепріимство Нидерландскихъ Штатовъ во многомъ посодѣйствовало къ сокращенію расходовъ посольства. Не только въ офиціальныхъ обязательныхъ издержкахъ[5], но даже въ своей частной жизни Русскіе проявили въ Голландіи поразительную разсчетливость, чтобы не сказать, скупость, которая ярко свидѣтельствуетъ о рутинныхъ пріемахъ Посольскаго Приказа, руководствовавшагося правилами болѣе получать, чѣмъ давать. Эта разсчетливость доказывается подробностями преимущественно ежедневной записи посольскихъ расходовъ[6]. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ подробностей, какъ особенно выдающіеся примѣры того, что на сколько

---

1) См. выше, стр. 94 и 172.

2) Эта цифра скорѣе преувеличена, чѣмъ наоборотъ. Припомнимъ, что посольство было отправлено къ правительствамъ семи счетомъ государствъ, что въ Кенигсбергѣ, по увѣренію Меермана, было истрачено соболями 20,000 экю, то есть приблизительно столько-же рублей, и что поѣздка царя въ Англію также уменьшила запасъ, котораго не хватило для Вѣны, въ виду чего соболи были дополнительно выписаны изъ Москвы въ Варшаву. Кромѣ того не забудемъ, что Голландія, какъ республика, позволяла уменьшить стоимость даровъ главнымъ представителямъ ея правительства.

3) Эта сумма также взята нами широко, такъ какъ мы знаемъ, что Голландія щедро приняла на себя расходы по содержанію и поѣздкамъ посольства.

4) Не всѣ издержки для потребностей войска и флота были произведены въ предѣлахъ Голландіи; многіе предметы покупались въ Англіи и Швеціи, а люди для найма доставлялись не одними сѣверными, но и южными приморскими странами Европы.

5) Взаимное сравненіе подробностей таблицъ №№ 2 и 3, помѣщенныхъ далѣе, въ нашемъ Приложеніи V, ярко свидѣтельствуетъ о томъ, на сколько иностранцы были щедрѣе и шире Русскихъ въ установленіи размѣра кормовыхъ выдачь лицамъ посольской свиты.

6) См. Расходныя книги посольства на страницахъ 960—1036.

послы не стѣснялись въ удовлетвореніи своихъ личныхъ вкусовъ, на столько же они были скромны въ содержаніи своей свиты и считали каждый алтынъ и даже денежки въ чрезвычайныхъ расходахъ, вызываемыхъ ихъ положеніемъ. Послы жили широко сравнительно съ прочимъ составомъ посольства, много ѣли, пили и даже кутили, судя по ихъ расходамъ на столы, ѣствы и питья. Францъ Лефортъ особенно отличался въ этомъ отношеніи: съ 11 Марта по 23 Мая, т. е. за $2^1/_2$ мѣсяца, онъ съѣлъ и выпилъ на 2,449 ефимковъ 1 алтынъ и 2 деньги, то есть его содержаніе стоило около 16 руб. въ день[1]; но на его обѣдахъ и ужинахъ конечно присутствовали и другія лица, которыхъ онъ угощалъ по обязанности, какъ это случилось и у Возницына на Пасху, когда одно разговѣнье обошлось послѣднему въ 131 ефимокъ (65 руб. 50 коп.)[2]. Угощенія прямо входили въ офиціальныя обязанности пословъ, особенно перваго изъ нихъ. Но въ своей частной жизни, которая была позволительна преимущественно второму и третьему послу, кромѣ издержекъ на одежду, они были довольно скромны. Оба они вмѣстѣ истратили только 52 ефимка за 8 дней на свои «обѣды, ужины, ѣства и всякіе столовые харчевые припасы», а за завтракъ Возницына съ его приказными людьми было уплачено всего 3 ефимка[3]. Вообще въ отношеніи пищи второй и третій послы, расходуя около трехъ ефимковъ каждый въ день, были поставлены въ положеніе лишь немногимъ сравнительно лучшее, чѣмъ лица посольской свиты, кормовыя суточныя деньги которымъ не превышали одного ефимка (50 коп.) въ день человѣку. Низшему же персоналу, въ томъ числѣ нанятымъ на русскую службу иностранцамъ, кормовая дача спускалась даже до гривенника въ день[4]. Въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ удовлетворялось и квартирное довольствіе. Переводчикъ Вульфъ получалъ на постоялое по 6 ефимковъ (3 руб.) въ мѣсяцъ, а сержантъ Вергинъ по 6 алтынъ 4 деньги (то есть 20 копѣекъ) въ недѣлю[5]. Расходы на ученіе Русскихъ крайне незначительны и повидимому являлись результатами упорнаго торга въ цѣнѣ. Четыре посольскіе карла выучились танцовать въ одинъ мѣсяцъ всего за 10 ефимковъ 1 алтынъ 2 деньги; учителю волонтера Григорьева за ученіе, кормъ и камору въ теченіи пяти недѣль уплачено 20 ефимковъ: за обученіе шести человѣкъ игрѣ на скрипкѣ выдали по 3 ефимка за каждаго въ

[1]) Расходныя книги посольства, стр. 962, 965, 986, 1018, 1019.
[2]) Тамъ-же, стр. 1005.
[3]) Тамъ-же, стр. 1022 и 1023.
[4]) Ср. Приложеніе № V, таблицу № 2.
[5]) Расходныя книги посольства, стр. 973, 998, 1003.

мѣсяцъ; за князя Щербатова, жившаго и питавшагося два мѣсяца у своего учителя голландскому языку, послѣдній получилъ 60 ефимковъ 7 алтынъ (30 руб. 21 коп.); другому Голландцу, за то же самое и за тотъ же срокъ, за другаго волонтера было уплачено всего 20 ефимковъ[1]. Впрочемъ условія мѣстной жизни въ Голландіи были повидимому вообще не дороги. Часовщикъ — швейцарецъ за то, что направилъ, т. е. пустилъ въ ходъ, купленные Возницынымъ часы получилъ 13 алтынъ 2 деньги (40 коп.); другой часовщикъ за постоянный заводъ тѣхъ же часовъ всего ефимокъ[2]. За стирку своего бѣлья и рубашекъ въ разное время Возницынъ уплатилъ всего на все одинъ ефимокъ[3]. Выдачи на чай и на водку по размѣрамъ своимъ едва ли соотвѣтствовали высокому положенію русскихъ пословъ. Работникъ на яхтѣ, везшей Ѳ. А. Головина изъ Роттердама въ Амстердамъ, получилъ ефимокъ; при покупкѣ кареты цѣною въ 180 ефимковъ Возницынъ заплатилъ барышнику за коммиссію два ефимка 6 алтынъ 4 деньги; въ амстердамской гостинницѣ Дулена[4]) при окончательномъ выѣздѣ изъ Голландіи дано на чай вторымъ посломъ: хозяйкѣ 20 ефимковъ, ея сестрѣ 12, двумъ служанкамъ и работнику по 3 ефимка, а третьимъ посломъ: хозяйкѣ 10 ефимковъ, ея сестрѣ 8 и остальнымъ тремъ по два каждому; въ саду, который послы осматривали въ Дельфтѣ, огородникъ получилъ на водку одинъ ефимокъ[5]. Впрочемъ, сами Русскіе пользовались наградами не въ бо́льшихъ размѣрахъ: по случаю поздравленія пословъ съ праздникомъ Пасхи, 40 человѣкъ посольской прислуги получили около 60 ефимковъ, но при этомъ священнику и сторожу было выдано каждому по 5; тотъ же сторожъ 6 Мая былъ награжденъ ефимкомъ за подносъ огурцовъ великимъ посламъ[6]. Еще скромнѣе были выдачи пословъ на милостыню: «нищему, что игралъ на скрипицѣ» — два алтына (6 коп.), другому нищему отъ Возницына 6 алтынъ 4 деньги (20 коп.[7]). Чтобы покончить съ этими выписками, приведемъ еще три послѣднія, особенно любопытныя въ бытовомъ отношеніи. «Дано иноземцу, амстрадамскому курантарю, который въ Амстрадамѣ печатаетъ куранты, Симону Штейгуту, отъ печатанія курантовъ, чтобъ онъ напечаталъ о побѣгѣ вора и измѣнника Якушка

---

[1]) Расходныя книги посольства, стр. 965, 966, 974, 1011, 1014.
[2]) Тамъ-же, стр. 990 и 991.
[3]) Тамъ-же, стр. 1017.
[4]) Дулы, по подлинному выраженію документа.
[5]) Расходныя книги посольства, стр. 1010, 1020, 1023.
[6]) Тамъ-же, стр. 991—992 и 1006.
[7]) Тамъ-же, стр. 979 и 996.

Яковлева, чтобъ его съ сносными животами[1]) поймать, а кто поймаетъ, тому дастся 20 рублей; и за то курантово печатанье дано два ефимка, да жидовскому рабиновому клику полъефимка, чтобъ онъ въ жидовскихъ синагогахъ о поимкѣ того вора во время жидовскаго сонмища проклькалъ» .... «Дано толмачу Андрею Гемсу въ приказъ 20 ефимковъ за то, что онъ провожалъ матрозовъ на корабль и изъ шинковъ выгонялъ» ... ... «Апрѣля 24 въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія дано за провозъ солдатъ пяти человѣкъ, которые посыланы были съ капитаномъ Памбуркомъ для высылки матрозовъ на два корабля и для уйму ихъ отъ своевольства, 6 ефимковъ[2]).

Намъ необходимо еще оговориться относительно того, что мы руководствуемся въ нашихъ вычисленіяхъ цѣною рубля, существовавшею въ 1697—1698 гг., и не переводимъ ее на современную намъ валюту. Несомнѣнно, что съ того времени серебро значительно упало въ цѣнѣ, а съ другой стороны нѣкоторые предметы, удовлетворяющіе запросамъ обыденной жизни, стали сравнительно гораздо дешевле; деньги же представляли тогда гораздо бóльшую цѣнность, чѣмъ теперь, и дробныя дѣленія монетъ имѣли гораздо больше значенія. Если сравнить кормовыя деньги, платы за ученіе, за квартиры, выдачи милостыни и наградъ и т. д. съ современными намъ условіями, то мы убѣдимся, что разсчетливость Русскихъ зависѣла не столько отъ ихъ скупости, сколько отъ экономической величины тогдашней размѣнной монеты и отъ несложной простоты тогдашней общественной жизни. Благодаря изслѣдованіямъ В. О. Ключевскаго вопросъ о цѣнности русскаго рубля въ занимающую насъ эпоху рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что рубль 1697—1698 годовъ долженъ былъ равняться приблизительно 17 современнымъ намъ кредитнымъ рублямъ[3]). Предоставляя другимъ, болѣе заинтересованнымъ въ вопросѣ, ученымъ провѣрить этотъ выводъ въ примѣненіи къ указанному нами богатому матеріалу расходныхъ книгъ великаго посольства[4]), мы не будемъ отдаляться отъ нашей цѣли и удовольствуемся взаимнымъ сравненіемъ цифръ расходовъ Голландіи и Россіи и вытекающими оттуда заключеніями.

---

[1]) То есть, съ украденными вещами.

[2]) Расходныя книги посольства, стр. 967—968, 986, 991.

[3]) Русскій рубль XVI—XVIII столѣтія стр. 61 и 72 (Напечатано въ Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1884, кн. 1).

[4]) Вычисленіе В. О. Ключевскаго заставляетъ насъ признать, что снаряженіе этого посольства, считая его въ 200,000 рублей, должно было обойтись Россіи около трехъ съ половиною милліоновъ рублей на современныя намъ деньги.

По словамъ Меермана, оказанное Русскимъ гостепріимство стоило Голландіи 200,000 гульденовъ, что по нашимъ разсчетамъ должно составить около 40,000 рублей. Схельтема, приводимый Устряловымъ, увѣряетъ[1], что сумма эта должна дѣлиться на двѣ равчыя половины, изъ которыхъ одна представляетъ собою обычные расходы по пріему иностранныхъ посольствъ Нидерландами, а другая была вызвана чрезвычайными издержками по оказанію особаго почета необыкновенному по составу и значенію посольству изъ Россіи. Послѣднее соображеніе приводитъ насъ къ заключенію, что необычайное увеличеніе нидерландскаго бюджета на 100,000 гульденовъ обусловливалось исключительно участіемъ въ составѣ посольства самого русскаго царя и что такимъ образомъ пріѣздъ Петра въ Голландію стоилъ ей 20,000 рублей. Но, конечно, этою ассигновкою не могли ограничиться офиціальные и не офиціальные представители Голландіи, въ особенности, когда они принимали и угощали Русскихъ на свои частныя средства. Почетъ, оказанный Петру Остиндскою компаніею и Амстердамскою ратушею, спектакли, фейерверки, морскія маневры и другія торжества и празднества, устраивавшіяся въ честь русскаго царя, должны были стоить вообще не мало денегъ. Слухъ, сообщенный П. Лефортомъ о затратѣ Голландіей на пріемъ царя 500,000 гульденовъ[2], могъ быть не лишенъ основанія, хотя не вся эта сумма должна относиться на счетъ Нидерландскаго правительства. Впрочемъ, показанія Меермана убѣждаютъ насъ въ томъ, что пріѣздъ Русскихъ вызвалъ со стороны Голландіи особыя усилія къ отысканію необходимыхъ средствъ на чрезвычайныя, непредвидѣнныя государственнымъ бюджетомъ, затраты и къ увеличенію размѣра налоговъ. Одинъ изъ штатовъ, именно Гронингенъ, даже отказался принять на себя долю участія въ общихъ расходахъ Нидерландовъ, чтобы избавить себя отъ тяжести новаго обложенія[3]. Эти обстоятельства доказываютъ намъ, что Голландія, рѣшившись не пожалѣть денегъ на пріемъ Русскихъ и ихъ царя, сдѣлала все возможное въ предѣлахъ своего предупредительнаго и щедраго гостепріимства. Упрекъ въ разсчетливости, падающій въ нѣкоторой мѣрѣ на Русскихъ, не заслуженъ ни въ какомъ случаѣ Голландцами. Послѣдніе вполнѣ оказались на высотѣ своихъ обязанностей, какъ Европейской державы, оказывающей офиціальное гостепріимство. Главною офиціальною цѣлью Русскихъ было получить отъ Нидерландовъ помощь въ войнѣ съ Турками, но цѣли

---

1) См. выше, стр. 129, примѣчаніе 1.
2) См. выше, стр. 173.
3) См. выше, стр. 129.

этой они не достигли. Едва ли Голландцы имѣли въ виду оказать русскому царю и его посольству почетъ и радушіе въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, руководствуясь исключительно тѣмъ, чтобы блескомъ своего гостепріимства скрасить непріятное впечатлѣніе своего отказа? По всей вѣроятности у нихъ были при этомъ свои разсчеты, свои надежды на несомнѣнныя выгоды въ будущемъ для своей торговли. Ради этихъ разсчетовъ и надеждъ Нидерландскіе Штаты можетъ быть и не имѣли причинъ пожалѣть о своихъ щедрыхъ затратахъ гостепріимства. Что стоило имъ бросить лишнія сто тысячъ гульденовъ въ виду расширенія и укрѣпленія своихъ торговыхъ связей?

Приведенныя соображенія умаляютъ въ отношеніи Голландіи вопросъ о ея издержкахъ на пріемъ Петра и его посольства. Но для Россіи была дорога каждая копѣйка не только вслѣдствіе разсчетливой рутины Посольскаго Приказа, но и по отношенію къ матеріальнымъ средствамъ страны, которыя усиленно напрягались для выполненія широкихъ замысловъ Петра Великаго. Поэтому сравненіе результатовъ посольства съ его стоимостью представляется намъ гораздо важнѣе и въ этомъ послѣднемъ отношеніи сумма денегъ, издержанныхъ посольствомъ въ Голландіи, не заслуживаетъ особаго вниманія, а суть вопроса заключается въ томъ, какую пользу вообще принесла затрата 200,000 руб. на поѣздку Петра по Европѣ? Вопросъ этотъ во всей должной его широтѣ и безспорной его основательности не подлежитъ нашему рѣшенію, но мы можемъ и даже обязаны примѣнить его къ посѣщенію по крайней мѣрѣ одной Нидерландской республики.

Щепетильные и настойчивые въ своихъ притязаніяхъ, разсчетливые въ своихъ издержкахъ, упорные въ своихъ обычаяхъ и пріемахъ, что же получили Русскіе отъ Голландіи изъ того, зачѣмъ пріѣхали въ нее? Въ сущности очень мало. Припомнимъ, что настоящія цѣли посольства выяснились не столько изъ обычнаго шаблоннаго текста дипломатическихъ актовъ, какими представляются наказъ Посольскаго Приказа, любительная и вѣрительная грамоты къ Штатамъ и другіе документы, внесенные въ статейный списокъ, сколько тѣми подробностями переговоровъ съ голландскими депутатами, которыя составили содержаніе четырехъ засѣданій во время пребыванія русскаго посольства въ Гаагѣ. Припомнимъ, что вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ доставилъ русскимъ посламъ только первоначальный, притворный и мимолетный поводъ вступить въ совѣщаніе о предметѣ, гораздо болѣе существенномъ и который составлялъ главную задачу и, такъ сказать, скрытую цѣль посольства. Эта задача и эта цѣль заключались въ надеждѣ получить отъ Голландіи

офиціально помощь и содѣйствіе въ войнѣ Россіи съ Турціей. Помощь эта ожидалась въ видѣ кораблей, оружія, морскихъ и артиллерійскихъ припасовъ, а равно и спеціалистовъ по судостроенію и мореплаванію, начиная отъ простыхъ матросовъ и до высшихъ морскихъ офицеровъ. Голландія отказала Россіи въ этихъ ожиданіяхъ, ссылаясь на войну съ Франціей, на понесенныя потери и отказала, несмотря на упорныя и ловкія домогательства русскихъ пословъ, которымъ въ концѣ концовъ пришлось ограничиться мѣрами неофиціальными, подъ покрышкою, при покупкѣ необходимыхъ предметовъ и при наймѣ потребныхъ моряковъ. Единственнымъ, весьма скромнымъ въ сущности, офиціальнымъ результатомъ совѣщаній въ Гаагѣ оказалось подтвержденіе и расширеніе нѣкоторыхъ льготъ, уже ранѣе существовавшихъ и предоставленныхъ голландской торговлѣ въ Россіи. Такимъ результатомъ не могли конечно удовлетвориться ни русскіе, ни голландскіе дипломаты, особенно въ виду тѣхъ затратъ денегъ и трудовъ, въ которыя оба государства были вовлечены, съ одной стороны снаряженіемъ, а съ другой — пріемомъ посольства. Несомнѣнно, что Русскіе ожидали отъ успѣха посольства гораздо больше выгодъ, чѣмъ желали предложить Голландіи. Съ другой стороны Нидерланды, соглашаясь на пріемъ Русскихъ и оказывая имъ щедрое гостепріимство, не только платонически исполнили прямой долгъ международной вѣжливости, но и воспользовались случаемъ, чтобы извлечь выгоды изъ своего культурнаго превосходства надъ полудикимъ государствомъ Востока. Нельзя отрицать, что появленіе въ Западной Европѣ главы этаго государства въ составѣ многочисленнаго посольства должно было произвести впечатлѣніе, подобное тому, какимъ сопровождается въ наше время пріѣздъ въ Лондонъ, Парижъ или Берлинъ представителей Азіатскихъ странъ, Персіи, Китая и т. д., являющихся лакомой приманкой для распространенія на Востокѣ политическаго и экономическаго вліянія западно-европейскихъ государствъ. Подобнымъ же случаемъ, впрочемъ исключительно въ области торговли, не прочь была воспользоваться въ 1697—1698 г. относительно Россіи и Нидерландская республика.

Долгъ международной вѣжливости исполненъ былъ Голландцами безукоризненно и въ этомъ отношеніи они внѣ всякаго сомнѣнія оказались гораздо выше Русскихъ, мелочныхъ въ понятіяхъ о собственномъ достоинствѣ, придирчивыхъ въ требовательности и ненасытныхъ въ ея удовлетвореніи. Правда, Голландцы безъ особой охоты и съ нѣкоторой разсчетливостью исполнили свои обязанности гостепріимства. Но эти внутреннія, такъ сказать, условія ихъ поведенія остались въ предѣлахъ ихъ государственной тайны и были похоронены въ глубинѣ нидерландскихъ архи-

вовъ до той поры, пока ихъ не раскопалъ Меерманъ. Все таки эти условія ничѣмъ не отразились на внѣшнихъ отношеніяхъ къ русскому посольству. Припомнимъ, что Голландія возила и кормила Русскихъ на свой счетъ отъ границъ государства до Амстердама и обратно, предоставила имъ безплатныя помѣщенія во всѣхъ городахъ, снабжала ихъ всевозможными средствами передвиженія, угощала ихъ обѣдами, празднествами, пиршествами и содержала спеціальныхъ переводчиковъ для сношенія съ ними. Впрочемъ, во всемъ этомъ не было еще ничего не обычайнаго, ничего такого, что выходило бы изъ общихъ рамокъ международнаго этикета. Но дополнительный кредитъ въ 100,000 гульденовъ на почетный пріемъ русскаго царя и вообще замѣчательная предупредительность Штатовъ свидѣтельствуютъ, что Голландцы не могутъ быть обвиняемы въ упорствѣ и не соблюденіи международныхъ приличій. Они имѣли неоднократный случай сдѣлать Русскимъ значительныя уступки не только въ области этикета, но даже и въ сферѣ матеріальныхъ выгодъ. Не говоря уже о вопросахъ мѣстничества, проявившихся въ пререканіяхъ по поводу каретъ, встрѣчъ и проводовъ, въ которыхъ Русскіе выказали свою узкую щепетильность, а Голландцы широкую уступчивость, не забудемъ, что со времени возвращенія посольства изъ Гааги въ Амстердамъ оно пробыло въ послѣднемъ городѣ около шести съ половиною мѣсяцевъ безъ всякаго основательнаго официальнаго предлога и имѣло неделикатность пользоваться нѣкоторое время удобствомъ безплатныхъ помѣщеній, предоставленныхъ Штатами. Затѣмъ, припомнимъ о покупкахъ, которыя были освобождены по просьбѣ Русскихъ отъ уплаты вывозной пошлины, причемъ этой льготой воспользовались не только казна Московскаго государства, но и всѣ три посла, накупившіе массу предметовъ для своего личнаго домашняго обихода. Наконецъ счеты, предъявленные содержателями Стараго и Новаго Дуленовъ въ Гаагѣ за испорченныя и утраченныя вещи, не рекомендуютъ тогдашніе нравы членовъ русскаго посольства. И всѣ эти уступки, всѣ эти расходы Голландцы безпрекословно приняли на себя, ничѣмъ офиціально не выражая своего вполнѣ естественнаго неудовольствія на Русскихъ. Послѣдніе однако же поступили не такъ. Свой отъѣздъ изъ Голландіи они ознаменовали упреками Амстердамскимъ бургомистрамъ въ недоброхотствѣ Нидерландскихъ Штатовъ и жалобою Витцену на голландскаго интенданта Динтера, который, будто бы набивая себѣ карманъ, морилъ ихъ голодомъ на обратномъ ихъ пути изъ Амстердама въ Нимвегенъ[1]).

---

[1]) Обвиненіе это не подтверждается Меерманомъ, который едва ли упустилъ бы случай воспользо-

Въ началѣ нашего труда[1]) мы опредѣлили его главную задачу характеристикою перваго взаимнаго столкновенія двухъ міровъ, западнаго, Европейскаго и восточнаго, Русскаго. Только что изложенныя соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что внѣшній результатъ пребыванія Русскихъ въ Голландіи долженъ былъ отразиться на невыгодномъ впечатлѣніи, которое Русскіе произвели своими пріемами и особенностями своего быта. Такое впечатлѣніе зависѣло отъ низкаго уровня просвѣщенія въ Россіи сравнительно съ западною Европою. Но, какъ дикари подчиняются вліянію первыхъ мореплавателей, которые привозятъ къ нимъ огнестрѣльное оружіе и водку, такъ и Русскіе невольно испытали на себѣ всю силу внѣшнихъ впечатлѣній отъ знакомства съ первымъ приморскимъ государствомъ Европы, которое имъ встрѣтилось по пути. Оно тѣмъ болѣе поразило ихъ своими особенностями, что Голландія именно въ то время была страною сильною и могущественною своимъ флотомъ, за которымъ въ сущности и отправился Петръ за границу. Въ лицѣ Вильгельма III политическое единеніе Англіи съ Нидерландами давало послѣднимъ еще болѣе удобства и средствъ обратить вниманіе своихъ гостей на степень совершенства въ области морской и военной техники. Но тутъ уже оканчивался платонизмъ гостепріимства и дипломатія Голландцевъ вступала на практическую почву строго коммерческаго разсчета. Россія являлась новымъ рынкомъ для направленія торговли, для сбыта произведеній промышленности и практическая Голландія поспѣшила воспользоваться случаемъ, чтобы захватить этотъ рынокъ въ свои руки. Случай не даромъ представлялся не однимъ Нидерландамъ, но и ихъ сосѣдямъ Англичанамъ, подчиненнымъ временно одному и тому же главѣ обоихъ государствъ. Вотъ, въ этомъ то неожиданномъ для торговли Голландіи и Англіи успѣхѣ и заключался главный внутренній результатъ русскаго посольства 1697—1698 гг. Но результатъ этотъ внѣ всякаго сомнѣнія оказался въ своихъ выгодахъ преимущественно на сторонѣ двухъ названныхъ морскихъ державъ, а собственно для Россіи принесъ сравнительно менѣе пользы. Голландія, какъ первая страна, попутно встрѣтившаяся Петру, произвела на него лично такое впечатлѣніе, что онъ всецѣло подпалъ глубокому вліянію ея культуры; онъ не только укрѣпилъ и оживилъ торговыя связи Нидерландовъ съ Россіею, не только наполнилъ русскіе флотъ и армію выходцами изъ Голландіи, но даже основан-

---

ваться имъ для характеристики Русскихъ. Впрочемъ, онъ могъ также умолчать о злоупотребленіяхъ Динтера изъ побужденій патріотизма.

[1]) См. выше, стр. 5.

ную имъ впослѣдствіи столицу создалъ по строгому образцу Амстердама, проявляя въ этомъ рабскую подражательность и отсутствіе воображенія. Великое русское посольство 1697—1698 гг. имѣло прямымъ послѣдствіемъ Петербургъ съ его каналами и подъемными мостами, съ Кронштадтомъ, со всею рѣзкостью въ измѣненіи исторической судьбы Россіи, которая благодаря одной случайности, вступила въ среду европейскихъ державъ, такъ сказать, подъ первоначальнымъ флагомъ голландской цивилизаціи. Уже одна терминологія въ русскомъ флотѣ даетъ поводъ къ недоумѣнію въ томъ, былъ ли Петръ Великій въ своихъ преобразованіяхъ систематическимъ организаторомъ или просто безразборчивымъ подражателемъ первому встрѣчному образцу.

Изложенныя соображенія въ концѣ концовъ приводятъ насъ въ соприкосновеніе съ самымъ чувствительнымъ мѣстомъ русской исторіи и ставятъ намъ въ упоръ вопросъ о значеніи Петра Великаго въ судьбахъ Россіи. Жгучесть этого вопроса весьма кстати оживаетъ именно теперь, ровно чрезъ двѣсти лѣтъ послѣ того, какъ монархъ Россіи впервые появился самолично въ странахъ Западной Европы, разорвавъ цѣпи унаслѣдованныхъ предразсудковъ. Рѣшеніе указаннаго вопроса пріобрѣтаетъ новыя удобства въ наше время, когда загадка, представляемая отличительными особенностями русской народности, изъ области умозрительной спекуляціи славянофиловъ перешла на почву политико-экономическую, болѣе цѣнную въ отношеніи положительности выводовъ. Указывая нашей исторической наукѣ на своевременность постановки такой задачи, мы въ заключеніе позволимъ себѣ привести нѣсколько краткихъ соображеній о той сторонѣ этой задачи, на которой мы всего болѣе останавливались въ нашемъ изложеніи приключеній русскаго посольства въ Голландіи. Этими заключительными словами мы имѣемъ въ виду по возможности приготовить почву для будущихъ историковъ русской дипломатіи. Мы хотимъ сказать, что въ тонко просвѣщенную Европу нельзя было Петру Великому являться вооруженнымъ лишь грубоватою практикою Посольскаго Приказа и тремъ русскимъ посламъ невозможно было ожидать успѣха среди цвѣта Европейской дипломатіи, собравшагося въ Рейсвикѣ для заключенія мира. «Русское посольство», замѣчаетъ Поссельтъ[1], «сразу попало въ кружокъ первыхъ дипломатовъ Европы и должно было возбудить тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе, что по приказу своего повелителя оно впервые ставило западной политикѣ самыя ясныя и опредѣленныя требованія въ отношеніяхъ къ Востоку». Мы видѣли, какимъ оказалось это впечатлѣніе

---

[1]) Фр. Лефортъ, т. II, стр. 423.

въ дѣйствительности. Оно не могло быть особенно благопріятно ни по офиціальнымъ результатамъ посольства, ни по способамъ, употребленнымъ для достиженія цѣли. Поражавшіе иностранцевъ въ Русскихъ странности обычаевъ, патріархальная наивность дипломатическихъ пріемовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго разсчетливое и даже придирчивое соблюденіе ясныхъ выгодъ, все это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, на сколько самъ Петръ Великій опередилъ современное ему русское общество въ пониманіи государственныхъ задачъ и какъ мало нравственныхъ силъ для ихъ выполненія онъ нашелъ въ своемъ отечествѣ. Выдающееся положеніе Петра среди окружавшихъ его земляковъ-современниковъ и глубина его взглядовъ на выгоды просвѣщенія выясняются изъ подробностей его личныхъ покупокъ въ Голландіи сравнительно съ покупками Ѳ. А. Головина и Пр. Б. Возницына. Кромѣ того объ этомъ же свидѣтельствуетъ характеръ путевыхъ записокъ отправленныхъ имъ за границу Русскихъ, какъ напримѣръ анонимнаго автора Записной Книжки, В. П. Шереметева, князя Б. И. Куракина[1], стольника П. А. Толстаго[2] и другихъ. Пока самъ Петръ осматриваетъ медицинскія академіи, верфи, учится кораблестроенію и лично знакомится съ выдающимися представителями европейской образованности, его вольные и невольные волонтеры считаютъ версты отъ Москвы до Венеціи, жалуются на тягость матросской жизни въ 50 лѣтъ отъ роду, какъ Толстой; въ Римскомъ храмѣ св. Петра поражаются только его длиною и шириною, какъ великая особа, описываютъ дѣйствія карлбадской соли и высчитываютъ мелочи своихъ расходовъ, какъ Куракинъ, и вообще обращаютъ вниманіе лишь на внѣшнюю показную сторону Европы, на искушенія ея общественной жизни и на выдумки ея пролетаріата, выучивающаго животныхъ и людей дѣлать удивительныя штуки съ цѣлію добыть себѣ пропитаніе. Но, не будучи въ состояніи разсчитывать на нравственныя силы современной ему Россіи, Петръ не жалѣлъ матеріальныхъ средствъ для достиженія своихъ преобразовательныхъ цѣлей, что доказывается уже одною стоимостью его перваго путешествія по Европѣ. Хотя 200,000 рублей не представляются намъ съ перваго взгляда особенно большею по своимъ размѣрамъ суммою, но мы поймемъ все ея значеніе, когда узнаемъ, что она составляла приблизительно $^1/_{10}$ часть тогдашняго бюджета Россіи[3]; и поэтому Циклеръ

[1]) Дневникъ и Путевыя Замѣтки 1705—1710 г. (Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, кн. I, С.-Пб., 1890 г.).

[2]) Путешествіе его въ Италію относится къ 1697—1699 гг. и напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1888 г. (книга I и II).

[3]) Общій итогъ расходовъ Россіи въ 1680 г. составлялъ $1^1/_2$ милліона рублей, а въ 1701 г. два съ половиною. (П. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, С.-Пб. 1896 г., ч. I, стр. 123, таблица). Мы беремъ для нашего вывода среднюю изъ этихъ двухъ цифръ величину.

имѣлъ нѣкоторое основаніе выразиться, что за границу царь «тащитъ казну многую»[1]).

Съ послѣднихъ годовъ XVII столѣтія Россія пошла по новому пути въ своемъ историческомъ движеніи и изъ полувосточной страны развилась въ европейскую державу. Посѣщая въ первый разъ Европу, Петръ Великій долженъ былъ близко испытать лично на самомъ себѣ и въ области своихъ преобразовательныхъ замысловъ все неудобство условій исконнаго строя и быта Россіи, всю тягость традиціонныхъ дипломатическихъ пріемовъ, навязанныхъ ему Посольскимъ Приказомъ и его прошлымъ. Рутина этого учрежденія уже не могла годиться для новыхъ, ближайшихъ связей съ Западомъ. Временно мирясь съ старыми формами, Петръ своимъ путешествіемъ вложилъ новый духъ въ область международныхъ сношеній Россіи. Новый духъ потребовалъ и новыхъ формъ. Но формы эти впослѣдствіи не создались, а явились готовымъ плодомъ слѣпаго подражанія. Въ Петербургѣ мѣсто Посольскаго Приказа заняли сперва Коллегія, а потомъ и Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; Государственные Канцлеры замѣнили оберегателей печати; вмѣсто дьяковъ и подъячихъ — сонмъ дипломатовъ, чиновниковъ министерства, принялъ на себя обязанность оберегать за границей не только честь русскаго царя и его имени, но и выгоды и интересы его обширнаго государства. Задача утратила въ ясности и простотѣ традицій, но за то выиграла въ широтѣ и глубинѣ цѣлей. Старыя традиціи отличались въ международныхъ сношеніяхъ настойчивымъ упорствомъ въ сознаніи и преслѣдованіи желаемаго, народностью въ политикѣ; новые пріемы русской дипломатіи уклонились отъ древней дисциплины и не рѣдко вмѣсто выгодъ Россіи принуждены были служить интересамъ Европы, и вмѣсто соблюденія чести и достоинства русскаго царя позволяли себѣ жертвовать внѣшнему блеску его имени самыми вопіющими нуждами его государства. Послѣдовательность политики, упорство движенія по ясно и твердо намѣченному пути уступили мѣсто колебаніямъ, участію въ международныхъ интригахъ, шаткости союзовъ и случайности вражды. Стали возможны примѣры сосредоточенія нитей русской политики въ рукахъ не природныхъ Русскихъ, хорошо знающихъ свое отечество и его нужды, а заѣзжихъ иностранцевъ, руководившихся или личными выгодами или обманчивымъ блескомъ безпочвеннаго космополитизма. Подобныя явленія ознаменовали собою почти весь XVIII вѣкъ и начало текущаго столѣтія. Теперь времена перемѣнились, русская дипломатія начинаетъ возвращаться

---

[1]) См. выше, стр. 173.

къ лучшимъ кореннымъ традиціямъ Посольскаго Приказа. При всей наивной косности и отталкивающей грубости этихъ древнихъ традицій, въ основѣ ихъ, какъ руководящую красную нить, мы встрѣчаемъ черты, достойныя безусловнаго подражанія и заключающіяся въ строгомъ соблюденіи чести и достоинства Россіи среди ближайшихъ ея сосѣдей, въ неуклонномъ преслѣдованіи прямыхъ и ясныхъ цѣлей и въ стремленіи внушить къ русскому народу то уваженіе, котораго онъ заслуживаетъ, какъ равноправный съ прочими народами Европы участникъ въ благахъ всемірнаго просвѣщенія. До конца XVII вѣка Посольскій Приказъ руководствовался задачами политики Москвы, имя которой олицетворяло понятіе о всей подвластной странѣ; Петръ Великій расширилъ это понятіе до предѣловъ государства; преемники его въ новой, перенесенной на берега Невы, столицѣ нарушили исконную связь съ народомъ и лишили свою политику ея коренныхъ элементовъ. 1812 годъ указалъ намъ ошибки XVIII вѣка и послужилъ поводомъ къ первымъ шагамъ на пути возвращенія государства къ своимъ народнымъ основамъ. Будущимъ историкамъ русской дипломатіи предстоитъ трудная, хотя и въ высшей степени благодарная задача, именно: выяснить на сколько космополитическій періодъ русской дипломатіи, какъ плодъ непонятыхъ стремленій Петра Великаго, въ теченіе полутораста и даже болѣе лѣтъ, задержалъ развитіе могущества Россіи на основныхъ твердыхъ началахъ русской народности? Рѣшеніе этой задачи связано съ будущею судьбою Россіи и ея міровымъ призваніемъ въ средѣ человѣчества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

СТАТЬИ ЦЕРЕМОНІАЛЬНЫЯ[1]).

1. Какъ пріѣдутъ въ Гаагу на постоялый дворъ и господа послы будутъ провожены отъ господъ депутатовъ ихъ высокомочія, и тогда належитъ господамъ великимъ посламъ напредъ идти до прихожей большой палаты.

2. Егда господа депутаты отъ ихъ превосходительствъ простясь пойдутъ, чтобъ о всемъ доношеніе учинить высокомочнымъ Статомъ, и тогда надлежитъ господамъ депутатомъ при исхожденіи изъ палаты напредъ итти, разсуждая то, что тотъ домъ аки бы совершенно ихъ посольскій, и да будутъ они высокомочные провожены отъ ихъ превосходительствъ даже до кареты.

3. Въ вечеру, егда высокомочные пріѣдутъ, дабы ихъ превосходительствамъ при ужинѣ собесѣдованіе учинить, и тогда бы ихъ высокомочныхъ встрѣтить ихъ превосходительствамъ внизу у кареты и дать имъ напередъ итти до столовой, такоже и назадъ проводить.

4. Просятъ ихъ превосходительства обыкновенно явственно быть на пріѣздѣ на третій день послѣ въѣзда своего въ Гаагу, и на то позволено, и посланы будутъ двое господъ изъ среды собранія ихъ высокомочныхъ, дабы ихъ превосходительства на пріѣздъ проводить, и тогда господъ Статъ депутатовъ встрѣтить ихъ превосходительствамъ внизу у кареты и дать имъ напередъ итти даже до большой прихожей посольской палаты.

5. При выѣздѣ изъ палаты господъ пословъ надлежитъ господамъ посломъ напередъ итти и въ большое мѣсто въ каретѣ сѣсть и, проѣхавъ южныя ворота, итти по лѣстницѣ въ сѣни и даже до палаты статской, а при выходѣ итти тѣми же сѣнями, и тако господъ пословъ проводить на дворъ.

6. На дворѣ ихъ пріѣхавъ, итти ихъ превосходительствамъ также напредъ даже до прихожей большой палаты своей, гдѣ господа простясь отъ нихъ пойдутъ, и тогда имъ при выходѣ къ каретѣ надлежитъ напредъ итти и отъ господъ пословъ провоженымъ быти до кареты.

При сихъ церемоніяхъ надлежитъ гофмейстеру вездѣ напередъ ѣздить и ходить, и господамъ посламъ кресла противъ господина президента указывать при явственномъ пріѣздѣ ихъ превосходительствъ. Гофмейстеръ проситъ, чтобы одинъ изъ лучшихъ посольскихъ людей съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ.

---

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 945—947.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

ЧИНЪ,
КАКЪ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКИМЪ И ПОЛНОМОЧНЫМЪ ПОСЛОМЪ НА ПРІѢЗДѢ У ГОСПОДЪ СТАТЪ ГОЛЛАНДСКИХЪ БЫТЬ[1].

1. Господа Статы придутъ къ господамъ великимъ и полномочнымъ посламъ и будутъ ихъ звать къ своимъ товарищамъ господамъ Статамъ на посольство.

2. И тогда господа великіе и полномочные послы поѣдутъ къ господамъ Статомъ въ статской каретѣ, съ дворяны и со всѣми служительми такожде въ ихъ каретахъ.

3. Егда господа великіе и полномочные послы къ палатѣ Собранія придутъ, гдѣ господа Статы обрѣтатися будутъ, тогда господамъ Статамъ господъ великихъ и полномочныхъ пословъ встрѣтить, у кареты ихъ принять.

4. А когда господа великіе и полномочные послы въ переднюю палату придутъ, тогда ихъ тремъ изъ господъ Статовъ встрѣтить надлежитъ.

5. А когда господа великіе и полномочные послы въ палату собранія придутъ, тогда тремъ изъ господъ Статовъ въ дверехъ ихъ встрѣтить.

6. Когда господа великіе и полномочные послы въ палату придутъ, тогда господамъ Статамъ непокровенными главами всѣмъ стоять.

7. По семъ первый господинъ великій и полномочный посолъ отъ великаго государя, отъ его царскаго величества, господъ Статъ поздравитъ.

8. По семъ господамъ Статамъ про его царскаго величества здравіе спрашивать надлежитъ.

9. Потомъ господамъ Статомъ второй великій и полномочный посолъ про здоровье великаго государя, его царскаго величества, скажетъ.

10. По семъ первый господинъ великій и полномочный посолъ рѣчь говоритъ и господамъ Статомъ его царскаго величества грамоту вручитъ.

11. Послѣ того третій господинъ великій посолъ господамъ Статомъ его царскаго величества любительные поминки объявитъ и ихъ принесутъ.

12. Потомъ отъ господъ великихъ пословъ господамъ Статомъ ихъ посольскіе дары объявлены будутъ и ихъ принесутъ.

13. Потомъ второй господинъ великій посолъ рѣчь говоритъ о дѣлѣхъ.

14. Послѣ того третій господинъ великій посолъ рѣчь скончаетъ.

15. Потомъ господамъ Статомъ за его царскаго величества милость и присылку сего великаго посольства говорить благодарную рѣчь и отпустить господъ великихъ и полномочныхъ пословъ и проводить ихъ до кареты и до двора ихъ всѣмъ или нарочитое число изъ господъ Статовъ; и обѣдать съ великими послы и потчивать ихъ господъ пословъ.

16. Въ пребывающемъ отправленіи посольства, какъ господамъ великимъ посломъ, такъ и господамъ Статомъ непокровенными главами стоять.

---

[1] Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 967—968.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

РѢЧЬ,

ПРИПИСЫВАЕМАЯ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ИНОСТРАННЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ ПРИ ОПИСАНІИ ЕГО СВИДАНІЯ СЪ КОРОЛЕМЪ ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ III АНГЛІЙСКИМЪ, 1 СЕНТЯБРЯ 1697 Г. ВЪ УТРЕХТѢ.

По тексту анонимнаго автора Исторіи Вильгельма III, короля Великобританіи (Histoire de Guillaume III, roi de la Grande Bretagne, nouvelle édition augmentée. Amsterdam 1721, tome II, page 289).

Ce n'a pas été, Sire, le désir de voir les villes fameuses de l'Empire d'Allemagne ou la plus puissante république de l'univers qui m'a fait laisser mon trône et mes armées victorieuses; c'a été uniquement la passion véhémente, que j'ai eue de voir le plus renommé et le plus grand Héros de ce siècle. Mon souhait est accompli et je suis suffisament recompensé des suites incomodes que pourrait avoir mon voyage puisque je suis assez heureux de jouir de Votre présence. L'acceuil, que m'a fait Votre Majesté, m'a donné plus de satisfaction que ne m'en a donné la prise d'Azoph et mes triomphes sur les Tartares. L'honneur de cette conquête Vous appartient, Sire, en quelque manière. Votre génie martial que j'ai regardé comme mon modèle, a conduit mon bras et mon épée; et la noble émulation de Vos grands exploits a inspiré dans mon coeur les premières pensées d'agrandir mon Empire. Je n'ai point de termes assez forts pour exprimer la vénération et la haute estime que j'ai

По тексту анонимной (соч. Мовильона) Исторіи Петра Великаго (Histoire de Pierre I surnommé le Grand. Amsterdam et Leipzig, 1742, tome III, Preuves, page 1).

Ce n'a pas tant été le désir de visiter les célèbres villes de l'Empire de l'Allemagne et la plus puissante république de l'univers, qui m'a fait quitter le trône et m'absenter de mes armées victorieuses, que celui de voir le plus brave héros du siècle. Ce désir est satisfait et je recueille les fruits de mon voyage en me trouvant admis en Votre Royale présence. Vos généreux et tendres embrassements m'ont fait plus de plaisir que la prise d'Azoph et mes victoires sur les Tartares; mais je Vous suis redevable de la Conquête de cette importante clé de la Mer Noire. C'est Votre esprit martial qui a dirigé mon épée. L'émulation de Vos exploits a fait naître en mon coeur la première pensée d'agrandir mes Etats. Ma vénération pour Votre personne Sacrée est au-dessus de toute expression. Ce voyage même n'en est qu' une faible preuve. La saison est si avancée et la Paix de l'Europe est sur un tel pié, que je n'ose me flatter de l'avantage et de l'occasion que je voudrais avoir de com-

pour Votre personne sacrée; mon voyage qui n'a pas d'exemple en est une preuve. La saison est si avancée et d'ailleurs la paix qui se négocie est si prochaine, que je n'aurai pas l'occasion qu'eut l'Empereur Maximilien, de combattre sous les étendarts d'Angleterre contre la France, la commune ennemie de la chretienté. Si la guerre continue cependant, je donnerai ordre aux généraux de mes Armées de se tenir prets de suivre incessament les Votres; et soit en paix, soit en guerre, si Vos sujets industrieux veulent trafiquer jusqu'aux parties les plus septentrionales du monde, les portes de la Russie leur seront ouvertes. Je leur accorderai des immunités plus grandes que celles qu'ils ont eues jusqu'ici; et je les ferai insérer dans les plus précieux régistres de mon Empire pour être un témoignage perpétuel de l'estime que j'ai pour le plus grand et le plus digne de tous les Rois.

battre sous Vos étendarts. Cependant, si la guerre continuait, je suis prêt à suivre Vos ordres avec mon Armée; et soit en temps de paix ou de guerre, si Vos ingénieux sujets veulent négocier par toute l'étendue de mes Etats, tous les ports leur y seront ouverts et ils jouiront de plus grands privilèges et immunités que ceux dont jouissent actuellement les plus favorisés des Etrangers dans quelques unes de mes places et qu'aucuns autres ayent eus avant eux. Et ces privilèges et immunités seront enregistrées authentiquement dans les plus prècieux Annales de mon Empire, en témoignage de la vénération et de cette estime que j'ai et que j'aurai toujours pour le plus digne des Rois.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ВЕЛИКОЙ ОСОБЫ[1]).

Изъ Москвы выѣхалъ Мая 11 дня 1697 года и имѣлъ путь чрезъ Клинъ, Тверь, Торжекъ и великій Новъградъ и прибылъ въ Нарву Іюня 2, а изъ Нарвы того же мѣсяца 11 числа отправясь кораблемъ въ Любекъ, приплылъ въ оной чрезъ 13 дней. Тутъ видѣлъ въ церквѣ престолъ изъ мрамору весьма изрядной и органы, въ которыхъ одна труба 16 [саженъ[2])]. Изъ Любека продолжалъ путь въ Гамбургъ, гдѣ видѣлъ въ комедіи метальника, который метался предивно. Тутъ же видѣлъ бочку, въ которую входитъ полуанкерныхъ 112 бочекъ. Оттолѣ прибылъ въ Амстердамъ [Іюля 11] [3]) дня.

Въ Амстердамѣ былъ въ домѣ, гдѣ собраны золотыя, сребряныя и всякія иныя руды и образцы показывающіе, какъ родятся алмазы, изумруды, [сердолики][4]) и прочіе камни, самородное золото и разныя морскія вещи. Тамъ же видѣлъ на ярмонкѣ младенца женскаго полу полутора году, мохната всего сплошь, толста гораздо, и имѣюща лице въ двѣ четверти [5]); также видѣлъ слона великаго, который [игралъ знамемъ][6]), трубилъ по турски и по черкаски, стрѣлялъ изъ мушкету и много [другаго дѣлалъ и игралъ съ собакою][7]) которая непрестанно при немъ находилась. Тамъ видѣлъ еще метальника, который чрезъ трехъ человѣкъ перескоча на лету, обернется головою внизъ и станетъ на ноги. Видѣлъ у доктора анатоміи кости, жилы и мозгъ человѣческій, тѣла младенческія отъ зачатія до рожденія, сердце, легкое, почки и какъ въ почкахъ родится камень[8]), и прочія внутренности въ спиртѣ сохраняемыя и отъ многихъ лѣтъ нетлѣнныя. Видѣлъ также кожу человѣческую выдѣланную, толще бараньей; кожа, которая на мозгу, вся въ жилахъ, а изъ косточекъ, кои въ ушахъ, иные совсѣмъ похожи на молоточки. Тутъ сохраняются въ спиртѣ и животныя, какъ то: мартышки разныхъ родовъ, птицы, змѣи, лягушки,

---

[1]) Отрывокъ этотъ, заключающій въ себѣ подробности пребыванія только въ Голландіи, печатается нами по тексту изданія 1788 г. Варіанты и добавленія къ основному тексту заимствованы нами изъ «Журнала, како шествіе было его величества государя Петра Великаго», напечатаннаго въ Русской Старинѣ (Ср. выше, стр. 66, примѣч. 1). Слова основнаго текста, поставленныя въ скобкахъ, указываютъ на измѣненіе ихъ въ варіантахъ.

[2]) Аршинъ.

[3]) Іюня 21.

[4]) Корольки.

[5]) Въ $1^1/_2$ четверти.

[6]) Игралъ миноветы.

[7]) Дѣлалъ забавы и игралъ и дѣлалъ симпатію съ собакою.

[8]) И вся нутренняя рознета разно, и жила та, на которой печень живетъ, горло и кишки. Жила та, на которой легкое живетъ, подобно какъ тряпица старая; жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ, какъ нитки. Видѣлъ 50 тѣлецъ младенческихъ въ спиртахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны. Видѣлъ мужеское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнны и кровь знать, глаза цѣлы и тѣлеса мягки, а лежатъ безъ спиртовъ; женскаго пола внутри сердце, печень, кишки, желудокъ, все нетлѣнно.

рыбы и многія иныя весьма удивительной породы, между коими былъ и звѣрокъ величиною съ большую мышь, который безъ шерсти и родитъ подобныхъ себѣ сквозь спину, гдѣ было больше 20 маленькихъ. Тамъ же видѣлъ великое собраніе рѣдкихъ и предивныхъ жуковъ и бабочекъ.

Въ Амстердамѣ показывали мужика совсѣмъ безрукова, который въ карты игралъ, изъ пищали стрѣлялъ и набивалъ ее самъ, брилъ себѣ бороду, лежа на столѣ вдругъ съ него вскакивалъ, поставя на самой край стола стулъ и подъ стулъ рюмку, самъ становился на стулѣ и нагнясь доставалъ зубами рюмку, и выпивъ опять подъ стулъ поставлялъ, танцовалъ прытко, въ стѣну бросалъ шпагу и писалъ ногою.

Въ Гагу пріѣхалъ съ послами Сентября 15 дня. Встрѣча была до города за двѣ версты, а встрѣчали два человѣка штатовъ: подъ нами было (восемь)[1] каретъ о 6 лошадяхъ и сидѣли по два человѣка: я сидѣлъ съ княземъ Алексѣемъ Голицынымъ. Какъ прибыли въ городъ на посольской дворъ, пріѣхало цугами два человѣка съ поздравленіемъ, а къ обѣду семь: изъ нихъ былъ одинъ президентъ, который потчивалъ насъ столомъ. Мы встрѣчали ихъ на крыльцѣ и президентъ долго не выходилъ изъ кареты для того, что послы наши не сошли на нижнее крыльцо. На другой день пріѣхали подчивать насъ г. Витцынъ, да два человѣка штатовъ и всякой день были изъ нихъ по два у стола до аудіенціи, а послѣ оной не были. На аудіенцію ѣхали въ каретахъ штатовъ о 6 коняхъ и сидѣли по два:[2] лакѣевъ было 25 да пажей 10, шедшихъ назади и напереди насъ и одѣтыхъ въ алые кафтаны[3]. Какъ пріѣхали на дворъ, солдатъ стояло въ ружьѣ 40, а встрѣтили насъ два изъ штатовъ, прочіе же всѣ сидѣли[4]. Нашихъ пословъ посадили посреди у стола, а мы стояли за ними. Прежде рѣчь говорилъ большой посолъ, потомъ другой и наконецъ Прокофій Возницынъ, и когда грамоту подали, возвратились въ провожаніи двухъ штатовъ. Послѣ пріѣзжало къ намъ въ отвѣтъ по 7 человѣкъ штатовъ[5]. Къ нашимъ посламъ пріѣзжали цугами послы съ визитомъ въ черномъ платьѣ. Сперва былъ посолъ Шведской въ 3 каретахъ. На другой день посолъ Бранденбургскій въ 4 и Аглинскій въ 9 коретахъ. На третій день Дацкой въ 4 каретахъ. Цесарского посла была жена у обѣдни нашей со многими дѣвицами зѣло нарядно. Гишпанской посолъ былъ въ 20 коретахъ. Въ Гагѣ Францъ Яковлевичь ѣздилъ за городъ въ сады въ своей коретѣ, которая дана (1080)[6] червонныхъ, шлеи на 8 лошадяхъ были бархатныя вызолоченыя. Я сидѣлъ съ нимъ и за нами было еще три кореты о 6 коняхъ, въ которыхъ дворяне наши сидѣли. А какъ свѣдали, что мы поѣхали за городъ, многія посольскія жены съ дочерьми выѣхали туда же. Послѣ того ѣздили дважды въ комедію, которую нарочно для насъ представляли, и когда оттуда возвращались, несли предъ коретою свѣчи восковые возженные. У Цесарскаго посла былъ я[7] въ домѣ, гдѣ

---

1) 50.

2) Ѣхали къ Статамъ въ каретахъ: Францъ Яковлевичь, Ѳедоръ Алексѣевичь, (противъ ихъ) Прокофій Возницынъ, царевичь Милитинской, Александръ Кикинъ, Ѳедоръ Плещеевъ, Петръ Лефортъ (иноземцы наши), да приставъ, я съ кн. Алексѣемъ Голицынымъ.

3) Съ кружевами, серебромъ и золотомъ, четыре карла въ бархатныхъ кафтанахъ.

4) И за столомъ сидѣли 37 человѣкъ.

5) А Францъ Яковлевичь былъ въ русскомъ платьѣ.

6) 1800.

7) Одинъ.

одна комната обита полосатыми матеріями, другая изрядными шпалерами, а третья бархатомъ краснымъ и по швамъ кружевами золотыми весьма богатыми.

Пословъ нашихъ дарили штаты Голландскіе: большому послу цепь золотую въ 10 фунтовъ съ гербомъ Голландскимъ, другому въ 8 фунтовъ, дьяку Прокофью Возницыну въ 5 фунтовъ съ половиною, дворянамъ цепи [въ 42 червонца][1].

Изъ Гаги возвратились въ Амстердамъ и тамъ было Октября 28 торжество великое: весь городъ былъ освѣщенъ, горѣли разные огни, нѣсколько сотъ тысячь пущено ракетовъ и стрѣльба была во всю ночь чрезвычайная въ знакъ радости, что миръ состоялся у всѣхъ европейскихъ государей съ французскимъ королемъ[2].

Тамъ же видѣлъ стекло зажигательное, которое минутъ въ десять растопило ефимокъ; былъ въ жидовской школѣ, гдѣ великое богатство и Моисеевы книги драгоцѣнными камнями украшенныя; смотрѣлъ служеніе у Квакеровъ, которые собравшись въ церковь сидятъ часа съ три съ великимъ смиреніемъ и какую бы кто досаду имъ ни учинилъ, не противятся и отвѣту не даютъ[3]; былъ на дворѣ, гдѣ собраніе разныхъ родовъ рѣдкихъ птицъ, между которыми одна находилась безъ крылъ и безъ перья, покрытая жесткимъ, на щетину похожимъ волосомъ, и былъ воронъ, говорившій тремя языками[4]; видѣлъ кита въ 5 саженей, который еще не родился и выпоротъ изъ брюха, также морскаго животнаго изъ роду моржей, коего одна затылочная кость въ полуторы сажени, и рыбу морскую могущую летать.

Тамъ же былъ на дворѣ, гдѣ живутъ вольныя дѣвки; домъ превеликой и сады изрядные; осматривалъ другой такой же огромной домъ, въ которомъ воспитываются незаконнорожденные дѣти, обучаются грамотѣ и разному мастерству, содержатся до пятнадцати лѣтъ и по выучкѣ отпускаются на волю и снабдѣваются платьемъ и иными потребностями; видѣлъ домъ безумныхъ, гдѣ для каждаго такого человѣка отводится особой чуланъ и наблюдается строго, чтобъ онъ себя ничемъ не повредилъ и былъ довольствованъ пищею и питьемъ и лѣчимъ, какъ должно: которые изъ нихъ не дерутся, тѣ свободно ходятъ по двору, а съ двора ихъ не спускаютъ.

Тутъ устроены изрядные домы, гдѣ собирается всякой вечеръ дѣвицъ до двадцати и болѣе, музыка непрестанно играетъ, и кто изъ приходящихъ гостей какую полюбитъ, съ тою можетъ имѣть бесѣду въ особой каморѣ или и ночевать у нея безъ всякаго опасенія, потому что домы сіи содержатся съ дозволенія ратуши, и платятъ пошлину: числомъ же ихъ съ двадцать, а гостинницъ, для жилья и довольствованія себя столомъ и всѣмъ нужнымъ, считаютъ болѣе двухъ сотъ и онѣ всѣ почти хорошо выстроены и богато убраны.

Казнь была двухъ человѣкъ: ихъ прежде пытали и какъ повинилися въ убійствѣ, представили ихъ Штатамъ и за день до казни объявили имъ смерть; въ тотъ вечеръ былъ имъ столъ, подчивали ихъ всѣмъ довольно, и какъ пришло время, что ихъ казнить, привели ихъ предъ Бургомистровъ и спрашивали: совершенно ли

---

1) По 120 золотыхъ.

2) Видѣлъ штуки съ бумаги рѣзныя; рѣжетъ дѣвка, которая и персону человѣческую вырѣжетъ и многія персоны (королевскія) рѣжетъ и продаетъ за великую цѣну.

3) Сидятъ часа три съ великимъ смиреніемъ, никто не молвитъ, всякой ожидаетъ на себя освященія; познавши кто себя, мужъ или жена, встаетъ и учитъ людей и въ то время молчатъ, хотя велику досаду дѣлай, не противятся и отвѣта не дастъ.

4) Видѣлъ индѣйскихъ мышей, желтыя и бѣлыя, какъ горностаи.

винны? и когда признали точно себя таковыми, доложили Штатамъ и потребовали повелѣнія, казнить ли ихъ? Штаты приказали еще спрашивать и они спрашиваны трижды, а послѣ того сошли штаты всѣ, стали кругомъ на колѣняхъ и винныхъ тутъ же поставили, и молилися Богу со слезами о помилованіи ихъ. Потомъ возвели на эшафотъ, поставили на колѣняхъ и палачь отсѣкъ имъ обоимъ головы. Пасторы непрестанно при нихъ были и трупъ одного изъ сихъ преступниковъ отданъ въ анатомію, гдѣ профессоръ при мнѣ раздроблялъ оной въ присутствіи многихъ лѣкарей: сперва обрили голову и содрали кожу съ черепа, потомъ растерли пилою черепъ и вынули мозгъ, послѣ выпороли грудь и показывали, какое положеніе имѣетъ сердце и легкое, наконецъ вынимали кишки, почки и прочія всѣ внутренности и съ великимъ прилѣжаніемъ разсматривали каждую ихъ часть и на какой конецъ она существуетъ [1].

Тамъ же былъ у человѣка, у котораго великое собраніе древнихъ медалей и монетъ, между коими показываютъ и тѣ сребренницы, за которые Христосъ отъ Іуды проданъ: онѣ вѣсомъ противъ 8 сребренныхъ копѣекъ русскихъ, а изображеніе на нихъ голова и надъ оною надпись. У него представляли и кукольную комедію весьма изрядно [2].

Тамъ же былъ у Жидовъ и смотрѣлъ обрѣзанія младенца: прежде творятъ молитву надъ нимъ, потомъ положивъ младенца, берутъ крайнюю плоть и ущемивъ ее щипцами сребренными, отрѣзываютъ; послѣ беретъ въ ротъ ренское тотъ, кто рѣжетъ, припадаетъ ко младенцу и сосетъ кровь и тою же кровію и виномъ мажетъ у младенца уста [3].

Тамъ же былъ у купца и видѣлъ хамелеона живаго, который отмѣняетъ цвѣтъ, и на которой взойдетъ, тому цвѣту и самъ подобенъ бываетъ. Послѣ видѣлъ потѣху на морѣ и разныя воинскія движенія съ стрѣльбою изъ фрегатовъ и яхтъ, причемъ было нѣсколько тысячъ зрителей на разныхъ судахъ [4]. Былъ на дворѣ, гдѣ травили быковъ собаками: при мнѣ затравили троихъ, а двое устояли и многихъ собакъ побили и поранили рогами, и на головы сихъ двухъ быковъ возложены были цвѣтные вѣнки изъ бумаги сдѣланные въ знакъ ихъ побѣды, а потомъ водили ихъ по всему городу съ двумя трубачами, которые предъ ними шли и трубили.

---

1) Змѣю видѣлъ полчетверти сажени, одинъ кусокъ 282 фунта. Трубку зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотрятъ на мѣсяцъ и на звѣзды. На мѣсяцъ смотрѣлъ и можно видѣть, что есть земля и горы; а мѣрою та труба десять сажень. Видѣлъ стекло, чрезъ которое можно растопить серебро и желѣзо; тѣмъ же стекломъ топили камень самый крѣпкій и съ того камня выжгли будто хрусталь и тѣмъ хрусталемъ рѣзали стекло какъ алмазомъ. Тѣмъ же стекломъ жгли дерево подъ водою, воды было пальца на четыре, вода закипѣла и дерево зажгли; а ефимокъ растопился, какъ «отче нашъ» проговорить. Топили свинецъ и сожгли въ пепелъ, изъ того пепла вытопили камень, подобно янтарю. Видѣлъ голову сдѣланную деревянную, человѣческую, говоритъ, заводятъ какъ часы, а что будетъ говорить, то и оная голова говоритъ. Видѣлъ двѣ лошади деревянныя на колесѣ, садятся на нихъ и скоро ѣздятъ, куда угодно, по улицамъ, снимаютъ кольца копьемъ. Въ Амстердамѣ всѣхъ церквей разныхъ вѣръ 15.

2) Видѣлъ старицу древнюю, ходитъ по улицамъ, играетъ на скрипкѣ, передъ нею три собаки танцуютъ на заднихъ ногахъ.

3) Обѣдалъ на большомъ постояломъ дворѣ, десятникъ и послы, всѣхъ было 32 человѣка, а заплатили денегъ 37 (307) ефимковъ.

4) Какъ пришелъ десятникъ въ Амстердамъ, потѣха была на морѣ, наряжены два вицъ-адмирала съ фрегатами, съ яхтами военными; промежъ собою стрѣляли изъ пушекъ, какъ на бою. Было судовъ и смотрѣльщиковъ до 1000.

Тамъ же былъ въ обществѣ ученыхъ людей, которые собираются въ особливомъ домѣ раза по два въ недѣлю и бесѣдуютъ о разныхъ вещахъ до наукъ ихъ принадлежащихъ. Видѣлъ рыбу, у которой пила на носу и которая величиною съ небольшую бѣлугу, и видѣлъ тутъ же скорпіона, маленькія рыбки, кои корабль останавливаютъ прилипая въ множествѣ ко дну его, и особливаго роду тюленя, который чрезвычайно толстъ, но коротокъ и губы имѣетъ превеликія.

Тамъ же ужиналъ въ такомъ домѣ, гдѣ ставили на столъ ѣствы и пить подносили пригожіе дѣвки, у коихъ вся грудь открыта, руки перевязаны флеромъ, а ноги лентами.

Изъ Амстердама ѣздилъ въ Ротердамъ на Лейденъ, гдѣ видѣлъ много достопамятностей; былъ въ Делфтѣ, гдѣ погребаются Оранскіе принцы и въ Ротердамѣ видѣлъ между разными рѣдкостями изваяніе тамошняго ученаго Эрасма, которое весьма живо сдѣлано и въ полуденное время, когда бьетъ 12 часовъ, перекидаетъ листы изъ книги, которая въ его рукахъ.

Оттуда отправился въ Италію 1 Апрѣля. Ѣхалъ на почтѣ чрезъ Мюйденъ, Нарденъ, славную крѣпость Амерсфортъ, гдѣ хорошія суконныя бархатныя и иныя фабрики, Лоо, увеселительной замокъ принца Оранскаго, гдѣ садъ расположенъ весьма изрядно, изобиленъ фонтанами и всякими цвѣтами и плодовитыми деревьями, имѣетъ кругомъ рощи дубовые и липовые, въ которыхъ напущено много оленей, лосей и иныхъ звѣрей. Оттоль продолжалъ путь чрезъ разные города въ Кельнъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

ТАБЛИЦЫ РАСХОДОВЪ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА.

ТАБЛИЦА № 1.

ОКЛАДЫ ЖАЛОВАНЬЯ[1].

Должности и имена	Въ мѣсяцъ ефимки	денежки	рубли	копѣйки	Въ годъ ефимки	денежки	рубли	копѣйки	Источники указаній
А. русскіе									
1. I посолъ Лефортъ	—	—	—	—	—	—	3,900	—	Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 524
2. II посолъ Головинъ	—	—	—	—	—	—	3,000	—	
3. III посолъ Возницынъ	—	—	—	—	—	—	1,650	—	
4. Священникъ Поборскій	—	—	—	—	—	—	250	—	Тамъ-же . . . . » 567
5. Дворяне посольства, каждый по	—	—	—	—	—	—	130	—	Тамъ-же стр. 525, 535—537, 539—540
Переводчики Вульфъ и Шафиронъ, по	—	—	—	—	—	—	130	—	Тамъ-же . . . . стр. 565
6. Подъячіе: М. Волковъ и М. Родостамовъ, по	—	—	—	—	—	—	120	—	Тамъ-же . . стр. 549—550
7. М. Родіоновъ,	—	—	—	—	—	—	100	—	
8. Ивановъ, Черновъ и Буслаевъ, по	—	—	—	—	—	—	80	—	Тамъ-же, стр. 549—550, 560—561
9. Толмачь Крапоткинъ	—	—	—	—	—	—	54	20	Тамъ-же . . стр. 572—573
10. Дьяконъ Тимофей	—	—	—	—	—	—	50	—	Тамъ-же . . » 570
11. Толмачи: Зміевъ	—	—	—	—	—	—	45	—	Тамъ-же . . » 572—573
12. Гемсъ	—	—	—	—	—	—	39	—	
Б. иноземцы									
1. Вице-адмиралъ К. Крюйсъ	—	—	—	—	3,600	—	1,800	—	Расх. книги посольства, стр. 920.
2. Лекарь Германтъ	—	—	—	—	—	—	500	—	Пам. Дипл. Сношен., стр. 574—575.
3. Капитаны по	60	—	30	—	720	—	360	—	Расх. книги посольства, стр. 920.
4. Комендоры по	40	—	20	—	480	—	240	—	Тамъ-же . . . стр. 920—921.
5. Порутчики по	24	—	12	—	288	—	144	—	Тамъ-же . . . » 921—922.
6. Стюрманы по	20	—	10	—	240	—	120	—	Тамъ-же . . . » 922.
7. Подстюрманы по	16	—	8	—	192	—	96	—	
8. Двое слугъ Крюйса по	14	—	7	—	168	—	84	—	Тамъ-же . . . » 920.
9. Лекаря, боцманы, констапели по	12	40	6	20	153	60	76	80	Тамъ-же . . . » 922—925.
10. Боцманматы, коки и бутолеры по	9	60	4	80	115	20	57	60	Тамъ-же . . . » 924—926.
11. Матросы по	6	—	3	—	72	—	36	—	Тамъ-же . . . » 925.

Ср. выше, стр. 40.

[1] Таблица эта не полна и не обнимаетъ собою всѣхъ окладовъ, но имѣетъ достаточно значенія, какъ образецъ оцѣнки Петромъ Великимъ заслугъ Русскихъ сравнительно съ иностранцами. Послѣдніе оказываются, по размѣрамъ жалованья, въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи.

ТАБЛИЦА № 2.

ОКЛАДЫ КОРМОВЫХЪ ДЕНЕГЪ СОСТАВУ ПОСОЛЬСТВА И НАНЯТЫМЪ НА РУССКУЮ СЛУЖБУ ИНОЗЕМЦАМЪ ПО ДАННЫМЪ РАСХОДНЫХЪ КНИГЪ.

Имена и должности	СУММА ВЫДАЧИ: по старому счету на: рубли	ефимки	гривны	алтыны	деньги	по счету на: рубли	копѣйки	Ссылки на №№ страницъ въ расходныхъ книгахъ посольства
I. Священникъ I. Поборскій	—	—	—	—	—	—	—	1007, 1015.
Дворянинъ Ив. Возницынъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 978—9, 1005, 1015.
Бомбардиры: Гуммертъ	—	—	—	—	—	—	—	976, 982, 1002.
Ад. Вейде	—	—	—	—	—	—	—	1013—1014.
Лекарь Пендерсъ съ ученикомъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 978, 1005, 1016.
въ день	—	1	—	—	—	—	50	
въ недѣлю	—	7	—	—	—	3	50	
въ мѣсяцъ	—	30	—	—	—	15	—	
II. Лекарь Ив. Термантъ	—	—	—	—	—	—	—	1006, 1016.
въ день	—	—	—	15	—	—	45	
въ недѣлю	—	6	—	5	—	3	15	
въ мѣсяцъ	—	24	—	—	—	12	—	
III. Переводчики: П. Шафировъ	—	—	—	—	—	—	—	999, 1005, 1015.
П. Вульфъ; Подъячіе: М. Волковъ, М. Родостамовъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 979, 1005, 1015.
Мастера: ракетный Швертнеръ	—	—	—	—	—	—	—	1015.
золотыхъ дѣлъ Дитмаръ; серебряныхъ Рудольфъ; Лекарь Тріандръ; 1-го посла пажъ Книперъ	—	—	—	—	—	—	—	968, 975—976, 981, 1008—1009.
2-го посла два пажа	—	—	—	—	—	—	—	1011, 1012.
въ день	—	—	—	10	—	—	30	
въ недѣлю	—	4	1	—	—	2	10	
въ мѣсяцъ	—	18	—	—	—	9	—	
IV. Подъячій М. Ларіоновъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 978, 1005, 1015.
Свящ. Василій съ сыномъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 978—979, 984.
въ день	—	—	—	9	—	—	27	
въ недѣлю	—	3	—	13	—	1	89	
въ мѣсяцъ	—	16	—	6	4	8	10	
V. Подъячій Ченцовъ	—	—	—	—	—	—	—	990, 1005, 1015.
въ день	—	—	—	8	—	—	24	
въ недѣлю	—	3	—	6	—	1	68	
въ мѣсяцъ	—	14	—	6	4	7	20	
VI. Толмачъ А. Гемсъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 979, 1004.
въ день	—	—	—	7	—	—	21	
въ недѣлю	—	2	—	15	4	1	47	
въ мѣсяцъ	—	12	—	10	—	6	30	

Имена и должности	По старому счету на					По счету на		Ссылки на №№ страницъ въ расходныхъ книгахъ посольства
	рубли	ефимки	гривны	алтыны	деньги	рубли	копѣйки	
VII. Подъячій П. Ларіоновъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 978, 1005.
аптекарскій ученикъ Левкинъ	—	—	—	—	—	—	—	1006, 1016.
солдаты и урядники	—	—	—	—	—	—	—	928, 986—987, 992, 999, 1007—1008.
волонтеры	—	—	—	—	—	—	—	975, 982, 994, 1016—1017.
П. Вульфъ, лакей Фр. Лефорта	—	—	—	—	—	—	—	976, 982, 1009.
Венеціанецъ А. Молинъ	—	—	—	—	—	—	—	973.
Р. Ципіо, арапъ	—	—	—	—	—	—	—	1002, 1012.
иноземцы: скороходъ, погребщикъ, поваръ	—	—	—	—	—	—	—	968, 969, 976, 981, 1009.
въ день	—	—	—	6	4	—	20	
въ недѣлю	—	2	—	13	2	1	40	
въ мѣсяцъ	—	12	—	—	—	6	—	
VIII. Дьяконъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 978, 1007.
бомбардиръ Гершау	—	—	—	—	—	—	—	966, 975.
въ день	—	—	—	6	—	—	18	
въ недѣлю	—	2	—	8	4	1	26	
въ мѣсяцъ	—	10	—	13	2	5	40	
IX. Лекарь Суфергагенъ	—	—	—	—	—	—	—	973.
люди: 2-го посла	—	—	—	—	—	—	—	971, 979, 994, 1005, 1016.
3-го посла	—	—	—	—	—	—	—	971, 978—979, 1005.
Чеппель, слуга П. Лефорта	—	—	—	—	—	—	—	976, 982, 1009.
Вилимъ, слуга А. Вейде	—	—	—	—	—	—	—	1013—1014.
П. Исоѳъ, слуга бомбардира Гуммерта	—	—	—	—	—	—	—	976, 982, 1002.
Иноземцы: матросы, арапъ Генр. Сиринъ	—	—	—	—	—	—	—	972.
Бакановъ, слуга при каретахъ	—	—	—	—	—	—	—	1013.
въ день	—	—	—	5	—	—	15	
въ недѣлю	—	2	—	1	4	1	05	
въ мѣсяцъ	—	9	—	—	—	4	50	
X. Толмачи: Скоровскій	—	—	—	—	—	—	—	992, 1005, 1016.
Мякишевъ	—	—	—	—	—	—	—	971, 978—979.
Емельяновъ, слуга князя Щербатова	—	—	—	—	—	—	—	972—973, 979, 1005, 1016.
въ день	—	—	—	4	—	—	12	
въ недѣлю	—	1	—	11	2	—	84	
въ мѣсяцъ	—	7	—	3	2	3	60	
XI. Сержантъ	—	—	—	—	—	—	—	966, 975, 1001.
Толмачи: Войцеховскій	—	—	—	—	—	—	—	1020—1021.
Лидертъ (Полякъ)	—	—	—	—	—	—	—	971, 978—979, 1016.
Абросимка, поповъ человѣкъ; Русскіе полонянники	—	—	—	—	—	—	—	971, 978—979.
Подстюрманъ (полякъ); Матросы: 8 славянъ, 3 черкассъ	—	—	—	—	—	—	—	973.
Ругодивецъ (Лоптухинъ); Донской казакъ Жбановъ	—	—	—	—	—	—	—	972, 1021.

Имена и должности	По старому счету на: рубли	ефимки	гривны	алтыны	деньги	По счету на: рубли	копѣйки	Ссылки на №№ страницъ въ расходныхъ книгахъ посольства
Матросы: Греки, Поляки, Славяне, Итальянцы	—	—	—	—	—	—	—	967, 969—970, 975, 977, 983.
въ день	—	—	1	—	—	—	10	
въ недѣлю	—	1	—	6	4	—	70	
въ мѣсяцъ	—	6	—	—	—	3	—	
XII. Матросы: двое Поляковъ 22 Холмогорца Полонянники: Донскіе, Сумскіе и Харьковскій Казаки и Полякъ	—	—	—	—	—	—	—	972, 985.
Черкашенинъ	—	—	—	—	—	—	—	967.
въ день	—	—	—	3	—	—	9	
въ недѣлю	—	1	—	4	2	—	63	
въ мѣсяцъ	—	5	—	7	4	2	70	

ТАБЛИЦА № 3.

ВЫДАЧА КОРМОВЫХЪ ДЕНЕГЪ ИНОСТРАННЫМИ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ[1].

А. въ Бранденбургѣ суточныя.

№№ окладовъ	Должности и имена	По старому счету на: ефимки	алтыны	деньги	По счету на: рубли	копѣйки	Источники указанія
1	Дворяне и переводчики, каждый по	$1^1/_4$	—	—	—	$62^1/_2$	Памятники Дипломатическихъ Сношеній, стр. 848 (см. выше, стр. 61).
2	Подъячіе (М. Родостамовъ и М. Ларіоновъ)	1	—	—	—	50	
3	Лекаря и мастера золотаго и серебрянаго дѣлъ, по	—	13	2	—	40	
4	Подъячіе (Н. Ивановъ, И. Черноцвъ, Ѳ. Буслаевъ, П. Ларіоновъ), по	$^3/_4$	—	—	—	$37^1/_2$	
5	Толмачи, по	—	10	—	—	30	
6	Трубачи и музыканты, по	$^1/_2$	—	—	—	25	
7	Первые посольскіе люди, по	—	6	4	—	20	
8	Собольщикъ, сторожъ, солдаты, люди поварскіе, дворянскіе и чиновныхъ людей, каждый по	—	5	—	—	15	

[1]) Таблица № 3 свидѣтельствуетъ, что за границею лица, принадлежавшія къ составу великаго посольства, получали отъ иностранныхъ правительствъ кормовое довольствіе въ бóльшемъ размѣрѣ, чѣмъ оно имъ полагалось по окладамъ, опредѣленнымъ Посольскимъ Приказомъ.

Б. ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

Вѣдомость придворныхъ служителей великаго московскаго посольства, подлежащихъ одѣленію суточными кормовыми деньгами[1].

№№ окладовъ	Число лицъ	Должности и имена	КОРМОВЫЯ ВЫДАЧИ одному: гульдены	стейверы	рубли	копѣйки	всѣмъ: гульдены	стейверы	рубли	копѣйки
		особы свиты, состоящей при его превосходительствѣ первомъ послѣ:								
1	1	Докторъ медицины Термунтъ	7	10	1	50	7	10	1	50.
5	3	Цирюльника (Barbiers)	—	50	—	50	7	10	1	50.
9	4	Служителя (Knegts)	—	16	—	16	3	4	—	64.
6	6	Трубачей	—	40	—	40	12	—	2	40.
9	4	Служителя (Knegts)	—	16	—	16	3	4	—	64.
6	1	Хранитель серебра (Silver Bewaarder)	2	—	—	40	2	—	—	40.
9	1	Помощникъ его (Jonge van ded Silver)	—	16	—	16	—	16	—	16.
6	1	Придворный музыкантъ	2	—	—	40	2	—	—	40.
5	1	Обозный (Wagenmeister)	2	10	—	50	2	10	—	50.
7	1	Кондитеръ	1	10	—	30				
—	1	Кравчій (Schenker)	1	10	—	30	4	10	—	90.
—	1	Погребщикъ (Keldermeister)	1	10	—	30				
9	8	Служителей при волонтерахъ	—	16	—	16	6	08	1	28.
7	1	Дистилаторъ при докторѣ Термунтѣ	1	10	—	30	1	10	—	30.
7	1	Прислужникъ при аптекѣ	1	10	—	30	1	10	—	30.
7	1	Скатерщикъ (Tafeldecker)	1	10	—	30	1	10	—	30.
8	1	Писецъ при кухнѣ (Keuken scriver)	1	—	—	20	1	—	—	20.
9	2	Служителей при секретаряхъ (Secretarydinaers)	—	16	—	16	1	12	—	32.
9	1	Служитель при дворецкомъ (Hoofmeisterdinaer)	—	16	—	16	—	16	—	16.
9	6	Прислужниковъ при кухнѣ (Keukenbedienten)	—	16	—	16	4	16	—	96.
9	6	Служителей при дворянахъ (Hoofjunkerdinaers)	—	16	—	16	4	16	—	96.
7	2	Сержантовъ	—	30	—	30	3	—	—	60.
9	12	Солдатъ	—	16	—	16	9	12	1	92.
9	12	Гайдуковъ	—	16	—	16	9	12	1	92.
3	1	Главный поваръ (Oversten Keukenmeyster)	4	—	—	80	4	—	—	80.
	79	человѣкъ Всѣ вмѣстѣ	—	—	—	—	95	6	19	06.

[1]) Вѣдомость эта заимствована нами изъ книги Поссельта о Фр. Лефортѣ (т. II, приложеніе X, стр. 602—603), гдѣ она напечатана по Голландскому тексту и носитъ слѣдующее подлинное заглавіе: Notitia van de Hofbedienten van het grote Gesandtcap van Moscovien, welche in het dagelke Kostgeld gestellt zullen worden. Сумма расходовъ по этой вѣдомости лишь на 1 гульденъ 15 стейверовъ (=35 к.) разнится отъ итога, приводимаго Меерманомъ на основаніи архивныхъ данныхъ (см. выше, стр. 61). Вѣдомость печатается нами въ переводѣ согласно подлиннику, къ которому мы прибавляемъ лишь первую графу, указывающую №№ каждаго изъ девяти окладовъ кормовой выдачи и двѣ графы счета на рубли.

№№ окла-довъ	Число лицъ	Должности и имена	КОРМОВЫЯ ВЫДАЧИ одному: гульдены	стейверы	рубли	копѣйки	всѣмъ: гульдены	стейверы	рубли	копѣйки
		особы свиты г. втораго посла:								
3	5	Дворянъ (Edelleute)	4	—	—	80	20	—	4	—
9	11	Служителей (Dinaers)	—	16	—	16	8	16	1	76.
8	3	Поваровъ (Koks)	—	20	—	20	3	—	—	60.
	19	человѣкъ Итого	—	—	—	—	31	16	6	36.
		при третьемъ послѣ:								
3	2	Дворянъ	4	—	—	80	8	—	1	60.
9	6	Служителей (Dinaers)	—	16	—	16	4	16	—	96.
8	2	Поваровъ (Koks)	—	20	—	20	2	—	—	40.
2	1	Священникъ (Priester)	5	—	1	—	5	—	1	—
9	2	Служителей (Dinaers)	—	16	—	16	1	12	—	32.
4	2	Переводчиковъ (Translateurs)	—	70	—	70	7	—	1	40.
9	2	Служителей (Knegts)	—	16	—	16	1	12	—	32.
4	6	Подъячихъ (Schrivers)	3	10	—	70	21	—	4	20.
9	4	Служителей (Knegts)	—	16	—	16	3	4	—	64.
7	2	Толмача (Tolken, Dolmetscher)	—	30	—	30	3	—	—	60.
8	1	Сторожъ (Wagter)	1	—	—	20				
7	1	Собольщикъ (Zabelbewaarder)	1	10	—	30	3	6	—	66.
9	1	Служитель при карликахъ (Dinaer van t'dwergen)	—	16	—	16				
	32	человѣка Всего	—	—	—	—	60	10	12	10.
	130	особъ, итого на всѣхъ вмѣстѣ	—	—	—	—	187	12	37	52[1].

[1]) По указанію Меермана всѣхъ лицъ, пользовавшихся кормовымъ довольствіемъ отъ голландскаго правительства, было 131 человѣкъ, а сумма кормовыхъ имъ денегъ составляла 189 гульденовъ 7 стейверовъ (37 руб. 87 коп.), то есть на 1 гульденъ и 15 стейверовъ (= 35 к.) болѣе, чѣмъ по документу, которымъ мы пользуемся у Поссельта. Окладъ священника Меерманъ опредѣляетъ въ одинъ дукатъ (вѣроятно червонецъ), а подъ секретарями, судя по ихъ окладу (3 гульдена 10 су = 70 стейверовъ), разумѣетъ переводчиковъ и подъячихъ (см. выше, стр. 61).

ТАБЛИЦА № 4.

ЦѢНЫ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ, КУПЛЕННЫХЪ ВЪ МОСКВѢ.

№№	Обозначение предметовъ	Единица мѣры или вѣса	СТОИМОСТЬ: по старому счету: рубли	гривны	алтыны	деньги	на рубли: рубли	копѣйки	Ссылки на источники: Памятники Дипломат. Снош.	выше
1	Ящикъ малый къ печатямъ, окованъ бѣлымъ оловомъ, съ замкомъ глездуномъ		1	—	—	—	1	—	стр. 628	стр. 41, № 1.
2	Ящикъ дубовый, окованъ желѣзомъ, съ замкомъ глездуномъ		1	—	—	—	1	—	стр. 629	стр. 41, № 4.
3	Сундукъ дубовый, обитъ желѣзомъ, съ замкомъ глездуномъ	2×1 аршинъ	2	—	25	—	2	75	стр. 628—629	стр. 41, № 3.
4	Тоже	$1^3/_4$×1 аршинъ	$2^1/_2$	—	—	—	2	50	стр. 629	
5	Бархата, на мѣшечки къ печатямъ,	$^3/_4$ аршина	1	—	10	—	1	30	стр. 628	стр. 41, № 2.
6	Красное сукно	$^1/_2$ аршина	—	—	20	—	—	60	стр. 629	стр. 41, № 15.
7	Шелкъ, сученый Китайскій,	золотникъ	—	—	—	8	—	4	»	стр. 41, № 5.
8	Тоже, Московской ткани,	тоже	—	—	—	5	—	$2^1/_2$	»	
9	Сургучь красный	фунтъ	—	—	20	—	—	60	»	стр. 41, № 6.
10	Сургучь черный	тоже	3	—	—	—	3	—	»	стр. 41, № 7.
11	Воскъ красный въ лепешкахъ, для печатей	тоже	—	1	—	—	—	10	»	стр. 41, № 17.
12	Терпентинъ	тоже	—	—	5	—	—	15	»	
13	Киноварь	тоже	—	—	23	2	—	70	»	стр. 41—42, № 17.
14	Свѣчи восковыя витыя	тоже	—	1	—	—	—	10	»	стр. 41, № 9.
15	Свѣчи маковыя	пудъ	1	—	10	—	1	30	»	стр. 42, № 18.
16	Чернила сухія	фунтъ	$1^1/_2$	—	—	—	1	50	»	стр. 42, № 19.
17	Чернила уставныя	скляница	—	—	16	4	—	50	»	стр. 42, № 20.
18	Ножницы	каждая штука	—	—	4	—	—	12	»	стр. 41, № 12.
19	Фонарь	—	1	—	16	4	1	50	»	стр. 41, № 14.
20	Тоже	—	1	—	—	—	1	—	»	
21	Палубъ съ санями и оглоблями		1	—	3	2	1	10	»	стр. 41, № 13.

ТАБЛИЦА № 5.

ЦѢНЫ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ, КУПЛЕННЫХЪ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

№№	Обозначеніе предметовъ	Единицы мѣры или вѣса	Стоимость по старому счету: ефимки	алтыны	деньги	гульдены	Стоимость на рубли: рубли	копѣйки	Ссылка на стран. расходныхъ книгъ посольства
	КАНЦЕЛЯРСКІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.								
1	Бумага почтовая съ золотымъ обрѣзомъ	3 дести	1	—	—	—	—	50	971.
		1 десть	—	5	3 1/3	—	—	18 2/3	
2	Тоже	8 дестей	3	—	1	8	1	50 1/2	983.
		1 десть	—	6	1	1	—	20	
3	Тоже	2 дести	—	12	—	—	—	36	1004—1005.
		1 десть	—	6	—	—	—	18	
4	Бумага почтовая для нужныхъ почтовыхъ писемъ	1/2 стопы	1	—	—	—	—	50	1022.
		стоп	2	—	—	—	1	—	
5	Бумага писчая добрая	стоп	2	6	4	—	1	20	988, 1006.
6	Чернила уставныя	скляница	—	20	—	—	—	60	973.
	ЯЩИКИ, СУНДУКИ И ПРОЧ.								
7	Сундукъ для 3-го посла		4	6	4	—	2	20	987.
8	Тоже, для денежной казны		3	—	—	—	1	50	1000.
9	Тоже, для собольей казны		2	—	—	—	1	—	984.
10	Ящикъ на чертежи и мѣдныя доски		4	—	—	—	2	—	986.
11	Два сундука, на дѣла и на соболиную казну, вмѣстѣ		4	—	—	—	2	—	980.
12	13 коробокъ порошныхъ и деревянная чернильница, вмѣстѣ		4	—	4	—	2	2	
13	Коробочка и пряжка стальная къ башмакамъ		4	6	4	—	2	20	985.
	ОДЕЖДА, МАТЕРІИ, ОБУВЬ, БѢЛЬЕ.								
14	Волонтерамъ на платье, каждому по		50	—	—	—	25	—	1001, 1003.
15	Портному, за дѣло краснаго бархатнаго кафтана и за прикладъ		13	10	—	—	6	80	987.
16	За три кафтана суконныхъ исподнихъ зеленыхъ для людей 3-го посла, портному за дѣло, прикладъ и подкладку		21	14	—	—	10	92	974.
		съ кафтана по	7	4	4	—	3	64	
17	13 аршинъ золотной матеріи на нѣмецкій исподній кафтанъ и на штаны Ѳ. А. Головину 169 ефимковъ (84 р. 50 к.)	аршинъ	13	—	—	—	6	50	996.
18	Портище золотной камки на кафтанъ Пр. Б. Возницыну		90	—	—	—	45	—	974.
19	На подкладку, снурки и пуговицы къ кафтану		13	—	—	—	6	50	975.

№№	Обозначеніе предметовъ	Единицы мѣры или вѣса	СТОИМОСТЬ по старому счету: Ефимки	Алтыны	Деньги	Гульдены	на рубли: Рубли	Копѣйки	Ссылка на стран. расходныхъ книгъ посольства
20	Къ красному бархатному кафтану Пр. Б. Возницына, на подкладку красной тафты	6 аршинъ	6	—	—	—	3	—	982—983.
		аршинъ	1	—	—	—	—	50	
21	4 портища въ 16 аршинъ англійскаго сукна на кафтаны людямъ 3-го посла		27	3	2	—	13	60	980.
		аршинъ	—	9	2	—	—	28	
22	Кушакъ золотной камки въ 7 аршинъ для Пр. Б. Возницына		32	13	2	—	16	40	1013.
		аршинъ	4	10	4	12	2	40	
23	10 аршинъ черной тафты на галстуки 3-му послу		5	—	—	—	2	50	1005.
		аршинъ	—	8	2	—	—	25	
24	Портному за обшивку галстуковъ		—	8	—	—	—	24	1019.
25	Кружево золотое 3-му послу 10 унцій 7 квартъ	унція	—	30	—	—	—	90	981—982.
		7 квартъ	—	13	2	—	—	40	
		1 кварта	—	1	$5\frac{3}{7}$	—	—	6	
26	Чулки шелковые		4	6	4	—	2	20	987—988.
27	Рукавицы		—	9	—	—	—	27	
28	За черенья серебреные позолоченные къ ножамъ, за 3 дюжины такихъ же пуговицъ, за два стекла граненыхъ и за персону	—	17	14	4	—	8	94	1013.
	ЭКИПАЖИ.								
29	Карета		180	—	—	450	90	—	1010.
	ОРУЖІЕ И ПРОЧ.								
30	Шпага		6	—	—	—	3	—	1006.
31	Сабля		2	6	4	—	1	20	989—990, 998.
	Черенокъ къ ней		2	—	—	—	1	—	
32	Мушкеты	за каждый	2	—	—	—	1	—	918.
33	Фузеи	за каждую	3	6	4	—	1	70	
34	Баянеты (штыки)	за каждый	—	13	2	—	—	40	
35	Палаши	за каждый	4	—	—	—	2	—	
36	За 22 пушки		9800	—	—	—	4900	—	960—961.
		пушка	$445\frac{1}{2}$	—	—	—	222	75	
37	За 7 ракетныхъ станковъ, за прикладъ къ нимъ, за дѣло, за снасти, за тиски и веретенную лавку, за мѣдные обручи, буравы, набойники и босены, все вмѣстѣ		211	13	2	—	105	90	997.
		за одинъ станокъ	30	4	2	—	15	13	
38	За три якоря		400	—	—	—	200	—	1000.
	Среднимъ числомъ	за якорь	$133\frac{1}{3}$	—	—	—	66	$66\frac{2}{3}$	

№№	Обозначение предметовъ	Единицы мѣры или вѣса	Стоимость по старому счету: ефимки	алтыны	деньги	гульдены	на рубли: рубли	копѣйки	Ссылка на стран. расходныхъ книгъ посольства
	РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ								
39	Медали, 16 серебряныхъ и 3 золотыхъ, за штемпель, за работу и за металлъ		277	—	—	—	138	50	1020.
	Среднимъ числомъ	за медаль	14	10	—	—	7	30	
40	Живописцу за то, что писалъ на мѣди (для образца наметалъ) персону государя		10	—	—	—	5	—	981.
41	Масло коровье	³/₄ бочки	79	—	—	—	39	50	1020.
42	Лѣкарства 60 сундуковъ		3912	—	—	—	1956	—	1008.
	за 1 сундукъ		65	3	2	—	32	60	
43	17 алмазовъ на ободъ къ портрету		760	—	—	—	380	—	979.
		1 алмазъ	44	11	4	—	22	35	

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

№ 1. ГААГА, РУССКІЕ ПОСЛЫ НА АУДІЕНЦІИ.

Изображеніе это состоитъ изъ увеличенной въ 2×2=4 раза копіи съ средней части гравюры, представляющей пріемъ русскаго посольства въ Гаагѣ (см. далѣе № 13). Увеличеніе, достигнутое посредствомъ фотографіи, позволило получить портреты трехъ русскихъ пословъ въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ на подлинной гравюрѣ[1] и выяснить черты лицъ на сколько это было возможно по условіямъ гравюрной техники. Пріемъ увеличенной фотографіи примѣненъ вслѣдствіе необходимости воспроизвести единственно извѣстное изображеніе Пр. Б. Возницына, портреты котораго вовсе не упоминаются въ Словарѣ Д. А. Ровинскаго. Благодаря этому пріему получились также новые образцы изображеній Фр. Лефорта, Ѳ. А. Головина и даже, по всей вѣроятности, самого Петра Великаго. Такой результатъ способенъ оправдать нѣкоторое несовершенство изображеній въ связи съ грубостью и расплывчивостью очертаній, вызванныхъ увеличеніемъ штриховъ гравюры. Впрочемъ, при всемъ злоупотребленіи подлинными размѣрами гравюры для увеличенія портретовъ, послѣдніе несомнѣнно сохранили нѣкоторое, хотя бы только приблизительное, сходство съ изображенными на нихъ личностями, какъ то свидѣтельствуется сравненіемъ съ двумя другими портретами двухъ первыхъ пословъ, помѣщенныхъ далѣе подъ №№ 3 и 4. Что же касается до очертанія Петра Великаго, то общій типъ его фигуры соблюденъ на столько, что не можетъ возбудить сомнѣнія въ предположеніи объ его сходствѣ.

Передъ зрителемъ видна часть стола, по срединѣ котораго въ круглой шляпѣ сидитъ первый посолъ Фр. Я. Лефортъ[2]. По правую отъ него руку на почетномъ мѣстѣ долженъ находиться второй посолъ Ѳ. А. Головинъ, который нарисованъ безъ парика и повидимому въ русскомъ кафтанѣ, застегнутомъ наглухо и съ разшитыми петлями. Слѣва отъ Лефорта сидитъ, тоже безъ парика, третій посолъ Пр. Б. Возницынъ[3]. Поверхъ кафтана на немъ, какъ кажется, надѣта шуба. Надъ самымъ лѣвымъ плечомъ Лефорта виднѣется въ $^3/_4$ оборота направленная въ противоположную съ Лефортомъ сторону голова человѣка съ усами, съ рѣзкими чертами лица и какъ будто строгимъ взглядомъ. Въ приводимомъ далѣе (подъ № 13) описаніи гравюры, съ которой снято настоящее изображеніе, Ровинскій указываетъ, что эта голова съ усами должна представлять самого Петра Великаго. Въ своемъ

---

[1]) Длина головъ на подлинникѣ составляетъ 6 миллиметровъ, на фотографіи 12.

[2]) Надъ Лефортомъ на подлинной гравюрѣ обозначена буква F, объясняемая въ описаніи, помѣщенномъ подъ гравюрою (см. это описаніе далѣе, подъ № 13).

[3]) Второй и третій послы на подлинной гравюрѣ обозначены буквами G.

указаніи Ровинскій ссылается на авторитетъ Фридриха Мюллера, владѣльца извѣстной въ Амстердамѣ антикварной книжной торговли. Напротивъ Лефорта, спиною къ зрителю, за столомъ сидитъ президентъ собранія Генеральныхъ Штатовъ Голландіи, а за нимъ стоятъ: слѣва — Фагель, актуаріусъ Голландскаго правительства[1]), а справа — двое мѣстныхъ чиновниковъ[2]).

Болѣе подробныя свѣдѣнія о гравюрѣ, послужившей для изображенія источникомъ, см. далѣе подъ № 13.

№ 2. РУССКІЙ ВЕЛЬМОЖА.

(Стр. 1).

Для этого изображенія подлинникомъ послужила находящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ гравюра, о которой въ числѣ портретовъ Петра Великаго мы находимъ въ Словарѣ Ровинскаго слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ ростъ; грав. рѣзц.; $^3/_4$ вправо; въ кафтанѣ съ шестью нашивными петлями; шапка круглая, отороченная мѣхомъ; у пояса виситъ кинжалъ, а слѣва сабля; правую руку Петръ заткнулъ за поясъ, а лѣвою указываетъ вправо. Въ фонѣ представленъ торжественный пріемъ Московскаго посольства *Амстердамскими* Штатами. Вышина подлинника 8,2, ширина 61[3]); гравировалъ І. Оттенсъ въ Амстердамѣ. Голландская подпись подъ гравюрою гласитъ: Verbeelding der dragt van een vornaam Heer van Moscovien, что по русски значитъ: «Изображеніе одѣянія знатной Московской особы»[4]). Подъ слѣдующимъ № 73 Ровинскій ссылается на точную копію этого изображенія, воспроизведенную въ другомъ его изданіи, именно въ Матеріалахъ для русской иконографіи, гдѣ она обозначена № 177, откуда мы заимствовали и нашъ рисунокъ подъ заглавіемъ: Русскій Вельможа. Въ вышеназванномъ Словарѣ портретовъ Ровинскій прибавляетъ нѣсколько указаній, оправдывающихъ отнесеніе этого изображенія къ числу портретовъ Петра Великаго. Такъ, напримѣръ оно обозначено именемъ царя въ голландскомъ изданіи 1717 г. Tonnel van Keisern, Koningen и т. д. (Театръ Императоровъ, Королей и т. д.), а на одномъ перетискѣ (contreépreuve) описываемой гравюры, находящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, внизу перомъ помѣчено: «Empereur de Russie 1725». Брикнеръ въ своей исторіи Петра Великаго (т. II, стр. 183) также воспроизвелъ описываемую гравюру какъ портретъ «Петра Великаго въ русскомъ платьѣ», но безъ фона гравюры, придающаго своими подробностями характеру изображенія любопытныя бытовыя черты. Этотъ пропускъ аксессуаровъ въ книгѣ Брикнера, а равно слишкомъ краткое указаніе на нихъ въ Словарѣ Ровинскаго, заставляютъ насъ повторить воспроизведеніе гравюры и остановиться на объясненіи подробностей, помѣщенныхъ на ея фонѣ.

---

1) Надъ буквою D.

2) Надъ буквою E.

3) Такъ напечатано у Ровинскаго, но подлинный форматъ гравюры заставляетъ насъ предположить ошибку въ указаніи размѣра ея ширины, которая сравнительно съ длиною, вѣроятно будетъ вѣрнѣе, если ее обозначить цифрами 6,1.

4) Д. А. Ровинскій, Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, (т. III, стр. 1553, № 72).

Фигура Петра, если уже приходится признать имъ Знатнаго вельможу въ русской одеждѣ, дѣлитъ фонъ на двѣ части. Справа отъ Петра нарисованъ каналъ, на которомъ видна половина яхты съ чердакомъ или палубой, фэнаремъ и двумя флагами, на мачтѣ и на носу или кормѣ, вѣроятно на носу, такъ какъ стоящіе на яхтѣ люди повидимому смотрятъ въ сторону, противоположную той, съ которой только что пріѣхали. Въ числѣ этихъ людей легко отличить пятерыхъ, стоящихъ внизу и одѣтыхъ въ нѣмецкіе кафтаны, отъ двухъ трубачей, также въ нѣмецкихъ платьяхъ, трубящихъ на верху чердака. Отъ третьяго трубача виднѣются только голова и ноги, а четвертый долженъ быть скрытъ полою кафтана Знатнаго вельможи. Эти трубящіе Голландцы представляютъ собою ничто иное, какъ четырехъ статскихъ трубачей, которыхъ голландское правительство выслало на встрѣчу русскаго посольства и которые сопровождали Русскихъ и при ихъ выѣздѣ изъ Нидерландовъ. Еще правѣе яхты, у самой рамки гравюры можно различить арку моста съ стоящею на немъ толпою зрителей, а между мостомъ и мачтою яхты видѣнъ дымъ, поднимающійся къ небу по всей вѣроятности отъ пушечной стрѣльбы. Съ лѣвой стороны главной фигуры изображена встрѣча пословъ, сошедшихъ съ яхты и вступающихъ на берегъ. Голландецъ, окруженный нѣсколькими лицами его свиты, раскланивается и подаетъ руку человѣку, котораго, по длиннымъ поламъ его одежды и широкимъ рукавамъ, надо признать за Русскаго. Другой Голландецъ занятъ разговоромъ со вторымъ Русскимъ, который стоитъ возлѣ рамки гравюры, обрѣзывающей его изображеніе пополамъ. Надъ группою людей возвышаются сзади три кузова каретъ и кучеръ, сидящій на козлахъ одной изъ нихъ.

Мы колебались бы между опредѣленіемъ мѣстъ встрѣчи Русскихъ Голландцами, которую изображаетъ описываемая гравюра, и арка моста заставила бы насъ признать, что гравюра имѣетъ въ виду прибытіе русскаго посольства въ Гаагу, передъ которою оно было привѣтствовано двумя представителями Генеральныхъ Штатовъ у моста Горна[1]. Но такому предположенію противорѣчитъ намекъ на пушечные выстрѣлы, заключающійся въ изображеніи дыма. Статейные списки посольства, обращающіе гораздо болѣе, чѣмъ Меерманъ, вниманія на подробности церемоніальнаго этикета при пріемахъ и встрѣчахъ русскихъ пословъ, не даютъ намъ указаній на пушечные салюты при появленіи русскаго посольства у моста Гоорна, но отмѣчаютъ, что встрѣча его при первомъ пріѣздѣ въ Амстердамъ сопровождалась пальбою изъ пушекъ[2]. Такимъ образомъ мы безусловно соглашаемся съ словами Д. А. Ровинскаго, что гравюра изображаетъ въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ, но при этомъ должны сдѣлать слѣдующую оговорку въ отношеніи употребленнаго имъ выраженія: «пріемъ русскаго посольства *Амстердамскими* Штатами». Такъ какъ столицею Штатовъ Генеральныхъ Голландскихъ или Нидерландскихъ, а не *Амстердамскихъ*, была Гаага, а не Амстердамъ и такъ какъ торжественный пріемъ посольства могъ происходить только въ столицѣ, то фонъ описываемой гравюры можетъ представлять лишь встрѣчу русскихъ пословъ въ Амстердамѣ президентомъ города и его бургомистрами, которые и изображены, какъ оказывается, въ числѣ привѣтствующихъ Голландцевъ, выдѣляющихся изъ толпы, стоящей на берегу передъ каретами.

---

[1] См. выше, стр. 80.

[2] Ср. выше, стр. 64 и приведенную тамъ ссылку на Памятники Дипломатическихъ Сношеній.

№ 3. ФР. Я. ЛЕФОРТЪ, ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПОСОЛЪ.

(Стр. 32).

Портретъ этотъ заимствованъ изъ Подробнаго Словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго (т. I, стр. 1187—1188, № 3). Оригиналъ гравированъ П. Шенкомъ въ Амстердамѣ. Ровинскій приводитъ голландскую подпись подъ портретомъ и обращенные къ нему голландскіе стихи. Въ подписи собраны титулы Лефорта; между прочимъ онъ названъ начальникомъ первой гвардіи (Lyvbende) Петра Великаго, то есть его потѣшныхъ, и вице-королемъ Новгородскаго *королевства* (sic). Стихи, помѣщенные подъ портретомъ согласно существовавшему въ то время обычаю украшать ими изображенія выдающихся особъ, состоятъ изъ похвалы Лефорту, выраженной слѣдующими десятью строками, которыя мы передаемъ въ вольномъ переводѣ:

«Вотъ, какъ искусство изображаетъ Лефорта, храбраго въ бояхъ героя,
Участника въ заботахъ его повелителя, способника его славы и блага страны,
Вельможу, избраннаго своимъ государемъ въ свои ближайшіе друзья.
Владычество Мусульманъ повержено во прахъ предъ стягомъ креста.
Полный доблести въ огнѣ и на полѣ брани,
Ты шелъ за Петромъ отъ предѣловъ его царства
До понта Эвксинскаго и до стѣнъ и башенъ покореннаго Азова.
Счастье имѣетъ своихъ любимцевъ,
Но совѣты твоей мудрости и твои заслуги въ широкомъ распространеніи предѣловъ государства
Здѣсь достойно вознаграждаются за твою, испытанную царемъ, вѣрность».

№ 4. Ѳ. А. ГОЛОВИНЪ, ВТОРОЙ РУССКІЙ ПОСОЛЪ.

(Стр. 33).

Съ гравюры Шенка 1706 г., описанной и воспроизведенной Д. А. Ровинскимъ въ его Подробномъ Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ (т. I, стр. 614—615, № 1). Оригиналъ находится въ Гатчинскомъ дворцѣ, былъ на выставкѣ портретовъ 1870 г. и воспроизведенъ въ ея альбомѣ[1]).

№ 4а. При всемъ желаніи приложить къ нашему труду портретъ третьяго русскаго посла, Пр. Б. Возницына, мы не могли этого исполнить несмотря на наши старанія отыскать его изображеніе. Портрета Возницына, думнаго дьяка Посольскаго Приказа, не нашлось въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ не указанъ въ Подробномъ Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ Д. А. Ровинскаго и намѣченъ только въ числѣ desiderata въ изданіи Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ: Путеводитель по Дашковскому собранію изображеній русскихъ дѣятелей (Москва, 1882, стр. 4, № 20).

---

[1]) Историческій альбомъ портретовъ извѣстныхъ лицъ XVI—XVIII в. Выставки Общества Поощренія Художниковъ, фотографированный и изданный художникомъ А. М. Лушевымъ, СПб., 1870, стр. 13.

№ 5. ВИЛЬГЕЛЬМЪ III, КОРОЛЬ АНГЛІИ, ШТАТГАЛЬТЕРЪ НИДЕРЛАНДОВЪ.

(Стр. 48).

Съ гравюры П. Танье (P. Tanje), въ листъ, исполненной въ 1771 г. въ Амстердамѣ по рисунку Г. Сандерса и изданной Роттердамскимъ книжнымъ обществомъ (Societ. Bibliopol. Rotterod. excudit). Средину картины, въ рамкѣ изъ аллегорическихъ и арматурныхъ изображеній, въ овалѣ занимаетъ портретъ Вильгельма, подписанный по ободу овала именемъ Вайсинга (Wyssing).

Вильгельмъ, наслѣдный принцъ изъ Оранскаго дома, р. 1650 † 1702, съ 1672 г. штатгальтеръ Нидерландовъ, женившись на дочери англійскаго короля Якова II Стуартъ, Маріи, вступилъ въ 1689 году на престолъ Англіи подъ именемъ короля Вильгельма III.

№ 6. АМСТЕРДАМЪ, ГОСТИННИЦА ГЕЕРЕНЪ-ЛОЖЕМЕНТЪ.

(Стр. 68).

Видъ гостинницы, въ которой останавливалось русское посольство въ 1697 году, взятъ нами изъ составленнаго голландскимъ историкомъ Вагенаромъ иллюстрированнаго описанія Амстердама, гдѣ онъ помѣщенъ въ третьей части втораго тома и описанъ подъ № XXIV[1]. Имя Гееренъ-Ложемента принадлежало двумъ гостинницамъ, изъ которыхъ одна находилась въ старой части Амстердама, а вторая въ новой. При недоумѣніи, въ которой изъ двухъ гостинницъ останавливались Русскіе, вопросъ разрѣшается словами Меермана[2], прямо указывающими на хозяина стараго Гееренъ-Ложемента, видомъ гостинницы, подъ которымъ изданіе Вагенара помѣщаетъ подпись: Гееренъ-Ложементъ Старой Стороны[3] и, наконецъ, текстомъ описанія обѣихъ гостинницъ, который мы рѣшаемся привести въ сокращенномъ переводѣ съ голландскаго подлинника. Оба эти описанія помѣщены одно вслѣдъ за другимъ и подробности мѣста нахожденія и наружнаго вида зданій этихъ гостинницъ, между прочимъ отсутствіе бычачьихъ головъ на верху дома, въ которомъ жили Русскіе, подтверждаетъ нашъ выборъ рисунка.

«Гееренъ-ложементъ Старой Стороны. Эта гостинница стоитъ на Старой Сторонѣ города, въ концѣ Форбургваля и къ югу отъ Гримбургваля. Занимаемое ею мѣсто въ древности принадлежало монастырю Новыхъ Монахинь или соприкасалось съ нимъ, а въ XVI столѣтіи входило въ составъ огорода общества городскихъ плотниковъ, называвшагося Скаферіею. Эти указанія встрѣчаются на картѣ Корнелія Антонисзона и въ другихъ древнѣйшихъ источникахъ. Затѣмъ, на мѣстѣ Скаферіи была построена пивоварня, называвшаяся Ключемъ (Sleutel). Эта пивоварня чрезъ нѣсколько лѣтъ была занята подъ ломбардъ, а еще позже тоже зданіе было употреблено для квартиръ, предоставленныхъ нѣкоторымъ купцамъ. Наконецъ эту постройку купилъ городъ и устроилъ въ ней великолѣпную гостинницу.

Средняя, самая красивая часть зданія, возобновленнаго въ 1647 г., имѣетъ по бокамъ два флигеля, выходящихъ внутри на большое открытое мѣсто. Верхъ фасада средней части зданія обложенъ камнями въ видѣ фестоновъ, украшенныхъ по серединѣ двумя львами, поддерживающими императорскую корону надъ городскимъ

---

1) Amsterdam in zyne opkoomst, aanwas etc., beschreeven door Jan Wagenaar, т. II, Amsterdam 1765, стр. 75—76.

2) См. выше, стр. 197.

3) Изображеніе Гееренъ-Ложемента Новой Стороны не помѣщено вовсе въ указанной книгѣ Вагенара.

гербомъ, который помѣщенъ также и надъ входною дверью. Входъ въ зданіе ведетъ чрезъ каменный мостъ съ желѣзною красивою рѣшеткою. Внутренность дома состоитъ изъ многихъ комнатъ значительныхъ размѣровъ и, въ числѣ ихъ, большой красивой залы, весьма часто служащей мѣстомъ пировъ и выставокъ домашней утвари, одежды и драгоцѣнностей, продаваемыхъ здѣсь, какъ и въ другихъ лучшихъ гостинницахъ, съ публичнаго торга. Для тѣхъ же цѣлей пользуются также нѣкоторыми, выходящими во дворъ комнатами нижняго этажа въ восточномъ флигелѣ дома. Кромѣ того, на дворѣ передъ западнымъ флигелемъ, на столбахъ устроено высокое крытое помѣщеніе для секретарей, аукціонистовъ, продавцовъ, маклеровъ и другихъ лицъ. Здѣсь, особенно по понедѣльникамъ, происходитъ ежегодная продажа разныхъ товаровъ по вольной цѣнѣ, а по принудительнымъ документамъ исключительно между 1 Ноября и 1 Февраля».

Другая гостинница того же имени, Гееренъ-Ложементъ Новой Стороны, «находилась на Гарлемской плотинѣ у Господскаго рынка. Построенная въ 1617 г., она первоначально предназначалась подъ скотобойню и подъ караульню, о чемъ свидѣтельствуютъ четыре бычачьихъ головы, до сихъ поръ возвышающіяся на верху зданія. Но бойня оставалась здѣсь не долго и въ 1623 г. зданіе было уступлено Весть-индской компаніи, нанявшей его для своихъ собраній. Тогда, для помѣщенія прежней скотобойни, прибавили новую пристройку съ двумя флигелями, выходящими на Господскій рынокъ. Засѣданія Весть-индской компаніи происходили здѣсь до 1647 г., когда дѣла компаніи стали клониться къ упадку и она, не нуждаясь болѣе въ наймѣ этого зданія, перенесла свои засѣданія въ выстроенный ею на Роппенбургѣ домъ. Оставшись нѣкоторое время безъ употребленія, домъ на Гарлемской плотинѣ въ 1657 г. былъ вновь сданъ въ наймы подъ гостинницу Гееренъ-ложементъ Новой Стороны.

Зданіе этой гостинницы имѣетъ два входа. Одинъ, передній, подъ каменною лѣстницей, рядомъ съ сохранившеюся еще караульней; другой, внутренній, съ восточной стороны. Возлѣ втораго входа устроено крытое помѣщеніе для продажи кораблей, лѣсныхъ и другихъ товаровъ, которыми, по постановленію бургомистровъ отъ 23 Декабря 1681, нигдѣ кромѣ этого мѣста нельзя торговать. Кромѣ того эта гостинница имѣетъ очень много большихъ комнатъ, спальныхъ и другихъ, въ которыхъ съ удобствомъ могутъ останавливаться почетные посѣтители. Надъ обѣими входными дверями изображенъ гербъ города».

Въ заключеніе намъ кажется кстати привести оцѣнку достоинствъ амстердамскихъ гостинницъ, сдѣланную княземъ Б. И. Куракинымъ въ его Дневникѣ и Путевыхъ Замѣткахъ 1705 г. «Аустерія въ Амстрадамѣ», пишетъ онъ, «первая, гдѣ я стоялъ три дня, называется Ля-виль-де-Ліонъ[1]); тутъ все итальянцы, французы становятся. Вторая—мительсте[2]), Бибилъ[3]), гдѣ становятся тутешни на улицѣ Варумстрахъ. Третья—ди летсте[4]), Бибилъ, тутешни-же. Четвертая—Герложементъ, всѣ лучшіе люди становятся, амбашудыры[5]). И есть многія другія[6])».

[1]) Городъ Ліонъ.

[2]) Средняя (по нѣмецки — mittelste).

[3]) Бибилъ, то есть по нѣмецки — Bibel, библія.

[4]) Послѣдняя, т. е. худшая (по нѣмецки — die letzte).

[5]) Посланники (по французски — ambassadeurs).

[6]) Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. I, С-Пб. 1890, стр. 131.

№ 7. АМСТЕРДАМЪ, ПОСТРОЙКА ДЛЯ ФЕЙЕРВЕРКА.

(Стр. 68).

«Изображеніе великолѣпнаго и художественнаго зданія, устроеннаго, по приказанію благородныхъ и высокопочтенныхъ господъ бюргермейстеровъ и правителей города Амстердама, для сожженія фейерверка въ честь Великаго Московскаго посольства, что исполнено 29 Августа 1697 года возлѣ башни Дулена Самострѣльщиковъ. Высота гравюры 12,6 французскихъ дюймовъ, ширина 16,7. Подъ гравюрой помѣчено: «Видъ этотъ снятъ съ натуры живописцемъ И. Мушерономъ[1] и награвированъ П. Фонъ-де-Берге съ привиллегіею въ Голландіи и Западной Фрисландіи»[2].

Мы рѣшаемся повторить этотъ рисунокъ въ видахъ исправленія того заглавія, которымъ онъ снабженъ въ Иллюстрированной Исторіи Петра Великаго, А. Г. Брикнера[3], гдѣ онъ обозначенъ какъ «Въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ въ 1697 году». По всей вѣроятности поводъ къ такому неправильному заглавію былъ данъ изображеніями каретъ, проѣзжающихъ по двумъ мостамъ, виднымъ на фонѣ гравюры и на лѣвой ея сторонѣ. Но въ эти кареты запряжены парныя лошади, между тѣмъ мы знаемъ, что при торжественныхъ случаяхъ русскіе послы ѣздили въ экипажахъ съ 4, 6 или болѣе возниками[4]. На нашемъ изображеніи, нѣсколько лѣвѣе середины его, видна на водѣ постройка съ глобусомъ на верху и съ восемью вазами у подножія. Это и есть павильонъ, съ котораго спущенъ фейерверкъ. Въ описаніи фейерверка (далѣе, № 8) указаны всѣ подробности постройки. Правая сторона гравюры занята двухъ-этажнымъ домомъ съ выступающею къ мосту башнею подъ многогранною высокою крышею. Это и есть Дуленъ Самострѣльщиковъ (Kolveniers Doele), откуда Русскіе должны были смотрѣть фейерверкъ.

---

[1]) Исаакъ Мушеронъ (Moucheron), сынъ живописца Фредерика Мушерона, родился въ 1670, умеръ въ 1744 г., учился въ Италіи. Henry Havard, Histoire de la peinture Hollandaise, Paris, maison Quantin, стр. 235.

[2]) Af beelding van't pragtig Konst vuur gebouw welck ter eere voor 't groot Moscovis gesamtschap door bevel der E-e groot agtbaare Heere Burgermeesteren ende regeerders der Stad Amsterdam vertoont is, by de Kolveniers doele, den 29 August 1697. I. Moucheron ad vivum delineavit et fecit. P. V. d. Berge excud.: cum privil: ord: Holl: et West-Frisiae. Объ этой гравюрѣ мимоходомъ упоминаетъ и Ровинскій въ своемъ Словарѣ гравированныхъ портретовъ (т. III, стр. 1658, въ подстрочномъ примѣчаніи къ № 468 портретовъ Петра Великаго).

[3]) С.-Пб. 1882, изданіе А. С. Суворина, часть II, гл. I, на стр. 172.

[4]) Пользуемся случаемъ, чтобъ обратить вниманіе на другую неточность въ книгѣ Брикнера и тѣмъ избѣжать упрека въ пропускѣ нами любопытнаго изображенія. На страницѣ 182 Брикнеръ помѣстилъ рисунокъ съ подписью: «Русское посольство въ Гаагѣ въ 1697 г.» Рисунокъ изображаетъ на фонѣ Биненгофъ и правительственное зданіе, передъ которымъ проходятъ нѣсколько человѣкъ, по одеждѣ Русскихъ, несущихъ царскія грамоту и поминки. Хотя Брикнеръ и ссылается, какъ на подлинникъ, на современную гравюру Маркуса, но въ сочиненіи Схельтемы «Россія и Нидерланды (Rusland en de Nederlanden)» мы находимъ это же самое изображеніе на фронтисписѣ заглавной страницы перваго тома. Подъ виньеткой фронтисписа сдѣлана ссылка на стр. 152 текста книги. А на указанной страницѣ, описывающей четвертое русское посольство въ Голландію въ 1631 г., помѣщено примѣчаніе, указывающее на виньетку заглавной страницы, какъ на образецъ изображенія русскихъ костюмовъ въ началѣ XVII вѣка. Такимъ образомъ, помѣщенный въ книгѣ Брикнера (стр. 182) рисунокъ не относится къ занимающему насъ посольству 1697—1698 гг. и потому мы считаемъ себя въ правѣ не воспроизводить его.

№ 8. АМСТЕРДАМЪ, ФЕЙЕРВЕРКЪ 19/29 АВГУСТА 1697 Г.

(Стр. 68).

Съ гравюры Карла Аллара (Carel Allard), напечатанной въ Амстердамѣ съ привиллегіею правительства Нидерландскихъ Штатовъ. Оригиналъ изображенія, воспроизведеннаго по уменьшенной фотографіи, находится въ С.-Петербургѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ, по указанію Ровинскаго, обозначенъ № 353[1]. Подлинная гравюра снабжена находящимся подъ нею длиннымъ, на двухъ, французскомъ и голландскомъ, языкахъ, текстомъ, описывающимъ въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ, первоначальный осмотръ имъ города и данный въ честь его фейерверкъ со всѣми подробностями устройства послѣдняго. Мы считаемъ не лишнимъ вполнѣ перевести французскій текстъ этаго описанія въ объясненіе подробностей воспроизведенной гравюры.

«Описаніе великолѣпнаго фейерверка, по приказанію благороднаго Амстердамскаго Магистрата, сожженнаго въ честь Великаго Московскаго посольства, 29 Августа 1697 г.[2]).

Послѣ нетерпѣливаго, въ теченіе нѣсколькихъ дней, ожиданія, великое Московское посольство 26 Августа прибыло наконецъ изъ Гоуды (Трего, Tregau— во французскомъ текстѣ), на трехъ яхтахъ и другихъ судахъ совершивъ путь по рѣкѣ Амселю. Привѣтствованное пушечными выстрѣлами у самыхъ Утрехтскихъ воротъ и встрѣченное господами Бургомистрами и двумя пенсіонаріусами города, посольство было доставлено затѣмъ въ Подворье Господъ при соблюденіи слѣдующаго церемоніала. Шествіе открывалось ротою конныхъ волонтеровъ, въ большинствѣ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій города, въ нарядныхъ одеждахъ (bien ajustez). За ними ѣхала запряженная четверкою карета, съ четырьмя государственными трубачами верхомъ за нею; далѣе, четыре татарина съ стрѣлами и луками и шесть посольскихъ трубачей, всѣ верхомъ; за ними, также на лошадяхъ, слѣдовали 16 Московскихъ дворянъ и 14 пажей. Потомъ шесть лошадей везли карету пословъ, сопровождаемую шестью гайдуками, одѣтыми въ богатую ливрею и съ серебряными топорами въ рукахъ. Во второй каретѣ, также въ шесть лошадей, помѣщались Московскіе вельможи, а затѣмъ слѣдовали три другія кареты, по парѣ лошадей въ каждой, въ которыхъ ѣхали господа бургомистры и ихъ свита, окруженные множествомъ прислуги и лакеевъ. Въ концѣ поѣзда находилось еще пятьдесятъ каретъ.

На слѣдующій день, 27 числа, между 2 и 3 часами пополудни, послы осматривали ратушу, гдѣ при входѣ ихъ встрѣтила рота солдатъ, и около пяти часовъ

---

1) Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. III, стр. 1658, подстрочное примѣчаніе къ № 468 портретовъ Петра Великаго.

2) Beschryving van het Prachtig vuurwerk, 't geen door ordre de Ed. Magistraat van de Stad Amsterdam op den 29-sten Augustus 1697, ter eere van het Groot Muskovisch Gesantschap aangesteeken is.—Description de l'Admirable Feu d'Artifice que les seigneurs de la Régence d'Amsterdam ont fait tiré à l'honneur de la Grande Ambassade de Moscovie, le 29 Août 1697.—C. Allard cum Privil. Ord. Holl. et Westf.—Tot Amsterdam gedrukt by Carel Allard op den Dam, met privilegie van de Edele Groot Moogende Heere Staaten van Holland en Westfriesland.

отправились въ Комедію въ двѣнадцати каретахъ, передъ которыми ѣхала городская конная гвардія и очищала дорогу среди громадной толпы, собравшейся со всѣхъ сторонъ, чтобы увидѣть ихъ превосходительства. Экипажъ трехъ пословъ сопровождали 13 пѣшихъ пажей въ красныхъ одеждахъ, расшитыхъ серебряными галунами, и окружали 12 гайдуковъ, державшихъ булавы съ серебряными рукоятками, и кромѣ того еще 5 пажей. Свита пословъ ѣхала въ остальныхъ каретахъ. Актеры съиграли пьесу Очарованіе Армиды (L'enchantement d'Armide) и протанцовали подъ звуки прекрасной музыки нѣсколько балетовъ, причемъ гостямъ было предложено угощеніе. Представленіе закончилось комедіей Притворный Адвокатъ (L'avocat imaginaire). 28 числа послѣ полудня посольство осмотрѣло магазинъ и верфь, на которой строятся суда для Восточной Индіи, а на слѣдующій день, 29-го, учрежденія Адмиралтейства. Вечеромъ ихъ превосходительства были приглашены на великолѣпный пиръ, данный Магистратомъ въ ихъ честь въ зданіи Дулена (на рисункѣ № 1), гдѣ при провозглашеніи тостовъ раздавалась музыка литавръ, трубъ и другихъ инструментовъ. По серединѣ Амстеля (№ 2), напротивъ Дулена, на двухъ плоскодонныхъ судахъ была возведена для фейерверка особая постройка (№ 3), длиною въ 72 фута и шириною въ 33, изображавшая скалу чернаго мрамора. Восемь пьедесталовъ по угламъ (№ 4) служили подставками прекраснымъ урнамъ, въ каждой изъ которыхъ помѣщалось по 25 ракетъ. Передній и задній фасады постройки украшены были гербами города Амстердама (№ 5). Средину постройки занимала прекрасная тріумфальная арка изъ мрамора съ жилками, высотою въ 42 фута, въ стилѣ Іоническаго ордена, съ четырьмя входами и столькими же колоннами, позолоченными по ихъ капителямъ и основаніямъ. Въ двухъ боковыхъ входахъ помѣщались высеребренныя статуи Марса и Геркулеса, а между ними въ самой серединѣ арки возвышался гербъ Его Царскаго Величества (№ 6), изображающій двуглаваго орла съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ на груди, державою въ одной лапѣ и скипетромъ въ другой (№ 7); надъ гербомъ царская корона, а еще выше имя Его Царскаго Величества въ вензелѣ, вторично увѣнчанномъ тою же короною (№ 8). На самомъ верху тріумфальной арки, надъ четырьмя ея столбами или колоннами, виднѣлся золоченый Тритонъ съ трезубцемъ и рогами, а надъ самой серединой арки возвышался земной глобусъ, покоящійся на хвостахъ четырехъ высеребренныхъ дельфиновъ (№ 9). Между урнами внизу было размѣщено сто ракетъ, въ три фунта вѣсомъ каждая. Вокругъ всей скалы были заготовлены огненные фонтаны. Около 9 часовъ вечера стали зажигать огонь. Сначала раздались удары нѣсколькихъ бураковъ (pétards), затѣмъ загорѣлись гербъ и вензель его Царскаго Величества. Зрѣлище было чудное: изъ столбовъ и изъ глобуса выходило невѣроятное число огненныхъ шаровъ, змѣекъ и проч.; огромное количество огня появилось изъ трезубца и роговъ Тритона, а изъ восьми вазъ или урнъ безъ счета взвивались ракеты и другіе виды огненной потѣхи. Сверхъ того были сожжены невиданные по красотѣ водяные бураки (pétards d'eau), извергавшіе столько ракетъ и змѣекъ (serpenteaux), что ослѣпляли глаза зрителей. Короче сказать, въ теченіи 42 минутъ, пока продолжался фейерверкъ, весь намѣченный эффектъ вполнѣ удался и все произошло въ строгомъ порядкѣ, который простирался до малѣйшихъ подробностей представленія».

№ 9. АМСТЕРДАМЪ, МОРСКІЕ МАНЕВРЫ.

(Стр. 68).

Съ современной гравюры К. Аллара, упоминаемой безъ обозначенія заглавія въ Словарѣ Ровинскаго [1]), который указываетъ и величину гравюры въ 7.2×10 французскихъ дюймовъ. Послужившій намъ подлинникъ принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ и снабженъ помѣщеннымъ подъ картиной текстомъ описанія маневровъ на голландскомъ языкѣ, который мы считаемъ не лишнимъ привести въ полномъ переводѣ. Заглавіе гравюры слѣдующее: «Описаніе Морской Забавы, повелѣніемъ благороднаго магистрата города Амстердама, устроенной 1 Сентября 1697 года въ честь великаго Московскаго посольства» [2]). Подъ гравюрой помѣчено: «К. Алларъ рѣзалъ съ привиллегіей (C. Allard excudit cum privilegio)», а подъ текстомъ описанія, составляющимъ остальную часть листа in fol., находятся слѣдующія строки: «Печатано въ Амстердамѣ у Карла Алларъ, на Плотинѣ, съ привиллегіей ихъ благородій господъ Высокомочныхъ Штатовъ Голландіи и Восточной Фрисландіи» [3]). Между только что приведенными словами и гравюрою на верху листа, помѣщено описаніе ея содержанія, занимающее два столбца, раздѣленные вертикальною чертою. Описаніе состоитъ изъ трехъ частей: текста, таблицы судовъ, участвовавшихъ въ маневрахъ, съ именами ихъ командировъ, и изъ шести пунктовъ правилъ для морскихъ боевыхъ сигналовъ. Въ переводѣ мы слѣдуемъ порядку оригинала.

«Послѣ осмотра Великимъ Московскимъ посольствомъ всѣхъ тѣхъ достопримѣчательностей Амстердама, которыя привлекаютъ сердца и взоры чужеземныхъ посѣтителей знаменитаго торговаго города, почтенное начальство рѣшило дать своимъ гостямъ на рѣкѣ Эй зрѣлище, изображающее морскую битву, и съ этой цѣлью любезно пригласило охотниковъ изъ обѣихъ гаваней для яхтъ приготовиться къ празднеству, назначенному около 1 Сентября. Дабы все происходило въ должномъ порядкѣ, вице-адміралъ Гиллисъ Скей (Gillis Schey) взялъ на себя обязанность главнаго надо всѣмъ начальника и поднялъ свой флагъ на большой яхтѣ Остиндской Компаніи [4]). Экипажи каждой изъ яхтъ были снабжены письменными приказаніями, съ которыми они должны были соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ. (№ 2) [5]). Малая яхта Остиндской (№ 3), яхта Вестиндской Компаній (№ 4) и Фрисландская яхта получили еще другія спеціальныя назначенія. Къ этой флотиліи присоединились еще четыре судна, на которыхъ находилось болѣе сотни добровольцевъ, преимущественно изъ знатнѣйшей городской молодежи, хорошо снабженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и состоявшихъ подъ начальствомъ назначенныхъ надъ ними капитанами господъ Блома (Bloom, № 5), А. фанъ деръ Дуса, (A. van der Does, № 6), Кербея

---

[1]) Т. III, стр. 1658, подстрочное примѣчаніе къ № 468 портретовъ Петра Великаго.

[2]) Beschryving van het Watervermaak, door order der Ed. Magistraat van de Stad Amsterdam, ter eere van het Groot Moscovisch Gezantschap, aangesteld op den eersten September 1697.

[3]) Tot Amsterdam gedrukt by Carel Allard op den Dam, met privilegie van de Edele Groot Moogende Heere Staaten van Holland en Westfriesland.

[4]) На рисункѣ № 1.

[5]) Подъ этими указаніями вѣроятно разумѣются сигнальныя правила, помѣщаемыя въ концѣ настоящаго перевода.

(Kerbey, № 7) и фанъ Горна (van Hoorn, № 8). Въ половинѣ третьяго пополудни весь этотъ флотъ поднялъ паруса и, употребивъ нѣсколько времени на приведеніе себя въ надлежащій порядокъ, началъ очень удачно изображать примѣрное сраженіе, причемъ яхты по мѣрѣ ихъ величины стрѣляли изъ пушекъ, а добровольцы изъ ружей. Суда проходили другъ передъ другомъ правильными линіями и въ это время храбро обстрѣливали другъ друга изъ пушекъ; кромѣ того, съ цѣлью придать болѣе блеска битвѣ, въ ней приняли участіе орудія, стоявшія въ числѣ одиннадцати на Голубой плотинѣ и на тупикѣ и въ числѣ шестнадцати на мосту черезъ Амстель. Дома въ сосѣднихъ прибрежныхъ деревняхъ дрожали отъ непрерывной пальбы, среди которой раздавались залпы добровольцевъ всякій разъ, какъ яхта съ находящимися на ней послами проходила мимо нихъ. Все доступное пространство рѣки Эй было усѣяно судами самого разнообразнаго вида, которыя были привлечены сюда любопытствомъ увидѣть столь рѣдкое зрѣлище. И тѣмъ не менѣе, несмотря на безчисленную толпу, среди которой было возможно всякое смятеніе, все обошлось какъ по писанному и порядокъ соблюдался такъ правильно, что удивленіе зрителей, тѣснившихся на пространствѣ отъ гавани и плотины яхтъ до Скеллингсвау и Ніевендама, было вполнѣ удовлетворено. Примѣрный бой, прекращенный при наступленіи вечера, произвелъ на удалившихся пословъ впечатлѣніе полнаго наслажденія.

Составъ первой эскадры подъ флагомъ и вымпеломъ адмирала.

	Число пушекъ
1. Передовая военная яхта (Toorn-Jagt)	4.
2. Арендъ Форстерманъ (Arend Vorsterman)	4.
3. Station Класъ Дирксъ фанъ деръ Биль (Klaas Dirkx van der Biel)	4.
4. Отто Вайнъ (Otto Wijn)	4.
5. Исаакъ де Флигеръ (Isaac de Vlieger)	2.
6. Янъ Команъ (Jan Kooman)	2.
7. Корнелисъ фанъ Кеуленъ (Cornelis van Keulen)	2.
8. Янъ Байль (Jan Byl)	4.
9. Питеръ де Рейкъ (Pieter de Ryk)	4.
10. Антоній Клокъ (Antony Klok)	2.
Флагманское судно.	
11. Янъ Эгмонтъ (Jan Egmont)	2.
12. Томасъ Фредериксъ (Tomas Frederikx)	2.
13. Янъ Симонсенъ (Jan Simonsen)	2.
14. Янъ Бредъ (Jan Breed)	2.
15. Питеръ Леммингъ (Pieter Lemming)	2.
16. Янъ фанъ Несъ (Jan van Nes)	2.
17. Якобъ Сванъ (Jacob Swaan)	2.
18. Диркъ де Вольфъ (Dirk de Wolf)	2.
19. Бенедиктъ Бурхорстъ (Benedictus Burchorst)	2.
20. Военная яхта (Toorn-Jagt)	4.
Итого	54.

Вторая эскадра въ строю подъ адмиральскимъ флагомъ.

		Число пушекъ
1.	Военная Яхта (Toorn-Jagt)	4.
2.	Класъ де Фрисъ (Klaas de Vries)	4.
3.	Луисъ де Схепперъ (Louis de Schepper)	4.
4.	Генрихъ Робертусъ (Hendrik Robertus)	2.
5.	Класъ Дансеръ (Klaas Danser)	4.
6.	Мартенъ Постъ (Marten Post)	2.
7.	Муленграфъ (Moelengraaf)	2.
8.	Корнелисъ Моленаръ (Cornelis Moolenaar)	2.
9.	Матейсъ Флакъ (Mathys Vlak)	2.
10.	Іеронимъ Грель офъ Кутенбургъ (Ieronim Grel of Koetenburg)	6.

Мартенъ Равенъ на авизо (Marten Raven Advys Jagt) подъ адмиральскимъ флагомъ и вымпеломъ.

11.	Янъ Борстъ (Jan Borst)	4.
12.	Класъ Фельзенъ (Klaas Velsen)	4.
13.	Виллемъ Фалькенштейнъ (Willem Valkenstein)	4.
14.	Питеръ Мейндерсенъ Слегтъ (Pieter Meindersen Slegt)	2.
15.	Тимофей Толь (Timotheus Tol)	2.
16.	Теннисъ Равенъ (Tennis Raven)	4.
17.	Ламбертъ Моленпадъ (Lambert Molenpad)	2.
18.	Янъ Пейль (Jan Peil)	4.
19.	Говертъ Вейманъ (Govert Weyman)	4.
20.	Военное судно (Toorn Schuyt)	4.
	Итого	64.

Сигналы и порядокъ расположенія[1]).

1) Для поднятія парусовъ на эскадрѣ адмиралъ приказываетъ поднять синій флагъ надъ главнымъ флагомъ и дать выстрѣлъ.

2) Для построенія судовъ въ линію адмиралъ приказываетъ спустить главный флагъ до первой реи и дать выстрѣлъ.

3) Когда адмиралъ признаетъ нужнымъ перемѣнить фронтъ, тогда онъ велитъ подъ главный флагъ поднять второй такой же и дать выстрѣлъ; тогда задній корабль, перевертываясь прежде прочихъ, становится переднимъ, а заднимъ дѣлается бывшій впереди.

4) Если адмиралу придется вступить съ непріятелемъ въ бой, то это указывается поднятіемъ краснаго флага подъ главнымъ флагомъ и однимъ выстрѣломъ.

5) Для прекращенія битвы по приказанію адмирала даются тѣ же сигналы, съ замѣной краснаго флага бѣлымъ.

6) Яхта авизо. Если для передачи своихъ приказаній адмиралъ потребуетъ чтобы яхта авизо подошла къ нему сзади, то онъ велитъ спустить синій вымпелъ до половины разстоянія отъ верха мачты до реи и выстрѣлить одинъ разъ.

---

[1]) Съ этими правилами морской сигнализаціи любопытно сравнить изданный 8 Мая 1696 г. Петромъ Великимъ указъ по галерамъ для судовъ Азовскаго флота (Елагинъ, Исторія Русскаго флота, С.-Пб. 1864, Приложеніе, часть I, № 33, стр. 58—60).

№ 10. ГААГА, СТАРЫЙ ДУЛЕНЪ СВ. ГЕОРГІЯ.

(Стр. 76).

Для помѣщенія русскаго посольства въ Гаагѣ Голландскимъ правительствомъ были отведены два зданія, гостинница Стараго Дулена и дворецъ принца Маврикія. Оба зданія существуютъ до сихъ поръ, подвергшись лишь нѣкоторымъ измѣненіямъ въ своемъ фасадѣ. Описаніе Гааги, составленное Римеромъ, откуда мы беремъ описаніе Стараго Дулена и видъ его въ началѣ XVIII вѣка, позволяетъ намъ привести объ этой гостинницѣ любопытныя свѣдѣнія. Посѣщающіе ее въ настоящее время путешественники получаютъ отъ ея хозяина краткую. основанную на Римерѣ, историческую записку, испещренную именами высокихъ особъ, останавливавшихся въ ней, причемъ имя Петра Великаго стоитъ на первомъ мѣстѣ. Описанію Дуленовъ св. Георгія и св. Севастіана [1]) Римеръ посвящаетъ цѣлую отдѣльную главу (XXIII) своей книги [2]), въ которой на страницѣ 678 приложена гравюра, изображающая Старый Дуленъ св. Георгія. Этою гравюрою мы воспользовались для нашего рисунка, а изъ текста Римера приводимъ нижеслѣдующія свѣдѣнія въ русскомъ переводѣ.

«Стрѣлковыя братства составляли въ былое время, наравнѣ съ союзами ремесленниковъ, купцовъ и дѣятелей благотворительности, одну изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей Голландіи, увѣковѣченныхъ произведеніями Рембрандта, Франца Гальса, фанъ деръ Гельста, Равестейна и другихъ великихъ живописцевъ, оставившихъ намъ изображенія братскихъ пировъ, портреты членовъ союзовъ и виды принадлежавшихъ имъ зданій. Издавна существовавшее въ Гаагѣ общество стрѣлковъ (сперва изъ лука, а потомъ изъ ружей) св. Георгія, древность котораго документы возводятъ до XIII в., было сначала вольною дружиною любителей стрѣльбы въ цѣль, а затѣмъ мало по малу, посредствомъ цѣлаго ряда правительственныхъ льготъ и уставовъ, образовало изъ себя оффиціальное учрежденіе, принимавшее участіе въ защитѣ отечества отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, исполнявшее въ городѣ обязанности сторожевой и караульной службы, и своими торжественными парадами и церемоніями не мало содѣйствовавшее блеску военнаго могущества Голландіи. Подобно другимъ такимъ же обществамъ, стрѣлковымъ, ремесленнымъ и прочимъ, братство св. Георгія владѣло въ городѣ участкомъ земли, на которой было возведено зданіе для собраній и пировъ членовъ союза; къ зданію примыкала башня съ цѣлью для стрѣлковъ на верху ея. Этою башнею съ цѣлью и былъ именно дуль, къ которому принадлежало также открытое пространство, служившее для прицѣла стрѣлковъ, для ихъ военныхъ упражненій и для прогулокъ въ свободное время. Стрѣлки св. Георгія владѣли своею собственностью въ недалекомъ сосѣдствѣ отъ центральнаго мѣста Гааги, именно пруда Файфера, на одной изъ главныхъ улицъ города, по имени Лѣсной (Houtstraat). Внѣшній видъ строенія, восьми-угольная башенка на верху его и вообще весь его характеръ свидѣтельствовали, что оно не могло быть возведено ни въ XVII, ни въ XVI столѣтіяхъ и должно было принадлежать къ числу древнѣйшихъ зданій города. Надъ главною дверью помѣщалось высѣченное изъ

---

[1]) Новый Дуленъ находился въ другомъ мѣстѣ и носилъ названіе Св. Севастіана.

[2]) Jacob de Riemer, Beschryving van s'Gravenhage, Delft, 1730 (томъ I, часть 2, стр. 659 и далѣе).

камня изображенiе св. Георгiя, поражающаго дракона. Это изображенiе составляло отличительный знакъ, такъ сказать, гербъ братства. Внутренность дома состояла изъ цѣлаго ряда комнатъ и залъ. Одна изъ послѣднихъ, особенно просторная, служила мѣстомъ пиршествъ, а открытое пространство на дворѣ было назначено для прицѣла стрѣлковъ и для воинскихъ ихъ упражненiй и парадовъ. Въ этомъ Дуленѣ находили также прiютъ и содержанiе члены братства и депутаты провинцiй, прiѣзжавшiе на засѣданiя Генеральныхъ Штатовъ. Съ упадкомъ братства св. Георгiя, принадлежавшее ему зданiе получило другое назначенiе и, при денежномъ содѣйствiи государственной голландской казны, было обращено въ помѣщенiе для депутатовъ Генеральныхъ Штатовъ и для посѣщавшихъ Гаагу иностранныхъ посольствъ. Смотритель дома получилъ право отдавать его въ наемъ съ цѣлiю поддерживать необходимыя для ремонта средства. Впослѣдствiи Старый Дуленъ сдѣлался обыкновенною гостинницею, содержимою частными лицами».

Въ настоящее время гостинница эта одна изъ лучшихъ въ Гаагѣ и въ числѣ своихъ знаменитыхъ посѣтителей гордится именемъ Петра Великаго. Нашъ рисунокъ изображаетъ наружный фасадъ Стараго Дулена, обращенный къ Лѣсной улицѣ и къ соприкасающейся съ ней площади Турнировъ (Tornooi-veld).

№ 11. ГААГА, ДВОРЕЦЪ ПРИНЦА МАВРИКIЯ.

(Стр. 77).

«Въ числѣ менѣе древнихъ зданiй, украшающихъ городъ Гаагу, особенно замѣчателенъ роскошный дворецъ, построенный около 1640 г. принцемъ Маврикiемъ Нассаускимъ по возвращенiи его изъ Бразилiи, гдѣ онъ былъ губернаторомъ. Продолжая служить Голландiи, онъ былъ затѣмъ штатгальтеромъ княжества Клеве и графства Маркъ и наконецъ Нидерландскимъ фельдмаршаломъ. Строителемъ этого прекраснаго зданiя былъ извѣстный живописецъ и архитекторъ Яковъ фанъ Кампенъ Рамбрукъ, который въ сотрудничествѣ съ Даниiломъ Стальпертомъ украсилъ Амстердамъ его знаменитою ратушею. Дворецъ принца Маврикiя находится передъ воротами дворца правительства, къ востоку отъ послѣдняго. Фасадъ дворца принца Маврикiя состоитъ изъ четырехъсторонней правильной постройки съ небольшимъ впереди дворикомъ, обнесеннымъ оградою изъ большихъ камней; сзади это зданiе упирается въ воды Файфера, съ запада въ дворцовый каналъ, а съ востока выходитъ на Короткую Нагорную улицу пруда Файфера (Korte Vijverberg), такъ что дворецъ принца Маврикiя свободно видѣнъ со всѣхъ его сторонъ. Гербъ принца красуется на видномъ мѣстѣ вверху дома со стороны главнаго фасада. На противоположномъ фасадѣ высѣчено въ камнѣ изображенiе битвы съ Индѣйцами, въ которой принцъ, какъ говорятъ, лично участвовалъ. Во дворецъ ведутъ двѣ каменныя лѣстницы со стороны дворика. Внутреннее помѣщенiе состоитъ изъ двухъ большихъ залъ и нѣсколькихъ просторныхъ комнатъ. Одна изъ нихъ была расписана изображенiями рѣдчайшихъ птицъ Вестъ-Индiи. Внутренняя лѣстница и полъ передней чрезвычайно искусно срублены изъ драгоцѣннѣйшихъ породъ дерева, вывезеннаго изъ Бразилiи. Вообще весь домъ стоилъ принцу такъ много денегъ, что онъ разорился на его постройку и, послѣ смерти строителя, дворецъ перешелъ въ частную

собственность. Въ 1704 году все это зданіе, кромѣ стѣнъ, было уничтожено пожаромъ, послѣ котораго возстановлено съ гораздо меньшей противъ прежняго роскошью. Внѣшность его также измѣнилась послѣ перестройки и наконецъ Генеральные Штаты наняли этотъ дворецъ для помѣщенія въ немъ иностранныхъ посольствъ при ихъ торжественныхъ въѣздахъ въ городъ»[1]).

Въ настоящее время во дворцѣ принца Маврикія помѣщается знаменитая картинная галлерея, принадлежащая Голландскимъ королямъ и содержащая въ себѣ лучшія произведенія Рембрандта, Рубенса, фанъ Дейка и другихъ живописцевъ Нидерландской и Фламандской школъ.

Изображеніе дворца принца Маврикія заимствовано нами съ гравюры, приложенной къ книгѣ Римера въ указанномъ примѣчаніемъ мѣстѣ. Мостъ черезъ каналъ ведетъ въ Старый Правительственный дворецъ со стороны его Внутренняго двора (Binnenhof).

№ 12. ГААГА, ВНУТРЕННІЙ ДВОРЪ СТАРАГО ДВОРЦА.

(Стр. 80).

Выше, въ своемъ мѣстѣ[2]), мы имѣли случай вкратцѣ указать на внутреннее расположеніе правительственнаго зданія въ Гаагѣ, имѣюшаго два двора, Наружный (Бейтенгофъ) и Внутренній (Бинненгофъ). Нашъ рисунокъ, заимствованный изъ книги Римера, описывающей Гаагу, изображаетъ второй изъ этихъ дворовъ, на которомъ сосредоточены главнѣйшія зданія правительства. На лѣво отъ зрителя видна часть собственно дворца, а на право, возлѣ дерева, фонъ занимаетъ старинное зданіе рыцарской залы, напоминающее своимъ внѣшнимъ видомъ церковную постройку, носящую слѣды готической архитектуры, и обставленное по угламъ башнями; зданіе это потеряло въ настоящее время свое прежнее значеніе и подъ именемъ залы лоттерей (Loterijzaal) служитъ другимъ цѣлямъ. Между частью дворца и рыцарскою залою, на фонѣ рисунка видны ворота, выходящія къ мосту, ведущему къ дворцу принца Маврикія. Площадь Внутренняго двора на нашемъ изображеніи наполнена отрядомъ солдатъ, отдающихъ честь по всей вѣроятности посланникамъ, выходящимъ изъ кареты, подъѣхавшей ко входу во дворецъ, гдѣ происходили торжественные пріемы посольствъ. Но Бинненгофъ былъ свидѣтелемъ не однихъ мирныхъ торжествъ, но и кровавыхъ событій голландской исторіи. Такъ, напримѣръ, здѣсь передъ фасадомъ рыцарской залы въ 1619 году былъ воздвигнутъ эшафотъ, на которомъ погибъ 71 лѣтній старикъ Янъ фанъ Ольденбарнефельдъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей Нидерландской республики.

Отправляясь на аудіенцію Генеральныхъ Штатовъ, русское посольство въ 1697 году пріѣхало чрезъ Внутренній дворъ со стороны зрителя и вернулось въ свои гостинницы чрезъ тѣ ворота, которыя видны на фонѣ рисунка.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько строкъ изъ книги Римера.

---

[1]) Римеръ, Описаніе Гааги (I. Riemer, Beschryving van s'Gravenhage), т. I, ч. II, стр. 753—754.

[2]) Стр. 91.

«Старый дворецъ правительства, построенный графомъ Вильгельмомъ II Голландскимъ въ половинѣ XIII столѣтія, имѣетъ каменную входную лѣстницу въ 10 ступеней съ одной стороны и въ 12 съ другой. По этой лѣстницѣ вводятся послы, присылаемые къ Голландскимъ Штатамъ иностранными государями и правительствами, на предоставляемыя имъ аудіенціи, причемъ ихъ сопровождаютъ два депутата отъ собранія Штатовъ. Затѣмъ посланники, пройдя чрезъ залу и галлерею, вступаютъ въ пріемную залу Собранія Штатовъ и оттуда тѣмъ же путемъ возвращаются къ своимъ экипажамъ. Прежде того упомянутые два депутата Штатовъ встрѣчаютъ по обычаю пословъ у моста Гоорна и провожаютъ ихъ въ домъ принца Маврикія, гдѣ ихъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней роскошно содержатъ на счетъ государственной казны. Сюда же, во дворецъ принца Маврикія депутаты пріѣзжаютъ за послами для сопровожденія ихъ на аудіенцію»[1]).

№ 13. ГААГА, ПРІЕМЪ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА ГОЛЛАНДСКИМИ ШТАТАМИ.

(Стр. 96).

Подлинникъ пріобрѣтенъ въ 1896 г. Московскимъ Публичнымъ и Румянцевскимъ Музеями. Другой экземпляръ въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Фотографическая копія въ читальной комнатѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Приводимъ описаніе подлинника изъ Подробнаго Словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго[2]).

«Картинка, гравированная рѣзцомъ, представляющая пріемъ Московскаго посольства въ Гаагѣ, въ 1697 г. Большой листъ въ длину, гравированный крѣпкой водкой; сюжетъ вполнѣ объясняется подписью, находящейся внизу картины: «La grande salle de l'Audience, ou les seigneurs Etats Generaux des Provinces Unies reçoivent les Ambassadeurs à la Haye. Dedié à leurs Hautes Puissances Par leur très humble et très obéissant serviteur D. Marot. Fait Executer sur les dessins de D. Marot Architecte du Roy de la grande Bretagne, et gravé par le même auteur, avec Previlège des Seigneurs Etats Generaux des Provinces Unies»[3]). Справа объясненіе буквъ, разставленныхъ на картинѣ: «A) Fauteuil de Sa Majesté Britanique. B) Monsieur le Président. C) Mons-r le Grand Pentiônere Hensius. D) Monsieur le Greffier Fagel. E) Messieurs les Agents. F) Mons-r le Fort premier Ambassadeur de la Grande Ambassade Czarienne en 1697. G) Les 2 autres Ambassadeurs Moscovits. H) Tableau de Gilliome (sic) premier prince d'Orange. I) Le prince Maurice. K) Le prince Frédéric Henry. L) Le prince Guilliome II-ème. M) Le prince Guilliaume III-me, Roy de Bretagne. N) Tableau représenten (sic)

---

1) Яковъ де Римеръ, описаніе Гааги (Jacob de Riemer, Beschryving van s'Gravenhage, Delf 1730), т. I, ч. I, стр. 106, 111—112.

2) Т. II, стр. 1190—1191, при имени Лефортъ, № 18.

3) «Большая зала аудіенцій, гдѣ господа представители Генеральныхъ Штатовъ Соединенныхъ Провинцій принимаютъ въ Гаагѣ посланниковъ. Посвящается Ихъ Высокомочіямъ ихъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою Д. Маро. Исполнено по рисункамъ Д. Маро, архитектора короля Великобританскаго, и вырѣзано тѣмъ-же сочинителемъ съ привиллегіею господъ Генеральныхъ Штатовъ Соединенныхъ Провинцій.

la Liberté. O) Lunion (sic) au milieu des 7 Provinces. P) Les sept Princes faisant leur serment de maintenir la Religion et la liberté. Q) Les 4 parties du Monde. R) Les portes. S) Les 2 cheminée (sic)»[1]). Тотъ же самый текстъ, на голландскомъ языкѣ, повторенъ дословно на лѣвой сторонѣ картины внизу; между двумя текстами изображенъ гербъ Соединенныхъ Штатовъ. Вышина 13,10 французскихъ дюймовъ, ширина 25,1$^1/_2$. Изъ числа трехъ Московскихъ пословъ, Лефортъ сидитъ въ круглой шляпѣ и въ длинномъ парикѣ; другіе два по бокамъ въ мѣховыхъ русскихъ шапкахъ, безъ париковъ; всѣ прочіе чины сидятъ за столомъ въ круглыхъ шляпахъ и въ парикахъ. Вверху полоса съ 7 гербами и девизъ: concordia res parvae crescunt (согласіе укрѣпляетъ силы). Во второмъ отпечаткѣ доска перегравирована; верхняя полоса съ гербами отрѣзана, вверху поставлена отмѣтка: Tome I, page 257[2]); на двухъ Московскихъ послахъ, сидящихъ по сторонамъ Лефорта, надѣты треугольныя шляпы и длинные парики, внизу на самой гравюрѣ слѣва подпись: D. Marot del. et fecit. Подъ гравюрой, по сторонамъ герба вырѣзаны вновь слѣдующія подписи на одномъ французскомъ языкѣ: «la grande salle d'audience de la Haye où les seigneurs états generaux des provinces unies reçoivent les ambassadeurs et tiennent leurs assemblées. Cette sale a été construite sur les dessins de D. Marot, Architecte du Roy de la Grande Bretagne»[3]). По бокамъ, слѣва и справа, тоже перечисленіе лицъ, что и на пре-

1) «A) Кресло его Британскаго Величества. B) Господинъ Президентъ. C) Господинъ великій пенсіонарій Гензіусъ. D) Господинъ актуаріусъ Фагель. E) Господа агенты. F) Господинъ ле-Фортъ (sic) первый посолъ великаго царскаго посольства 1697 г. G) Двое другихъ Московскихъ пословъ. H) Изображеніе Вильгельма Перваго, принца Оранскаго. I) Принцъ Маврикій (Морицъ). K) Принцъ Фридрихъ-Генрихъ. L) Принцъ Вильгельмъ II. M) Принцъ Вильгельмъ III, король Британіи. N) Картина, изображающая свободу. O) Союзъ пронинцій среди ихъ семи изображеній. P) Семь иринцевъ (провинцій?) даютъ клятву хранить вѣру и свободу. Q) Четыре части снѣта. R) Двери. S) Два камина». Размѣры нашего воспроизведенія этой гравюры не позволили сохранить ясныя отмѣтки буквъ, находящіяся въ подлинникѣ. Пустое кресло короля помѣщено на краю стола вправо отъ президента Штатовъ и влѣво отъ русскихъ пословъ; пенсіонарій Гензіусъ сидитъ противъ Лефорта, спиною къ зрителямъ. Лица въ серединѣ стола обозначены соотвѣтствующими буквами на увеличенной копіи гравюры (рисунокъ № 1), а украшающія залу портреты описаны Римеромъ, отрывокъ изъ книги котораго мы приводимъ далѣе вслѣдъ за извлеченіемъ изъ Ровинскаго.

2) Указаніе Ровинскаго на стр. 257 перваго тома книги Римера о Гаагѣ, подтверждаемое другимъ мѣстомъ его Словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ (т. III, стр. 1658, № 468 портретовъ Лефорта), вызываетъ наше недоумѣніе. Экземпляръ описанія Гааги, которымъ мы пользовались и который изданъ въ 1730 г. въ Дельфтѣ, что сообщаетъ и Ровинскій, не имѣетъ никакой иллюстраціи, приложенной къ страницѣ 257 перваго тома; но между 136 и 137 страницами, согласно наставленія переплетчику о размѣщеніи рисунковъ въ книгѣ, подшита совсѣмъ другая гравюра, изображающая не пріемъ русскаго посольства, а простое засѣданіе конгресса (Zittinge der Heeren in 't Congres) въ залѣ «Treves Kamer Ихъ Высокомочій Генеральныхъ Штатовъ Соединенныхъ Нидерландовъ». Подъ этимъ голландскимъ заглавіемъ на одномъ, голландскомъ же, языкѣ помѣщено подъ буквами A—L объясненіе къ гравюрѣ, болѣе краткое, чѣмъ на первомъ оттискѣ, такъ какъ по серединѣ залы изображенъ столъ съ сидящими вокругъ него 26 лицами въ шляпахъ и однимъ отходящимъ отъ стола чиновникомъ съ бумагою въ рукѣ и безъ шляпы на головѣ. Подъ рамкою гравюры внизу указаны слѣдующія имена: «M. Terwesten en G. v. Giessen del.—R. Boitet excud. cum privileg.—J. C. Philips fecit direx.» На каминѣ Вильгельмъ III изображенъ нѣсколько иначе, чѣмъ на гравюрѣ Маро. Едва ли изображеніе пріема русскаго посольства могло быть, по словамъ Ровинскаго, приложено къ стр. 257 книги Римера. Въ нашемъ экземплярѣ описаніе правительственнаго дворца (глава IV) оканчивается на 182 страницѣ перваго тома, а затѣмъ страницы 183—272 заняты главою V, посвященною исторіи и описанію придворной капеллы во имя св. Маріи.

3) «Большая зала аудіенцій въ Гаагѣ, гдѣ господа Генеральные Штаты соединенныхъ провинцій принимаютъ посланниковъ и собираются въ засѣданія. Эта зала построена по рисункамъ Д. Маро, архи-

дыдущемъ отпечаткѣ, подъ тѣми же буквами. По увѣренію покойнаго Фрид. Мюллера, за стуломъ Лефорта стоитъ самъ Петръ. Вышина 12,1½ французскихъ дюймовъ, ширина 25,1½».

Считаемъ не лишнимъ, вслѣдъ за выдержкою изъ Словаря Ровинскаго, приложить здѣсь въ сокращенномъ переводѣ описаніе пріемной залы, извлеченное нами изъ книги Римера о Гаагѣ[1]). Зала эта была перестроена какъ разъ передъ пріѣздомъ русскаго посольства и потому нижеслѣдующія слова о ея внѣшнемъ видѣ отличаются полнѣйшею современностью подробностей. «Большая и длинная пріемная зала (Treves-Kamer)», говоритъ Римеръ, «возобновлена и увеличена въ 1697 г., причемъ подверглась обновленію во всѣхъ мѣстахъ и частяхъ украшающихъ ее живописи и рѣзьбы. Въ числѣ художественныхъ подробностей залы особенно замѣчательны два камина, изъ которыхъ на одномъ помѣщенъ портретъ Вильгельма III Англійскаго. Король изображенъ во весь ростъ съ короной на головѣ и съ гербомъ Англіи надъ нею. На противоположной, западной стѣнѣ залы находится другой каминъ, а надъ нимъ картина извѣстнаго художника Теодора фанъ деръ Скююръ (Van der Schuur), представляющая аллегорическую группу свободы, мира и изобилія, и окруженная рѣзьбою изящнѣйшаго рисунка. Живопись на потолкѣ залы состоитъ изъ изображенія герба Генеральныхъ Штатовъ, окруженнаго облаками и гербами семи Нидерландскихъ провинцій. Стѣну залы по ея длинѣ занимаютъ писанные Генрихомъ Брандомъ портреты въ натуральную величину четырехъ принцевъ Оранскихъ, именно: Вильгельма I Молчаливаго (1555†1584), его сыновей: Морица (1585†1625) и Фридриха-Генриха (1625†1647), и внука, Вильгельма II (1647†1650). Надъ двумя средними портретами подъ потолкомъ помѣщена картина, аллегорически, въ видѣ героевъ, изображающая семь Нидерландскихъ Штатовъ, стоящихъ вокругъ алтаря и клянущихся въ соблюденіи вѣрности союзу. Остальные четыре медальона на карнизахъ представляютъ четыре части свѣта. По серединѣ залы стоитъ очень длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и вокругъ обставленный стульями. Въ этой залѣ еженедѣльно происходятъ засѣданія съ иностранными послами и другими лицами, приглашаемыми на конференціи. Въ этой залѣ состоялся пріемъ великаго русскаго посольства 25 Сентября ст. ст. 1697 года».

тектора короля Великобританіи». Подробности, приводимыя Ровинскимъ о второмъ отпечаткѣ гравюры, свидѣтельствуютъ, что нашъ рисунокъ воспроизводитъ первоначальный оттискъ.

[1]) Jacob de Riemer, Beschryving van s'Gravenhage (Яковъ Римеръ, Описаніе Гааги, Дельфтъ, 1730, т. I, часть I, стр. 136).

№ 14. НИКОЛАЙ ВИТСЕНЪ, АМСТЕРДАМСКІЙ БУРГОМИСТРЪ.

(Стр. 128).

Съ портрета, рисованнаго Мих. Мушеромъ (Musscher, 1645 † 1705), роттердамскимъ живописцемъ, въ 1688 г., рѣзаннаго Потховеномъ (H. Pothoven, р. 1725) и гравированнаго Исаакомъ Тиріономъ. Первоначальная гравюра помѣчена именемъ Гоубракена (I. Houbraken), знаменитаго гравера, родившагося въ 1698 и умершаго въ 1780 г.

Николай Корнельевичъ Витсенъ изображенъ здѣсь въ возрастѣ 47 лѣтъ. Подпись подъ портретомъ гласитъ: «Г. Николай Витсенъ, бургомистръ и совѣтникъ Амстердамскій, чрезвычайный посолъ въ Великобританіи и т. д.»

Подлинникъ пріобрѣтенъ нами въ Голландіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

стра-ницы	стро-ки	сверху или снизу	примѣ-чаніе	напечатано:	должно быть:
62	4	снизу	3	т. е. Лоо (Loo) *около Брюсселя*	т. е. Лоо (Loo) *въ провинціи Гельдернъ*
77	10	снизу	—	Hoo*r*brug	Hoo*rn*brug
82	2	снизу	3	F*a*nz Lefort	F*ra*nz Lefort
85	7	сверху	—	находиться мы посѣтили	находиться*;* мы посѣтили
93	4	снизу	—	мѣ*р*овъ	мѣ*х*овъ
117	6—7	снизу	—	Обзоръ *внутр.* снош.	Обзоръ *внѣшн.* снош.
132	4	сверху	—	деревянную *постель*	деревянную *кровать*
122—124 и 126	—	—	—	Вит*ц*енъ	Витсенъ